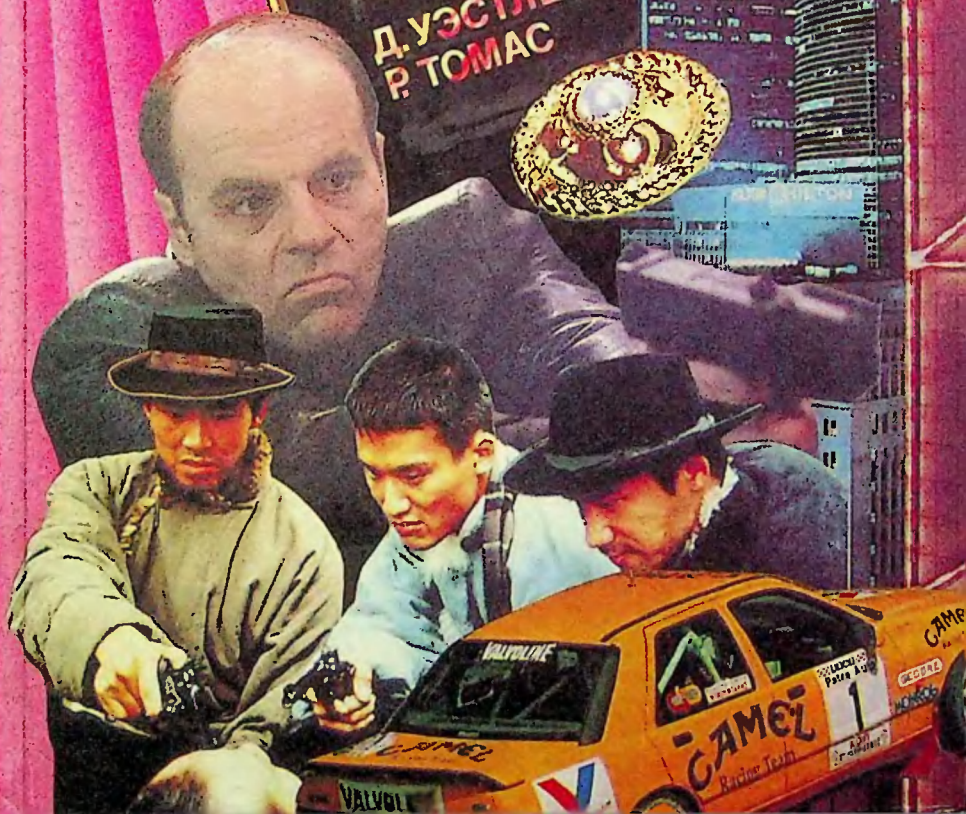

публикуется
впервые

ЗАРУБЕЖНЫЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН

Д. УЭСТЛЕЙК
Р. ТОМАС

**ЗАРУБЕЖНЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН**

**Д. УЭСТЛЕЙК
Р. ТОМАС**

Разработка оформления

Столбов Ю. П.
Феногенов В. И.

Художник

Феногенов В. И.

Редакционный совет

Буша И. И.
Макаров М. А.
Перфильев О. А.
Рипенко В. И.
Романов С. В.

В очередной том сборника «Зарубежный криминальный роман» включены произведения замечательных мастеров этого жанра. Все произведения, вошедшие в сборник, публикуются впервые.

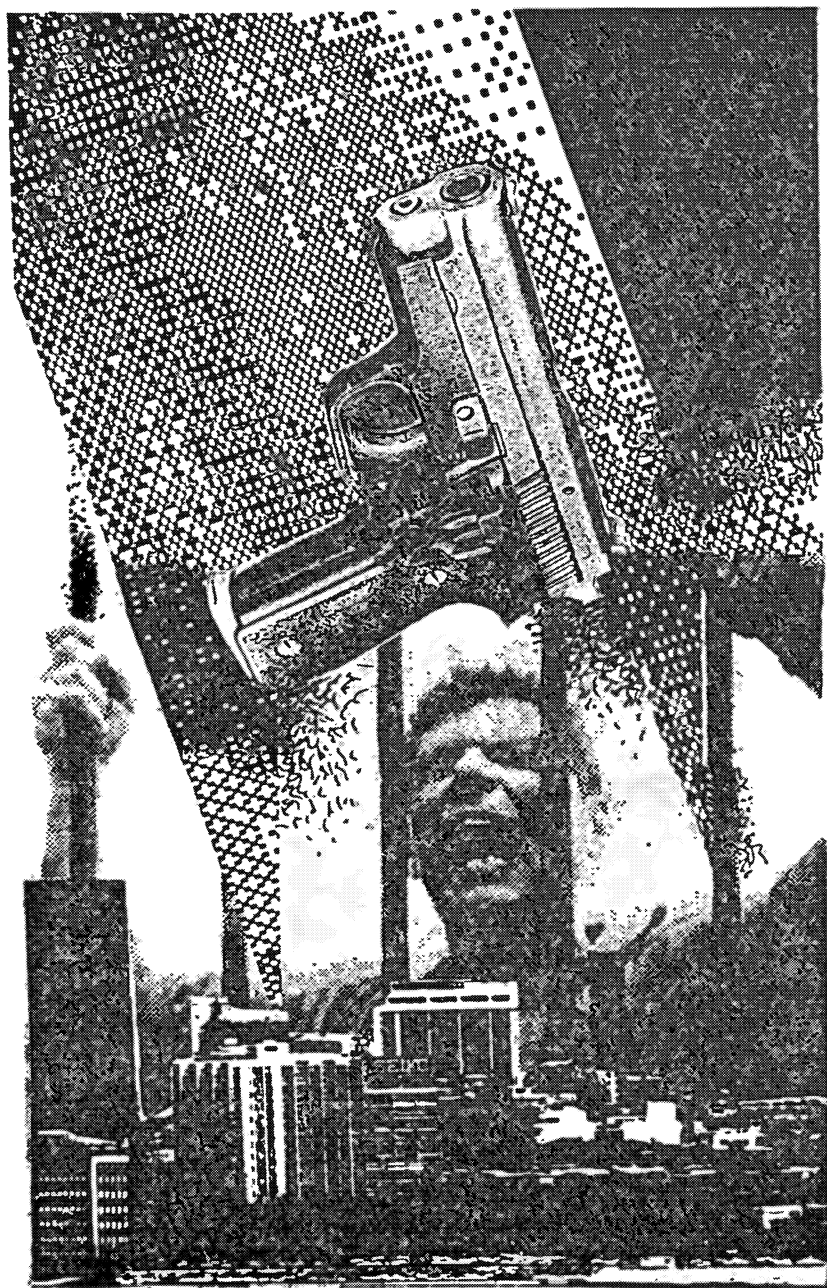
ISBN 5-900493-18-0

- © Грэгори-Пэйдж, 1995
- © «Лазутчик в цветнике», перевод Шаров А., 1995
- © «Хочешь жить — не рыпайся», перевод Вебстер В., 1995
- © Оформление, Феногенов В. И., 1995

ЛАЗУТЧИК В ЦВЕТНИКЕ

Д. УЭСТЛЕЙК

Дональд Уэстлейк

ЛАЗУТЧИК В ЦВЕТНИКЕ

*Не хочу никого обижать
(Народная присказка)*

1

Когда раздался звонок в дверь, я бился со своим проклятушим ротатором. На сей раз дело было не в пальце, хотя обычно ломался именно он — выпадал, отрывался или выкидывал еще какой-нибудь выкрутас. На сей раз дело был в чернилах. Вы, конечно, поняли меня правильно: говоря, что дело было не в пальце, я имел в виду деталь машины, а не палец, которым этот дурак за дверью нажимал на кнопку звонка. (Вообще должен сказать, что люди, стоящие под дверью, всегда дураки, да и все мы, если задуматься, сошли с ума — каждый по-своему, ведь правда?). Короче говоря, станок не желал печатать. Я накручивал рукоятку, как одержимый, а из прорези знай себе лезли чистые листы — лезут и лезут, и конца им не видно. Впрочем, судя по тому, сколько пользы принесли мои усилия на поприще печатника, мне и вовсе не было нужды выпускать брошюры. С таким же успехом я мог бы распространять чистую бумагу.

Но не будем отвлекаться. Я думаю, мне всегда мешали эта моя дурацкая привычка растекаться мыслью по древу,

отклоняться от темы и неумение сосредоточиться на главном, из-за чего я, как выразился Кристофер Фрай, «за мимолетное мгновение все связи с вечностью терял». Мгновение? А может, минуту? Как там было? Ну, да вы поняли, что я имею в виду. В общем, дверной звонок заливался, и надо было узнать, кто пришел.

Со смешанным чувством досады и облегчения я бросил слесарное дело и, громко топая ногами, отправился в прихожую. У меня не было никаких дурных предчувствий: людей, которые могли бы заглянуть ко мне, можно пересчитать по пальцам. Это либо какой-нибудь член организации, либо судебный исполнитель с повесткой, либо заимодавец с векселем, либо агент ФБР (или еще какого-либо правительственного ведомства), либо легавый.

Но этот пришелец не был похож ни на кого из вышеперечисленных людей. Никакой он не член организации: нас нынче всего семнадцать, и я очень хорошо знаю своих друзей-заговорщиков. Не судебный исполнитель и не сутяга с векселями: представители этих профессий всегда похожи на хорьков, а мой посетитель явно не мог похвастать таким сходством. Он не был ни стройным и поджарым, как положено фебезровцу, ни дородным и рыхлым, как подобает легавому. А значит, он — нечто доселе мне неизвестное.

Я уделил ему ровно столько внимания, сколько заслуживает нечто доселе неизвестное, и увидел, что мой гость — мужчина средних лет, среднего роста, плотного телосложения, упитанный, но в неплохой форме. Кроме того, уже лет пятьдесят порог этой квартиры не переступал человек, который был бы так прилично одет. Даже, я бы сказал, до неприличия прилично: его широкополое пальто с бархатным воротником явно было сшито на заказ. Черные туфли блестели как мокрый асфальт, и носы их были такими же острыми, как политический памфлет, который я пытался напечатать. Белый шелковый шарф прикрывал воротничок и галстук гостя, и я на миг подумал, что воротничок этот, должно быть, скроен в форме ангельских крылышек. В левой руке, на безымянном пальце которой поблескивал гранями большущий рубин, гость держал пару черных замшевых перчаток.

Все это щегольское великолепие эпохи короля Эдуарда венчала физиономия, которая была вполне под стать наряду: круглая, откормленная, она лоснилась от загара и дышала здоровьем. Аккуратная, неброская, узенькая черная козлиная бородка обрамляла неяркие губы, растянутые в насмешливой ухмылке, которая обнажала прекрасные белые зубы. Исключительно породистый орлиный нос, изогнутые черные брови, тоже черные, бездонные латинские глаза, лучащиеся умом и лукавством, которые даже тогда, в первое мгновение, показались мне дьявольскими (во всяком случае, я помню, что они, вроде бы, показались мне именно такими, или должны были показаться, это уж точно).

Пришелец обратился ко мне и произнес зычным, хорошо поставленным голосом радиодиктора:

— Мистер Рэксфорд? Мистер Юджин Рэксфорд?

— Он самый,— буркнул я.

— О! Вы, собственной персоной! — радостное удовлетворение оживило его черты.

— Я, собственной персоной,— подтвердил я. Возня с ротатором действовала на нервы, и я немного злился.

— Позвольте...— заискивающе проговорил пришелец, нимало не обескураженный моим тоном, и вручил мне маленькую белую картонку. Я взял ее, тотчас заляпав чернилами (проклятый ротатор не желал марать бумагу, зато меня пачкал весьма охотно).

Но не будем отвлекаться. На картонке было начертано: «Мортимер Юстэли. Диковины. Импорт и экспорт. По предварительной договоренности».

Я спросил:

— По какой договоренности? Чьей? С кем?

— Прошу прощения.

Я показал ему картонку, надпись на которой еще кое-как проступала из-под слоя свежих чернил.

— Тут сказано: «по предварительной договоренности»,— сообщил я.— По чьей договоренности?

Глубокая задумчивость мгновенно уступила место зычному смеху, исполненному, судя по всему, искреннего веселья.

— О, понимаю! Это вроде как «по договоренности с поставщиками того-то и сего-то ко двору его величества такого-то и сякого-то и ее светлости как-бишь-звать-твоего-дядюшку»? Нет, в данном случае эта надпись имеет совсем другое значение. Я вам не горшок с повидлом.

В каком-то смысле слова он был самым настоящим горшком с повидлом: эта слащавость, этот бархатный воротник, эти остроносые туфли. Но я прикусил язык и ничего не сказал.

— Надпись означает, — не теряя времени, продолжал Юстэли, — что я встречаюсь со своими покупателями по предварительной договоренности. Все очень просто.

— А... — я снова взглянул на карточку. — Но тут нет ни адреса, ни телефона. Как же люди договариваются с вами?

— Милый юноша, — обратился он ко мне, несколько уклонившись от истины, — не могу же я давать вам объяснения, стоя в подъезде.

— Ой, извините. Заходите. У меня беспорядок, уж не обессудьте, — я малость стушевался, витиевато раскланялся с ним и отступил, пропуская гостя в дом.

Он оглядел мою гостиную с застывшей вежливой улыбкой, которой та вполне заслуживала, но воздержался от каких-либо замечаний. Вместо этого прищелц, едва я закрыл дверь, сразу же возобновил прерванный разговор (мне бы так уметь).

— Покупатели, — сказал он, — никогда не назначают мне время. Все дело в том, что... — тут он вдруг настороженно заозирался, словно его встревожила какая-то внезапно пришедшая в голову мысль. — Не опасно ли вести беседу в этих стенах?

— Конечно, нет, — ответил я. — С чего бы вдруг?

— У вас в квартире нет... клопов?

— Ну, вообще-то раз в месяц приезжают с санэпидемстанции, но в таком квартале, как наш, вряд ли можно надеяться...

— Нет, нет! Я имею в виду микрофоны. Подслушивающие устройства.

— Ах, вот вы о чем! Да, конечно, этого добра хватает. Главным образом в штепсельных розетках и еще в

нескольких местах. Но эти штуки больше не работают.

— Вы уверены? Вы отключили все до единого?

— Ну, скажем, большинство. Крысы сгрызли проводку. Тот микрофон, что был в бачке над унитазом, сожрала ржавчина. Думаю, на заводе сдуру сделали его не из того материала. А тот, что был в холодильнике, я облил молоком. Вот тут, по краям кушетки, стояли два светильника, но ФБР подменило их, поставив такие же с виду, только с микрофонами внутри. Их унесли взломщики, когда забрались ко мне, и вот уже года полтора меня вообще не прослушивают. Только телефон, разумеется. А что?

— Мои слова предназначены только для ваших ушей,— он подался ко мне.— Это доверительно. Секрет. Тайна. На моей карточке нет адреса и номера телефона, потому что никаких покупателей не существует. Все это — лишь фасад, крыша!

— Что «все это»?

— Ну, карточки.

— А-а-а-а-а... Понятно. А что скрывает этот фасад?

— Мистер Рэксфорд! — Возвестил он.— Ответ на этот вопрос может служить объяснением моего присутствия здесь. Если вы...

— Извините,— прервал я его.— Я даже не предложил вам присесть. Пожалуйста, располагайтесь. Нет-нет, не на диване, он падает. Полагаю, вот это кресло — лучшее, что у меня есть. Не угодно ли баночку пива?

— Нет, благодарю вас,— кажется, мой гость немного рассердился, когда я перебил его.— Если бы мы могли вернуться к пред...

— Да, разумеется. Прошу прощения. Я весь внимание,— я пододвинул старый кухонный табурет и уселся напротив плетеного тростникового кресла, в котором по моему совету расположился мистер Юстэли.— Итак?

— Благодарю,— произнес мой гость, заметно успокоившись, и, понизив голос, продолжал: — Сейчас я говорю с вами не как с Юджином Рэксфордом, холостяком тридцати двух лет от роду, получающим в среднем две тысячи триста двенадцать долларов годового дохода с тех пор, как его выгнали из городского колледжа, и живущим бобы-

лем в... — тут он обвел мое обиталище очень выразительным взглядом, — несколько стесненных обстоятельствах. Нет Тот Юджин Рэксфорд не имеет никакого значения. Он — ничтожество и даже того меньше.

Вот как! Последние тринадцать лет я думал, говорил и даже писал о себе то же самое, но когда совершенно незнакомый человек высказал все это прямо мне в глаза, я почувствовал себя немного неуютно. Кроме того, откуда он столько знает про меня? Ведь он же не из ФБР

— Вот как. — начал я, но гость решил вести разговор по своему сценарию.

— Тот Юджин Рэксфорд, который нужен мне, — продолжал он высокопарным, не терпящим возражений тоном, — не кто иной как национальный председатель Союза борьбы за гражданскую независимость! Да будет уделом его процветание! Пусть стремится он неотвратимо к своей цели! Да сбудутся его мечты!

Мне подумалось, что этот тип, должно быть, торгует одеждой военного образца. Когда возглавляешь движение, которое придерживается крайних взглядов, такие встречи неизбежны. То и дело приходят люди, которым неймется снабдить тебя военной экипировкой, армейской символикой, сбавить тебе излишки оружия. И все они полагают, будто я купаюсь в золоте, поступающем прямым из Москвы. Поэтому я весьма прохладно воспринял хвalebные песнопения господина Юстэла. Более того, я спросил

— К чему все это пустословие?

— Мистер Рэксфорд, — ответил он, подавшись вперед и наставив на меня палец с чистым ухоженным ногтем, — вы когда-нибудь слышали о военизированном подразделении «Сыновья Америки»?

— Нет

— О Национальной комиссии по восстановлению фашизма?

— Нет

— О партии передовых рабочих?

— Нет

— О братстве «Фонд защитников Христа»?

— Нет

- О боевиках из отряда «Сыны Ирландии»?
  - Нет.
  - О сепаратистском движении квартиросъемщиков?
  - Нет.
  - О Всеарабском обществе мировой свободы?
  - Нет.
  - О Корпусе освободителей Евразии?
  - Нет.
  - О мирном движении матерей-язычниц?
  - Что?! Нет!
  - О Миссии спасения истинных сионистов?
- Я покачал головой.

Он улыбнулся мне, откинулся на спинку тростникового кресла, и оно скрипнуло. Мой гость распахнул пальто, отбросил концы шарфа, и я увидел сорочку — белую как снег в горах солнечным днем. Главной достопримечательностью этого горного пейзажа был оливково-зеленый галстук-бабочка, словно отмечавший границу распространения деревьев. А воротник оказался вовсе не похожим на крылья. Он был пристежной.

— Мистер Рэксфорд, — продолжая улыбаться, вкрадчиво проговорил пришелец, — ваш Союз борьбы за гражданскую независимость имеет одну черту, присущую также и всем вышеперечисленным организациям.

Я немного встревожился, опасаясь, что сейчас он скажет: «Все они состоят из сумасбродов» или нечто в том же духе, но все равно решил дать ему возможность догнуть свою линию до конца.

Поэтому я спросил:

— Что же это за черта?

— Способ действий, — ответил он и улыбнулся еще шире. — Каждая из этих одиннадцати организаций — ваша и остальные десять — имеет свою собственную, возможно, весьма противоречивую программу и цель. Цели эти не всегда одинаковы, а в некоторых случаях прямо противоположны, но средства их достижения у всех у вас одни и те же. Все упомянутые мною группировки — ни что иное как террористические организации!

— Террористические? Террористические?!

— Все эти организации тяготеют к прямолинейным действиям и обожают театральные эффекты, — сообщил он мне. — Бомбы! Кровопролитие! Поджоги! Разрушения! Террор!

Выкрикивая эти слова, он размахивал руками, глаза его сверкали, а козлиная бородка делалась все острее.

— Погодите-ка, — промямлил я, отодвигаясь вместе с табуреткой подальше. — Секундочку, секундочку...

— Насилие! — изрек Юстэли, смакуя это слово. — Прежде чем установить новый порядок, надобно разрушить старый! Вот что объединяет все эти одиннадцать организаций!

— Подождите, — сказал я, вскакивая и прячась за табуреткой. — Вы заблуждаетесь на мой счет, приятель. Я не собираюсь ничего разрушать, разве что этот проклятый печатный ста...

— Конечно, конечно! — вскричал он, смеясь, хлопая себя по коленкам и подмигивая мне во все глаза. — Береженного Бог бережет, я понимаю. А вдруг я — переодетый агент ФБР? Тогда получится, что вы навредите себе, признав мою правоту. И что будет? Нет, вы правильно делаете, отрицая все на свете.

— Вот что, — сказал я, — погодите-ка. Позвольте, я принесу... — Я торопливо подошел к столу у окна, порывшись в груде листовок и наконец извлек мало-мальски чисто отпечатанную брошюру, озаглавленную: «Что такое Союз боробы за гражданскую независимость». Бегом вернувшись к гостю, я сунул ему брошюру. — Прочтите. И тогда вы увидите, что мы вовсе не...

Он отмахнулся, продолжая подмигивать, глупо ухмыляться и отбивать пальцами дробь, будто по шайке в бане.

— Право, мистер Рэксфорд, в этом нет нужды! — вскричал Юстэли. — Давайте просто примем к сведению ваши возражения и продолжим переговоры. Вы отрицаете всякие террористические побуждения, всякое стремление к разрушению. Превосходно! Как я уже сказал, принимаю ваши возражения. А теперь, если вы позволите мне продолжить...

— Мистер Юстэли, я не думаю, что...

— Уверяю вас, мне нет никакой нужды читать.

Позвольте я продолжу.

Я призадумался. Вытолкать его взащей? Не обращать на него внимания? Вступить в прения? Но ведь, в конце концов, не он же отрицает «террористические побуждения и стремление к разрушению». Если этот мистер Юстэли — псих (а его поведение все настойчивее подталкивало меня к такой резолюции), значит, разумнее всего будет просто отшутиться от него.

Кроме того, он отвлек меня от возни с печатным станком, и я должен сказать, что даже беседа с чокнутым, который носит бархатный воротник, предпочтительнее общения с этой чертовой машиной. Вынеся такое суждение, я сел, скрестил ноги, сплел пальцы, положил заляпанные чернилами руки на заляпанные чернилами колени (я вам точно говорю: этот печатный станок наверняка и сам вынашивал какие-то террористические замыслы) и сказал:

— Хорошо, мистер Юстэли, я вас выслушаю.

Он подмигнул мне как человек, посвященный в тайну, неведомую простым смертным, и лукаво произнес:

— Разумеется, выслушаете. Разумеется, выслушаете.— И продолжал, подняв палец: — Итак, я уже говорил вам, что упомянутые мною организации имеют одну общую черту. Но это было сказано скорее для красного словца, нежели в интересах истины. На самом-то деле общих черт у вас много, гораздо больше, чем вам могло поначалу показаться. Все эти организации сравнительно малочисленны и ничем не прославились. Все они нуждаются в деньгах. Почти все их штабквартиры расположены в пределах Большого Нью-Йорка.

Он умолк, но я знал, что эта пауза призвана лишь подчеркнуть значимость его слов. Я был готов высмеять мистера Юстэли, но не имел ни малейшего желания ахать и хмыкать, чтобы доставить ему удовольствие. Поэтому я просто сидел, качал заляпанной чернилами ногой и ждал продолжения.

Наконец оно последовало.

— Итак,— заявил мой гость,— я показал вам, что даже при несовпадении стратегических целей этих одиннадцати организаций их сиюминутные задачи совершенно одина-

ковы. И сводятся они в конечном счете к разрушению. А посему, мистер Рэксфорд, прошу вас оценить мое предложение. Я думаю, что эти одиннадцать организаций могли бы и впрямь навести шороху, кабы согласились сотрудничать друг с дружкой, действовать слаженно и по общему для всех плану. Если каждая из них и впредь будет сама по себе, вы не сможете совершить ничего существенного.— Он склонил голову набок, прищурил один глаз и спросил по-французски: — Не так ли?

— Что ж,— согласился я.— Готов признать, что это и впрямь звучит разумно.

— Стало быть, вы заинтересовались.

— Э...

Он одарил меня сердечной улыбкой и радостно засучил пальцами.

— Ах, мистер Рэксфорд, разумеется, вы человек осторожный, это видно. Но я не призываю вас к необдуманным заявлениям и опрометчивым обязательствам. Сначала вы, конечно же, должны убедиться, что я и впрямь способен обеспечить создание такой... такой коалиции,— произнеся это слово, он улыбнулся и продолжал: — Сегодня в полночь моими стараниями состоится митинг. Он будет проходить в клубе «Парни с приветом», на углу Бродвея и Восемьдесят восьмой улицы, здесь, в Манхэттене. Тогда-то мы и обсудим во всех подробностях наш замысел, а вожди организаций получат возможность познакомиться друг с другом.

Я с опаской спросил:

— А что, если я не приду?

На этот раз он улыбнулся мне так, как улыбаются обитатели Средиземноморья.

— Тогда я пойму, что вы приняли определенное решение. Согласны?

— Согласен,— ответил я, только чтобы спровадить его.

— Прекрасно,— мистер Юстэли поднялся, поправил шарф и застегнул пальто.— Паролем будут слова «зеленые рукава».— Он снова обогрел меня своей средиземноморской улыбкой.— Мне было очень приятно наконец-то познакомиться с вами. Я с немалым интере-

сом следил за вашим политическим ростом.

— Благодарю,— ответил я, понимая, что передо мной стоит записной враль. Я бы очень удивился, узнав, что ему стало известно о моем существовании не два или три дня назад, а раньше.

Юстэли хотел пожать мне руку, но я показал ему, в каком состоянии моя ладонь. Тогда он напоследок улыбнулся мне и учтиво откланялся.

— До встречи,— по-немецки попрощался Юстэли, выходя в парадное.

— Ступай себе с Богом,— по-испански напутствовал я его и захлопнул дверь.

Я уже довольно долго держал в руке брошюру «Что такое Союз борьбы за гражданскую независимость», и она успела испачкаться чернилами. Если б мой недавний гость потрудился раскрыть и прочитать ее, он мог бы узнать кое-что об этой организации. И в первую очередь — что мы уж никак не шайка террористов. Напротив, мы — пацифистское объединение, созданное в начале пятидесятых годов группой студентов выпускного курса городского колледжа Нью-Йорка в знак протеста против призыва студентов в армию и их отправки на Корейскую войну. Поэтому у нашей организации с самого начала был пацифистский уклон. Нашу программу минимум выполнили не мы — просто кончилась Корейская война, и тогда группу прибрали к рукам воинствующие пацифисты, после чего нашей единственной заботой стала борьба за мир. Мы участвуем в маршах мира, распространяем листовки, устраиваем пикеты, когда в Америку приезжают большие шишки из-за рубежа, посылаем встревоженные письма в редакции газет и журналов, вызываем на диспуты разных кандидатов в политики. Ну, все такое.

Мало-помалу наша деятельность привела к тому, что ряды организации, в которой в 1952 году насчитывалось тысяча четыреста членов — людей, полных сознания высокой цели и непоказной преданности — поредели, и теперь нас всего семнадцать человек, причем двенадцать самоустранились от активной политической деятельности. Член-

ство значительно сократилось, когда кончилась Корейская война, и это естественно. Много народу ушло после окончания колледжа. Новый отток членов произошел, когда начались внутренние распри между представителями различных пацифистских направлений — нравственного пацифизма, этического пацифизма, религиозного пацифизма, политического пацифизма, обществоведческого пацифизма и прочих пацифизмов. Многолетнее и не очень дружелюбное внимание к нам со стороны ФБР и иных правительственных служб тоже изрядно проредило наши ряды.

Хотя, честно говоря, я всегда подозревал, что в большинстве своем старые члены нашей организации вступали в нее, потому что надеялись таким образом подыскать себе любовниц или любовников. Видит Бог, они непрестанно занимались «этим делом», и не было никакой возможности удержать их в вертикальном положении хотя бы на то время, которое нужно, чтобы пройти маршем по площади Вашингтона. (Вы не думайте, я и сам иногда оказывался на какой-нибудь преданной соратнице, когда стойкость моя либо слишком повышалась, либо изменяла мне: смятые простыни — такая же примета пацифизма, как и лозунг: «Завтра я не поеду воевать в заморские страны»).

Я положил непрочитанную брошюру на грудь ей подобных изданий, валявшихся на столе, поставил на плиту полный кофейник, дабы было чем угостить ФБР, и возобновил возню с проклятым печатным станком.

2

Эти двое заявили примерно через час. Прежде я их никогда не видел. Высокие, поджарые, с волосами песочного цвета, с чисто выбритыми скулами, тусклыми голубыми глазами, в неперенных серых костюмах и старомодных шляпах.

— Опоздываете, — сообщил я им. — Ваш кофе уже остыл.

(С ребятами из ФБР я стараюсь держаться любезно в надежде на то, что когда-нибудь они опять оставят меня в покое, хотя, боюсь, надежда эта, скорее всего, несбыточна.

В середине пятидесятых за СБГН шпионили, потому что такая уж тогда была жизнь, но к концу этой десятилетки, озаменованной охотой на ведьм, ФБР уже не так усердно выслеживало меня. Тогда-то я и допустил роковую ошибку.

Моя ошибка (заметьте, все это я говорю как бы в скобках) состояла вот в чем. Я решил, что организация под названием «Студенты — за запрет насилия и разоружение», должно быть, представляла собой объединение пацифистов. Когда их генеральный секретарь позвонила мне и спросила, будем ли мы участвовать в совместной демонстрации протеста у британского посольства, я, естественно, согласился. Молодежные группки часто собираются в стаи, дабы выглядеть более внушительно.

Короче говоря (это опять в скобках), СЗНР оказалась крайним левым флангом коммунистического фронта, как-то связанным с боевиками из одной североафриканской страны, которая тогда как раз освобождалась то ли из-под британского колониального ига, то ли из-под английского протектората, то ли еще из-под чего-то (вы понимаете? Сам-то я во всем этом так и не разобрался). Когда шумиха улеглась, СЗНР попала в фебезровский список опасных организаций, за которыми нужен глаз да глаз. А заодно под горячую руку угодил и бедный маленький СБГН. С тех пор я и ФБР на короткой ноге (скобки закрываются).

В общем, новые фебезровцы, которых ко мне приставили, начали воспринимать меня как какого-нибудь Джеймса Кэгни. И эти двое не составляли исключения. Они вошли в квартиру, тихонечко прикрыли дверь, и один из них свирепо спросил:

— Вы — Юджин Рэксфорд?

— Юджин Рэксфорд, — подтвердил я. — Совершенно верно. Одну минуту.

Я отправился за кофе, но второй шпиик проворно преградил мне путь.

— Ну-с, и куда это вы собрались? — осведомился он.

(Люди из ФБР никогда не называют своих имен, так что мне придется окрестить первого просто А, второго — просто Б и так далее, если будет нужда. Тот, который А, спросил, как меня звать, а тот, что Б, стоял сей-

час передо мной, не давая проходу).

Я сказал Б:

— На кухню, за кофе, вот куда я собрался.

— За каким кофе?

— За тем, что сварил специально для вас.

Б. посмотрел на А. и качнул головой. А. выскочил из комнаты. Видимо, хотел произвести обыск на кухне. Б. снова повернулся ко мне и смерил меня пронизательным взглядом.

— Откуда вам было известно, что мы придем?

— Да вы то и дело приходите.

— Кто вам позвонил?

Я изумленно воззрился на него. Или он не знает, что мой телефон прослушивается?

— Что? — сказал я. — Позвонил? Никто мне не звонил.

А. вернулся с кухни и покачал головой. Б. поморщился и опять обратился ко мне:

— Хватит заливать. Вы не могли об этом знать. Кто-то вам шепнул.

— Тогда почему бы вам не снять трубку и не попросить своего человека в подвале прокрутить запись звонка? — предложил я. — Может, вы опознаете голос?

А. и Б. переглянулись. Б. сказал:

Тут что-то не так с безопасностью.

— Нет, все так, — заверил я его. — Я под вашим неусыпным наблюдением. По правде говоря, я считаю, что вы работаете на высшем уровне.

— Перейдем, пожалуй, к делу, — сказал А. Б.

— Тут какой-то прокол в системе, — ответил ему Б. — Надо узнать, что и как.

— Наша задача — доложить, а решает пусть начальство, — не уступал А. — Идентификация — вот наша работа. — Он повернулся ко мне. — Где спальня?

— Вон в ту дверь, — ответил я.

Они никогда не говорят «спасибо». А молча пошел в спальню, а Б. вытащил из кармана пиджака глянцевою фотокарточку, сунул ее мне под нос и рывкнул:

— Кто этот человек?

Я прищурился. На снимке были запечатлены какие-то

размытые серые пятна. Вероятно, снимали телескопическим объективом, забыв навести резкость. Похоже, какая-то уличная сценка, а вот эта продолговатая черная клякса посередине, должно быть, и есть человек. Хотя с таким же успехом ее можно было принять и за изображение телефонной будки.

Ну? — прошипел Б. — Кто это?

— Не имею представления, — ответил я. — Даже самого смутного.

— Не лгите! Вы знаете, кто он. И если вы не дурак, то скажете нам это сейчас же. Тогда вам не придется ехать с нами в центр.

А вышел из спальни, качая головой. Тыльная сторона его ладони была заляпана чернилами (печатный станок у меня стоит в спальне, а сплю я на кушетке в гостиной).

— На окраину, — поправил я. — А может, и вовсе поперек.

А. и Б. вытаращились на меня. Б. спросил:

— Что?

— Фоули-сквер, — пояснил я. — Чтобы попасть отсюда туда, надо ехать сперва вдоль Манхэттена, а потом, вроде, поперек, и не в центр, а к окраине.

Б. прищурился, будто попугай на плече пирата, и медленно, с угрозой, произнес:

Фоули-сквер? Что еще за Фоули-сквер?

— Там ваша контора. Вы сказали, что мне не придется ехать с вами в центр, но к югу отсюда нет ничего, кроме Манхэттенского моста. Наверное, вы хотели сказать, что мне не придется тащиться с вами через весь город к окраине. Но уж никак не в центр.

Ребята из ФБР — большие любители обмениваться взглядами. Эти двое опять совершили свой любимый обряд, после чего Б. резко повернулся ко мне и зашипел:

— Ну, ладно, довольно паясничать. Значит, не скажете нам, кто на фотографии?

— Разумеется, — ответил я. — А кто это?

Нет, это вы должны нам ответить, — подал голос А.

Б. помахал снимком у меня под носом.

— Посмотрите хорошенько, — велел он. — Хорошень-

ко посмотрите.

— Как это я могу посмотреть хорошенько? — возмутился я, начиная злиться. — Сперва научитесь снимать хорошенько!

Б. подозрительно взглянул на фотографию и сказал:

— По-моему, неплохой кадр.

— Вы отрицаете, что этот человек сегодня был в вашей квартире? — вдруг спросил А.

— Юстэли? — воскликнул я. — Так это Юстэли? Дайте-ка я еще раз посмотрю.

Но они не дали. Оба вдруг принялись хлопать себя по карманам, разыскивая записные книжки. Б. потребовал, чтобы я произнес имя Юстэли по буквам, что я и сделал. Потом А. спросил:

— Почему вы нам сразу не сказали?

— Фотография, — пояснил я (Б. уже успел снова спрятать ее в карман). — Она сбила меня с толку. Я знал, что вы придете расспрашивать о Юстэли, но этот снимок... — Я покачал головой, не зная, что еще сказать.

— Вы знали? — переспросил Б, подавшись ко мне.

— Давайте не будем мусолить эту тему, — сказал ему А. — Доложим в контору, и дело с концом.

— Впервые вижу такой прокол в системе безопасности, — буркнул Б.

А. резко вскинул руку и сделал вид, будто хочет схватить меня за нос. Я обиженно отступил на шаг.

— Ну?! — завопил А.

— Что — ну? Не надо так делать!

Но он сделал. Еще дважды. Хвать! Хвать!

— Надо полагать, вам й невдомек, что это значит? — тоном знатока проговорил он.

Наверное, это означало, что он — буйнопомешанный, но лучше не говорить таких вещей сотруднику ФБР, поэтому я сказал:

— Совершенно верно. Я не знаю, что это значит.

— Это язык жестов, — втолковал мне А. — Можно подумать, вы не знали. Язык глухонемых.

— Правда? — мне стало любопытно. После того, как я посмотрел фильм «Джонни Белинда», мне все время хоте-

лось выучить язык знаков, чтобы объясняться с помощью рук, да только руки не доходили.— А покажите еще.

— Вот как вы общаетесь! — возликовал А, наставив на меня палец. Полагаю, это не был знак из языка жестов. Просто наставил палец, и все.— Вы не ведете тут никаких переговоров, ни вы сами, ни ваши приятели. Вы объясняетесь языком жестов! — А. повернулся к Б. и горделиво добавил: — Это я своим умом дошел.

«О, Боже, — подумал я, — они уверены, что микрофоны до сих пор в исправности. А коль скоро им не удалось ничего записать, стало быть, я общаюсь со своими гостями не посредством изустной речи, а каким-то иным способом. Так они считают. Должно быть, именно по этой причине они то и дело пробираются в дом и опустошают мои корзины для бумаг. Ищут записки..

Эта теория А. насчет языка жестов мне совсем не понравилась. Если весь личный состав ФБР, от А. до Я, уверует в нее, они перестанут выносить мои отбросы, а сам я уже три года как не выбрасываю мусор, и мне вовсе не хочется возобновлять эту хозяйственную деятельность.

Посему, зная кое-что об особенностях мышления фебэровцев, я напустил на себя еще более умный вид, чем А, и сказал:

— Язык знаков, да? Хе-хе!

Это, как я и рассчитывал, обескуражило А. Его вера в собственную теорию пошатнулась и, надеюсь, необратимо (начни я все отрицать, А, разумеется, только укрепился бы в своих убеждениях. Но лукавый намек на некое высшее знание, который, как известно, само ФБР считает своим основным рабочим инструментом, одновременно представляет собой именно то оружие, от которого у ФБР нет защиты. Поэтому простого «хе-хе» оказалось достаточно, чтобы А. раз и навсегда выкинул из головы язык знаков и продал его забвению).

Б. пришел ему на выручку и сердито сказал:

— Давайте вернемся к Юстэли. Чего он хотел?

— Он пришел ко мне по ошибке, — ответил я. И своим ответом опять дал им фору. Они весьма многозначительно переглянулись, и Б сказал:

— Правда? Расскажите-ка нам об этом.

— Он и впрямь не туда попал. Он искал террористические организации.

Б. так прищурился, что почти утратил свою прозорливость.

— Что он искал?

— Террористические организации. Он думал, что СБГН — тоже террористическая организация, и хотел сообщить мне о каком-то митинге, на который он созвал целое сонмище этих самых террористических организаций, и пригласить меня туда.

А. сказал:

— Я-то думал, ваша ватага — пацифисты, убежденные отказники от военной службы.

— Это верно. Юстэли дал маху.

— По-вашему, ему был нужен Всемирный союз борьбы за гражданскую независимость?

— Что?

— Вы не рассчитываете, что мы в это поверим, не так ли? — подал голос Б.

— Скорее всего, не поверите, — признал я. — Хотя во что вы вообще верите?

— Вопросы задаем мы! — прошипел Б.

— О! — воскликнул я. — Зато я задаю риторические вопросы.

— Не умничайте, — посоветовал мне А. Стало быть, он не знал, что значит слово «риторические».

— Что вы сказали этому парню Юстэли? — спросил Б.

— Сказал, что он заблуждается. Он тоже мне не поверил, подумал, что я просто осторожничаю.

— А что он... — начал Б, но тут послышался звонок в дверь. Б. мгновенно напрягся, и его правая рука нырнула под полу пиджака, к заднему карману.

— Расслабьтесь, — посоветовал я. — Вероятно, это какой-нибудь пацифист.

Я подошел к двери и открыл ее. А. и Б. следили за мной, как золотые рыбки в аквариуме за незнакомой кошкой.

Я оказался прав: пришел пацифист. Точнее, дорогая и близкая мне пацифистка, которая последнее время обсти-

рывает меня, вечно теряя мои носки, моет посуду, приносит из забегаловки бутерброды, меняет простыни и помогает мне их пачкать. Моя Беатриче. Моя Изольда. Анджела Тен Эйк.

Как же прекрасна Анджела. И как великолепно одевается. И как благоухает. И как сияет! Вероятно, это единственная девушка к югу от Четырнадцатой улицы, от которой пахнет преимущественно мылом. Впрочем, она живет не южнее Четырнадцатой улицы, а южнее Центрального парка, на Южной Сентрал-Парк-авеню.

Анджела — дочь Марцеллуса Тен Эйка, промышленника, фабриканта оружия, который прославился своим вкладом в военные усилия Америки во времена второй мировой. Это он выпускал танк 10—10, который иногда называли «три десятки» или «три Т». Тот самый танк, из-за которого в 1948 году Конгресс по-тихому начал проводить специальное расследование. Оно ни к чему не привело, поскольку его быстренько прикрыли.

Любой психоаналитик мог бы сказать отцу, что оба его ребенка непременно станут враждовать с ним, когда вырастут. Так и случилось. Сын, Тайрон Тен Эйк, смылся за бамбуковый занавес в Северную Корею в 1954 году, и с тех пор о нем не было ни слуху ни духу, если не считать нескольких крикливых и непристойных радиопередач, в которых он выступал. Дочь, Анджела, четыре года назад, будучи еще совсем зеленой, плюнула на свою сиятельную и влиятельную семейку (во всяком случае, символически) и заделалась пацифисткой (бытовало широко распространенное и, возможно, небезосновательное мнение, что предательство дочери старик переживал гораздо тяжелее, чем предательство сына. Тайрон, по крайней мере, не стремился сделать своего папашу безработным. Наоборот, он, можно сказать, помогал отцу в делах).

Анджела одевается так, что мне всегда хочется разорвать ее наряд в клочья, чтобы побыстрее оставить Анджелу в чем мать родила. Не подкачала она и сегодня: на ногах были сапожки — черные, с обтягивающими икры голенищами, на шпильках. Увидев их, я вспомнил Марлен Дитрих. Над сапогами — черные обтягивающие брючки, строгие и чуть

лоснящиеся. Они навели меня на мысль о горнолыжных курортах. Еще выше — пушистый мешковатый шерстяной свитер ярко-желтого канареечного цвета, заставивший меня подумать о сенокосе. А под всей этой одеждой — я знал — скрывается тело, еще хранящее свежесть утреннего душа.

Голова Анджелы, во всех смыслах, менее всего заслуживает внимания. Не то чтобы она не была хорошенькой, нет, она очень даже ничего. Скажу больше, это просто прелестная головка. Волосы, золотистые от природы, обрамляют личико, черты которого безупречно правильны. Оно в меру скуласто, а линии подбородка до того изящны, что кажутся выведенными кистью живописца. Глаза у Анджелы синие, большущие и добрые, нос немножечко ирландский, а губы пухленькие и почти все время улыбаются. Но, увы, эта очаровательная головка совершенно пуста. В ней гуляет ветер, и лишь крошечный комочек серого вещества мешает воздушным потокам беспрепятственно перемещаться от одного уха к другому. Моя Анджела, прекрасная и богатая обладательница желтого «мерседеса» с откидным верхом и водительских прав, студентка престижного женского колледжа в Новой Англии, квартироплательщица (она вносит часть моей арендной платы за жилье) и горячо любимая мною девушка, впридачу ко всему этому — непроходимая дура. И я не могу умолчать об этом.

Судите сами. Она вошла и поцеловала меня в заляпанную чернилами щеку, взглянула на фебезэровцев и сказала: — Ой, у нас гости! Как здорово!

Анджела (и на это способна только она одна) даже не заметила, что они — федики.

Б. неуклюже шагнул вперед, держа наизготовку свою записную книжку.

— Как вас зовут?

— Анджела, — с лучезарной улыбкой ответила она. — А вас?

— Дорогая, — сказал я, — эти двое...

— Придержите язык, — велел мне А.

Б. спросил Анджелу:

— Что вам известно о... — он заглянул в свою запис-

ную книжку, — о некоем Мортимере Юстэли?

Анджела встрепенулась, будто птичка на ветке.

— О ком? — переспросила она.

— О Мортимере Юстэли, — медленно, по складам, повторил Б.

Анджела смотрела все так же настороженно. Потом повернулась ко мне и, сияя улыбкой, спросила:

— Дорогой, я знакома с кем-нибудь по имени Юстэли?

— Под дурочку работает, — заметил А.

— Посмотрим, — откликнулся Б., угрожающе поднимая записную книжку, и спросил Анджелу: — Ваше полное имя?

— Анджела, — ответила она. — Анджела Евлалия Лидия Тен Эйк.

— Да ладно вам, давайте не бу... Постойте, вы сказали, Тен Эйк?

— Ну конечно, — любезно проговорила Анджела. — Это мое имя.

А. и Б. опять переглянулись, и на этот раз я прекрасно знал почему. ФБР получило особые указания касательно мисс Анджелы Тен Эйк, хотя его агенты никогда не согласились бы признаться в этом. Повышать свое мастерство контрразведчика, упражняясь на горстке не имеющих никакого веса пацифистов, — это одно дело. А вот притеснять дочь Марцеллуса Тен Эйка — совсем другое.

Поэтому весьма своевременное прибытие Анджелы положило конец разговору, обещавшему быть долгим и утомительным (я сразу выложил А. и Б. правду, поэтому, по мере того, как шло время, запас сведений, которыми можно было с ними поделиться, все быстрее истощался). В общем, А. и Б. переглянулись и, судя по всему, решили прежде доложить в конторе, а уж потом предпринимать дальнейшие действия. Перед уходом федики проделали все обязательные процедуры. Б. велел мне не отлучаться, на тот случай, если у него возникнут новые вопросы. А. неведомо зачем сообщил, что за мной будет установлено наблюдение. Затем они предприняли весьма неуклюжую попытку учтиво раскланяться с Анджелой и чеканным шагом убралась восвояси.

Анджела повернулась ко мне и сказала с лучезарной улыбкой:

— Какие милые! Кто они, дорогой? Новые соратники?

3

За чашкой кофе я рассказал ей, что произошло. Анджела слушала, восклицая после каждой моей фразы: «у-у-у!», «ого-го!» или «вау!», но я мужественно и упорно продолжал свое повествование, пока не добрался до самого конца. (Я уже много лет делил ложе и стол с умными и богатыми девушками, но два эти качества ни разу не совместились в какой-то одной из них, так что, если Бог и впрямь существует, я бы очень хотел спросить его, почему он допускает такую чертовщину. Почему у меня не может быть умной и богатой девушки или, на худой конец, богатой и умной? Будь она и богата, и умна, я согласился бы даже на дурнушку, хоть у меня и душа эстета).

В общем, когда я умолк, Анджела издала еще одно «Го-го!» и добавила:

— Что же ты будешь делать, Джин?

— Делать? Почему я должен что-то делать?

— Видишь ли, этот мистер Юстэли собрался совершить какой-то ужасный поступок, не так ли? Может, взорвать здание ООН, или что-нибудь в этом роде.

— Возможно, — ответил я.

— Но ведь это ужасно!

— Согласен.

— Значит, ты должен что-то предпринять!

— Что? — спросил я.

Она беспомощно оглядела кухню.

— Не знаю. Сказать кому-нибудь. Сделать что-нибудь. Как-то остановить его.

— Я уже сообщил в ФБР, — ответил я.

— Сообщил?

— Я ведь тебе говорил, помнишь?

Она туповато посмотрела на меня.

— Говорил?

— Эти два парня. Эти милашки. Мы как раз об этом и беседовали.

— Ах, они?

— Они. Я им рассказал.

— И что они намерены предпринять? — спросила Анджела.

— Не знаю, — ответил я. — Вероятно, ничего.

— Ничего? Господи, почему?

— Потому что вряд ли они мне поверили.

Она разволновалась пуще прежнего.

— Ну... ну... ну... — выпалила Анджела, — ну... ну... тогда ты должен заставить их поверить тебе!

— Нет, не должен, — ответил я. — Мне и без того хватает неприятностей с ФБР. Я не собираюсь наводить их на мысль о том, что СБГН имеет тесные связи со всевозможными террористическими организациями. Если они опять придут ко мне с вопросами, я, как всегда, расскажу им чистую правду. А не поверят, так пусть пеняют на себя!

— Джин, ты понимаешь, что говоришь? — спросила она. — Ты понимаешь, что это такое? Это называется недонесение, Джин, понятно тебе?

(Надо сказать, что обвинение в недонесении в тех кругах, в которых я вращаюсь, чревато еще большими неприятностями, чем, к примеру, обвинение в атеизме в общинах, обитающих на севере Манхэттена, обвинение в симпатиях к дяде Тому в Гарлеме или обвинение в совращении малолетних в пригороде. Недонесение в глазах пацифиста — не единственное из всех возможных прегрешений, но зато единственный, с его точки зрения, смертный грех. И если кто-нибудь обвинит меня в недонесении, то лишь мои стойкие пацифистские убеждения помешают мне расквасить нос этому обвинителю).

Короче, я побледнел, пролил кофе и рывкнул:

— Ну-ка, ну-ка, минуточку, черт возьми!

Но криком Анджелу не запугать.

— Именно недонесение, Джин, — сказала она. — И ни что иное. По-моему, ты и сам это знаешь, а?

— Я сообщил в ФБР, — упрямо буркнул я.

— Но этого недостаточно, — ответила Анджела. — Джин, ты же лучше меня знаешь, что этого мало.

Черт побери, я и впрямь знал это лучше, чем она. Но вот

ведь незадача: мне и без того забот хватает. Печатный станок, например. Или то обстоятельство, что мы с Анджелой были единственными членами СБГН, которые не задолжали членские взносы самое меньшее за два года. Или моя делопроизводственная оплошность: я обещал, что в следующее воскресенье моя группа будет участвовать в двух совершенно разных пикетах, один — возле здания ООН, а второй — перед авиационным заводом на Лонг-Айленде. Или еще...

А, черт с ним! Но вот то, что именно Анджела призывает меня исполнить мой гражданский долг, действительно обидно, и нет смысла делать вид, будто это не так.

И все же я предпринял последнюю попытку сохранить лицо. Я сказал:

— Любимая, что еще я могу сделать? Я не в силах убедить ФБР хоть в чем-нибудь. Это я-то! Чем больше я расскажу им про Юстэли, тем меньше они мне поверят.

— Ты сперва попробуй, — посоветовала Анджела.

Я вспыхнул, с грохотом поставил свою кофейную чашку, вскочил, замахал руками и выкрикнул:

— Хорошо! Что я, по-твоему, должен сделать, черт побери? Побегать на Фоули-сквер и устроить там пикет?

— Не надо лукавить, — с легкой обидой проговорила Анджела.

Я открыл было рот, чтобы сказать ей пару ласковых, но тут раздался звонок в дверь.

— Ну, кто там на этот раз? — прорычал я, радуясь возможности сорвать зло не на Анджеле, а на ком-нибудь другом, и бросился в прихожую.

За дверью стоял Мюррей Кессельберг в черном костюме и при галстукке, с атташе-кейсом под мышкой и трубкой в зубах. Глаза поблескивали за стеклами очков в роговой оправе, пухлые, мясистые, чисто выбритые щеки лоснились.

Ни один человек на свете не похож на молодого нью-йоркского еврея-адвоката так, как Мюррей Кессельберг. Поняли, кто он такой?

— Пвивиет, Вжин, — произнес он, не вынимая трубку изо рта. — Ты ванят? Это он так шутит. С его точки зрения,

я все время занят, но никогда не бываю занят по-настоящему. На Пятьдесят седьмой улице, возле парка, в роскошной конторе юридической фирмы, основанной на паях отцом и дядькой Мюррея (сам он подвизается там внештатником) — вот где люди и впрямь бывают заняты. А мы в нашем безумном угаре можем сколько угодно размахивать руками, но вряд ли кому-то придет в голову назвать это занятием.

— Честно говоря, я как раз собирался тебе звонить, — сказал я. — Я убил Анджелу и запрятал тело в печатный станок. Что мне теперь делать?

Он снисходительно улыбнулся, вошел и закрыл за собой дверь.

— Ну, коль уж она в печатном станке, можешь ее размножить. Я бы не отказался от одной-двух Анжел.

— Я пытался ее прокатать, но она не лезет в прорезь. Мюррей кивнул.

— Дело поправимое... — В этот миг вошла Анджела. Она казалась обезумевшей от горя, и Мюррей воскликнул: — А вот и ты! Анджела, ты просто очаровательное создание. — Он пожал ей руку и чмокнул в щеку.

Анджела млеет от ухаживаний Мюррея, как кошка, которой почесывают спину. Она едва ли не мурлычет (я никогда не говорил об этом Мюррею, боясь, что он не так меня поймет, но после общения с ним Анджела обычно бывает более чувственна, когда мы забираемся на диван-кровать). Но сейчас она не обратила никакого внимания на льстивые речи: ее мысли витали где-то далеко.

— О, Мюррей... — молвила она таким тоном, будто и впрямь решила уму от горя, — нам нужна помощь.

— Разумеется, вам нужна помощь, дорогие мои, — ответил Мюррей, улыбаясь нам. — Поэтому я и пришел.

Иногда я теряюсь при мысли о том, что Мюррей — мой ровесник. Но я так и не решил, то ли он кажется мне много моложе, то ли много старше. Мы познакомились на предпоследнем курсе колледжа, когда СБГН еще и на свете не было. Разумеется, Мюррей никогда не вступал в СБГН — для этого он был слишком умен — но время от времени присут-

ствовал на наших заседаниях, давал советы, помогал в закулисных делах, а раз или два заставлял своего отца отстаивать наши интересы, если нас арестовывали за нарушение запрета на пикетирование. Мы с Мюрреем поладили сразу же, в основном, наверное, потому, что противоположности притягиваются одна к другой, а между полными противоположностями и притяжение абсолютное. Ни один из нас никогда не понимал другого, и это непонимание стало надежной основой, на которой выросла наша близкая и верная дружба, продолжающаяся вот уже почти полтора десятка лет.

За эти годы Мюррей немало сделал для СБГН, не беря с нас никакой платы. В каком-то смысле слова нашей организации — его увлечение, его лаборатория, его бесконечный научный опыт. Из-за связи с нами ФБР начало потихому прощупывать его, что вполне естественно, но Мюррей — слишком хороший адвокат и слишком смысловый и своенравный молодой человек, чтобы мириться с такого рода глупостями, поэтому он как-то изловчился и в корне пресек всякие попытки установить наблюдение. Отец и дядька считали связь Мюррея с СБГН эдаким юношеским закидом, пустячным грешком. Бывают преступления куда более неприятные и дорогостоящие, поэтому старшие родичи весьма снисходительно и великодушно воспринимают этот остаточный (и последний) студенческий синдром в характере своего отпрыска, ум которого являет собой новенький остро отточенный клинок, призванный защищать законность и правопорядок.

— Я принес бумаги по делу о налогах, Джин, — сообщил мне Мюррей. — Ну, ты помнишь, твоя тяжба с городскими властями. Тебе надо подписать одно-два заявления. Но, как я понял, у вас новые затруднения?

— Вообще-то нет, — ответил я. — Во всяком случае, закон тут бессилён.

— Расскажи ему, Джин, — заканпочила Анджела. — Мюррей знает, как быть.

— Не хочу отнимать у него время, — возразил я, думая про себя, что мне не хочется обсуждать этот вопрос с Мюрреем именно потому, что он, возможно, и впрямь

знает, как быть (если что и ломает когда-нибудь нашу дружбу, то лишь эти дурацкие уколы зависти, которые я время от времени чувствую, но я стараюсь держать себя в узде).

Мюррей взглянул на часы.

— У меня есть десять минут,— сообщил он.— А потом надо будет тащиться через весь город. Десяти минут вам хватит?

— Забудь, Мюррей,— сказал я.— Тут совсем другая история. Что я должен подписать?

— Я сама тебе все расскажу, Мюррей,— подала голос Анджела.— Кто-то ведь должен это сделать.

— Нет! — встрял я.— Ты все перепутаешь. Ступай лучше завари Мюррею чашку чаю. А я тем временем все ему расскажу.

— Вот и прекрасно,— решил Мюррей. Он уселся в плетеное кресло, поставил на пол свой чемоданчик, убрал трубку в карман пиджака, закинул ногу на ногу, скрестил руки на груди и велел:— Рассказывай.

Я рассказал. Во всех подробностях, да еще с жестикуляцией. Когда я умолк и сложил руки, Мюррей отпил глоточек чаю, принесенного Анджелой, задумчиво уставился в пространство и, наконец, изрек:

— Тэк-с-с-с...

— Тэк-с-с-с? — переспросил я.— Что тэк-с-с-с?

— Мне кажется,— медленно и негромко ответил он,— что ты упустил из виду одно или два важных обстоятельства. Например, что тебе сказал Юстэли, когда ты заявил о своей возможной неявке на сегодняшнее собрание?

— Я спросил: «А если я не приду?», и он ответил: «Тогда я пойму, что вы приняли определенное решение». И что из этого?

— Больше он ничего не говорил?

— Я передал все слово-в-слово. Или почти дословно.

— Какое у него было лицо, когда он говорил тебе все это? Серьезное? Сердитое? Как он выглядел?

— Он улыбался,— ответил я, вспомнив средиземноморскую улыбку Юстэли, и тут до меня начало доходить, что имеет в виду Мюррей.

— Он улыбался,— повторил мой адвокат.— Что это была за улыбка, Джин? Веселая? Приветливая?

— Больше похоже на улыбочку Сидни Гринстри-та,— ответил я.

Мюррей одарил меня ухмылкой а-ля Питер Лорр, как бы говоря: «Ага, понятно», и спросил:

— И что же, эта его улыбочка не навела тебя ни на какие мысли?

— Тогда — нет,— признался я.— Но сейчас я начинаю задумываться.

— О чем, Джин? — спросила Андже-ла.— О чем?

— Мюррей считает, что Юстели, возможно, попытается меня убить,— ответил я ей.

— Убить Джина? — повторила Андже-ла.— Зачем?

— Если Джин не пойдет на сегодняшнее собрание,— пустился в объяснения Мюррей,— значит, для них он так и останется человеком со стороны, но... Но он располагает сведениями, предназначенными для очень узкого круга лиц. Если Юстэли и его шайка — и впрямь те, за кого мы их принимаем, они решат, что Джин — их враг, опасный враг, который что-то знает и может проболтаться.

— Но ведь проболтаться он может и сейчас,— возразила Андже-ла.— Разве они могут знать наверняка, что убьют Джина до того, как он проболтается?

— Вряд ли сегодня кто-нибудь поверит ему,— сказал Мюррей.— Скорее всего, власти начнут прислушиваться к словам Джина, только когда Юстэли и его кодро примутся устраивать погромы и бесчинства. Вот почему, с их точки зрения, разумнее всего сперва убрать Джина, а уж потом приступать к действиям.

— Простите, что вмешиваюсь,— сказал я,— Но Джин находится здесь, в этой комнате. Вот он я. Не надо говорить обо мне так, будто меня здесь нет.

Андже-ла и Мюррей одарили меня снисходительными улыбками. Потом Андже-ла спросила Мюррея:

— Ну, и что ему делать?

— Еще раз попытаться убедить ФБР в своей правоте,— он взглянул на часы и добавил: — Заскочу на обратном пути. Примерно в половине шестого.

Мюррей подхватил свой чемоданчик, сунул в рот трубку (кстати сказать, я ни разу не видел, чтобы она дымилась) и встал.

— Позвони в ФБР,— посоветовал он мне.— Пусти в ход все свое красноречие, Джин, тебе его не занимать.

— Знаю, знаю.

— Не выходи из себя, когда будешь разговаривать с ними.

— Я никогда не выхожу из себя,— похвастался я.

Мюррей опять снисходительно улыбнулся. Вот ведь гаденыш!

— Совершенно верно,— сказал он.— Как называлась организация, о которой говорил этот парень из ФБР? Вроде, почти как твоя.

— Всемирный союз борьбы за гражданскую независимость.

— Точно. Я попробую навести справки, если удастся. Увидимся в половине шестого.

— Хорошо,— ответил я.

Уже в прихожей Мюррей повторил:

— Только непременно позвони в ФБР.

— Позвоню, позвоню.

— Прекрасно. Пока, Анджела.

— Пока, Мюррей.

Я закрыл дверь и снова отправился в другой конец гостиной, к телефону. Анджела спросила, намерен ли я позвонить в ФБР, и я, изо всех сил сдерживая себя, ответил, что да, намерен. Сняв трубку, я набрал одну цифру, дабы прервать длинный гудок, и произнес:

— Эй, вы там, в подвале, слышите меня?

Никто не откликнулся, да я на это и не очень надеялся. Во-первых, даже зная, что человек в подвале (назовем его В.) слышит каждое слово, произнесенное мною в трубку, я был вовсе не уверен в том, что оборудование позволяет ему самому вступать в разговор. Но даже если и позволяет (это уже во-вторых, в добавление к упомянутому мною «во-первых»), вряд ли он захочет подать голос, поскольку это приведет к проколу в столь горячо любимой ФБР системе безопасности.

Во всяком случае, я знал, что В. там, и отсутствие отклика не обескуражило меня.

— Мне нужен сотрудник ФБР,— заявил я.— Хочу сообщить о террористическом заговоре. Пришлите ко мне вашего человека.

В. по-прежнему не отвечал. Я подождал несколько секунд и повторил:

— Пришлите ко мне вашего сотрудника. Ну вот,— добавил я, положив трубку,— это должно подействовать.

— А они там не взбесятся оттого, что ты звонишь им таким образом? — спросила Андже́ла.

— Этот парень в подвале — единственный известный мне федик.

— Ну что ж,— Андже́ла улыбнулась, потирая руки.— Ладно, займемся станком...

— Потом, потом,— ответил я.— Забудь о нем, будто его вовсе нет.

Дело в том, что больше всего я боюсь взбеситься и прибегнуть к непечатным выражениям при описании этого страшного треугольника: мерзостный печатный станок, Андже́ла и я. Андже́ла вечно возится под капотом своего «мерседеса», разбирает и собирает радиоприемники, и она — единственный человек на свете, способный заставить мой печатный станок прекратить дурачества и исправно исполнять свое предназначение. А ведь эта задачка кого хочешь сведет с ума!

Особенно сейчас, когда весь мир, похоже, сговорился, чтобы напасть на меня. Поэтому я сменил тему, спросив:

— Ну, а как твои дела? Что еще придумал предок?

Но это не помогло.

— Потом поговорим,— заявила Андже́ла, стягивая свой желтый свитер.— Принеси мой рабочий халат.

Ну что за девушка. Под канареечным свитером был только бюстгальтер, красный, как китайский фонарик. Разве можно злиться на девушку, которая носит под свитером канареечного цвета бюстгальтер цвета китайского фонарика? Нет, такая девушка не может быть совсем уж никчемной.

Я беспомощно пожал плечами, сказал: «Как хочешь» и пошел в прихожую, чтобы достать из шкафа ее рабочий халат.

Вообще-то халат этот вовсе не был рабочим. Он начинал свою карьеру как махровый купальный халат, разрисованный оранжевыми и розовыми цветами, столь присущими палитре Гогена, но теперь он был так заляпан чернилами всевозможных оттенков, что выглядел скорее как творение поп-арта, забракованное на всех выставках. Я принес Анджеле это провальное произведение, и она втиснулась в него, проделав ряд телодвижений, которые навели меня на дурацкие мыслишки.

— Послушай, — сказала я, — может, разложить диван-кровать?

— Потом, — ответила Анджела. — Где инструменты?

— Там же, где и станок. Но разве нельзя с этим подождать? Слушай, я разложу диван, а?

— Только после беседы с человеком из ФБР, — отрезала Анджела и решительно потопала в спальню.

— Выходи из спальни! — заорал я. — Я хочу заняться любовью!

— Потом, потом, потом, — холодно ответила Анджела, и я услышал бряцание инструментов.

Вот ведь чертова баба.

4

Он прибыл примерно через полчаса — молодой человек, не успевший еще стать настоящим агентом ФБР. Еще были заметны следы его прошлой жизни: кадык, привычка робко улыбаться прекрасным женщинам (Анджеле), голос, интонации которого время от времени менялись. Похоже, ко мне прислали конторскую крысу, и это немного оскорбило меня.

Но первое правило своей работы он усвоил: никогда не говори, как тебя зовут. Что ж, окрестим его Г.

Он вошел, дождавшись моего приглашения, и принялся неловко переминаться с ноги на ногу.

— Ну, вот... — проговорил он наконец и устоялся

на меня неподвижным взором.

Поначалу я не врубился, но потом до меня дошло, что Г. нуждается в моей помощи. Он не мог открыто признать, что явился по моему вызову, поскольку вызов шел через В., существование которого Г. по долгу службы тоже не мог признать. Поэтому он просто вошел в квартиру, робко улыбнулся Анджеке, посмотрел на меня, дернул кадыком и принялся ждать, когда я соблаговолю сломать лед.

Будь это А. или Б., тертые калачи, я бы малость помариновал их, но этому зеленому бедолаге и без меня жилось несладко, поэтому я сказал:

— Вы очень кстати.

Г. заметно полегчало. Он расслабился и спросил:

— Правда?

— Разумеется, правда,— подтвердил я, играя свою роль до конца.— По чистой случайности мне есть, что вам сообщить. Не так ли, Анджека?

— Совершенно верно,— серьезно ответила она и кивнула Г. На ней все еще был рабочий халат, из-под которого выглядывали черные обтягивающие брючки и черные сапожки. Волосы ее торчали во все стороны, а на левой щеке виднелся весьма изящный чернильный мазок. Даже в рабочем халате она выглядела очень соблазнительно. За Г. говорить не берусь, но сам я в этот миг был готов поверить всему, что могла наболтать Анджека.

Г. уже успел офедиться настолько, что завел записную книжку. Он достал ее, потом шариковую ручку, и сказал:

— Итак?

— Сегодня пополудни,— начал я,— меня посетил некто Мортимер Юстэли. Во всяком случае, так он назвался. Он пришел сюда по ошибке, посчитав СБГН, организацию, которую я возглавляю, объединением террористической направленности, хотя мы, разумеется, не такие. Мы — миролюбивы. Так или иначе, он сказал мне, что собирается...

— Мистер Рэксфорд,— перебил меня Г. Он бросил записывать еще на прошлой или позапрошлой фразе. Г. с легкой грустью в голосе сказал: — Удивляюсь

я вам, мистер Рэксфорд.

Я посмотрел на Анджелу. Ее личико выражало недоумение, необычное даже для нее. Повернувшись к Г., я переспросил:

— Удивляетесь мне? Что вы хотите этим сказать?

— Сотрудники говорили мне, что вы опять заведете речь о Юстэли,—пояснил он.— Но я ответил им: нет. Я сказал, что читал ваше дело, а три или четыре раза меня приставляли к вам для наблюдения, и я полагаю, что вы не из проказников. Не из тех, кто пишет на листке «позор ФБР», рвет его на клочки и бросает в корзину для бумаг, зная, каких трудов нам стоит соединить эти клочки в целое. Это на вас не похоже, мистер Рэксфорд, вы никогда не были таким, вы всегда были джентльменом, серьезным и ответственным гражданином, и даже если вы пагубно влияли на других, то без злого умысла. Понимаете, что я имею в виду? Поэтому я наотрез отказался верить, что речь опять пойдет об этом Юстэли. Вот почему я пришел к вам, мистер Рэксфорд, и, поверьте, я вернусь в управление, краснея от стыда. Вы развеяли мои иллюзии, мистер Рэксфорд.

Я повернулся к Анджеле, безмолвно моля ее о помощи, и она сказала Г.:

— Но это правда. Честное слово. Этот человек, Юстэли, террорист, и он замыслил что-то взорвать.

Г. устремил на нее исполненный разочарования взгляд и ответил:

— Вам это сам Юстэли сказал, мисс? Вы говорили с ним? Он сообщил вам, что занимается террористической деятельностью и намерен устраивать взрывы?

— Ну, вы даете! — воскликнула Анджела. — Ясное дело, Джин мне рассказал.

— Вы имеете в виду присутствующего здесь мистера Рэксфорда?

— Ну да.

Г. вздохнул.

— Некоторые люди, начиная шутить, не знают удержу,—сказал он.

— Это не шутка,—возразил я.— У меня есть причины

полагать, что этот Юстэли замышляет убить меня. Я хочу, чтобы вы предотвратили это, помешали его шайкам. Я хочу, чтобы полиция взяла меня под охрану, вот чего я хочу.

— Убить вас, мистер Рэксфорд? — удивился Г. — Зачем?

— Затем, что я слишком много знаю.

— Вы не говорили об этом, когда с вами беседовали два других агента.

— Тогда я и сам ничего не понимал. Но потом задумался о своем разговоре с Юстэли, и мне кажется...

— Довольно, мистер Рэксфорд, прошу вас, — взмолился Г. Для сотрудника ФБР он был на удивление вежлив. — Не стоит продолжать в том же духе. Мы допросили господина Юстэли, и он рассказал нам, зачем приходил сюда.

— Вот как?

— Он торгует принадлежностями для печатных станков, мистер Рэксфорд. Он показал нам свою визитную карточку.

— Карточку, — повторил я и принялся озиаться. — Сейчас и я покажу вам карточку.

— Он приходил сюда, — непреклонным тоном продолжал Г., — чтобы попытаться продать вам какое-то оборудование для вашего печатного станка. Судя по тому, что и вы, и присутствующая здесь молодая дама запачканы чернилами, у вас, осмелюсь предположить, есть печатный станок, не правда ли?

— Разумеется, есть, — ответил я. — Куда же я задевал эту карточку?

— Джин, — сказала Анджела, — может, это и впрямь шутка? Может, вы с Мюрреем просто навоображали себе?

Я уставился на нее.

— И ты туда же?

Г. повернулся к Анджеле.

— Мюррей? Вы имеете в виду Мюррея Кессельберга?

— Совершенно верно, — ответила она. — Он совсем недавно был здесь. Это он предположил, что жизнь Джина в опасности.

— Вот как? — проговорил Г.

Ну, теперь все. Мне стало ясно, что никакой надежды

больше нет. И тем не менее я предпринял еще одну попытку.

— Послушайте,— сказал я,— как только я отыщу эту карточку...

— Мистер Кессельберг,— сообщил Г. Анджеле,— уже давно слывет большим шутником. Когда он учился на выпускном курсе городского колледжа...

— Вот уж двенадцать лет, как он бросил эти проделки! — пылко воскликнул я. — Неужели вы никогда ничего не забываете?

Г. бесстрастно взглянул на меня.

— Нет, мистер Рэксфорд,— ответил он,— мы ничего не забываем. Настоятельно советую вам впредь воздержаться от такого рода поступков. У вас всегда были добрые отношения с ФБР, и не стоит их портить. Я говорю совершенно серьезно, мистер Рэксфорд. Считайте это дружеским предостережением.

— Джин, иногда ты и впрямь неудачно шутишь,— сказала Анджела.

— О, Господи! — закричал я, потрясая кулаками над головой.

— До свидания, мистер Рэксфорд,— произнес Г. Он подошел к двери, открыл ее, потом обернулся и печально взглянул на меня.

— Никогда больше не поверю радикалу,— заключил он и был таков.

5

— Ну что ж,— рассудительно произнес Мюррей. Он уселся в плетеное кресло, поставил свой чемоданчик на пол, сунул трубку в карман, сложил руки на груди, закинул ногу на ногу и добавил: — Это создает нам осложнения.

— Еще бы, конечно, создает,— согласился я. — Мне прекрасно известно, что это создает нам осложнения. Как устранить эти осложнения — вот что я хотел бы знать. — Мюррей, а что если ты поговоришь с ФБР? — предложила Анджела.

— Выкини это из головы,— ответил я. — С их точки

зрения все это — розыгрыш, в котором участвуем мы с Мюрреем. Ты слышала, что говорил этот парень. — Я вернулся к Мюррею. — Ты все еще у них под колпаком из-за тех студенческих выходов с золотыми рыбками, белой краской и других проделок.

— Господи, — сказал Мюррей, — я уж лет сто как забыл обо всем этом.

— Наверное, у ФБР есть на тебя дело. Значит, если ты отправишься туда и заявишь, что это не шутки, они вряд ли тебе поверят.

— Ты прав, — согласился Мюррей. — Плохо дело.

— А что полиция? — спросила Анджела. — Я имею в виду обычную городскую полицию.

— Легавые меня знают, — ответил я. — Как только я войду в участок и заговорю, они тотчас позвонят в ФБР.

— Это произойдет, в какое бы ведомство ты ни отправился, — подтвердил Мюррей. — Городское, окружное или федеральное. Нет, похоже, сейчас нам никак не удастся заручиться поддержкой властей. Разумеется, в случае явного покушения на твою жизнь, если мы сможем доказать, что покушение имело место в действительности и было преднамеренным, кое-что, возможно, изменится.

— Покушение на мою жизнь? Покушение?! Ну и словечко ты подобрал. Десять террористических организаций объединились, чтобы убить меня, а ты говоришь «покушение»! По-моему, это будет чертовски удачное покушение!

— Мюррей, что ему делать? — спросила Анджела.

— Ну, во-первых, мы можем составить письмо с подробным изложением дела и просьбой о полицейской охране. Пошлем его в управление ФБР заказной почтой с уведомлением о вручении. Тогда, если на Джина совершат удачное, или более-менее удачное покушение, у нас, возможно, появятся основания подать на правительство в суд за преступное бездействие. С другой стороны...

— Более-менее удачное? — переспросил я. — Что это значит — более-менее удачное покушение на чью-либо жизнь?

— Ну, если тебя ранят, — объяснил он. — Оставят без руки, ослепят или что-нибудь в этом роде. Легкого

увечья, вероятно, будет недоста....

— Мюррей, — взмолился я, — ну забудь хоть на миг о том, что ты законник. Что мне делать — вот в чем вопрос.

— Что ж, давайте подумаем, — сказал он. — Какой у тебя выбор? Во-первых, ты можешь жить как жил, забыть про Юстэли и всякие там террористические организации и надеяться на лучшее. Во-вторых, ты...

— Что значит «надеяться на лучшее»? Авось не убьют, так?

— Совершенно верно Во-вторых, ты...

— Мюррей, ты что, спятил?

— Нет, Джин, — ответил он. — Я всего лишь стараюсь в меру сил оценить положение. Первый выход тебе не нравится, так?

— Не нравится!

— Очень хорошо, — невозмутимо сказал Мюррей. — Второй путь. Сделай вид, будто живешь как жил и надеешься на лучшее, а сам будь начеку и не допусти покушения. Береженого Бог бережет. Если ты знаешь, чего ждать, у тебя больше шансов избежать...

— Мюррей, — проговорил я.

— Тебе не нравится и второй выход.

— Сделаться ходячей мишенью? Отправиться на улицу и ждать, пока в меня не выстрелят, чтобы потом доказать ФБР, что я не шутил?

— Тебе не нравится второй выход, — сказал Мюррей. — Прекрасно. Тогда вот тебе третий. Вечером можно пойти на митинг Юстэли, посмотреть, что там...

— Пойти на митинг?

— Джин, ради Бога, позволь мне договорить. Ты идешь туда, соглашаешься со всем, что они будут болтать, выясняешь, насколько возможно, что они замышляют, и возвращаешься. Вероятно, новых сведений окажется достаточно, чтобы убедить ФБР в твоей правдивости. Далее: если ты...

— Мюррей, — сказал я, — так ты хочешь, чтобы я отправился в самую гущу этого... этого... этого...

— Джин, я говорю лишь...

— Этого кровавого цветника? И сидел там, как му-

ха в паутине? Этого ты хочешь, Мюррей?

— Если тебе не нравится и третий выход, дело осложняется,— сказал он.— Потому что никакого четвертого выхода нет Я опешил И просто стоял, вытаращив глаза на Мюррея, который, в свою очередь, сидел и тарашился на меня Я знаю Мюррея, доверяю ему и глубоко убежден в его блестящих способностях. Если Мюррей сказал, что четвертого выхода нет, я пусть и неохотно, но все же готов признать, что четвертого выхода нет. Но выходы с первого по третий включительно... о, Господи!

— Ты не мог бы повторить, Мюррей? — попросил я — Еще раз. Перечисли все эти ходы и выходы.

Он принялся загибать пальцы.

— Первый: живи как жил, надеясь на лучшее. Второй: будь начеку, а после покушения на твою жизнь снова обратиться в ФБР Третий: иди вечером на митинг, а потом, возможно, добыв доказательства, обратиться в ФБР

— Значит, так, да?

Мюррей кивнул

— Так, Джин

Я сел на диван-кровать (который так и не разложил, хотя Анджела и пришла ко мне, но это так, к слову) и попытался пораскинуть мозгами Анджела присела рядышком и уставилась на меня, очаровательно насупив брови, что свидетельствовало о тревожном волнении Печатный станок она, разумеется, наладила и уже успела умыться и снова натянуть свой желтый свитер Высокохудожественный чернильный мазок на щеке тоже исчез И я, и она, и диван-кровать, по справедливости, должны были сейчас заниматься гораздо более важными и гораздо более человеческими делами, а не трястись из-за шайки чокнутых террористов.

Проведя минуту или две в совершенно бесполезных раздумьях, я сказал

— Мюррей, первый и второй выходы, предложенные тобой, это, по сути, хрен и редька. Выбрав любой из них, я должен буду просто жить прежней жизнью, пока какой-нибудь псих не пристрелит меня

— Не совсем так,— возразил он — Избрав выход номер

два, ты примешь меры предосторожности. Прибегнешь к помощи других членов своего союза. И к помощи Анджелы. И моей, разумеется. Мы будем все время приглядывать за тобой и неусыпно охранять.

— ФБР и так все время приглядывает за мной,— сказал я.

— Оно, конечно, так,— согласился Мюррей.— Но ФБР следит за тобой, а мы будем следить за теми, кто окружает тебя, и ждать, пока кто-нибудь из них предпримет враждебные действия.

— Подумать только,— сказал я.— Толпа пацифистов, охраняющая меня от толпы террористов. Что-то не верится.

— Ну,— ответил Мюррей,— в конце концов, тебе решать, Джин.

— Сам знаю. Послушай, давай рассмотрим выход номер три. По-моему, он гибелен.

— Почему? — Мюррей поднял с пола чемоданчик, переменял позу, положил его на колени и открыл.— Я навел справки о Всемирном союзе борьбы за гражданскую независимость. Весьма любопытное объединение. Они были сторонниками единого мира и выступали против всяких границ и любых ограничений свободы передвижения. Самовыражались они, взрывая пограничные таможни, в основном наши и канадские. Их шайка разгромила здание таможни, которое стояло возле какой-то второстепенной дороги на границе между Францией и Германией. Это было лет семь назад. За ними гналась немецкая полиция, тогда бандиты укрылись на какой-то ферме, убили фермера и всю его семью и отстреливались до тех пор, пока не polegли все до единого. Весьма задиристые ребята. Нападение на немецкую таможню, похоже, единственная их буйная выходка за пределами североамериканского континента.

— Восхитительно,— сказал я.— И ты хочешь, чтобы я участвовал в митинге этой шайки, да?

— Дело в том, что ВСБГН больше не существует.

— Не существует? То есть, они прекратили деятельность?

— Вот именно. Кажется, одна из их бомб взорвалась

раньше времени, прямо у них в штаб-квартире, когда там шло собрание. И все взлетели на воздух.

— Бомбы...— пробормотал я.

— Теперь,— продолжал Мюррей, просматривая принесенные бумаги,— дело обстоит так. Список, опубликованный генеральной прокуратурой четыре или пять лет назад... ага, вот он! Этот список был напечатан с ошибкой. В наборе слово «всемирный» просто выпало из названия организации. Надо полагать, именно поэтому твой приятель Юстэли вообразил, что ты—один из тех самых террористов, которых он так жаждет видеть. Вполне возможно, что эта типографская ошибка позволит тебе вчинить иск, особенно если ты получишь какое-нибудь ранение...

— Замолчи, Мюррей.

Он поднял глаза.

— Что? А? Ну ладно, ладно, замолчу. Ты прав. Извини. Так, вернемся в обсуждаемому вопросу.

— Джин,— сказала Анджела,— я думаю, тебе надо пойти на этот митинг, вот что я думаю.

— Почему? — спросил я.

— Потому, что тогда они не станут на тебя покушаться, а ты сможешь раздобыть улики и заставить ФБР прислушаться к тебе.

— Мюррей, что ты об этом думаешь? — спросил я.

— Джин, тебе решать.

— Черт, да знаю я! Но что об этом думаешь ты?

— Что думаю я? Я думаю, что Анджела права. Я думаю, ты можешь сходить на митинг, ничего не опасаясь, и разузнать что-нибудь о замыслах Юстэли. Они ничего не заподозрят и не захотят разделаться с тобой. Я не говорю, что ты непременно соберешь весомые доказательства, которые можно представить в ФБР, но по крайней мере удержишь Юстэли и остальных от поползновений на твою жизнь.

— Ну, не знаю,— пробормотал я.— Это, вроде бы, лучше, чем первые два выхода, но все равно не знаю... А что, если я попросту провалюсь? Что, если не сумею подделаться под террориста?

— Судя по всему, сегодня днем Юстэли не сомневался в твоей кровожадности,— подчеркнул Мюррей.— Кроме того, там будет не меньше десяти человек, и никто не станет специально следить за тобой.

— Да, но отправиться туда в одиночку...

— Я пойду с тобой, Джин,— заявила Анджела так, будто приняла решение уже несколько часов назад.

Я посмотрел на нее.

— Что?

— Я пойду с тобой. Я хочу посмотреть на этих людей. Кроме того, вдвоем мы будем чувствовать себя более уверенно, правда, Мюррей?

— Ну...— с сомнением промычал Мюррей.

— Ты не пойдешь,— заявил я.

— Еще как пойду. Я умею стенографировать. Тебе и невдомек, да? Этим-то я и займусь. Буду стенографировать все, что они скажут.

— Определенно нет,— отрезал я.— Пойду один. К тому же, приглашали только меня. Как я проведу тебя туда?

— Как свою секретаршу,— сказал Мюррей.— На самом-то деле это неплохая мысль. Если Анджела сумеет сделать стенограмму собрания...

— Мюррей,— ответил я,— ты готов пойти на это? Ты хочешь, чтобы Анджелу убили?

— Нет, не хочу. Я не хочу, чтобы вообще кого-нибудь убили. Но если вы будете вести себя достаточно осмотрительно, никто из вас не подвергнется сегодня никакой опасности.

— Мюррей, тебе придется...

— Ой, мамочки!— вскричала Анджела, вскакивая на ноги.— Который час?

Мюррей взглянул на часы.

— Почти половина седьмого.

Анджела сняла с запястья свои маленькие часики и встряхнула их.

— Проклятье, сломались.

— Не ходят?

— Ходить-то ходят, только они должны еще и звонить. Как будильник, знаете? Всякий раз, когда они звонят, мне

следует принимать пилюли. Надо было сделать это еще в шесть часов,— она торопливо пошла в кухню, бросив через плечо: — Сейчас вернусь.

Мюррей взглянул на меня.

— Будильник на запястье?

— Подарок отца,— объяснил я.— Эдакие часики-напоминаатель. Они звонят, как колокольчик.

— Когда приходит пора глотать пилюли? Какие пилюли? Она что, больна?

— Нет. Питательные, противозачаточные и для настроения.

— Вот как? Все вместе? Ну что ж, если она еще не слегла, значит, скоро ляжет.

— Ничего подобного,— заспорил я.— Анджела здорова как ломовая лошадь, а выглядит и того лучше. Хотя и не так умна.

— Ты недооцениваешь эту девушку, Джин,— сказал он, и тут эта девушка вернулась в комнату.

— Итак, все решено? — спросила она.— И сегодня мы с тобой идем на собрание, правильно?

— Мюррей, ты и впрямь думаешь, что вести туда Анджелу не опасно?

— Разумеется,— ответил он.

— В таком случае,— сказал я,— вероятно, и мне тоже ничто не угрожает.— Я кивнул Анджеле.— Ладно, пойдем вместе.

— Чудненько,— ответила она.— Мне не терпится поупражняться в стенографии.

— Идемте, угощу вас обедом,— пригласил Мюррей.

— Как обычно, от пуза? — спросил я.

— Твоя беда в том, что ты вечно поешь заупокой,— ответил он.

— Нет,— поправила его Анджела,— просто он слишком миролюбив.

— Это одно и то же,— сказал Мюррей.— Пацифист всегда убежден в том, что, ввязавшись в драку, непременно получит на орехи.

— Эх, Мюррей,— сказал я,— больше всего мне нравится в тебе то, что ты такой противный.

Мюррей весело рассмеялся, закрыл свой чемоданчик и встал.

— Пошли, — сказал он. — Перекусим в «Лачоу».

— Подожди минутку, — попросил я, потом взял карандаш и лист бумаги, написал на нем «позор ФБР», разорвал на маленькие клочки и бросил их в корзину.

— Ну вот, — сказал я, — теперь я готов идти.

6

Я изогнулся на сиденье, посмотрел назад и сказал:

— О, господи!

— В чем дело, Джин? — спросила Анджела, крутившая баранку своего желтого «мерседеса» с откидным верхом.

— Притормози у тротуара. Они нас потеряли.

Анджела покосилась на зеркало заднего обзора.

— Как это их угораздило?

— Не знаю, — ответил я. — Притормози, может, они опять нас найдут.

До полуночи оставалось четверть часа, мы ехали на север по Бродвею, направляясь на собрание, куда нас пригласил Юстэли; Мюррея мы высадили возле его жилища на углу Третьей авеню и Девятнадцатой улицы. Двое фэбезровцев (Д. и Е.) следили за нами от моей квартиры до ресторана, где их сменили двое других (Ж. и З.), которые с тех пор и тащились за нами в синем «шевроле». Но сейчас они куда-то исчезли.

Анджела остановила машину возле пожарного крана, и какое-то время мы сидели, вглядываясь в поток транспорта. Был апрель, дул порывистый ветер, лил дождь. Из-за холода мы подняли матерчатый верх «мерседеса». Сейчас мы стояли между 68-й и 69-й улицами, а мимо непрерывной вереницей шли на север такси и иные легковушки. Но синего «шевроле» среди них не было.

С надеждой глядя через плечо, Анджела сказала:

— Может, они завязли в пробке на площади Колумба?

— Придурки, — буркнул я.

— Да нет, застрять на площади Колумба — плевое дело, — возразила она. — Я вечно там кукую.

Я взглянул на нее и решил не спорить. Вместо этого я сказал:

— Черт, но ведь они, вроде, профессионалы. Считается, что они способны выслеживать людей даже на площади Колумба.

Анджела выглянула из окна, показала пальцем и спросила:

— Это не они?

— Нет, это «понтиак».

— Правда? — Анджела проводила машину глазами. — А они на чем ехали?

— На «шевроле».

— Не понимаю, какая между ними разница, — призналась она.

— Никакой.

Анджела взглянула на меня, дабы убедиться, что я не шучу, и спросила:

— Как же тогда ты их различаешь?

— По узорv на капоте. У всех машин компании «Дженерал моторс» разные узоры, чтобы продавцам было легче назначать цену, — я посмотрел на часы, встроенные в приборный щиток. Они шли и показывали без семи двенадцать. — Мы опаздываем.

Анджела взглянула на свои наручные часики, пребывавшие в более-менее рабочем состоянии, и сказала:

— Пожалуй, не стоит больше ждать.

— Мне бы хотелось, чтобы нас пасли несколько агентов ФБР, пока мы будем на собрании, — объяснил я. — Так, на всякий случай.

— Ладно, больше ждать нельзя, Джин, — решила Анджела. — Может, в полночь там запрут двери, или еще что-нибудь, а самое главное для нас — попасть туда.

Я пожал плечами, бросил последний взгляд на юг вдоль Бродвея и ответил:

— А, черт с ними. Ладно, поехали.

— Хорошо, — сказала она и снова втиснула «мерседес» в поток машин.

(Не судите строго за очень, очень лирическое отступление. Я уже говорил, какие чувства охватывают меня при

виде нарядов Анджелы, но когда я вижу ее в автомобиле, чувства эти делаются вдвое, если не втрое острее. Когда эта лошечная красотка сидит на водительском кресле прекрасной машины, нажимая длинными стройными ножками на педали, обхватив длинными тонкими пальчиками руль и вскинув точеную белокурую головку, во мне просыпается сатир с раздвоенными копытами и прочими причиндалами. Ну, а то, что она — превосходный водитель — разве что слишком осторожничают и теряется в пиковых положениях — и вовсе сводит меня с ума. Даже будь у Анджелы завязаны глаза, я все равно поехал бы с ней куда угодно).

Как бы там ни было, но пока мы проехали двадцать кварталов, я, к счастью, отвлекся от своих напастей, а когда Анджела ловко втиснула «мерседес» на свободный пятачок за углом Бродвея и 88-й улицы, я привлек ее к себе и, не отдавая отчета в своих действиях, крепко поцеловал. Но мгновение спустя Анджела совершенно обескуражила меня. Она заморгала, смутилась и спросила:

— Ну зачем это?

— О, черт побери! — воскликнул я и выбрался из машины.

Мы обогнули угол и оказались на Бродвее. Я по привычке облачился в костюм — я всегда надевал его, идя на собрание, — а поверх костюма натянул свой старый потрепанный черный дождевик с дырявыми карманами. Головного убора у меня не было, и волосы уже намокли.

По настоянию Анджелы мы заехали к ней домой. Пока она бегала переодеваться, я ждал в машине (при виде меня и даже при упоминании моего имени отец Анджелы хватался за сердце). Теперь она, разумеется, выглядела так, что мне хотелось тотчас же затащить ее в какое-нибудь теплое, сухое, милое уединенное местечко, чтобы содрать с нее одежду в приемлемых жилищных условиях. Брючки на сей раз были белые, а сапожки — красные. На Анджеле было что-то вроде куртки автомобилиста, темнозеленой, с отороченным мехом капюшоном. Она шла рядом со мной, натянув капюшон на голову, засунув руки в высокие карманы куртки, и ноги ее при каждом шаге сверкали

белыми и красными вспышками. Короче говоря, разумнее всего сейчас было бы заняться поисками какого-нибудь сеновала.

Но вместо этого мы обогнули угол и подошли к клубу «Парни с приветом».

На углу разместилось кафе, где подавали еврейские лакомства, а рядом с ним — винная лавка. Два эти заведения стискивали с боков дверь с окошками, на которых вязью было выведено: «Парни с приветом». Мы с Анджелой вошли в эту дверь и увидели прямо перед собой длинную крутую лестницу, которая вела сквозь полумрак на тускло освещенную площадку. Мы поднялись. Я насчитал двадцать семь ступенек.

Наверху была коричневая металлическая дверь, а на ней — две бумажки, приклеенные липкой лентой. На одной было начертано: «Светский клуб Южной стороны «После дождика в четверг». Допускаются только члены клуба», а на второй: «Стучите».

Анджела взглянула на бумажки и сказала:

— Джин, но ведь сегодня четверг. И дождь.

— Знаю.

— Ты уверен, что нам сюда? Тут написано: «Светский клуб Южной стороны».

— А что тут, по-твоему, должно быть написано: «Клуб террористов Южной стороны»? Тут даже не Южная сторона, тут Вестсайд.

Анджела посмотрела на меня, и ее глаза тускло блеснули в свете пятнадцативаттной лампочки, висевшей над нашими головами.

— Джин, — прошептала она, — кажется, мне страшно.

— Что ж, вовремя спохватилась, — буркнул я и постучал в дверь.

Нам тотчас открыл Несносный Снежный Человек в темно-синем костюме. Росту в нем было, наверное, шесть футов и восемь дюймов, а физиономия напоминала связку бананов.

— Хм? — спросил он голосом, похожим на рокот камнепада в шахте.

— Эй, вы там, — сказал я. — Мы пришли на собрание.

Он стоял, незыблемый и безмолвный, и только медленно моргал тяжелыми веками. Его челюсть слегка отвисла. Он стоял и загораживал дверной проем. Ни дать ни взять валун, какими затыкали лазы в пещеры.

Анджела высунулась из-за моего локтя и шепнула стражу ворот:

— Собрание, понятно? Мистер Юстэли.

Он поднял тяжелую десницу, тоже похожую на связку бананов, и помахал ею со словами:

— Не... Неверно.

После чего захлопнул дверь.

Анджела посмотрела на меня.

— Джин, а может, это розыгрыш? После всех наших треволнений, и вдруг — розыгрыш?

— Ой, господи,— воскликнул я и снова постучал в дверь; когда она открылась, я сказал чудовищу:

— Меня зовут Рэксфорд, я из СБГН. Ступай и спроси Юстэли, он подтвердит, что я свой.

— Не...— повторил он и опять закрыл дверь.

Анджела сказала:

— Джин, если это ваша с Мюрреем выдумка, я никогда...

— Проклятье! — заорал я.— Пароль! Я забыл про этот дурацкий пароль!

И я постучался в третий раз.

Чудовище открыло и приняло весьма грозный вид. Показав мне одну из своих лап, оно сказала:

— Поди прочь.

— Зеленые рукава,— ответил я.— Верно? Зеленые рукава.

Казалось, я нажал какую-то кнопку на приборном щитке чудовища. Лапа повисла, как плоть, чудовище неуклюже отступило на несколько шагов и пригласило нас войти жестом, похожим на движение ковша паровой землечерпалки.

Мы очутились в крошечной камерке без окон и какой-либо мебели. Толстые бурые портьеры справа от нас, очевидно, скрывали еще одну дверь, а слева была распахнутая настежь дверца, ведущая в тесный гардероб.

Чудовище закрыло за нами входную дверь и зарокотало:
— Оружие вон туда, на стол.

«Вон туда» означало гардеробную. Я заглянул в нее и увидел стол, заваленный орудиями насилия и дебоша: пистолетами, ножами, кастетами, дубинками, кусками труб, полосками сыромятной кожи, катушками проволоки, бутылками с какими-то мутными жидкостями. Бутылки стояли батареями, каждая была любовно снабжена картонкой с номером.

Я сделал глотательное движение, дабы голос не подвел меня, и сказал:

— Я безоружен. Мы не принесли никакого оружия.

Чудовище приблизилось вплотную.

— Обыск,— объявило оно и принялось охлопывать меня лапищами: бум, бум, бум. Оно и удивилось, и опечалилось, не найдя при мне ничего более смертоносного, чем пилочка для ногтей. Чудовище призадумалось, не изъять ли ее (просто на память), потом пожало плечищами и вернуло пилочку.

Когда оно повернулось к Анджеле, я сказал:

— Погоди-ка.

— Обыск,— ответило чудовище голосом, похожим на отдаленные раскаты грома.

Судя по его физиономии и голосу, чудовище не рассчитывало получить массу удовольствия, лапая Анджелу, но тем не менее я знал, что нельзя позволить ему произвести обыск. Если я буду стоять истуканом и смотреть, как он охлопывает Анджелу — бум, бум, бум — между нами все будет кончено, уж это точно. Кто же тогда наладит мне печатный станок? Кто заплатит за квартиру? (Я уж не говорю о красных бюстгалтерах.) Поэтому я сказал:

— Погоди. Секундочку. Анджела, сними куртку.

Анджела так и сделала. Она стояла с курткой в руках, в темно-синем свитере и белых брючках, а я тем временем вдвигал чудовищу:

— У нее нет никакого оружия. Ну где она может его спрятать?

Потом я повернулся к Анджеле.

— Дай ему куртку, пусть проверит карманы.

— Пожалуйста,— ответила Анджела. Ее щеки немного побледнели. Она передала куртку чудовищу, и оно неуклюже запустило лапу сперва в один карман, потом в другой, будто слон, ищущий земляной орех. Чудовище нашло шариковую ручку и стенографический блокнот, но эти принадлежности, похоже, не произвели на него никакого впечатления.

Не обнаружив никакого оружия, чудовище посмотрело на Анджелу, подумало несколько секунд и сказало:

— Ладно.

После чего возвратило ей куртку, указало лапой на бурые портьеры и добавило:

— Проходите.

Мы переглянулись. Анджела крепко сжала мне руку. Я набрал в грудь воздуху, затаил дыхание, сделал шаг вперед, отбросил бурую портьеру, и мы вошли в зал.

7

Нашим взорам открылась длинная как кишка комната, старая и ветхая, но залитая ярким сиянием ламп дневного света, повешенных тут, должно быть, совсем недавно. В комнате стояли ряды стульев, как в кинотеатре, а перед ними, в дальнем конце, было возвышение для ораторов. На этом помосте стоял древний деревянный письменный стол, а за ним — еще один ряд стульев вдоль стены. Справа от возвышения торчал шест с поникшим американским флагом, а слева, для симметрии, висело еще какое-то желто-коричневое полотнище. Стены украшали ряды пыльных фотографий в рамках и под стеклом. На них были запечатлены группы людей в пестрой одежде военного образца, похожей на униформу каких-нибудь сухопутных мореплавателей.

Хотя сидячих мест в комнате хватило бы человек на сто, тут едва набралось с дюжину гостей обоего пола, и все они сбились в кучку вокруг возвышения. Держась за руки, мы с Анджелой прошагали по центральному проходу. Чем ближе мы подбирались к этой горстке людей, тем печальнее казался нам их облик. Каждый из них был окутан

каким-то голубым искристым ореолом безумия, как будто мы по ошибке попали на сборище сумасшедших ученых, посвященное началу нового геофизического года. В каком-то смысле так оно и было.

При нашем приближении от группы отделился Мортимер Юстэли, сияя самой средиземноморской из всех своих улыбок. Он протянул мне холеную руку и воскликнул:

— Рэксфорд, Рэксфорд! Как я рад, что вы смогли выбраться. А эта очаровательная дама?

Если бы зачатие осуществлялось посредством взглядов, Анджеле сейчас совсем не помешала бы пилюля (хотя и вряд ли помогла бы).

— Мой секретарь,— ответил я.— Мисс Анджела Тен...

Ой! Мысленно выругав себя, я довольно убедительно закашлялся и сказал:

— Прошу прощения. Там такой дождь. Мисс Анджела Тенн.

И добавил, обращаясь к Анджеле:

— Это мистер Юстэли.

— Мисс Тенн,— промурлыкал он и пожал ей руку так, что я, будь моя воля, арестовал бы его за это.

Улыбка Анджелы показалась мне несколько вымученной, а голос на удивление слабым.

— Как поживаете? — осведомилась она и выдернула руку из его клешни.

Юстэли с видимой неохотой снова повернулся ко мне.

— Ждем еще одного-двух человек,— сообщил он.— А потом сразу займемся делом.

— Хорошо,— ответил я.

Тут к нам подошла маленькая тощая негритянка зловещего вида, в черном платье, черной шляпке, украшенной фальшивыми бриллиантами и длинным черным пером. Она ухватила Юстэли за рукав и заявила:

— Юстэли, вы не сказали мне, что здесь будут жиды.

Голос ее напоминал скрип тормозящего поезда подземки, а выглядела негритянка как злобная родственница какого-нибудь пациента из клиники доктора Сеуса.

Юстэли улыбнулся ей как продавец энциклопедий и сказал:

— О, мы это обсудим в ходе заседания, мисс Баба. А вот вам приятные собеседники, мистер Юджин Рэксфорд и мисс Анджела Тенн из Союза борьбы за гражданскую независимость. — Повернувшись к нам, он добавил: — Позвольте представить вам миссис Элли Баба из всеарабского общества мировой свободы. Очаровательная дама.

И, вновь обратившись к очаровательной даме, заключил:

— Оставляю вас в надежных руках.

С этими словами он, будто капелька ртути, выскользнул из наших объятий и оставил нас втроем.

Миссис Баба подозрительно оглядела нас. Наверное, искала признаки принадлежности к семитским народам. Потом она спросила:

— Что у вас за группировка?

— Прошу прощения. Что вы сказали?

— Какой у вас бзик? — пояснила она. — За что вы боретесь?

— Ах! Мы против границ, — ответил я. — За полную свободу передвижения. — И повернулся к Анджеле. — Или, может, за неограниченную? Как это называется?

— Вонючие идеалисты, — с горечью произнесла миссис Баба. — Все беды от вас и вам подобных. Это вы отвлекаете людей от истинно высоких задач!

— О, — сказал я. — Вот как?

— Прекрасная речь, нечего сказать, — заявила она. — А теперь возьмите нас, ВОМС. Мы — объединение людей дела, у нас есть программа. Мы способны предложить решение.

— О, вот как? — повторил я, а потом добавил: — И что же это за решение?

— Мы хотим, — свирепо возвестила Баба, — чтобы Насер и арабы вышвырнули жидов из Израиля и передали эти земли так называемым американским неграм. Уж такую-то малость они могут для нас сделать! — И она с жаром пробормотала: — Вонючие работорговцы!

— Евреи? — удивился я, невольно почувствовав любопытство.

— Нет, не евреи! — рывкнула Баба. — Арабы. Это они заправляли работорговлей. Или вы ни черта не знаете?

— Знаю, но очень мало, — признался я.

— Идеалисты! — воскликнула она и поджала губы.

Послышалось настырное «бац! бац! бац!», и сквозь общий гомон прорвался голос Юстэли:

— Соратники! Пожалуйста, займите свои места. Давайте начнем.

Миссис Баба развернулась на каблуках и потопала прочь, даже не попрощавшись. Я взглянул на Анджелу, которая во все глаза смотрела на меня, и мы прижались друг к дружке в поисках толики тепла и хоть какого-то здравомыслия.

Безумцы-ученые вокруг нас рассаживались по своим местам, главным образом в первом и во втором рядах. По взаимному согласию мы с Анджелой сели в четвертом ряду, поближе к проходу.

Когда все устроились, Юстэли стал перед возвышением и хитровато улыбнулся, будто профессор, задумавший без предупреждения учинить своим ученикам контрольную работу.

— Добрый вечер, дамы и господа! — воскликнул он. — Добро пожаловать на учредительное собрание Лиги новых начинаний!

Он умолк, одарил нас сияющей улыбкой и продолжал:

— Надеюсь, вы одобрите предложенное мною название. Новые начинания — вот истинная цель каждого из нас, не правда ли? Новые начинания, которые мы сможем предпринять лишь после того, как покончим со старыми порядками.

И в выражении его лица, и в голосе сквозила некая угроза, когда он произносил эти слова. Затем Юстэли так же зловеще добавил:

— Полагаю, все присутствующие в этом зале убеждены, что уничтожение старого порядка — самая животрепещущая задача современности.

Послышался одобрительный гомон, как в зоопарке во время кормежки. Улыбающийся Юстэли возвышался над нами и, когда урчание стихло, похоже, не испы-

тал ни малейшего страха. Видать, знал, что его не съедят — А теперь, наверное, пришло время познакомиться, — предложил он, беря со стола лист бумаги. — Я буду выкликать имена, а вы, пожалуйста, вставайте и кратко рассказывайте нам о возглавляемых вами группах. — И добавил, буквально источая своей улыбкой доброту: — Никаких речей, пожалуйста, мы несколько ограничены во времени. Одно-два коротких предложения, и все. Так, позвольте-ка... — он заглянул в свой список. — Начнем с мистера и миссис Фред Уэлп, представляющих сепаратистское движение квартиросъемщиков!

В первом ряду сидели довольно миловидные мужчина и женщина средних лет, склонные к полноте. Они поднялись и повернулись к нам лицом. Если вы когда-нибудь смотрели дневные телепередачи, то наверняка видели мистера и миссис Фред Уэлп. Девушка несет по проходу микрофон, а публика в студии хихикает, видя себя на экранах мониторов. Миссис и мистер Фред Уэлп обычно сидят возле прохода, слева, в средних рядах. Зная, что они никогда не скажут того, чего от них не ждут, ведущих останавливается и спрашивает: «Давно ли вы женаты, друзья?» «Восемнадцать лет», — отвечает миссис Уэлп, улыбаясь и заливаясь румянцем. Мистер Уэлп тоже улыбается, и вид у него очень гордый.

И что эта супружеская чета делает на учредительном собрании террористов? После чудовища у дверей и арсенала в гардеробе я ожидал увидеть по меньшей мере сборище борисов карловых, а не двух подписчиков «Субботних вечernih известий». (Поскольку всем нам от рождения присущ параноидальный синдром, я вдруг начал подозревать, что это и впрямь розыгрыш, и участь всеобщего посмешища уготована именно мне. Я настороженно огляделся, думая, что кто-нибудь уже хихикает, прикрыв рот рукой, но потом, по зрелом размышлении, длившемся чуть больше десятой доли секунды, решил, что вряд ли Анджела, Мюррей, ФБР и еще десятка полтора незнакомых людей стали бы предпринимать такие усилия только ради того, чтобы поржать надо мной. Нет, должно быть, эти мистер и миссис Уэлп — все-таки настоящие террористы.)

Так оно и было.

— Меня зовут Фред Уэлп,— сообщил нам Фред Уэлп пронзительным писклявым голоском.— А это вот моя миссис. Значит, так, мы в нашем СДК полагаем, что все беды мира идут от больших стран вроде США и России. Когда все страны были маленькими, дела обстояли куда лучше: никто не мнил себя надсмотрщиком над всем остальным миром. Вот мы и хотим, чтобы все американские штаты и российские области отделились друг от друга и стали независимыми государствами, как в Европе или Африке. Первым шагом должно стать отделение Нью-Йорка и Лонг-Айленда от США и образование нашего собственного государства под названием Рузвельтляндия. Эти чинуши из Олбани слишком долго обирали Нью-Йорк, давно пора положить этому конец.

Миссис Уэлп добавила (голос ее навел меня на мысль о ежевичном пироге, выставленном на подоконник в июльский зной):

— Мы окажем всем присутствующим любую посильную помощь, но вы тоже должны нам пособить. Помогите взорвать дворец губернатора в Олбани, а потом, может, и здание ООН, хотя мы еще точно не знаем...

— Чтобы всем стало известно о целях нашей борьбы,— объяснил мистер Уэлп.— Мы совершенно уверены, что общественное мнение будет на нашей стороне, но эти проклятые газеты...

— Благодарю вас, мистер Уэлп,— сказал Юстэли, ловко вклиниваясь в зарождающийся пылкий монолог Фреда Уэлпа.— И вас, миссис Уэлп. А теперь познакомьтесь с миссис Сельмой Бодкин из Мирного движения матерей-язычниц, или МДМЯ. Миссис Бодкин!

Миссис Сельма Бодкин поднялась, и Уэлпы неохотно сели.

Миссис Бодкин тоже была бы весьма к месту в рядах публики, приглашенной в студию на дневную передачу. Вот только ни один ведущий не стал бы останавливаться возле нее и задавать вопросы. Нет, он бы прошел мимо, с первого взгляда поняв, что она вдова, да еще и стерва. Грузная матрона, запакованная в черное платье, с лакиро-

ванной черной сумочкой на руке и перманентной завивкой, сделанной с великим тщанием, но в домашних условиях, отчего голова выглядела несколько растрепанной.

Она не стала тратить время на вступительное слово и сразу же заявила хриплым голосом:

— Современная Америка страдает от происков врагов, как внешних, так и внутренних, причем большинство этих внутренних врагов действует по наущению коммунистов. Не думайте, это коммунисты стоят за всеми попытками превратить нас, родовитых чистокровных американцев, в безродных дворняг. Коммунисты понимают, что единственный способ взять над нами верх в борьбе за мировое господство — это подточить наши силы через браки с представителями разных низших рас: католиками, евреями, неграми.

Но тут ее речь потонула в поднявшейся волне криков и междометий. Кажется, слова миссис Бодкин обидели остальных присутствующих. На фоне воплей еще можно было разобрать возгласы оратора. Миссис Бодкин гремела: «Американские юноши и девушки на задних сиденьях автомобилей в обществе...» — и так далее в том же духе.

Анджела прильнула ко мне и прошептала:

— Они бешеные, Джин. Они все спятили.

— Знаю, — шепотом ответил я.

— Католики — не раса! — прошептала Анджела.

Я взглянул на нее и ничего не сказал.

Впереди Юстэли опять чем-то грохотал. Все вскочили на ноги, и я не видел, был ли у него настоящий председательский молоток. Он кричал, призывая к порядку, и мало-помалу добился своего. Наконец в зале воцарилась тишина, которая, казалось, звенит, будто камертон. Почти все присутствующие злобно зыркали друг на дружку.

Юстэли с едва заметным раздражением сказал:

— Дамы и господа, прошу вас. Как я говорил каждому из вас при первой встрече, все вы придерживаетесь противоположных точек зрения, и разброс мнений в вашей среде очень широк. Но мы ни его не добьемся, если начнем приносить в идеологические споры наши личные чувства. Давайте просто примем к сведению то обстоятельство, что,

даже имея много общего с точки зрения способов действий, во всех других отношениях мы совершенно разные. И ради пользы общего дела нам следует хотя бы соблюдать перемирие, пока все мы объединены в Лиге новых начинаний.

Эта елейная речь помогла разрядить напряженность и дала спорщикам возможность перевести дух. Когда Юстэли умолк и огляделся, желая выяснить, откуда ждать новых неприятностей, в зале повисла тишина — ничем не нарушаемая и даже не враждебная. Юстэли улыбнулся, обдав нас волной своего радушия, и сказал:

— Превосходно. Я знал, что могу рассчитывать на ваше благоразумие и сдержанность. — Он заглянул в список и добавил: — А теперь — господин Эли Злотт из Миссии спасения истинных сионистов, МСИС. Мистер Злотт!

Сначала у меня возникло впечатление, что никто не встал, но потом я увидел чью-то голову, плывущую вдоль возвышения, и понял, что рост мистера Эли Злотта, должно быть, не превышает пяти футов. Его голову венчала копна растрепанных жестких седых волос. Вот и все, что я мог сказать о том, как он выглядел.

Зато речь его была совершенно несообразна облику. Этот хмырь гремел как исполин. Его раскатистый глас скрежетал, грохотал и противно резал слух, как будто исходил не из глотки, а из поломанного уличного громкоговорителя.

— Шесть миллионов погибших! — вещал этот голос. — Вот за что мы можем сказать «спасибо» гоям! А что они предпринимают? Выдали нам несколько жалких эйхманов и думают, что мы всем довольны? Нет! Полное уничтожение германской расы — вот ответ, единственный ответ, окончательное решение! В Нью-Йорке и Вашингтоне, округ Колумбия, есть германские посольства. Здесь, в самом сердце демократии, в сердце величайшей нации всех времен! Что же нам, плюхаться каждый вечер на колени и благодарить за это Бога? Нет! Тысячу раз нет! Взорвать их! Сжечь до тла вместе со всеми мужчинами, женщинами и детьми! Обезопасить демократию во всем мире! Неужто...

— Благодарю, благодарю, благодарю вас, мистер Злотт, — сказал Юстэли, обращаясь к копне волос, и по-

пытался опять взять слово.

Но Злотт еще не иссяк.

— А теперь что касается этой миссис Бодкин, этой...

Вжик! Миссис Бодкин опять вскочила и принялась с воплями потрясать кулаком. Злотт дал ей достойный отпор, но тут в бой на стороне миссис Бодкин вступила миссис Эли Баба, и возник союз против мистера Злотта. Однако это объединение не устраивало миссис Бодкин, и она сделала миссис Баба одно или два предложения, мгновенно взбесивших ее.

Все уже были на ногах, и каждая фраза, каждое ругательство и оскорбление молниеносно меняли соотношение сил между воюющими сторонами. Ряды бойцов то редели, то уплотнялись, союзы возникали и рассыпались быстрее, чем теннисный мяч перелетает через сетку.

Юстэли стоял над боем. Он болезненно морщился и умиротворяюще простирали руки, а губы его шевелились. Видимо, он опять пытался воздействовать на толпу лстивой речью, дабы добиться повиновения.

Я посмотрел на Анджелу, но она, будто замороженная, тарасила глаза и была похожа на ребенка, следящего за оживленным уличным движением. Пытаться привлечь ее внимание сейчас было бессмысленно, а значит, мне не с кем поделиться растущим убеждением в том, что наше присутствие на этом великом совете дураков — не более чем пустая трата времени, сил и адреналина. С таким же успехом можно было совершить благотворительный поход в трущобы, населенные сумасшедшими. Эти безумцы вряд ли продержатся вместе даже столько времени, сколько нужно, чтобы перезнакомиться между собой. А уж объединить свои силы, чтобы всем кагалом отправиться убивать невинных сторонних наблюдателей вроде меня, они и подавно не смогут.

Как я трясся весь вечер, как безоговорочно поверил Мюррею, когда он предположил, что эти губошлепы могут быть смертельно опасны! Вспоминая об этом, я не знал, смеяться мне или плакать. Но в одном я был уверен: при первой же возможности я подам Анд- желе знак, и мы на цыпочках вернемся в мир, кото-

рый я уже был склонен считать почти разумным.

Юстэли все суеился на возвышении, и, надо признавать, дело свое он делать умел и медленно, но верно успокаивал испугнутую стаю, возвращая птичек на их насесты, заставляя их притихнуть и опять обратиться в слух.

В конце концов наступила тишина. Присутствующие оробели, обескураженные собственной несдержанностью, а стоявший над толпой Юстэли достал белоснежный носовой платок, промокнул лоб и щеки и сказал:

— Дамы и господа, вы меня удивляете, честное слово.

Никто ему не ответил. Думаю, они удивили не только Юстэли, но и самих себя.

— Это не пойдет нам на пользу,— продолжал Юстэли.— Думаю, все мы хотим провести сегодняшнее собрание как можно спокойнее и толковее, дабы сберечь время, поскольку все мы — занятые люди. А если так, значит, вы одобрите любые усилия по поддержанию порядка. Я в этом уверен.

Он по очереди оглядел присутствующих, и все согласно кивали. Этого Юстэли и добивался.

— Прекрасно,— сказал он и благодарно улыбнулся.— Прекрасно. Я знал, что могу положиться на ваш здравый смысл.— Юстэли задрал голову и крикнул: — Лобо!

Лобо? Я огляделся и увидел чудовище. Тупое, неповоротливое, неотвратимо надвигающееся чудовище. Оно протопало мимо нас и, взобравшись на возвышение, остановилось позади Юстэли. Чудовище сложило лапы на груди и уставилось на нас.

Осчастливив нас улыбкой сборщика налогов, Юстэли сказал:

— Лобо поможет всем нам держать себя в руках.

Потом он снова взял свой листок и объявил:

— Следующим выступит господин Сунь Куг Фу из Корпуса освободителей Евразии.

Господин Сунь Куг Фу сидел прямо перед нами, через ряд. Он поднялся, и я увидел молодого тощего щеголя восточного обличья. Он едва заметно поклонился нам, и

это движение было исполнено презрения. Юноша был похож на студента колледжа Лиги Плюща, способного, но несговорчивого, а оттого ненавистного профессорам.

— КОЕ,— произнес он голосом, похожим на скрежет ножиц,— это движение новой волны. Дни европейцев сочтены. Американцы тоже доживают свой век. А эпоха азиатов только начинается, наше солнце едва успело взойти. Под руководством нашего славного вождя Мао Цзедуна, когда будут уничтожены сталинские, хрущевские и коминтерновские ревизионисты и буржуазные отступники из России и Восточной Европы, мир познает невиданные доселе покой и процветание. Мир тебе, Китай! Но кто наш враг? Это не ленивый зажавшийся дядя Сэм, не изнеженный европеец, не обманутые народные массы зарождающихся наций. Нет! Истинный враг — тот, кто использует наши идеалы, чтобы помешать нам добиться наших целей. Так называемая коммунистическая партия! Да, здесь, в Нью-Йорке, окопались недобитки Керенского. Мне безразлично, как они себя называют, эти приверженцы мирового единства, эти...

— Благодарю вас,— с легким нажимом произнес Юстэли.— Большое спасибо, но мы должны выслушать и остальных.

Господин Сунь Куг Фу, казалось, хотел взбунтоваться, но мгновение спустя успокоился и сел, потому что за спиной Юстэли маячила внушительная фигура Лобо.

Юстэли объявил миссис Эли Баба, и она повторила собравшимся почти все те назидания, которые уже были известны мне. А потом настала моя очередь.

Я услышал свое имя, название моей организации и ее сокращенное обозначение и растерялся, не зная, что мне делать. Я встал и оглядел физиономии присутствовавших, похожие на лики с фресок готических соборов. На миг меня охватило желание рассказать этим людям, кто я такой на самом деле, потом — сообщить им, кто они такие на самом деле, а после этого презрительно повернуться и уйти.

Будь здесь одни бодкины да бабы, я бы, наверное, так и сделал, но нельзя было сбрасывать со счетов и эту парочку на сцене. А парочка на сцене была слеплена совсем из

другого теста. Юстэли хоть и собрал под свое крылышко разных лунатиков, но сам вовсе не казался безобидным дурачком. Что касается Лобо, то он, возможно, и не был самым башковитым парнем на свете, но ведь мозги — еще далеко не все.

Поэтому ради Юстэли и Лобо (не говоря уж о себе самом) я произнес — быстро и громко, в надежде, что это придаст моим словам убедительности:

— Наш СБГН считает, что на Земле больше не должно быть никаких границ. Неограниченная свобода передвижения — вот что мы проповедуем. И мы считаем, что если где-то ставят пограничные столбы, наш долг — повергнуть их наземь. Это мы и делаем. Спасибо за внимание.

Я сел и получил в награду лучезарную улыбку Юстэли, который, кажется, наконец-то был по-настоящему доволен.

— Вы восхитительно кратки, мистер Рэксфорд, — проговорил он. — Восхитительно. Давайте надеяться, что ваши последователи возьмут с вас пример. — Юстэли заглянул в список и объявил: — А теперь — мистер Хайман Мейерберг из партии передовых рабочих, ППР.

Хайман Мейерберг встал. Он оказался высоким и чуть грузноватым упитанным мужчиной, который, очевидно, не держал себя в черном теле и налегал на вареное тесто. Кроме того, он здорово смахивал на таксиста. Волосы его изрядно поредили, а надо лбом зияли огромные залысины. Нетрудно было догадаться, что он привык носить кепку.

Не скрывая насмешки, Мейерберг произнес:

— Я согласен с господином Сунь Куг Фу, уже выступавшим здесь. Коммунистическому движению и впрямь угрожают ревизионисты, но ни он сам, ни его единомышленники, похоже, не осознают, что и они тоже ревизионисты, которые ничем не лучше московских столоначальников. Сталин — вот кто настоящий человек. Именно он развивал идеи Ленина и строил подлинно марксистское государство. А всех этих троцкистов-маоистов с их первобытным шовинизмом надобно смести...

Послышался низкий зловещий рык, и Мейерберг умолк.

Так мог бы рычать впавший в спячку медведь, которого ткнули палкой в бок. Все взглянули на Лобо. Он опустил руки и пристально смотрел на Мейерберга. Оратор откашлялся, почесал нос, подтянул штаны и сел.

Юстэли тактично сделал вид, будто Мейерберг уселся по собственному почину, и сказал:

— Большое спасибо, мистер Мейерберг, рад, что вы поддержали введенную мистером Рэксфордом традицию кратких выступлений. А теперь — следующий оратор, мистер Льюис Лаботски из военизированного подразделения «Сыновья Америки», ВПСА.

Если Мейерберг был похож на таксиста, работающего в дневную смену, то Лаботски смахивал на его собрата по поприщу, крутящего баранку по ночам. Он был ниже ростом и хлипче, с остренькой недовольной физиономией. Такие возят с собой транзисторный приемник и включают рок-н-ролл на полную мощность, чтобы позлить пассажиров.

Он заявил:

— ВПСА отчасти разделяет взгляды миссис Сельмы Бодкин, дамы из МДМЯ; мы с ней иногда встречались в пикетах и на разных мероприятиях. Мы в нашем ВПСА тоже считаем, что расовое вырождение представляет собой самую большую угрозу современному миру наряду с преимущественным предоставлением рабочих мест неграм и их насильственным объединением в бригады, в которых они из-за малого объема своих черепных коробок оказываются не в состоянии достичь требуемой квалификации, но тем не менее добиваются того, что честные американские белые рабочие оказываются выброшенными на улицу, а ведь у них есть семьи. Всех этих негров и сочувствующих им следует перестрелять, дабы знали, что нельзя вырывать кусок хлеба изо рта малолетних детей честных и усердных американских рабочих. Благодарю за внимание!

Он сел, но тотчас опять вскочил и добавил:

— Но дело не в одних только черномазых. Покуда существуют евреи, католики, итальянцы, поляки и иные меньшинства, честным и усердным американским рабочим не видать защиты от жестокого обращения в сфере

производства. Благодарю вас.

Внезапно меня осенило. Я посмотрел на Анджелу и шепотом спросил:

— Ты это записываешь?

Она разинула рот.

— Ой, мамочки! Совсем забыла! — воскликнула Анджела и принялась обшаривать карманы куртки в поисках ручки и блокнота.

Я хотел было сказать, чтобы не утруждала себя, поскольку эта Лига новых пустобрехов вряд ли выдаст что-либо достойное запечатления на бумаге, но потом снова вспомнил про Юстэли и Лобо, равно как и про ФБР, которое существует где-то в разумном внешнем мире, и решил ничего не говорить.

Юстэли уже представлял следующего оратора, мистера Лайонела Стоунрайта из братства «Фонд защитников Христа» или ФЗХ. Лайонел Стоунрайт встал, и я увидел банкира из какого-нибудь кинофильма. Ни дать ни взять.

— Господин председатель, — вежливо проговорил Лайонел Стоунрайт. — Дамы и господа. Признаюсь, я немного удивлен приглашением на митинг, в котором, похоже, участвуют в основном, если не поголовно, деятели профсоюзного движения. Как президент братства «Фонд защитников Христа», старейшей из постоянно действующих в США организаций, ставящей своей целью исключительно обеспечение промышленных предприятий штрейкбрехерами, я заверяю вас, что меня мало утешает то обстоятельство, что люди, которых я нанимал в разное время, наверняка показали большинству из вас, если не всем, почем фунт лиха.

Лобо глухо зарычал, но Стоунрайт не обратил на него никакого внимания и продолжал:

— Наш председательствующий, мистер Юстэли, высказал предположение, что явка на сегодняшнее собрание пойдет на пользу мне, или, вернее, «Фонду защитников Христа». Не представляю себе, какую выгоду можно извлечь из союза с красными и подрывными элементами, и не вижу причин задерживаться здесь хотя бы на мгновение.

Встречая сопротивление, Юстэли обычно расплывался

в улыбке. Сейчас он улыбнулся так, как никогда еще не улыбался на моей памяти, и сказал:

— Как я уже говорил, дорогой мистер Стоунрайт, присутствующие в этой комнате лица выражают очень широкий спектр мнений. И мы собрались вместе вовсе не для того, чтобы поддержать какое-то одно из этих мнений, а для того, чтобы, возможно, общими усилиями добиться более весомой отдачи от нашей общественной деятельности.

— Братство «Фонд защитников Христа» не нуждается ни в чьей помощи, — ледяным тоном отвечал Стоунрайт, одарив всех нас тусклой издевательской ухмылкой. — А уж в поддержке малохольных — тем паче.

«Малохольных!!!»

Опять поднялся крик и переполох; миссис Баба, мистер Злотт, миссис Бодкин и чета Уэлпов вскочили на ноги и принялись вопрошать, как мистеру Стоунрайту могло прийти в голову назвать их малохольными. Я увидел, как Юстэли оглянулся, кивнул Лобо и отошел в сторонку. На лице его застыло смешанное выражение тихой печали и понимания.

Лобо спрыгнул с возвышения, как горилла с дерева. По очереди подходя к каждому крикуну, он возлагал тяжелую длань на лоб орущего и давил до тех пор, пока крикун не переставал кричать и не усаживался. На все про все Лобо понадобилось меньше тридцати секунд. Воцарилась гробовая тишина, и только мистер Стоунрайт по-прежнему был на ногах. Лобо огляделся, удовлетворенно кивнул и вернулся на возвышение.

Стоунрайт дождался, пока Лобо уберется восвояси за спину Юстэли, и сказал:

— Как и любые леваки из низших сословий, вы, ребята, понимаете только грубую силу. Позвольте заверить вас, что я не стану осквернять мою организацию, вступая в союз с кем-нибудь из вашего брата,

пусть даже и на минутку.

Юстэли — воплощенная улыбчивость — ответил:

— Остается лишь сожалеть о таком решении, мистер Сто...

— Окончательном решении, — прошипел Стоунрайт. — А еще я хотел бы предупредить вас о том, что, покинув этот зал, я намерен немедленно сообщить в соответствующее учреждение о заговоре подрывных элементов, наверняка действующих по указке коммунистов!

Улыбка Юстэли сделалась задумчивой.

— Надеюсь, вы шутите, мистер Стоунрайт, — сказал он.

— Уверяю вас, что я совершенно серьезен, — ответил Стоунрайт.

— Ага... — проговорил Юстэли. — Очень жаль.

Он улыбнулся с горьким смирением, повернулся и добавил:

— Лобо.

— Зажмурься, — шепнул я Анджеле и быстро зажмурился сам, зная, что пацифисту вряд ли стоит созерцать то зрелище, которое вот-вот должно было разыгаться здесь.

Но если глаза можно зажмурить, то уши, увы, достаточно крепко не заткнешь. Я услышал, как кто-то (вероятно, Стоунрайт) произнес: «У-в-в-ф!», потом донесся топот бегущих ног. Кто-то промчался мимо меня, задев мое левое плечо. Мгновение спустя где-то сзади раздалось нечто вроде: «тук». Затем: «кхе-кх-кхр-р». И наконец: «шлеп-шлеп-шлеп».

Короткое мгновение звящей тишины. Потом из противоположного конца зала донесся голос Юстэли:

— Какая жалость, — со слащавой торжественностью произнес он. — Я-то надеялся, что нам удастся обойтись без этого.

Я открыл глаза и посмотрел на Анджелу. Она таранилась на что-то, лежавшее у нас за спиной.

— Ты что, не зажмурилась? — шепотом спросил я.

Она громко прочистила горло, взглянула на меня и тоже шепотом ответила:

— Ой, мамочка родная, не-е-е-ет... Тебе надо было посмотреть на это, Джин!

Похоже, она и впрямь была поражена.

Стоявший впереди Юстэли тем временем давал указания:

— Лобо, положи его в прихожей, потом разберемся.

Дамы и господа, прошу извинить за беспокойство, но, разумеется, никто из нас не хотел бы, чтобы этот человек отправился к властям,— он любезно улыбнулся нам и с ударением произнес:— Покойный знал наши имена и названия организаций. Он мог принести немало бед всем присутствующим в этом зале.

Примерно половина аудитории смотрела на Юстэли, остальные изогнулись в креслах и разглядывали что-то в заднем конце комнаты. Я посмотрел на обращенные в мою сторону лица. Все они выражали одно и то же: любопытство. Произошло событие, напрямую связанное с их родом занятий, и им, естественно, хотелось знать, как устроители собрания справились с делом. Никто, похоже, не удивился, не испугался, не был потрясен и не испытывал чувства отвращения перед лицом случившегося.

Да и с чего бы? В конце концов, не они были лазутчиками в этом цветнике. Лазутчиком был я.

Бросив взгляд на Анджелу, я увидел, что она склонилась над стенографическим блокнотом и растерянно изучает свои каракули. Вид у нее был вконец убитый, а мысли витали где-то далеко. Я оглянулся и посмотрел в дальний конец зала, но Лобо уже утащил покойного мистера Стоунрайта с глаз долой.

Юстэли устроил перерыв, давая нам возможность прийти в себя, а потом сказал:

— Следующим в моем списке числится мистер П. Маллиган из отряда «Сыны Ирландии», СИ. Мистер Маллиган, прошу вас.

Мистер Маллиган вскочил, будто попрыгунчик. Это был тощий нескладный суетливый человечек лет пятидесяти, с сединой в волосах, блестящими синими глазками и красным носом картошкой. Он бы обладателем немыслимо белых сверкающих искусственных зубов, несуразно крупных для его маленькой пасти, из-за чего физиономия мистера Маллигана, когда он заговорил, сделалась похожей на решетку автомобильного радиатора. (Он, разумеется, принадлежал к разряду зевак, готовых тотчас ввязаться в уличный скандал на углу, если там вдруг столкнутся два такси, управляе-

мые Хайманом Мейербергом и Льюисом Лаботски).

— Перво-наперво, — начал мистер Маллиган своим трубным гласом, с зубовным блеском и таким жутким ирландским выговором, какого не услышишь и со сцены, — я вам вот что скажу. Очень мне понравилось, как вы разобрались с англичанином этим, со Стоунрайтом. По правде говоря, я уж было подумал, что у вас тут какая-нибудь дурацкая организация школьников и неграмотных торговков молоком. Но нет. Знаете, если вы поможете нам, чтобы мы этих английских поганцев проучили как следует, то я вам обещаю: «Сыны Ирландии» будут в ваших рядах и в пост, и в праздник. Эти англичане...

Но больше я ничего не услышал, потому что в голове у меня вдруг взорвался вулкан.

По-настоящему ужасные события действуют на нас не сразу. Вы и сами это знаете. Нужно какое-то время, чтобы вас пробрало, чтобы вы все поняли, осознали и начали реагировать. Поэтому до меня только теперь дошло, что над Лайонелом Стоунрайтом учинили расправу.

А ведь кабы не милость всевышнего, на его месте мог оказаться я. Я же чуть не высказал этим людям все, что о них думаю, едва не разоблачил себя как шпиона, едва не обложил Юстэли и Лобо точно так же, как это сделал мистер Стоунрайт!

Я не то чтобы переменял свое мнение о Лиге новых начинаний. Я по-прежнему не хотел верить в то, что Лига, в которой состоят людишки вроде миссис Сельмы Бодкин, мистера и миссис Фред Уэлп, мистера Хаймана Мейерберга и ныне разглагольствующего мистера Маллигана может представлять опасность для меня или кого-нибудь другого. Ну разве способна миссис Элли Баба внушить ужас человеку, достигшему шестилетнего возраста? Разве станет какая-нибудь организация — и Лига новых начинаний в том числе — посылать мистера Эли Злотта на задание, связанное с терроризмом? Какой дурак поверит, что Злотт выполнит его, и выполнит как положено? Вздор! Да это же просто горстка ни на что не годных злодеев из фильма про Дика Трейси.

Но Юстэли — совсем другое дело. Вероятно, он тоже с

прибабахом, об этом можно судить хотя бы по его стремлению свести дружбу с другими чокнутыми и подобранным им самолично кандидатурам. Но вряд ли он — безобидный чудака. Мюррей все-таки был очень близок к истине: Лига новых начинаний вряд ли стала бы охотиться за мной, не явись я на сегодняшнее собрание, но вот Юстэли (или, скорее, Лобо) определенно начал бы преследовать меня, чтобы заставить замолчать, как он заставил замолчать Стоунрайта.

Ну, и как вы думаете, добился бы он успеха? Если учесть, что меня взяли бы охранять Мюррей Кессельберг, Анджела Тен Эйк и десяток пацифистов, не платящих членских взносов?

Ответ на этот вопрос заставил меня содрогнуться.

А потом я содрогнулся еще раз, когда Лобо протопал мимо меня, возвращаясь из гардероба на сцену. Он бросил тяжелый косой взгляд на Маллигана, который все разорялся по поводу англичан, и тот, мигом захлопнув пасть, плюхнулся на стул, как будто был прикреплен к сиденью пружиной. Больше он никому не мозолил глаза.

— Благодарю вас, мистер Маллиган,— промурлыкал Юстэли.— И за краткость, и за выражение доверия. А теперь — последний по порядку, но отнюдь не по значению оратор — мистер Джек Армстронг из Национальной комиссии по восстановлению фашизма, НКВФ. Прошу вас, мистер Армстронг.

Джеку Армстронгу было, самое большее, года двадцать три. Рост — примерно шесть футов четыре дюйма, телосложение — как у чемпиона мира по плаванию или футбольного полузащитника, волосы белокурые, подстриженные под «ежик», бычья выя и лицо умственно отсталого ребенка, как на плакатах, призывающих вступить в морскую пехоту.

— Мы,— начал он нелепым истошным бабьим голоском,— люди, которые считают, что покойный Адольф Гитлер внес важнейший вклад в человеческую культуру. Мы — люди, которые считают, что правда о крестовом походе этого великого человека была искажена и перевернута наймитами, которым платили за это жида

всего мира. Мы — люди, которые считают...

— Ну, нет, довольно! — раздался крик, и я снова увидел впереди так хорошо знакомую мне копну волос — единственную часть тела Эли Злотта, которую я когда-либо видел.

— После всех надругательств! — Орал он. — После всех зверств, причиненных нам...

— Лобо, — тихо произнес Юстэли.

Этого оказалось достаточно. Голос Эли Злотта мгновенно смолк, а копна волос скрылась из виду.

Юстэли улыбнулся Джеку Армстронгу, который стоял, расставив ноги и уперев руки в бедра, готовый грянуть марш Хорста Весселя, чтобы встретить возвращающихся с лыжной прогулки товарищей.

— Большое спасибо, мистер Армстронг, — сказал председательствующий. — Думается, мы получили достаточно верное представление о вашей организации.

— Хайль! — пискнул Армстронг, вскидывая руку в нацистском приветствии, и его крик эхом отразился от стен зала. После этого фашист упал на стул, как будто его свалила пуля.

Похоже, даже Юстэли малость опешил. Но тотчас опомнился и сказал:

— Благодарю вас, дамы и господа, за ваше решение провести этот вечер с нами. Думается, вы и сами видите, что у вас много общего, и вы сможете плодотворно трудиться все вместе ради общего блага. — Он одарил нас улыбкой гордого папаши и продолжал: — А сейчас я бы хотел представить вам моего друга, блистательного тактика, одного из самых одаренных и подкованных специалистов всех времен и народов в области устройства общественных беспорядков. Этот человек объяснит вам, чего мы рассчитываем добиться, объединившись в группу, и как будем превращать желаемое в действительное. Дамы и господа, мистер Леон Эйк! — воскликнул Юстэли, простирая руку к двери, видневшейся справа от возвышения.

На миг все застыли в ожидании, потом дверь открылась, и вошел мистер Леон Эйк.

В тот же миг Юстэли сделался маленьким и ничтожным, а все остальные превратились в малых детей. Леон Эйк (до

чего неподходящее имя, хотя, впрочем, это вовсе и не его имя) был величав как орел, поджар как волк и гибок как гепард. Уверенный в себе, мрачный хищник, презирающий всех и вся, он, разумеется, бы облачен в черные одежды — такие же черные, как его волосы и глаза. Его землистое насмешливое миловидное лицо выглядело зловеще и лоснилось. Коварные помыслы обуревали его чело. Он ступал грациозно, как танцовщик, и бесшумно, как убийца. Поднявшись на возвышение, он оглядел нас сверкающими умными глазами, полными злорадства и презрения.

— Дамы и господа, — проговорил он голосом, похожим на треск рвущегося шелка, — добрый вечер.

В этот миг Анджела судорожно вцепилась в мой локоть. Я нахмурился, повернулся и увидел ее вытаращенные глаза и пепельно-серое лицо. Анджела труоливо съежилась в кресле. Я склонился к ней и спросил, в чем дело.

Она ответила мне сдавленным от ужаса шепотом, с подвыванием:

— Это Тайрон! Это он, мой брат Тайрон!

8

Тайрон Тен Эйк! Брат Анджелы, паршивая овца. Тот самый, который десять с лишним лет назад удрал за бамбуковый занавес, в коммунистический Китай, тот самый, которого считали даже не погибшим, а того хуже, и которого никто уже не чаял увидеть в Западном мире. Но вот он, любуйтесь. Стоит, будто каланча, в длинной комнате с низким потолком на углу Бродвея и 88-й улицы в Нью-Йорке, Соединенные Штаты Америки. А его сестра трусливо прячется за спинами сидящих в зале зрителей, точнее, за спиной закоснелого в своем сталинизме Хаймана Мейерберга.

Я принялся разгибать застывшие пальцы Анджелы, один за другим, чтобы высвободиться от ее хватки, потом склонился к ее уху и прошептал:

— Он тебя не видит, успокойся. Надень куртку и подними капюшон. И запомни все, что он скажет. Во что

бы то ни стало запиши все его слова.

— Ой, Джин,— шепотом ответила Андже́ла, пока ее братец благодарил нас с трибуны за то, что мы пришли на сегодняшний вечер,— ты просто его не знаешь. Он колот меня булавками и подпаливал бока кошкам, а слуг норовил спихнуть с лестницы.

— Он тебя не заметит,— шепнул я, и сам начиная трусить.— Ты только надень куртку и запиши все, что он скажет, хорошо?

— Ой.

Тайрон Тен Эйк уже успе́л покончить со своим вступительным словом и, повернувшись к Лобо, сказал:

— Принесите, пожалуйста, схемы.

Лобо неуклюже затопал в ту комнату, из которой появился Тайрон Тен Эйк. Я тем временем суетливо помогал Андже́ле натянуть куртку, а моя подруга роняла то ручку, то блокнот, то ручку, то блокнот и всякий раз нагибалась, чтобы поднять оброненное. Все остальные сидели неподвижно, безмолвно и настороженно, и только мы двое вели себя как дети на американских горках. Но пока ни Тайрон Тен Эйк, ни кто-либо другой, похоже, не замечали этого.

Вернулся Лобо с большим подрамником, который он водрузил на возвышение, и охапкой таблиц. Их он, разумеется, разместил на подрамнике.

Тайрон Тен Эйк отступил на шаг, остановился возле подрамника и сказал:

— Благодарю вас, Лобо. А теперь вам, пожалуй, лучше вернуться на свой пост у дверей. Чтобы нам уж наверняка никто не помешал.

Лобо потопал прочь, а Тайрон Тен Эйк улыбнулся нам. Если улыбка Юсте́ли напоминала масло, то улыбка Тайрона была похожа на огонь. Если Юсте́ли улыбался отрешенно, то в улыбке Тайрона сквозил леденящий холод. Если улыбка Юсте́ли... Впрочем, ладно.

— Прошу внимания,— проговорил Тайрон и, убедившись, что мы внимаем ему (все, кроме Андже́лы, которая прикрывала голову капюшоном, поднимала то блокнот, то ручку, то блокнот, то ручку и трусливо пряталась за спиной

Хаймана Мейерберга, пытаюсь в то же время вести стенограмму и совладать со своими нервами), повернулся к подрамнику. Он снял первую схему и сказал:

— Это схема устройства американского правительственного аппарата. Как видите, вся бюрократическая неразбериха внизу имеет только три источника, показанные в верхней части: администрация, законодательные органы и судебная система. Те, кто хочет уничтожить это правительство, совершают очень распространенную ошибку, ограничиваясь убийством главы администрации, президента, а две другие ветви остаются в целости и сохранности и продолжают действовать. Ветви эти, как показано на схеме, представляют собой Конгресс и Верховный суд, — он обратился к нам свое лоснящееся лицо и добавил: — Этот вопрос мы рассмотрим позднее, а сейчас — продолжим.

Тайрон убрал схему, представляющую собой квадратики, соединенные линиями (таких полным-полно в школьных учебниках обществоведения), и показывавшую, что все маленькие квадратики были связаны с тремя большими, нарисованными сверху. Тайрон и впрямь был грамотным лектором, но что с того?

Он сказал:

— Давайте рассмотрим другой вопрос. Где нам искать юные дарования, от которых зависит наше будущее? Где сливки нашего общества, где самые ценные плоды наших нив — молодые государственные деятели, экономисты, обществоведы, политологи завтрашнего дня?

Он похлопал ладонью по второй схеме, представлявшей собой перечень географических названий, возле которых стояли какие-то цифры. Они были выведены мелким шрифтом, и мы не могли разглядеть их из зала.

— Вот, смотрите, — продолжал Тайрон. — Они здесь, в Организации Объединенных Наций. Специальные помощники, секретари, младший персонал и так далее. Светлые умы, молодые люди чуть ли не из всех стран мира, собранные вместе в одном стеклянном здании, похожем на коробку из-под овсяных хлопьев, на берегу Ист-Ривер. Это еще одно любопытное наблюдение, на котором мы впоследствии остановимся более подробно.

Он повернулся, одарил нас яркой улыбкой и снял с подрамника схему ООН. Под ней оказалась большая фотография разрушенного здания.

— Вот какие разрушения способны произвести десять фунтов недавно изобретенной пластиковой взрывчатки, — произнес Тайрон, в мрачной задумчивости разглядывая снимок. — Эта новая взрывчатка податлива как пластилин, почти как детская игрушка под названием «глупый стекольщик», и поэтому ее можно прятать в самых неожиданных местах. Запалом служит электрический разряд.

Под фотографией оказалась еще одна схема из квадратов и линий.

— Из всех больших, мощных и населенных стран только одна никак не представлена в Организации Объединенных Наций. Это, конечно же, Китай. Умная китайская молодежь, грядущее поколение творцов, обособлена от своих ровесников в других странах и варится в собственном соку. Отсюда — шовинизм, местничество, необразованность, подозрительность и неспособность к истинно умозрительному мышлению.

Тайрон Тен Эйк опять повернулся к нам, заложил руки за спину, оглядел нас, будто забавляясь, и продолжал:

— Вижу, что вы слушаете меня с большим вниманием и столь же большим непониманием. Я очень признателен вам за то, что вы воздерживаетесь от каких-либо вопросов, и обещаю, что в конце концов свяжу все эти разрозненные сведения в единое целое, и у нас получится всеобъемлющий план действий, который наверняка наполнит радостью ваши сердца. — Он повернулся к подрамнику и протянул руку к схеме. — А теперь...

Все это время, как вы понимаете, Анджела билась со своей курткой. Ей удалось продеть руку в левый рукав, кое-как натянуть капюшон и застегнуть несколько пуговиц, но пустой правый рукав по-прежнему болтался у Анджелы за спиной. Во внезапном припадке суетливого страха она резко изогнулась, норовя просунуть руку в правый рукав, и ударилась локтем о спинку соседнего стула, который тотчас опрокинулся и рухнул на пол с грохотом, какой

способны производить только складные деревянные стулья.

Ну, да это были еще цветочки. Падая, стул повалил следующий, который тоже опрокинул следующий, который... Короче, весь ряд стульев со стуком и треском повалился на пол. Звук был такой, будто отряд конников проскакал по железной крыше.

Все усталились на нас. На нас! И наши беды еще не кончились. Далеко не кончились.

Пока мы с Анджелой, оторопев от ужаса, таращились друг на друга, ряд падающих стульев навалился на соседний. Тот тоже рухнул. И следующий. И следующий. И следующий. Будто костяшки домино, все стулья слева от прохода, гремя, треща, грохоча и рассыпаясь, рухнули на пол.

Последовавшая за сим тишина показалась мне самым громким звуком, какой я когда-либо слышал.

И вдруг в эту оглушающую тишину вкрался голос Тайрона Тен Эйка.

— Анджела?

Я взглянул на Тайрона. Он во все глаза смотрел на Анджелу. Потом шагнул вперед и прищурился, не отводя взора от сестры.

Анджела то ли простонала, то ли прошептала:

— О-о-о, Джи-и-и-н...

И тут Тайрон Тен Эйк, отбросив все сомнения, взревел:

— Анджела! Ах, ты, пацифистская сучка!

— Бежим,— предложил я, схватив Анджелу за руку и, повалив еще несколько стульев, бросился к выходу.

Из-за портьер появился Лобо. Он маячил впереди, преграждая нам путь к свободе и безопасности. А в тылу, перекрикивая зарождающийся гвалт террористской мелюзги, вопил Тайрон Тен Эйк:

— Лобо, хватайте их! Лобо, хватайте их!

Вероятно, нас спасло употребленное Тайроном местоимение. Если б он заорал «хватайте его», Лобо растер бы меня в пыль, как ком земли. Услышав крик «хватайте ее», он ни за что не дал бы Анджеле добраться до двери. Но Лобо получил указание «хватать их». При этом никто толком не объяснил ему, как это сделать и кого из «них» хватать

первым. А посему Лобо просто стоял истуканом и ничего не предпринимал.

— »Бутерброд!« — крикнул я в надежде, что Анджела поймет меня, и толкнул ее влево, а сам шарахнулся вправо. Мы обежали вокруг Лобо, который с растерянным видом и большим опозданием растопырил руки, шмыгнули в завешенную портьерами дверь, выскочили на лестницу и бросились вниз.

На улице было все так же холодно и ветрено, а теперь стало еще и безлюдно. В этой части Бродвея полным-полно кинотеатров, но сейчас было уже без двадцати час, и все они закрылись. Забегаловки тоже, равно как и винные лавки, обувные магазины, аптеки, магазины готового платья, кондитерские и иные заведения, длинными многоквартирными вереницами тянувшиеся вдоль обоих тротуаров. Мимо проехало несколько свободных такси с горящими желтыми фонарями. Кроме нас на улице больше никого не было.

Впрочем, безлюдью этому, вероятно, не суждено продлиться слишком долго. По-прежнему держа Анджелу за руку, я опрометью бросился за угол, где стояла наша тачка с откидным верхом. Будь он опущен, я, наверное, просто нырнул бы в машину, перескочив через борт, но крыша была поднята, и мне пришлось избрать более медленный способ проникновения в салон. Я распахнул дверцу с правой стороны, затолкал в машину Анджелу и юркнул туда сам, крича:

— Запускай мотор! Запускай мотор!

Я захлопнул дверцу, Анджела вставила ключ в замок зажигания, и тут у нас за спиной раздался голос:

— Ага, вот и вы.

Мы повернули головы и увидели на заднем сиденье двоих парней.

Анджела взвизгнула и попыталась выскочить из машины, перебравшись через меня или протиснувшись мимо меня, а если надо, то и пройдя сквозь меня. Но я оттолкнул ее и воскликнул:

— Не дергайся, не дергайся, это ребята из ФБР!

В конце концов Анджела обмякла, еще раз покосилась

на сидевшую позади парочку и шепотом спросила:

— Ты уверен?

— Разумеется, уверен, — ответил я и указал на них (И. и Й.). — Смотри, какие они худощавые. Видишь, они в серых костюмах, и у них нет кадыков. И шляпы старомодные. И челюсти квадратные!

— Очень смешно, — сказал И., и Й. прыснул.

— У нее нет такого опыта, как у меня, — объяснил я ему.

— Вопрос в том, — сказал мне И. (вам не кажется, что начинается путаница?), — где вы были в течение этого часа?

— Могу поручиться, что ответ на этот вопрос покажется вам весьма интригующим, — проговорил я и добавил, обращаясь к Анджеке: — Езжай в центр, милая. А по дороге я расскажу им нашу историю.

— Дай бог, чтобы она нам понравилась, — размечтался И.

9

По-видимому, история им и впрямь понравилась. Нас только, что они потребовали трижды повторить ее. Первый раз — по пути в центр. Второй — когда мы поднялись ко мне в квартиру и увидели там К., рывшегося в ящиках моего комода. И, наконец, в третий раз, после того как К. несколько раз позвонил по телефону, и нас с Анджелой отвезли в какое-то учреждение на Пятой авеню неподалеку от городской библиотеки. Там, в тесном кабинетике, на двери которого значилось: «Отдел международных связей в литературе», я в очередной раз отбарабанил свою захватывающую повесть. Слушателями моими были Л., М., Н., О. и П. П., похоже, был тут за главного, он сидел за письменным столом, в то время как Л., М., Н. и О. устроились кто на стульях, кто на подоконниках.

Интерьер кабинетика совершенно не вязался с обликом собравшихся здесь людей. Два высоких пыльных окна с древними толстыми рамами, наполовину закрытые ветхими жалюзи, выходили в одну из старейших вентиляционных шахт Нью-Йорка. Вдоль стены тянулись железные стеллажи болотно-зеленого цвета, на которых красовались

ряды никому не нужных книг на разных языках, большей частью, кажется, художественных. Напротив стоял древний растрескавшийся кожаный диван ржаво-рыжего цвета, а по бокам его украшали два разительно не похожих друг на друга торшера. На одном из них был абажур с бахромой. Письменный стол у П. был деревянный, мрачный и ободраный. Тоже старый и тоже деревянный картотечный шкаф выглядел так, будто его не раз спасали из огня. Серый ковер почтенного возраста был покрыт бороздами, а колченогие стулья с высокими спинками, на которых сидели мы с Анджелой, казались его ровесниками. Одним словом, создавалось впечатление, что убранство кабинета было закуплено на распродаже имущества Армии Спасения. Основным источником света служила люминесцентная настольная лампа, похожая на те, что стоят на бормашинах в кабинетах зубных врачей.

Такова была сцена, с которой я опять выступал со своим устным рассказом (на сей раз уже довольно сносно); Анджела тоже время от времени вставляла словечко. Когда выступление мое подошло к концу, я добавил:

— Надеюсь, кто-нибудь из вас записал все это. Я уже в третий раз повторяю свой рассказ и вряд ли смогу продолжать в том же духе.

Шел уже четвертый час утра, и усталость начинала подтачивать мои мыслительные способности.

— Не волнуйтесь,— ответил П.— Все записано на пленку.

П. был постарше остальных, меньше ростом и коренастее. Чувствовалась старая закалка. Он смолил одну сигарету за другой и на миг умолк, чтобы зажечь новую от окурка предыдущей. Затем продолжал:

— Честно говоря, Рэксфорд, это безумная история, и, учитывая то, какая о вас идет слава, я сначала хотел пропустить ваш рассказ мимо ушей,— он раздавил окурки в пепельнице, и заметив негодование Анджелы, добавил: — Но в данном случае есть некоторые обстоятельства, придающие вашим словам известную долю достоверности.

— Благодарю,— вставил я (мы, пацифисты, никогда не

предавали анафеме такую разновидность оружия, как на-смешка).

Но это оружие, похоже, не оказало на П. никакого вредоносного воздействия. Он как ни в чем не бывало продолжал:

— Упомянутые вами люди — миссис Элли Баба, Маллиган, Элли Злотт, Джек Армстронг и миссис Сельма Бодкин — действительно стоят во главе организаций подрывного толка. По правде сказать, я сроду не слыхал о мистере и миссис Фред Уэлп, но это еще ни о чем не говорит. Судя по вашим словам, это крайне правые, а наши досе охватывают в основном леваков. Но это — строго между нами.

Он откинулся на спинку своего вращающегося кресла и принялся кружиться туда-сюда, сложив губы бантиком и задумчиво разглядывая крышку стола. В конце концов П. сказал:

— А тут еще брат мисс Тен Эйк. Мы уже получили из других источников сведения о том, что Тайрон Тен Эйк прибыл в страну под целой кучей вымышленных имен, чтобы заняться здесь подрывной и диверсионной деятельностью. И оттого, что он объявился здесь в такое время и в обществе описанных вами личностей, мне делается немного не по себе.

П. опять впал в мрачную задумчивость; он сидел, печально разглядывая стол и стряхивая пепел на брюки, и, очевидно, размышлял, чем чревато объединение Тайрона Тен Эйка с описанными мной личностями. Наконец он покачал головой, встрепнулся и сказал:

— Что касается Юстэли, то он, разумеется, не продавец принадлежностей к печатным станкам, мы очень тщательно проверили его. Что, по-моему, ФБР следовало бы сделать в первую очередь. Не сваяй они дурака, не было бы сейчас у нас всех этих забот.

— А вы разве не из ФБР? — спросил я.

Он устало улыбнулся мне и ответил:

— Нет. Мы совсем из другого ведомства.

— ЦРУ? — предположил я.

Л., М., Н., и О. переглянулись и захихикали, услышав

это, потом заерзали на своих местах. Можно было подумать, что я спросил, не бойскауты ли они. О., улыбка которого теперь выражала не только вселенскую усталость, но и вселенскую радость, ответил:

— Нет, мистер Рэксфорд, мы не из ЦРУ. Я очень сомневаюсь, что вы когда-либо слышали о нас вообще. — Он покосился на четверку своих сослуживцев. — Верно, мальчишки?

«Конечно». «Хо-хо». «Разумеется», — ответили они.

Эти парни и впрямь были бойскаутами, хотя и сами того не ведали. Я воочию представил себе, как они сидят вокруг костра и учатся вязать морские узлы. Все они наверняка посещали колледжи на Среднем Западе. И сумели их закончить.

— Ну, ладно, — проговорил П., опять очнувшись от дум, — вернемся к делу. Клуб «Парни с приветом» — вот что стало решающим очком в вашу пользу. Когда мы добрались туда, зал, разумеется, уже был пуст, но вчера вечером его сняла в аренду какая-то шайка, именующая себя «Светским клубом Южной стороны». Похоже, такой организации не существует. Кроме того, за аренду было уплачено наличными, а в довершение всего в гардеробе мы нашли какие-то крошечные пятна, вероятно, кровь. К утру у нас будет отчет из лаборатории.

Кто-то еще, кажется, М., проговорил:

— И хвосты, шеф.

— О, разумеется, — ответил П. — Эли Злотт и миссис Элли Баба находятся под постоянным наблюдением, но оба умудрились незадолго до полуночи уйти от слежки. — Он улыбнулся с легкой грустью и добавил: — Как и вы сами.

— Да уж и не говорите, — ответил я.

— Мы их ждали, но они потеряли нас, — вставила Анджела.

П. вымученно улыбнулся и спросил:

— что?

— На площади Колумба, — пояснил я. — Они как-то исхитрились нас упустить. Двое в синем «шевроле». Мы остановились, как только заметили, что их нет, и прождали минут пять, но они так и не появились.

— Больше ждать было невозможно, — подхватила Андже́ла. — Мы не хотели опаздывать на собрание.

Л., М., Н. и О. снова захихикали и заерзали. П. взглянул на них, и его глаза весело блеснули.

— Давайте, пожалуй, не будем говорить об этом ребятам с Фоули-сквер, парни, — предложил он.

«Хо-хо», «Хи-хи», «Разумеется», — ответили следопыты, а я сказал:

— Я хотел, чтобы ФБР было поблизости. Или, по-вашему, я должен был идти на это собрание без всякого прикрытия?

— Не стану с вами спорить, — весело ответил П. и добавил, выключая фонарики в глазах: — Вернемся к вашему участию во вчерашнем собрании. Мы беседовали с этим вашим дружком-законником, Мюрреем Кессельбергом, и он...

— С Мюрреем? Вы что же, разбудили его?

— Не совсем, — снова сверкнув глазами, сказал П. и спросил О.: — ведь он не спал?

— О, нет, сэр, — отозвался О., тоже сверкнув глазами. — Не совсем спал. ОН был в постели, но бодрствовал.

— Мюррей меня убьет, — сказал я.

Андже́ла взяла меня за руку.

— Ты не виноват, Джин, — мягко проговорила она. — Мюррей поймет.

— Хо-хо, конечно, разумеется, — ответил я.

— Во всяком случае, Кессельберг подтвердил, что вы пошли на собрание из лучших побуждений, — сказал П. — Насколько я понял из ваших слов, вы боялись, что Юстэли и остальные захотят заткнуть вам рот в случае вашей неявки туда. С другой стороны, вы надеялись раздобыть доказательства существования этой организации и предъявить их в ФБР.

— Совершенно верно, — подтвердил я.

— Жаль, я так плохо вела записи, — с сокрушенным видом добавила Андже́ла.

П. одарил ее улыбкой, более-менее похожей на отеческую, и сказал:

— Все в порядке, мисс Тен Эйк. Мало кто сумел бы в таком трудно положении сделать сколько-нибудь разборчивую стенограмму.— Он взглянул на блокнот Анджелы, несколько страниц которого были заполнены узором в жанре абсурда.— Может быть,— с сомнением добавил П.,— наш специалист по стенограммам сумеет прочесть хотя бы часть ваших заметок.

— Мои стенограммы никто никогда не прочтет,— с горечью ответила Анджела.— Ни за что на свете.

Я взглянул на нее.

— Ты об этом не говорила.

— Я стараюсь, но все равно ничего не получается, как ни бейся,— сказала она.

Я взглянул на П., П.— на меня, и на короткий ослепительный миг мы, сами того не ожидая, почувствовали взаимопонимание и обоюдную симпатию. Потом П. откашлялся, пошуршал какими-то бумагами, устался на свой стол и сказал:

— Во всяком случае, ваши усилия не канули втуне,— он взял со стола листок.— Вы сообщили нам имена некоторых присутствовавших там людей и названия одной-двух организаций, в которых состоят те, чьих имен вы не запомнили.— Заглянув в список, П. покачал головой.— Должен признать, что у нас вырисовывается довольно причудливая группировка.

— Они все время порывались намять друг дружке бокка,— сказала Анджела.

П. кивнул ей.

— Надо думать.

— Удивляюсь, что собрание шло так долго,— добавил я.

— Правда? — П. покачал головой.— Ну, а мы не удивляемся. Честно говоря, мистер Рэксфорд, нас очень тревожит эта Лига новых начинаний.

— Да бросьте,— ответил я.— Вы, ребята, повсюду ищите происки заморских недругов. Но заниматься этим сбродом? Этой кучей кокосовых орехов?

П. холодно взглянул на меня и холодно сказал:

— Вы так полагаете, мистер Рэксфорд?

— Юстэли, конечно, не таков,— признался я,— и Тен

Эйк тоже. Готов согласиться, что эти двое, вероятно, представляют какую-то опасность. Равно как и Лобо, когда какой-нибудь человек с мозгами говорит ему, что делать. Но остальные полоумные все как один похожи на тех парней, что садятся рядом с тобой в битком набитом вагоне подземки и заводят беседу с маленькими зелеными человечками.

— Значит, вы не принимаете их всерьез? — спросил П.

— Ни на миг, — ответил я.

П. кивнул О.

— Введите мистера Рэксфорда в курс дела, — велел он.

О. слез с батареи центрального отопления, служившей ему насестом, сказал: «Есть, шеф» и открыл верхний ящик картотечного шкафчика.

П. сообщил мне:

— Он расскажет вам только о тех участниках собрания, чьи имена вы запомнили. Но и остальные, скорее всего, сделаны из того же теста.

— Безмозглые индюки, — заявил я.

— Возможно, — ответил П. и взмахом руки велел О. начинать.

О. вытащил из ящика бурый скоросшиватель, положил его на шкафчик и раскрыл, предварительно задвинув ящик. Пролистав бумаги, он выбрал одну и сказал:

— Миссис Элли Баба. Очень набожная женщина. До 1952 года исповедовала баптизм, но потом, когда ее посадили в тюрьму за нанесение ножевого ранения третьему мужу, перешла в веру черных мусульман. Вероятно, ислам пробудил оголтелую ненависть к белой расе, которую она держала глубоко под спудом, пока была баптисткой. Но и новая вера не давала ей простора для утоления этой ненависти. С 1954 по 1960 год Элли Баба примыкала то к одной негритянской организации правого толка, то к другой, вступая в ряды все более воинственных группировок, и наконец в 1961 году стала членом Всеарабского общества мировой свободы, а в 1964 возглавила одну из его групп. Сейчас в этой группе насчитывается около сорока пяти человек. В кругу знатоков предмета миссис Элли Баба слывет самой

злой бабой в Гарлеме, а возможно, и во всем мире.

О. вытащил из папки еще один лист.

— Патрик Джозеф Маллиган, — продолжал он. — Родился в США, поэтому мы не можем выслать его из страны. Отсидел в федеральной тюрьме за ограбление банка. Вот уже тридцать семь лет боевики из отряда «Сыны Ирландии» ведут в США бурную деятельность, в основном в качестве никем не признанных сборщиков денег для участников движения за независимость Ирландии, действующих как в Ольстере, так и на Британских островах. В разгар своей деятельности Ирландская республиканская армия добывала деньги в основном грабежом банков, и «Сыны Ирландии», похоже, решили пойти по ее стопам. Последние несколько лет они более-менее уgomонились, хотя и устраивали уличные беспорядки перед британским посольством и тому подобные выходы. Маллиган возглавляет эту организацию вот уже семь лет.

О. извлек из папки третий лист.

— Элли Злотт, — сказал он, — человек совсем другого пошиба. Судя по всему, он очень хочет стать хладнокровным убийцей, даже массовым убийцей, но в последнее мгновение почему-то передумывает. Несколько раз ему удавалось подкладывать мощные и крайне опасные взрывные устройства в германские представительства, гостиничные номера, занятые высокими гостями из Германии, и тому подобные места, но всякий раз незадолго до взрыва он звонил и предупреждал о подложенной бомбе, призывая власти очистить прилегающую территорию от людей. До сих пор бомбы удавалось обнаружить, и никаких взрывов не было. Полагают, что смягчающее влияние на Злотта оказывала его жена, Эстер Злотт, именно она убеждала его звонить и предупреждать власти. Три месяца назад Эстер Злотт погибла под колесами «фольксвагена», водитель которого скрылся с места происшествия.

— Боже мой, — пробормотала Анджела.

— Мы считаем, — тихо сказал О., — что сейчас Злотт может стать более опасным.

Он взял следующий лист.

— Джек Армстронг, похоже, всю жизнь придерживался

про-гитлеровских и про-нацистских взглядов, хотя в 1945 году, когда Третьему Рейху пришел конец, ему было всего четыре года. Национальная комиссия восстановления фашизма — группа, которую он создал сам в студенческие годы. В нее входят все близкие друзья, и численность группы колеблется от семи до двадцати двух членов. Они усердно малюют на стенах свастику, пикетируют пикеты защитников гражданских свобод и, возможно, стоят за несколькими убийствами, совершенными снайперами, и актами вандализма в синагогах, хотя весомых улик против них собрать так и не удалось. Тем не менее представляется совершенно очевидным, что Армстронг — душевнобольной и способен на убийство.

Теперь — миссис Сельма Бодкин, вдова пятидесяти семи лет от роду. Член мирового движения матерей-язычниц со дня его основания в 1947 году, с 1958 года — его президент. Судима только один раз, за оскорбление действием. Была на состязаниях по силовым видам спорта во дворце Святого Николая, а гвоздем программы в тот вечер стала схватка между белым рукоборцем по прозвищу Капитан Америка и негром по кличке Дикий Вирджил. Когда Дикий Вирджил припечатал к столу руку белого, миссис Бодкин решила, что негр выиграл при помощи запрещенного приема. Она вскочила, вскарабкалась на ринг и огрела Дикого Вирджила газетой, в которую был завернут кусок свинцового кабеля. Приговорили ее условно. Потом в Сент-Альбане, Куинс, кто-то подложил в дом Дикого Вирджила бомбу, но доказательств причастности миссис Бодкин к этому преступлению найти не удалось. Она и ее группа, возможно, причастны и к нескольким другим взрывам, хотя мы в этом не уверены, но нам доподлинно известно, что они повадились нападать на пикеты защитников гражданских свобод, избивая их свинцовыми трубами, завернутыми в газеты. Бесчинствовали они и на улицах, где промышляют «ночные бабочки», а кроме того, почти полностью разгромили театр под открытым небом на Лонг-Айленде, когда его владелец отказался прогонять с автостоянки те машины, в которых сидели влюбленные парочки, составленные из людей разных цветов кожи. Мы не

знаем, убивала ли миссис Бодкин людей собственными руками, но нам точно известно, что она хотела бы этим заняться.

О. сложил бумаги в папку, убрал ее в ящик и занял свое место на батарее.

— Ну? — спросил меня П.

— Что — ну? — ответил я.

— Вы все еще верите, что эти люди не опасны?

— Отнюдь. Я никогда и не считал их безобидными. Они сумасшедшие, а ведь умалишенные могут время от времени причинять ущерб. Но вы говорили о Лиге новых начинаний, а это — другое дело. Такой сброд не сплотишь и не заставишь его сделать хоть что-нибудь. Поверьте мне, я встречал таких же или очень похожих людишек, и от них нет никакого проку.

— Стало быть, у вас уже есть опыт общения с такого рода личностями? — спросил П.

— Только не со сторонниками насильственных действий, — ответил я. — Но в остальном это близнецы.

— Не согласитесь ли объяснить? — попросил П.

— Ну, допустим, проводится какой-нибудь съезд борцов за мир, — сказал я. — Крупный съезд, такой, о котором пишут в газетах. Там собираются все миролюбивые группировки и обязательно найдутся такие полоумные. Море страсти и пыла при отсутствии всякого присутствия. Если ты хочешь пройти маршем мимо Белого дома, то этим полоумным непременно надо ворваться внутрь и устроить сидячую забастовку на столе президента. Они не умеют планировать, не имеют никакого понятия о порядке и ничего не соображают. Им бы только бегать, скакать, орать, размахивать лозунгами и производить побольше шума. Мои сегодняшние знакомцы — такой же сброд, разве что им хочется еще и убивать людей. Но этот народ почти невозможно сплотить в боеспособную группу, которая вела бы планомерные действия.

— Почти невозможно? — переспросил П.

— Удерживать их в узде — не ахти какое приятное занятие, вы уж мне поверьте, — сказал я.

— Для Юстэли? — спросил он. — И Тен Эйка? Не го-

воря уж о Лобо.

Я молча покачал головой.

— Тен Эйк и Юстэли — не дураки, мистер Рэксфорд, — продолжал П. — Поверьте мне на слово. Ведь я же поверил вашему утверждению, что они устроили собрание дураков, хотя сами далеко не глупы. Кем бы ни были члены Лиги новых начинаний и чтобы они там себе ни думали, ее основатели сколотили эту лигу для какой-то необычной, но вполне разумной и достижимой цели.

— Если им удастся сплотить этот сброд, — уточнил я.

— Вот именно. Если им удастся превратить его в боепособную организацию, в их руках она окажется таким страшным орудием саботажа и разрушения, какого мир еще не видел.

— Если, — заметил я.

— Но вы согласны, что такое возможно? — спросил П. Я нехотя кивнул.

— Это возможно. Маловероятно, но возможно.

П. вперил в меня суровый взор и сказал:

— Мы должны их остановить, понимаете?

— Что? — воскликнул я, с большим опозданием задавшись вопросом, с чего бы вдруг П. тратить столько сил, чтобы убедить меня в потенциальной опасности Лиги новых начинаний? Я лихорадочно искал, чем бы запереть конюшню, хотя лошадь уже украли.

— Когда родина в опасности, долг каждого гражданина — сделать все для ее спасения, — заявил П., не сводя с меня тяжелого взгляда.

— Я пацифист, — подчеркнул я. — Давайте не будем упускать это из виду.

— При обычных обстоятельствах я бы не стал мешать ни вам, ни кому-либо другому бороться против принудительного призыва в армию. Но сейчас...

— Я не борец против воинской повинности, а пацифист. Это не совсем одно и то же. Мы ставим перед собой большие цели, а отказники от военной службы довольствуются ничтожными целишками.

— Целочками? — удивленно переспросил П.

— Ладно, не будем об этом, — сказал я. — Просто стой-

кие нравственные, этические и личные убеждения не позволяют мне сделать то, на что вы меня толкаете.

Сидевшая рядом со мной Андже́ла вскинула голову и заявила:

— Правильно, Джин. Он говорит и от моего имени.

П. грустно улыбнулся.

— Мистер Рэксфорд, — сказал он, — вероятно, вы еще не успели оценить положение и недостаточно ясно представляете себе значение одного-двух обстоятельств.

— Если вы полагаете, что можете заставить меня силой...

— Мистер Рэксфорд, принудить человека к сотрудничеству нельзя. Даже будь это возможно, я не испытал бы ни малейшего соблазна так обойтись с вами, уж поверьте. — Улыбка П. делалась все печальнее. — Вон там, — продолжал он, театрально указывая рукой на вентиляционную шахту, — гуляют ваш друг Мортимер Юстэли, Тайрон Тен Эйк и Лобо. — П. помолчал, дабы придать своим словам бо́льшую значимость, и вкрадчиво спросил: — А знаете ли вы, мистер Рэксфорд, кто сейчас занимает их мысли?

— Чт... Чт... Что?! — вскричал я.

— Вы, мистер Рэксфорд, вот о ком они сейчас думают.

— Минутку... — заспорил я.

— А знаете ли вы, что они о вас думают? — продолжал П., не слушая меня.

— Ох-х-х... — ответил я.

П. улыбнулся, будто крокодил печального образа, покачал головой и откинулся на спинку кресла.

— Спасибо, что согласились поболтать с нами, мистер Рэксфорд, — сказал он. — Если вы не испытываете желания помогать нам, можете тотчас же уйти. Вы совершенно свободны. Мы вас больше не потревожим. Даже наблюдающие за вами соглашения из ФБР будут отозваны. Разве это не прекрасно?

— Послушайте-ка... — начал я, но тут подошел Л. и спросил:

— Может, вас куда-нибудь подбросить, ребята?

Я сказал П.:

— Вы не можете так поступить. Не можете просто

вытолкать меня на улицу. Юстэли и Тен Эйк наверняка попытаются меня убить.

— Мистер Рэксфорд,— ответил П.,— если вы думаете, что можете принудить нас охранять вашу персону...

И с этими словами он одарил меня до омерзения чопорной улыбочкой, какой я еще сроду не видывал.

— Анджела, заткни уши,— попросил я.

Она дотронулась до моей руки.

— Минутку, Джин...

— Заткни уши!

— Нет, послушай меня. Ты даже не знаешь, чего они хотят, Джин. Сначала выясни это.

Едва сдерживая раздражение, я сказал ей:

— Кабы они хотели того, на что я готов согласиться, то просто попросили бы меня. А коль скоро они действуют таким манером, стало быть, речь и впрямь идет о чем-то ужасном.

— Ничуть не бывало, мистер Рэксфорд, ничуть не бывало,— возразил П.— Мы будем всеми силами защищать вас. Позвольте заверить вас в этом.

Я повернулся к Анджеле.

— Слыхала? Защищать всеми силами. Знаешь, что это значит? Они хотят, чтобы я спрыгнул со скалы, а потом сам ловил себя спасательной сетью.

— Мы вообще ничего от вас не хотим,— сказал П.— Выбор всецело за вами.

— Ничего себе выбор,— буркнул я.

— Какой-никакой, а все-таки выбор,— возразил П.— Вы можете биться с Юстэли и Тен Эйком либо в одиночку, либо с нашей помощью. Все очень просто.

— Вопрос не в том, просто ли это, а в том, простак ли я.

П. демонстративно зашуршал лежавшими на столе бумагами.

— У меня много других дел, мистер Рэксфорд,— сказал он.

— Я могу скрыться,— заявил я.— Уехать из Нью-Йорка, исчезнуть и переждать, пока все не кончится.

— Счастливого пути.

— Послушайте, — сказал я ему, — может, хватит держать меня в ежовых рукавицах? Разве нельзя хоть раз отбросить это ваше глупое самолюбование и самодовольство и просто попросить меня по-человечески? Вам нужна моя помощь — так прекратите вы хоть на минуту шантажировать меня и попросите вас помочь. Или это невозможно?

Это оказалось и впрямь невозможно. Если человек считает, что жизнь состоит только из прав и обязанностей, где ему понять, что такое добровольная помощь.

— Когда родина в опасности, — снова завел он, — каждый гражданин...

— Да что вы такое? — спросил я. — Магнитофон?

В этот миг подошел Н. Он стал между нами, облокотился о стол и сказал:

— Шеф, позвольте мне поговорить с Рэксфордом. Всего несколько секунд.

П. сделал какой-то замысловатый жест, который, по-видимому, означал, что он махнул на меня рукой.

— Валяйте.

Н. взглянул на меня.

— Нам очень нужна ваша помощь, мистер Рэксфорд, — сказал он. — Шефу, как вы понимаете, забот хватает. Помимо Юстэли и Тен Эйка есть еще немало смутьянов, которых мы пытаемся обезвредить. Но в борьбе с этими двумя вы способны помочь нам, как никто другой, и зря вы пеняете на шефа за то, что он не понимает причин вашего нежелания оказать нам содействие. Верно я говорю?

— Я не хочу вам помогать потому, что не желаю быть убитым, — ответил я. — Ну, теперь ему что-нибудь понятно?

— Если дело обстоит таким образом, значит, и вы нуждаетесь в нашей поддержке, — многозначительно заметил Н. — Мы нужны друг другу, мистер Рэксфорд. Честно говоря, мне думается, что шеф понимает это лучше, чем вы.

Я посмотрел на него, на его проклятого шефа, на Анджелу, на вентиляционную шахту, на свой левый башмак и мало-помалу смирился с мыслью о том, что деваться мне некуда. Я просто храбрился, говоря, что уеду из Нью-Йорка и отсижусь где-нибудь до лучших времен, и мои собесед-

ники не хуже меня знали, что я вешаю им лапшу на уши. Я по горло в дерьме, причем не по своей вине. Неважно, насколько противен мне этот П. и его воинство, неважно, насколько велика моя неприязнь к ним лично, к их службе и к проповедуемой ими идеологии. С ними у меня больше шансов на выживание, чем без них. Это истина.

Но я не собирался сдаваться без боя. И сказал:

— Вероятно, мы сможем договориться и заключить сделку.

П. хрюкнул, но Н. как ни в чем не бывало спросил:

— Какого рода сделку?

— Ваш шеф, вроде, говорил что-то насчет отзыва согла-
датаев из ФБР,— напомнил я.

— Мы не ФБР,— быстро ответил П.

— Но вы можете это устроить, не так ли?

П. и Н. переглянулись. Н. сказал:

— На каком основании? Подскажите нам какой-нибудь
убедительный предлог.

— Вы потрете спину мне, а я — вам.

Н. улыбнулся мимолетной ледяной улыбкой.

— Не самое подходящее выражение для докладной
записки.

— Но если Джин поможет правительству, то докажет
этим, что никакой он не подрывной элемент, ведь
правда? — подала голос Анджела.

Н. поразмыслил над ее доводом, улыбнулся чуть теплее,
чем раньше, и сказал:

— Думаю, этого будет достаточно, а, шеф? Мы попали
в трудное положение, и мистер Рэксфорд... простите, не
знаю вашего христианского имени... и мистер Рэксфорд
вызвался помочь нам, чем доказал свою...

— Юджин,— сказал я.

— Что? Ах, да! Юджин Рэксфорд развеял всякие сомне-
ния в своей благонадежности, а посему мы советуем с
сегодняшнего дня прекратить наблюдение за ним и други-
ми членами его организации. Что вы об этом думаете, шеф?

П. явно терзался сомнениями.

— Вы же знаете, какие они упрямцы...

— Они согласятся, шеф,— заверил его Н.

П. сурово посмотрел на меня и сказал:

— Я ни за что не ручаюсь. Постараюсь сделать все, что в моих силах. Это все, что я могу обещать.

— Тогда по рукам,— ответил я.— Располагайте мной в меру ваших скудных сил.

Н. просиял, похлопал меня по плечу и заявил:

— Вот и молодец! Вы не пожалеете о своем решении.

— Вы так думаете? Я уже жалею,— ответил я и повернулся к П.— Ну-с, и чего вы от меня хотите?

— Коротко говоря, мы хотим, чтобы вы внедрились,— сказал он.

— Внедрился? Что это за слово? Как это — внедрился?

П. подался вперед и навалился грудью на стол. У него был такой решительный вид, что я сразу понял: разговор они отрепетировали заранее, и придумал эту уловку сам шеф.

Он сказал:

— Вы вступите в Лигу новых начинаний и будете следить за ее членами, находясь в их стане, а потом сообщать нам обо всех их действиях.

Я ответил:

— Похоже, вы где-то обронули свои мозги.

Он тускло улыбнулся, и я снова подумал о том самом «высшем знании».

— Вам кажется, что это сопряжено с неразрешимыми трудностями, мистер Рэксфорд?

— Вот именно,— ответил я.

— Например?

— Например, они уже знают, что я не из их команды. Как же я теперь туда внедрюсь?

П. покачал головой.

— А вот и неправда ваша, мистер Рэксфорд. Они не знают, что вы не из их команды. Они знают лишь, что мисс Тен Эйк не из их команды, и сейчас думают то же самое о вас.

— Прекрасное предположение, если вас интересует мое мнение.

— Ну, а что, если,— П. успокаивающим жестом вскинул руку и погрозил мне пальцем,— а что, если вы

убьете мисс Тен Эйк?

— Меня посадят на электрический стул.

— Прошу вас, мистер Рэксфорд. Все очень серьезно.

— И не говорите.

— Послушайте меня. Завтрашние газеты сообщат об исчезновении мисс Тен Эйк, которую в последний раз видели живой в обществе известного террориста и смутьяна Юджина Рэксфорда из Союза борьбы за гражданскую независимость. Потом газеты в течение пяти дней будут рассказывать о тщательных поисках Тен Эйк и Рэксфорда, постоянно долдоня о вашем террористском прошлом, а кончат громким сообщением о том, что-де найден труп мисс Тен Эйк, погибшей насильственной смертью. Вскоре после этого вы свяжетесь с Юстэли, предва...

— Как это я с ним свяжусь?

— Через кого-нибудь из участников собрания. Например, с помощью Уэлпов или миссис Бодкин. Некоторые из этих людей ведут вполне открытую жизнь, и их очень легко разыскать.

— Хорошо, — сказал я. — Что дальше?

— Вы объясните Юстэли, что, убегая из зала собрания, вы вовсе не удирали от членов группы, а гнались за мисс Тен Эйк, в конце концов настигли ее и убили, поскольку вам стало ясно, что она шпионила за вашей организацией. После убийства вы скрывались. — П. развел руками. — У Юстэли не будет выбора, и он поверит вам.

— Пусть заявит мне об этом письменно, — сказала я. — Эх, ладно. Я шучу. Ну, а где я буду эти пять дней на самом деле?

— На одной нашей явке, где вас подготовят к внедрению, — ответил он. — Поверьте, мистер Рэксфорд, мы желаем вам зла не больше, чем вы сами. Мы примем все меры предосторожности, в том числе обучим вас азам конспиративной работы, дабы вы были во всеоружии и могли действовать практически в любой обстановке.

Я повернулся к Анджеке.

— Видала? Я прыгаю с утеса с сетью в руках.

Она ободряюще улыбнулась мне, сжала мой локоть и ответила:

— Ты поступаешь правильно, Джин, я это чувствую.

— Замечательно,— я повернулся к П.— А что будет с Анджелой? Куда ей-то деваться?

— Мы укроем ее на одной из наших явочных до лучших времен.

— Желательно на той же, где и меня.

П. вскинул брови.

— Разве вы муж и жена?

— Не волнуйтесь,— заявил я.— Мы распишемся в книге постояльцев как мистер и миссис.

— Не уверен, что мы получим «добро» на это,— проговорил П.

Я повернулся к Н., который, похоже, был наименее чокнутым из всех присутствовавших в комнате человеческих существ, и сказал:

— Объясните вы ему.

Н. сразу же все понял. Он кивнул мне и пустился в объяснения:

— Шеф, я думаю, сейчас мы можем закрыть на это глаза. Если мы докажем мистеру Рэксфорду, что хотим помочь ему, я уверен, что и он будет рад оказать нам помощь.

П. задумался, поджав губы и разглядывая крышку стола. Но рано или поздно всем нам приходится вступать в сделку с нашей нравственностью, убеждать себя, что цель оправдывает средства, допускать расхождения между сутью наших идеалов и способами их постижения. И П. не был исключением.

— Ну что ж,— буркнул он, вперив в меня свой пронзительный взгляд.— Однако прошу вас вести себя сдержанно. Я бы не хотел, чтобы вы разложили моих сотрудников.

— Ничего себе! — вскричала Анджела.

— Он имел в виду нравственное разложение,— пояснил я.

П. довольно громко откашлялся и проговорил:

— Хорошо, пожалуй, это все. Сейчас вас отвезут на конспиративную квартиру,— он кивнул Л. и Н., которые, в свою очередь, кивнули ему и встали. П. тоже поднялся, придал своей физиономии добродушное выражение и добавил:

— Позвольте выразить вам признательность за предложенную помощь, мистер Рэксфорд. Уверяю вас, мы сделаем все возможное для облегчения вашей задачи.

— Благодарю вас,— ответил я, поскольку, очевидно, этого требовали обстоятельства. Я встал, и мы с П. принялись разглядывать друг друга через стол. П. протянул руку, и я торжественно пожал ее. Обычно такое рукопожатие сопровождается награждением медалью. Вероятно, П. был опасно близок к тому, чтобы облобызать меня в обе щеки.

Но вместо лобзаний последовали наставления.

— На время операции вам присваивается кодовое наименование Р. Вся касающаяся вас переписка будет снабжена этой литерой, а люди на явочной квартире знают вас только под этим обозначением. Понятно?

— Так я — Р.? — спросил я.

— Да.

Я огляделся и увидел Л., М., Н., О. и П.

— Ну, разумеется, Р, как же иначе? — сказал я.

— Прошу прощения? — удивился П.

— Да нет,— ответил ему Р.,— это так, шутка.

10

Место действия, если угодно, зеленые холмы, покрытые свежей весенней травкой. Маленькое черное озерцо лежит посреди чашеобразной долины, обрамленной лесистыми взгорками, на которых растут сосны, дубы и клены. Какие-либо признаки человеческого присутствия видны только на восточном берегу озера: это причальные мостки, маленький пляж, плотик и лодочный сарайчик. Волнистая зеленая лужайка полого взбегает к большому аляповато выстроенному дому из серого камня. Такое здание с успехом может служить и жильем, и домом отдыха, и маленьким, но роскошным курортом. По обе стороны от дома располагаются конюшни, в которых стоят настоящие живые лошади, и длинный гараж, в котором стоят настоящие автомобили. Узкая мощенная гудроном дорога тянется вверх по склону холма за дом. Она исчезает в лесу, потом переваливает через гребень и сбегает вниз сквозь густую

чащу к неширокому шоссе окружного значения. От дома до него чуть меньше трех миль. Вокруг, куда ни глянь, простираются сельские красоты; природа тут нетронутая, зелень пышная, долину пересекают узенькие тропки, а озеро и усадьба окружены проволочной изгородью под высоким напряжением.

Время — без двадцати семь утра. Поскольку на дворе апрель, небеса настырно орошают землю нудным холодным моросящим дождем. Температура воздуха — около пятидесяти градусов по Фаренгейту. На фоне этого прекрасного печального пейзажа, погруженного в предрасветную мглу, виднеются фигуры двух бегущих людей в толстых серых тренировочных костюмах. Они безостановочно трусят по опоясывающей озеро тропинке, раз за разом обегая вокруг него, обегая вокруг него, обегая вокруг него... Должно быть, они не в своем уме.

Один из них — коренастый белокурый крепыш по имени Линч (во всяком случае, так он себя называет). Второй, известный Линчу и всем остальным здешним обитателям (сейчас их не видно: все еще спят) под кодовым наименованием Р., — ваш покорный слуга Юджин Рэксфорд, пишущий эти строки. Линч красноморд и здоров как американский лось; он трусит впереди, будто хорошо смазанная заводная машинка, а я, пыхтя, отдуваясь и размахивая руками, тащусь следом. Я уже давно оставил всякие попытки поднимать колени повыше, как того требует Линч.

Идет утро пятого дня моего пребывания в усадьбе, которую П. назвал «нашей явкой». Из кабинета П. нас с Анджелой вывезли темной ночью, и я мог лишь догадываться, где мы сейчас: то ли на севере штата Нью-Йорк, то ли в Коннектикуте или Массачусетсе. Хотя с таким же успехом это могли быть Род-Айленд, Вермонт или Нью-Гэмпшир. Но где бы ни был сей райский уголок, имя ему (и отнюдь не кодовое) Преисподняя.

За последние пять суток я узнал одну вещь, о которой прежде и не подозревал: оказывается, пацифизм превращает людей в дряблых хиляков. Вы можете подумать, что топтать ногами в пикетах, чеканить шаг на демонстрациях, накручивать рукоятки ротаторов и убегать от конных

полицейских достаточно, чтобы сохранить более-менее сносную форму, но, наверное, это не так. Во всяком случае, Линч и его собратья (для обозначения этих людей у меня нет букв: все они были наделены именами — короткими, односложными, но все же именами) были уверены, что моя физическая форма попросту ужасна, а после того, как эти ребята несколько сотен раз прогнали меня бегом вокруг озера, я начал склоняться к мысли, что они правы.

Первый день оказался самым страшным. Когда мы, наконец, добрались до усадьбы, уже рассвело. Нам с Анджелой показали наши смежные комнаты, но мы так вымотались, что ни мне, ни ей не пришло в голову проверить, заперта ли дверь, ведущая из одной комнаты в другую. (Как выяснилось впоследствии, она была открыта). В полдень меня разбудили, несмотря на мои резкие и визгливые возражения, согнали по лестнице вниз и напичкали завтраком: апельсиновый сок, яичница-болтуня, отбивная, молоко, кофе, поджаренный хлеб с мандариновым вареньем. Затем меня представили ораве упитанных личностей, которых мне бодренько отрекомендовали как «моих наставников». Человек, назвавший их этим титулом, начал церемонию знакомства с того, что представился мне сам:

— Карп. Я занимаюсь тут общими вопросами.

А потом представил остальных:

— Это Линч, который позаботится о вашем телесном здоровье. Уолш — шифровальщик. А это Хэнкс, ваш тренер по дзю-до. Ну, а...

— Я — пацифист, — заметил я. — Разве вам не сказали?

Он посмотрел на меня пустыми глазами филантропа, занимающегося благотворительной помощью представителям низших сословий, и сказал:

— Хэнкс научит вас кое-каким приемам самообороны.

Затем Карп отвернулся от меня и возобновил церемонию знакомства.

— Это Морз, ваш тренер по плаванию. А это — Роу, гимнастика и фехтование...

— Тоже для самообороны? — спросил я.

Еще один пустой взгляд. Затем:

— Вот именно. И, наконец, Дафф, ваш преподаватель электротехники.— Повернувшись ко мне, он добавил: — Как я понял, вы особый случай, Р., не просто очередной новобранец. Нам дали всего пять дней, чтобы превратить вас в человека, знающего хотя бы азы науки выживания. И если мы хотим чего-то добиться, нам потребуется ваше безоговорочное содействие в любое время суток. Обещаю, что мы не потратим ни минуты попусту, обучая вас вещам бесполезным или абстрактным, поэтому и вы не отнимайте у нас время, не упрямитесь и не отказывайтесь постигать те или иные учебные дисциплины. Надо полагать, вы были бы не прочь остаться в живых.

— Если это не будет сопряжено со слишком большими трудностями,— ответил я.— Буду весьма признателен за стремление облегчить мне жизнь.

— Больших трудностей не предвидится,— заверил меня Карп.— Уолш, может, прямо сразу приметесь за Р.?

Уолш был шифровальщиком. Он увел меня на целый час в тесную каморку и напичкал кодами, паролями, условными знаками, ключами к шифрам, аварийными приспособлениями для их защиты и еще черт-те чем.

— Не расстраивайтесь, если не удастся усвоить все сразу,— сказал он.— Это еще не последний урок.

— О, слава Богу,— ответил я.

Потом меня принялся гонять Линч. Мы спустились в раздевалку, натянули спортивные костюмы и в первый, но далеко не последний раз обежали вокруг этого проклятого озера. Целый час я бегал, занимался аэробикой, лазил по канатам, прыгал и громко отдувался. Когда час истек (наконец-то!), Линч оглядел меня и с кислым видом заметил: — Они, небось, ждут от меня чудес, да?

Затем настал черед Даффа, техника-электронщика. Мы встретились в длинной комнате с низким потолком, набитой электронной аппаратурой, и Дафф, обведя всю ее широким жестом, сказал:

— Здесь есть кое-что из того, что вам, возможно, придется пользоваться. Наша цель — ознакомить вас с оборудованием.

Как же иначе?

Следующим был Роу, гимнаст и фехтовальщик. Он вручил мне тупую рапиру, проделал несколько выпадов в духе Дугласа Фэрбэнкса и сказал:

— А, черт с ним! Если на вас нападут со шпагами, ложитесь и помирайте. Давайте-ка лучше займемся гимнастикой.

— Сейчас, вроде, на людей нечасто набрасываются со шпагами? — спросил я.

— Нечасто, — подтвердил он. — Но иногда случается. Ну-ка, покачайтесь вон на тех кольцах!

После Роу настала очередь Морза, моего инструктора по плаванию. Он спросил:

— Вы хотя бы умеете держаться на воде?

— Я прекрасно плаваю, — похвастался я.

— Возблагодарим Господа за маленькие радости! — воскликнул Морз. — Сейчас я научу вас бесшумному плаванию. Лезьте в воду.

— Тут холодно, — ответил я.

— Нет, не холодно, — заявил он. — Для того, чтобы плыть, не производя никакого шума...

Потом настало время обеда. Долгожданная передышка, позволившая мне впервые за весь день повидаться с Анджелой. Здешний люд, наверное, не нашел в алфавите достойной буквы, чтобы обозначить ее, поэтому Анджелу называли тут просто «мисс».

— Как дела? — спросила она, и я ответил:

— Они норовят меня прикончить. Ничего страшного.

После обеда я еще раз встретился с Даффом и его электроникой. Он снял с меня мерку, чтобы половчее напичкать меня разным оборудованием, и я покинул его в состоянии легкого оцепенения, после чего Хэнк, тренер по дзю-до, целый час припечатывал меня к устланному войлоком полу. Ему было плевать на мой пацифизм, равно как и на то, пригодится ли мне когда-нибудь его наука. Потом опять пришел шифровальщик Уолш, а за ним плавучий тихушник Морз. Затем — снова Роу с его гимнастическим залом, и так — до десяти вечера, когда Линч увенчал усилия своих коллег каким-то немислимый массажем. «Нельзя, чтобы мышцы затекали, — объяс-

нил он, тузя меня кулаками. — Нет ничего хуже».

Но вряд ли мои мышцы осмелились бы застыть.

Ужин, хотя и был короткий, но принес отдохновение, а потом меня отправили в мою комнату, снабдив несколькими томами «Прикладной психологии» с отмеченными главами, в которых рассматривались способы ведения полицейского дознания, психологического воздействия на сослуживцев и прочие злодеяния. Когда вскоре после полуночи отдохнувшая и весьма настойчивая Анджела поскреблась в мою дверь, я не смог дать ей ничего, кроме улыбки, да и та была совсем вялая.

И все это продолжалось еще четыре дня. Курс был сжатый, и курсант на своей шкуре ощутил это сжатие. Но, как ни трудно в это поверить, он, похоже, принес определенную пользу. Физическая форма моя улучшилась самым чудодейственным образом, я сумел более-менее твердо запомнить большую часть сведений о кодах, электронике и психологических уловках, научился плавать бесшумно, будто лист кувшинки, и даже добился кое-каких успехов в упражнениях на брусках.

Не сказал бы, что мои достижения были значительными. Это не так. Но если учесть, сколько нам было отпущено времени, сам факт наличия хоть каких-то достижений можно считать достойным удивления.

На третьи сутки, ближе к вечеру, я даже смог подать какие-то признаки жизни, чем безгранично обрадовал Анджелу и радовал ее до пяти часов сорока минут утра, когда в комнату легким упругим шагом вошел Линч. Увидев нас в одной постели, он укоризненно покачал головой и сказал:

— Нарушаете спортивный режим. Это вредно.

— Нет, ну надо же! — вскричала Анджела, краснея с головы до пят.

— Не надо «надо же», — ответил Линч, повернулся на каблуках и вышел вон, а двадцать минут спустя уже гонял меня вокруг озера с таким видом, будто надеялся, что в конце концов мы куда-нибудь да прибежим.

Так оно и шло: подъем в пять сорок, с шести до семи — пробежка, потом завтрак и занятия, занятия,

занятия. Самые разные. Весь день. И часть ночи.

И вот настал последний, пятый день, холодный и промозглый, и Линч, как обычно, погнал меня вокруг озера. Без десяти семь забег завершился и начались всевозможные отжимания, подтягивания, приседания, прыжки и тому подобное. А ровно в семь я на заплетающихся ногах вошел в усадьбу, совершил утреннее омовение под душем и свирепо набросился на завтрак.

В то утро к нам пожаловал гость из города П. Он казался изнеженным и лощеным в своем костюме. Я малость поиграл мускулами у него перед носом, выпил свой апельсиновый сок, взял тарелку с отбивной и сказал:

— Ну-с, наставничек, вот вы и воспитали чемпиона. Я теперь кого хошь с ринга вышибу.

И тускло улыбнулся.

— Очень рад, что вы настроены по-боевому, Р., — ответил он. — Сегодня вечером выйдете на связь.

Апельсиновый сок заledenел у меня в желудке. Я положил вилку с куском отбивной и спросил:

— Так мы готовы?

Он бросил на стол рядом со мной кипу газет.

— Взгляните-ка.

Сверху лежала «Дейли ньюс» за пятницу, а интересующая меня статья была напечатана на четвертой полосе. Заголовок сообщал об исчезновении молодой светской львицы, а в самой статье говорилось, что промышленник Марцеллус Тен Эйк утром заявил в полицию о том, что его дочь Андже́ла не вернулась накануне вечером домой и пропала без вести. По имевшимся у полиции сведениям, в последний раз мисс Тен Эйк видели в обществе некоего Джозефа Рэкфорда (имя переврали), известного экстремиста, которого в ФБР характеризуют как «опасного сумасброда». Не исключено, что она убита. Эта вздорная статейка сопровождалась маленькой нечеткой фотографией. Подпись под ней гласила, что это Андже́ла, хотя лицо больше смахивало на мое.

Так-так... Вторая газета. Субботняя «Дейли ньюс» (надо полагать, «Ньюс» сорвет на этой истории громадный куш). Статья переместилась на третью полосу, а фотографии

были куда больше и четче, чем в предыдущем выпуске. Их было две: Андже́ла и я. «Исчезновение молодой политической деятельницы и поиски смутьяна», — гласил заголовок. Ниже следовал текст, почти слово в слово повторявший предыдущий, но более щедро сдобренный восклицательными знаками. Кроме того туда затесались одно-два грязных измышления: я-де участвовал в подготовке взрывов на таможнях.

Под субботней «Дейли ньюс» лежала воскресная. Опять третья полоса, опять две фотографии и все та же статья, на сей раз предваренная заголовком: «Андже́ла и бомбометатель: ни слуху ни духу». И еще — сделанный у меня в спальне снимок пресловутого печатного станка и подпись под ним: «В покинутом убежище Юджина Рэксфорда (на сей раз имя дали правильно) не обнаружено никаких следов исчезнувшей красавицы из высшего общества». И далее — в том же духе.

Вчера, в понедельник, сенсация начала выдыхаться. Пятая полоса. Короткая заметка. Никаких фотографий. Заголовок: «Исчезновение молодой активистки. Полиция топчется на месте».

Зато сегодня, во вторник утром, — совсем другое дело! Жирный черный заголовок занимал половину первой полосы: «Андже́ла мертва! Читайте на стр. 2».

И точно: вот она, статья на второй странице. В горном ущелье в Нью-Джерси найдено обезображенное взрывом динамитной шашки тело. Осмотр зубов покойной позволяет заключить, что это Андже́ла Тен Эйк, исчезнувшая несколькими днями ранее наследница, деятельница, участница, студентка и т. д. Юджин Рэксфорд, террорист и бомбометатель, разыскиваемый ФБР за другие преступления, теперь разыскивается еще и для допроса в связи со смертью студентки, наследницы и т. д. и т. п. Все, кто располагает сведениями о местонахождении Рэксфорда, и т. д. и т. п. и проч.

— Так...— сказал я.

П. забрал у меня газеты.

— Что, правдиво звучит?

— Потом хлопот не оберешься, — ответил я, — когда при-

дет время вносить ясность во всю эту путаницу.

— Ничего, все утрясется, — невозмутимо сказал П. — Нам это не впервой.

— А что отец Анджелы? — спросил я. — Он тоже нам помогает?

Улыбка П. сделалась каменной.

— С большой неохотой, — был ответ. — Но всеми силами. Поверьте моему слову.

— Удивительное дело, — сказал я. — Мне казалось, старик начнет бить копытом. Не стерпит такой шумихи в бульварной прессе. К тому же, все это вранье.

— Господин Тен Эйк производит оружие, — тщательно подбирая слова, ответил П. — А эта отрасль промышленности имеет довольно тесные связи с федеральным правительством, которое играет роль основного потребителя ее продукции и потому строго следит за взаимоотношениями оружейников со всеми другими покупателями. Поверьте мне, мистер Тен Эйк не испытывает никакого желания прослыть в глазах властей несговорчивым человеком.

Я улыбнулся, представив себе, как этот старый морж топорщит усы и, сцепив руки за спиной, выдает несколько непечатных выражений, после чего выписывает чеки, жертвуя деньги в фонд республиканской партии (всякий раз, когда правительство больно задевает Тен Эйка и приводит его в ярость, что бывает довольно часто, он неизменно посылает очередное пожертвование в фонд республиканской партии. Он делает это, даже когда республиканцы находятся у власти, что бывает довольно редко).

В этот миг в комнату вплыл Карп, распорядитель конспиративной квартиры.

— В чем дело, Р.? Почему не едите? Кончайте завтрак, у вас сегодня куча дел, — сказал он и добавил, обращаясь к П.: — Может, лучше оставить его в покое, сэр?

— Хорошо, — ответил П. Он встал, зажал под мышкой кипу газет и сказал мне: — Еще увидимся. Мы пробудем здесь, пока не стемнеет.

Они оставили меня в одиночестве. Я взглянул на свою снедь, зная, что слишком взволнован, чтобы есть, и уплел ее за обе щеки. Если битый час носишься вокруг озера,

никакие тревоги, никакие дурные вести и намеки на более чем вероятную гибель не способны лишить тебя аппетита.

11

Под вечер Дафф переделал меня в «клопа». Я заполз в его лавку диковин, где он подал мне стакан воды и какую-то черную капсулу и сказал:

— Примите.

— Зачем? — спросил я.

— Пейте до дна, — велел он. — У нас еще много дел.

Я сунул капсулу в рот, запил ее водой, вернул Даффу стакан и поинтересовался:

— А можно мне узнать, что это было?

Разумеется, — ответил он. — Микрофон.

— Что?

— Дня через три он из вас вылезет, когда поднатужитесь, — пояснил Дафф. — А в течение этого времени вы сможете записывать и передавать на расстояние все разговоры, происходящие в вашем присутствии.

— Вы хотите сказать, что я «обжучен»? Что у меня внутри микрофон?

— Совершенно верно, — невозмутимо ответил он. Спокойствие Даффа, очевидно, объяснялось тем, что сам-то он не был напичкан никакими микрофонами. — Никаких особых руководств по использованию этого микрофона не существует. Только одно. Постарайтесь не есть «музыкальной» пищи. А теперь примерьте вот эти башмаки.

— Погодите-ка, вы слишком торопите события. «Музыкальная» пища? Что значит «музыкальная» пища?

— Ну, там, пиво, печеные бобы. Сами, небось, знаете.

— Позвольте спросить, с какой стати?

— Из-за шума, — он вяло взмахнул рукой, будто разгоняя смрад. — Если в брюхе тихо, не возникает никаких сложностей при записи разговоров.

Дафф протянул мне пару черных тупоносых башмаков, в каких обычно ходят военные моряки и какие часто рисуют в плохих мультфильмах.

Я осторожно сел, поскольку еще не совсем свыкся с мыслью о том, что в желудке у меня лежит микрофон. Сняв свои ботинки, я натянул эти матросские колодки. Они пришлись впору. Даже оказались мягкими и удобными, что совсем не свойственно новым ботинкам. Я оглядел их, дивясь такому чуду и задаваясь вопросом, кто и как сумел его совершить.

— Ну, как? — спросил Дафф.

— Прекрасно, — ответил я. — Они новые?

— Нет, не новые. Так, теперь...

— Стоп! — воскликнул я. — Так их уже кто-то носил?

— Совершенно верно, — ответил он.

— А почему я должен ходить в чужих ботинках?

— Прежнему владельцу они больше не нужны.

— Нет, — сказал я. — Слышать об этом не желаю. Все это звучит весьма зловеще, так что лучше не надо. Но я хотел бы знать вот что: почему я должен их носить?

— В них встроены ваши приемник и передатчик, — терпеливо объяснил Дафф.

— Приемник и передатчик, — повторил я.

— Разумеется. Все, что улавливает микрофон, передается через скелет в вашу правую пятку, а оттуда — в правый башмак, в котором находится передатчик. Радиус его действия чуть меньше двух миль, так что за вами постоянно будет следовать по меньшей мере одна группа электронного прослушивания.

— Очень мило, — сказал я. — Ну, а приемник? Он, наверное, в левом башмаке?

— Правильно, — подтвердил Дафф. — Идите-ка сюда.

Я подошел к столу, заваленному самыми разнообразными предметами.

— Выбирайте на ваш вкус, — предложил Дафф.

Я взглянул на стол. Очки в роговой оправе, часы с браслетом, броского вида перстень с зеленым нефритом, целая россыпь запонок с изображениями театральных масок комедии и трагедии, браслет для опознания, карманные часы на золотой цепочке, какие носили старые инженеры, золотое обручальное кольцо, скрепка для денег в форме значка на долларе и блестящая зажигалка «зиппо».

— Что это такое? — спросил я.

— Средства связи.

— Ага! — воскликнул я, врубившись. — Стало быть, сведения поступают в мой левый башмак, а потом передаются через кости на одну из этих штуквин.

— Вот именно, — ответил Дафф.

— Возьму, пожалуй, часы, — сказал я. — А то у меня нет.

— Хорошо. Примерьте их.

Я примерил, и браслет выщипал мне всю щетину на запястье, волосок за волоском.

— Больно, — сказал я.

— Это пройдет. Значит, так. Всякий раз, когда ваше начальство захочет связаться с вами, вы будете чувствовать легкий зуд в запястье. Звук будет тихий, но вы его услышите.

— Точно услышу?

— Теперь идите сюда, — сказал он, ведя меня мимо кучи снаряжения Джеймса Бонда к другому столу, заваленному вполне безобидными на вид вещами. Дафф взял новенькую блестящую двадцатипятицентовую монетку и протянул мне со словами:

— Не потеряйте эту монету. Если положить ее в воду, она испускает мощный направленный радиолуч. Воспользуйтесь ей в случае серьезных затруднений, если вас надо будет выручать.

Я внимательно оглядел монету и сказал:

— Вероятно, это единственный четвертак, отчеканенный в 1950 году, который блесит. Надеюсь, что не перепутаю его с каким-нибудь другим.

И я сунул монетку в карман.

— Вот и хорошо, — ответил Дафф. — Теперь — кредитная карточка.

Он вручил мне покрытую фольгой карточку «Клуба лакомок».

— Пожалуйста, не расплачивайтесь ею в ресторанах, разве что в случае крайней нужды. Это не совсем обычная карточка.

— Я и сам вижу, — ответил я. — На ней стоит мое имя.

— Это взрывное устройство, примерно равное по мощ-

ности ручной гранате времен второй мировой войны. Если возникнет необходимость применить его, используйте в качестве запала шнурок одного из башмаков, они пропитаны особым составом. Обмотайте шнурок вокруг карточки, подожгите другой конец, и у вас останется приблизительно двадцать секунд, чтобы укрыться.

— Так эта штука взрывается? — спросил я.

— Разве я не сказал?

— И вы хотите, чтобы я положил эту карточку в свой бумажник, бумажник сунул в задний карман, а потом сел на что-нибудь? Это называется подорваться на собственной петарде, вы знаете? Об этом мало кто подозревает, но петарда представляет собой разновидность бомбы. Не такую, как эта, конечно, — добавил я, осторожно и бережно поднимая карточку. — Несколько другую, но все же это бомба.

— Чтобы эта бомба взорвалась, нужен огонь, — невозмутимо заверил меня Дафф. — Можете, если угодно, дубасить по карточке молотком, и ничего не случится.

— Вы можете дать мне письменное поручительство?

Дафф улыбнулся так, словно я отпустил не очень удачную шутку, и вернулся к своему чародейскому столу.

— Теперь вот это, — сказал он, беря в руки самый обыкновенный с виду черный ремень с серебряной пряжкой. — Тут антенна. Это на случай, если вас занесет в места, где прием и передача сигнала затруднены. Привяжите вот этот конец к ближайшей батарее, трубе или какой-нибудь другой железяке, и ваша система связи станет достаточно мощной, чтобы действовать в самых неблагоприятных условиях.

Я надел ремень, предварительно сняв свой, и Дафф протянул мне шариковую ручку, которая служила фотоаппаратом, механический карандаш, способный выпускать красные сигнальные ракеты, галстук, который можно было поджечь и поставить дымовую завесу, и носовой платок, намочив который, я мог наполнить помещение рвотным газом.

Я сказал:

— Прошу занести в протокол. В последний раз повто-

ряю: я — убежденный пацифист. Я не совершаю по отношению к другим людям враждебных, насильственных или оскорбительных действий. Даже в целях самообороны. Мое единственное оружие — бездейтельное сопротивление.

Дафф с легким цинизмом улыбнулся мне, кивнул и ответил:

— Уг-гу. Мое дело — вооружить вас, Р. Воспользуетесь вы этими приспособлениями или нет — не моя забота. Я снабжаю вас снаряжением, учу управляться с ним, и на этом моя работа с вами кончается.

— Стало быть, вы закончили со мной?

— Да. Желаю удачи. Кажется, Карп ждет вас у себя в кабинете.

— Спасибо, — сказал я и почувствовал легкий стыд от того, что не поблагодарил Даффа за все его труды. — Хочу выразить вам признательность, Дафф, уф-ф...

— Это моя работа, — ответил он.

— Ну, все равно спасибо.

Я покинул его и зашагал по коридору. Очень скоро я почувствовал странный зуд в левом запястье. Я посмотрел на него, увидел новые часы и подумал, что от этой проклятой штуковины меня может ударить током, но потом вспомнил наставления Даффа. Кто-то хотел со мной поговорить. Я остановился посреди длинного пустого коридора и поднес руку у уху.

Послышался тоненький металлический голосок, без конца повторявший: «Скажите что-нибудь, скажите что-нибудь, скажите что-нибудь...»

— Это вы мне? — спросил я. Но в коридоре, кроме меня, никого не было.

— А, вот и вы, — сказал тоненький металлический голосок, в котором я чудом узнал голос Даффа. — Не скоро же вы врубились.

— Вы правда меня слышите? — спросил я. Я стоял в полном одиночестве, в коридоре с зелеными голыми стенами и серым ковром на полу, изо всех сил прижимая к уху левое запястье и крича во всю глотку. Я чувствовал себя круглым дураком.

- Раз, два, три,— сказал Дафф.— Раз, два, три.
- Чего? — спросил я.
- Как слышите меня? — спросил Дафф.— Хорошо?
- Конечно,— ответил я.
- Порядок. Конец контрольной связи.

Наступила тишина. Я по-прежнему стоял, прижав запястье к уху, но слышал только слабое тиканье часов. Спустил минуту я сказал:

- Что мне теперь делать?

Ответа не было. Вот теперь я и впрямь остался один.

Вконец обескураженный, я опустил руку и, будто электронная игрушка, зашагал своей дорогой.

12

Дафф не обманул: Карп ждал меня в своем кабинете, и не один. С ним был и трое его крутых с виду сверстников. Поскольку они не назвали своих имен, а букву «Р» я уже застолбил за собой, следовательно, они были С., Т П. и У.

Карп пригласил меня сесть, что я и сделал. Пока остальные придирчиво разглядывали меня, он проговорил, обращаясь сразу ко всем присутствовавшим в кабинете:

— По правде сказать, мы весьма довольны своими достижениями. Мы работали с человеком, не имевшим ни подготовки, ни сколь-нибудь заметных способностей к такого рода деятельности, даже не служившим в армии и не бывавшим на военных сборах, да к тому же еще свихнутом на пацифизме и сделавшим его своей религией...

— Этический пацифизм,— уточнил я.— Простите, что перебиваю, но религиозные пацифисты — это совсем другая группа. Понимаете, разница между ними состоит в...

— Благодарю вас,— сказал П.— Возможно, как-нибудь в другой раз нам удастся обсудить все тонкости и различия. Господа, полагаю, что Р. сам наглядно показал вам, с какими трудностями мы столкнулись за время работы с ним.

С. зарокотал глубоким басом:

— Мы знаем, что это было нелегким делом, Карп. Вопрос в том, справились ли вы с ним.

— В какой-то степени, — осторожно ответил Карп. — Думаю, даже в большей, чем можно было ожидать. — Он пошелестел кипой бумаг и продолжал: — Тут у меня рапорты инструкторов, и для начала скажу, что все они с похвалой отзываются об умственных способностях Р., его уживчивости и желании сотрудничать с нами. — Карп слегка поклонился мне и одарил наименее ледяной из тех улыбок, которых достаивал меня за все время знакомства. Я почувствовал, как по телу разливается тепло. Ощущение было такое, словно я все-таки получаю диплом об окончании нью-йоркского городского колледжа, и радость от похвал Карпа омрачало лишь сознание того, что я, должно быть, сошел с ума, если радуюсь такого рода комплиментам, да еще при нынешних обстоятельствах.

Карп тем временем продолжал:

— Кстати, все инструкторы в один голос утверждают, что им не терпится вернуться к своей привычной работе с добровольцами, набранными в обычном порядке из числа профессионалов. Но довольно об этом. Особо отмечу, что наш шифровальщик выставил Р. высшие оценки по всем разделам криптографии и криптологии и выразил уверенность, что Р. способен без посторонней помощи разгадать в течение суток любой шифр, вплоть до третьей категории сложности, и при наличии достаточного упорства и образования может со временем стать настоящим специалистом в этой области. Коль скоро философия и криптология — тесно связанные между собой науки, а Р., похоже, немного увлекается философическими теоремами, вряд ли стоит удивляться его успехам.

Я мог бы оспорить по меньшей мере двенадцать утверждений, заключенных в этой последней фразе, и оспорить громогласно, но прекрасно понимал, что сейчас не время, а здесь — не место для препирательств. Поэтому я не стал подавать голос, а поудобнее устроился в кресле, угрюмо сжал губы и начал мысленно составлять самый едкий памфлет, какого не писал со времен создания «Рафинированных мальчиков и гонки вооружений» в 1957 году.

Пока я занимался подготовкой этого политического труда, ничего не подозревавший Карп продолжал:

— Наш тренер считает, что физическое состояние и выносливость Р. гораздо выше среднего. Коэффициент выживаемости в крайне опасной обстановке равен приблизительно семи часам. Хотя это и значительно меньше, чем мы требуем от наших выпускников, обязанных протянуть как минимум тридцать **шесть** часов, но зато гораздо больше, чем может прожить средний человек с улицы, потенциал которого — тридцать семь минут, и больше, чем двухчасовой коэффициент выживания, с которым Р. поступил к нам. Инструктор по родственной дисциплине, дзю-до, докладывает мне, что Р. способен отразить почти любое невооруженное нападение, даже если на него набросятся пятеро гражданских лиц, не имеющих специальной подготовки, но, разумеется, любой тренированный борец мигом уложит его не лопатки. Увы, мы не в силах совершить чудо за пять суток.

Ворчун С. проворчал:

— Это нам известно. Мы не требуем от вас невозможного, ребята.

Судя по вновь успевшей застыть улыбке Карпа, он был не согласен с ворчанием ворчуна С. Но Карп сказал:

— Наш специалист по электронике подготовил Р. и научил его приему и передаче сигналов, равно как и простейшей самозащите. Он говорит, что удовлетворен умением Р. обращаться с выданными ему приспособлениями. Тренер по плаванию тоже доволен Р.: тот в воде не тонет. Единственный провал Р. — фехтование. У него так мало способностей к этому виду спорта, что мы даже не стали тренировать его, но зато успехи в гимнастике, по словам тренера, обнадеживают, — Карп поставил стопку бумаг на ребро и постучал ею по столу, чтобы выровнять. — Вот, пожалуй, и все. А теперь, господа, вам, наверное, хотелось бы поговорить с Р. без посторонних.

— Благодарю вас, — проворчал С.

Карп встал, отвесил нам вполне профессиональный поклон и ушел. С. тотчас подошел к его столу и уселся, давая понять, кто тут теперь главный. Он в мрачной задумчивости оглядел меня и сказал:

— Рэксфорд, я читал ваше дело.

— Хотелось бы и мне когда-нибудь заглянуть в него, — ответил я.

— Откровенно говоря, — проворчал он, не обращая внимания на мое замечание, — я удивлен тем, что человек с вашим послужным списком и наклонностями согласен сотрудничать в какой-либо области с ведомствами, ответственными за национальную безопасность или оборону страны. Но я не из тех, кто смотрит в зубы дареному коню. Вы здесь. За последние пять дней вы доказали готовность к сотрудничеству, и я обещаю вам любую помощь и поддержку, какую только способно оказать мое ведомство.

Я сказал:

— Извините, но я чувствую, что должен произнести ответное слово.

С. тотчас насторожился, взглянул на П. и опять повернулся ко мне.

— Что еще за слово? — спросил он.

— Я не пойду на попятный, — заверил я его, — но я хочу раз и навсегда пояснить для вас вопрос о сущности мировоззрения пацифиста или, по крайней мере, о сущности моего пацифистского мировоззрения, чтобы вы, наконец, перестали удивляться. С моей точки зрения, пацифист — это человек, который считает доводы разума самым действенным орудием разрешения любых споров, от межличностных до международных. Взвешенный подход, переговоры, добрая воля и взаимные уступки — все эти слова, возможно, неприятны на слух и звучат по-коммунистически, с точки зрения крутых парней, жаждущих новой войны, ибо в мирное время их жизнь пуста, а сами они так скучны, что их никто не выносит. Но мы употребляем такие слова и верим в эти идеи. Мы не считаем, что браться за оружие и убивать людей сколько-нибудь разумно, и это убеждение — продолжение нашей изначальной и основополагающей веры в силу здравого смысла. Нельзя воздействовать разумными доводами на покойника, вот почему мы предпочитаем иметь дело с живыми врагами и посвящаем все усилия улаживанию возникающих между нами разногласий. В продолжение развития наших идей мы также считаем, что не должны позволять кому-нибудь

убивать нас, ибо разумное общение невозможно и в том случае, если покойники — мы сами. Те, кто извращает наши идеи, превращают этот принцип в лозунг «Лучше красный, чем мертвый», с которым я согласился бы лишь в том случае, если бы у нас не было никакого другого выбора. Но между бездейственным сопротивлением Махатмы Ганди и самоубийством буддийского монаха лежит целая философская пропасть. Я уж и не знаю, при каких обстоятельствах смог бы совершить самосожжение. Ни при каких, даже при тех, что сложились сейчас. Меня поставили перед выбором: либо помочь в расследовании противозаконной деятельности, либо меня бросят на произвол судьбы, чтобы нарушители закона застрелили меня. Поэтому я выбираю лозунг: «Лучше федик, чем жмурик». И на какое-то время я становлюсь вашим сотрудником при условии, что никого не убью и не позволю кому-либо убить себя.

С. с сердитым видом выслушал меня, потом сказал:

— Иными словами, вы согласны какое-то время руководствоваться здравым смыслом?

— Нет, я всегда руководствуюсь здравым смыслом, но вы, ребята, никак этого не поймете. Мои друзья и я сам считаем, что разговаривать с людьми куда разумнее, чем стрелять в них, а значит, мы полагаем, что воевать неблагоразумно. А вы думаете, что воевать разумно. Вот, в сжатом виде, суть наших расхождений во взглядах.

— Отдаю вам должное, — сказал С. — Вы умеет излагать свои взгляды. Слушаешь вас, и будто читаешь один из ваших памфлетов.

— Вы читали мои памфлеты?

— Все до единого.

— И они не оказали на вас никакого влияния?

С. хихикнул. Звук был такой, словно в лесу треснуло дерево.

— Я еще не готов вступить в вашу организацию, — ответил он. — Если вы это имеете в виду.

— Я очень огорчен, — признался я.

— Уже довольно поздно, — вкрадчиво вставил П.

— Верно, — согласился С. и сразу посуровел. Он с дело-

вым видом положил ладони на письменный стол и сказал: — Ну что ж, Рэксфорд, дело обстоит следующим образом. Мы уже давно знали, что Тайрон Тен Эйк опять вышел на тропу войны и, вероятно, направляется по ней в нашу страну. Сейчас нам надо выяснить, что он замышляет, кто его сообщники, на какую державу он работает. То немногое, что вы слышали от Тен Эйка на прошлой неделе про Китай, Конгресс, Верховный суд и ООН, вряд ли поможет нам. Мы хотим знать о его намерениях и о том, каков механизм совместного действия всех перечисленных им составляющих. — Он обвел взглядом своих спутников. — Господа?

Т. сказал:

— И сроки, шеф..

— Так-так, в прошлый раз «шефом» называли П. Что ж, если С. — шеф П., что представляется весьма вероятным, значит, я изрядно вырос в глазах всех этих навозных жуков.

— Да, верно, — согласился С. — Мы хотим знать не только суть его замыслов, но и сроки их воплощения. А также, по возможности, местонахождение тайных складов оружия, сведения о том, каким способом Тен Эйк пробрался в страну, и тому подобное. Понимаете, Рэксфорд?

— Вы хотите знать, чем он занимается, — сказал я.

— В самых общих чертах, да. Но поймите: нам нужно как можно больше подробностей.

Я кивнул. Надо полагать, все это была только присказка и, если вас интересует мое мнение, ей бы следовало быть куда короче, коль скоро С. сообщил мне только то, что я и без него знал.

Но теперь, по знаку с., в разговор вступил Т. Он сказал:

— Чтобы действовать с как можно большей пользой, вы должны, соответственно, побольше узнать о людях, с которыми вам придется иметь дело. О Тайроне Тен Эйке вам, я полагаю, кое-что уже известно.

— Он брат моей подружки, — ответил я. — По ее словам, в детстве был изрядным садистом. Кроме того, он восемью годами старше Анджели, десять лет назад дезертировал из армии в Корею и перебежал в коммунистический Китай.

Т. кивнул.

— Это известно всем,— сказал он.— Во всяком случае, такие сведения можно почерпнуть из газетных подшивок. Кроме того, уровень его умственного развития признан гениальным, он служил в отделе методов ведения психологической войны, а за последние десять лет несколько раз менял гражданство.

— Этого я не знал,— ответил я.— Ну, про гражданство. Т. заглянул в записную книжку.

— В 1957 году он покинул Китай и несколько месяцев прожил в Тибете, где вступил в небольшое бандитское формирование, действовавшее на границе Тибета и остального Китая, а впоследствии возглавил его. В конце концов он продал свою шайку красным китайцам, и они заплатили ему наличными. Затем Тен Эйк проник в Индию, принял участие в строительстве плотины, соорудившейся при содействии России, и в 1959 году перебрался к русским. В том же году они выслали его, как китайского шпиона, хотя и сам Тен Эйк, и китайцы, разумеется, отрицали это. Тогда он подался в Египет, открыл там школу для террористов, которых готовил к проникновению в Израиль, а вскоре взорвал училище вместе со всеми курсантами-выпускниками. Вероятно, был подкуплен израильтянами. Но снова все отрицал. Ненадолго попал в Иорданию, потом опять в Индию, тоже на несколько дней, а оттуда — в Камбоджу, на еще более короткое время. После этого он шесть месяцев возил в Индонезию оружие с одной базы в Новой Зеландии, а затем вернулся в Китай, прожил там два года, на какое-то время как в воду канул, а в 1963 году вынырнул в Алжире, где сколотил и возглавил шайку белых террористов антиарабской направленности, куда более воинственную, чем ОАС, и в чем-то схожую с нашим ку-клукс-кланом. В организации завелся предатель, на сей раз, по видимому, не Тен Эйк, и после целого ряда измен она была уничтожена, а сам Тен Эйк, едва спас свою шкуру и унес ноги. Какое-то время бытовало широко распространенное убеждение, что он мертв. Но вот он объявился в Нью-Йорке.

— И вы хотите, чтобы я шпионил за таким типом? — спросил я, вспомнив злобный облик Тен Эйка,

источавший мощь и уверенность в себе. Да, именно таким он был там, в клубе «Парни с приветом».

Т. невозмутимо ответил:

— Это — первый из двух. Что касается второго, Мортимера Юстэли, то он, как мы полагаем, числится в наших картотеках под именем Димитриос Рембла. Контрабандист и торговец оружием, не имеющий особых политических пристрастий. Делец, готовый продаться любому желающему, и не убийца, хотя пойдет и на мокрое дело, если загнать его в угол.

— Не уверен, следует ли мне знать все это, — сказал я.

— Чтобы с успехом защищаться, крайне важно знать своего противника, — ответил мне П.

— Ну, если вы так говорите.

— Человек по имени Лобо, — продолжал Т., — скорее всего, некий Сольдо Кампione. Он семнадцать лет служил личным телохранителем при одном латиноамериканском диктаторе, пока того благополучно не угробили в 1961 году Родственники диктатора обвинили в случившемся Кампione, или, по-вашему, Лобо, похитили его, тайком куда-то увезли и пытали пять месяцев кряду. Когда Лобо вызволили, он уже необратимо повредился умом, получив механические и психические травмы мозга. Последние несколько лет он служил в основном наемным громилой в странах Карибского бассейна и Центральной Америки. Он безоговорочно выполняет приказы, имеет ум трехлетнего ребенка, и с ним ни при каких обстоятельствах не следует вступать в силовое единоборство.

— Постараюсь это запомнить, — пообещал я.

— Вам уже рассказали об остальных участниках той сходки, — продолжал Т., — за исключением мистера и миссис Фред Уэлп. Может быть, повторить, чтобы освежить вашу память?

— Нет, спасибо, не надо, — сказал я.

— Очень хорошо. — Он зашелестел страницами блокнота: ш-ш-ш, ш-ш-ш. — Итак, мистер и миссис Фред Уэлп. До тех пор, пока вы не упомянули их имен, мы практически ничего не знали об этих людях. Вполне возможно, что именно Уэлпы отправили по почте несколько коробок

отравленных шоколадных конфет в резиденцию губернатора в Олбани. Во всяком случае, кроме них, у нас нет никаких подозреваемых. В ходе проведенного расследования выяснилось, что мистер Уэлп двадцать семь лет проработал на одном заводе на Лонг-Айленде, но недавно завод почти полностью автоматизировали. По трудовому договору три года назад Уэлпа отправили в бессрочный отпуск с выплатой восьмидесяти процентов от его тарифной ставки. Столько он будет получать до тех пор, пока ему не стукнет шестьдесят, после чего компания начнет выплачивать ему пенсию — шестьдесят процентов от суммы заработка. Сейчас Уэлпу пятьдесят один год, он в добром здравии, не калека и полностью дееспособен. Судя по всему, этот человек не знает, куда себя деть, а значит, надо полагать, способен едва ли не на любую глупость.

Т. захлопнул свою записную книжку и добавил, обращаясь к С.:

— Это все.

С. кивнул.

— Хорошо, спасибо.— Он повернулся ко мне.— Ну что ж, Рэксфорд, очень скоро вы останетесь в одиночестве. Либо кто-то из нас, либо другие агенты, постоянно будет поддерживать с вами связь. Если положение станет критическим, или вас раскроют, дайте нам знать, и мы тотчас придем к вам на выручку.

— Приятно слышать,— ответил я.

— Надеюсь, что ваша философия, религия, или как это там называется, не помешает вам пустить в ход те орудия самозащиты, которыми мы вас снабдили,— сказал он.

— Ничуть. Дымовая завеса, направленный радиолуч и красные сигнальные ракеты не противоречат здравому смыслу, а я — человек здравомыслящий, хоть вы и не желаете в это верить.

— Рэксфорд, избавьте меня от вашей саморекламы,— попросил С.— В общем, мы всеми силами будем стараться обеспечить вашу безопасность и надеемся, что вы станете нам помогать. Мы не любим терять оперативников, это расточительно, это пагубно влияет на боевой дух, служит признаком нечистой работы и способствует разви-

тию у противника самомнения. Посему будьте осторожны.

— Прекрасная мысль,— сказал я.— Попытаюсь. Большое вам спасибо за совет.

С. взглянул на П. и устало проговорил:

— Теперь за него отвечаете вы.

— Есть, шеф,— ответил П., вставая.— Идемте, Рэксфорд.

В прихожей он спросил меня:

— За каким чертом вы задирали нос перед шефом?

— Он велел мне быть осторожнее,— ответил я.— А я всегда начинаю ершиться, если слышу глупость.

— Наверное, шеф не догадался, что из вас тут вытрясли все мозги,— сказал П.— Ну, вы готовы к отъезду?

— Нет,— ответил я.— Хочу не торопясь проститься с Анджелой.

— У вас будет на это часа четыре,— сообщил мне П.— Она доедет с нами до Тарритауна.

13

На холме на высоком, над Гудзоном величавым, в стороне северной (по отношению к Тарритауну) стоит замок с бойницами, под двускатной крышей. Принадлежит замок сей Марцеллусу Тен Эйку и изрядно смахивает на дома, в которых в наши дни обитают монахи-францисканцы или размещаются женские школы епископальной церкви. Поместье Тен Эйка — одно из последних владений, принадлежащих частному лицу, а сам Тен Эйк, соответственно, один из немногих оставшихся владельцев. В полночь замок ожил. Мы оставили в нем Анджелу. Я суетливо и страстно осыпал ее поцелуями под наблюдением желчного, сварливого и кряхтящего старика — отца невесты.

Таков был окончательный компромисс между стариком и спецслужбами. Он сохранит в тайне то обстоятельство, что Анджела вовсе не прекратила существование, а ему за это разрешат укрыть ее в своей замке на севере штата. Где он, несомненно, попытается скрасить ее заточение, забывая дочери голову всякой чепухой про меня.

А, чтоб ему пусто было!

Разве может какой-то придурковатый старый хрыч, какой-то рогоносец из новеллы Бокаччо сбить с панталыку мою Анджелу? Я расстался с ней у ворот замка с тяжелым сердцем, но не потому что не верил в ее преданность. Мое собственное ближайшее будущее — вот что угнетало этот старый усталый мотор.

Теперь мы с П. были в машине одни. Выехав на шоссе, П. сказал:

— Ну что ж, давайте повторим нашу легенду.

— Давайте,— согласился я.

— Мисс Тен Эйк просочилась в вашу организацию, вошла в доверие, и вы даже не заподозрили, что она может оказаться шпионкой. Вы поняли, что она водила вас за нос, только когда мисс Тен Эйк убежала со сходки. Вы бросились за ней, выследили, догнали, убедили в своем желании сотрудничать, а потом увезли в Нью-Джерси и убили.

— В ярости,— добавил я.

— Отчасти — из-за этого,— согласился П.— А еще потому, что она ранила вашу гордость. Но главная причина заключалась в том, что пока она была жива, группе, которую создали Юстэли и Тен Эйк, угрожала опасность.

Я кивнул.

— Верно, чем не причина?

— После убийства вы пять дней скрывались в Нью-Джерси и только сегодня рискнули появиться в городе, да и то лишь потому, что не могли дольше тянуть с этим: вам не терпелось вернуться в Нью-Йорк и снова наладить связь с организацией. Это было лучшим из всех возможных решений.

— Вы знаете, мне пришло в голову, что, по их мнению, я буду скорее обузой, чем подмогой,— сказал я.— Коль скоро меня разыскивает полиция, да и вообще.

П. покачал головой.

— Не считая самих организаторов, вы — пока единственный член группы, совершивший убийство ради ее блага. Если они отвергнут вас, это будет неразумно политически и скверно отразится на боевом духе группы. Тен Эйк и Юстэли примут вас с распростертыми объятиями и вознесут вам хвалу до небес в присутст

вии остальных членов. Подождите, сами увидите.

— Подождать я не прочь,— ответил я.

— Как только наладите связь, вам придется действовать по обстановке и в основном импровизировать,— сказал он.— Если начнут расспрашивать в подробностях, придумайте что-нибудь убедительное. Мы будем слушать вас и обеспечивать прикрытие, подтверждая все ваши высказывания, чтобы они звучали не слишком невероятно.

— Я буду осторожен,— пообещал я.

— И помните: вы не знаете подлинного имени Тайрона Тен Эйка. Он известен вам лишь как Леон Эйк.

— Ой, верно, я и забыл. Леон Эйк, Леон Эйк, Леон Эйк. Постараюсь запомнить.

— Пожалуй, лучше и нам отныне и впредь величать его этим именем,— рассудил П.

— Точно,— согласился я.— Леон Эйк. Леон Эйк.

— Ну что ж, наверное, это все,— сказал П.

— Послушайте,— спохватился я,— меня считают предводителем террористической организации. Что если Тен... Что если Леон Эйк и Юстэли захотят встретиться с ее членами? Ведь я не могу показать им ватагу пацифистов.

— В вашу организацию можно позвонить по номеру Челси 2—25—98. Мы выделим двенадцать человек на роль ваших соратников, если возникнет нужда.

Я несколько раз повторил про себя номер телефона и сказал:

— Хорошо. Теперь я готов. Лучше уже все равно не przygotowлюсь.

— Вы справитесь,— заверил меня П., но мне показалось, что голос его звучит не совсем искренне.

Несколько минут мы ехали молча, а потом я наконец догадался спросить:

— С кем из них я должен встретиться?

— С Джеком Армстронгом,— ответил П.

— Что? — воскликнул я.— С нацистом?

— Они там все не сахар.

— Но нацист! — заспорил я.— Самый, наверное, бешеный из них. Что, если я покажусь ему похожим на еврея?

— Из всех, кого вы запомнили, он самый

лучший, — заверил меня П. — Его номер есть в телефонной книге Куинса, и вам нетрудно будет объяснить, как вы его разыскали. Кроме того, за ним нет круглосуточного наблюдения, как за некоторыми другими, и, надо полагать, Юстэли и Тен Эйк знают об этом, а значит, у него, вероятнее всего, есть прямой выход за них.

— А как насчет мистера и миссис Фред Уэлп? Вы же не следите за ними, не так ли? И в телефонной книге их номер тоже наверняка есть.

— Да, наверняка, — согласился П. — Но с точки зрения Юстэли и... Леона Эйка, Уэлпы — второсортный человеческий материал, в то время как Джек Армстронг — парень образованный и, значит, ближе им по духу.

— Да, наверное, вы правы.

— Разумеется, прав, — ответил П. — Ах, да, еще одно. Полиция штата, как и городская, действительно разыскивает вас. Вы на самом деле подозреваетесь в убийстве.

Я вытаращил глаза.

— Вы что, шутите?

— Какие уж тут шутки.

— И это называется «ах, да, еще одно»?! О, Святой Петр!

— Я не знал, догадывались вы об этом или нет. Судя по всему, не догадывались.

— О чем не догадывался? Отзовите вы их! Только этого мне не хватало!

Он сказал с отеческим терпением:

— Мы не можем, Рэксфорд, извините. Если сообщить шестидесяти или семидесяти тысячам граждан, что все это — западня, за вашу безопасность уже никто не поручится. Людям свойственно делиться новостями со своими женами или мужьями, возлюбленными, матерями, знакомыми. Каждый, кто знает тайну, делится ею с «одним-единственным человеком», и это являет собой самое приискорбное правило любого вселенского заговора. Кроме того, нельзя ручаться, что никто из полицейских в свободное от службы время не посещает собраний какой-нибудь из этих организаций. Такое уже случалось и будет случаться.

— Чтобы за мной охотились ищейки... — пробормотал я.

— Только пока все не кончится,— сказал он.— Попробуйте расслабиться.

— Да уж куда там! Легавые преследуют, а я — на пути в организацию лунатиков и бомбометателей. В брюхе у меня микрофон, так что и не пукни, на шее висит галстук, который превращается в дымовую завесу, от носового платка блевать тянет, а кредитная карточка взрывается. При все при том я — главарь подрывных элементов, террористической организации, в которой состоят одни переодетые федики, газеты орут по всей стране, что я убил свою подружку, а я тем временем еду на встречу с двадцатипятилетним нацистом, сложенным как чемпион по плаванию. Если расслабиться, по-вашему, означает повесить нос, то не волнуйтесь, я расслабился и чувствую приятную расслабленность повсеместно, от носа до кормы.

14

Что ж, приплыли. Никакого Джека Армстронга в справочнике не было, зато под литерой «Н» значился номер Национальной комиссии по восстановлению фашизма и давался адрес на Шестьдесят седьмом проезде. Я поехал туда подземкой от Большого Центрального вокзала, где П. высадил меня, и во втором часу ночи отыскал дом Джека Армстронга.

Этот квартал, точнее, весь этот район состоял из небольших опрятных домиков, в большинстве своем деревянных, но попадались и кирпичные, и даже каменные, хотя и совсем редко. Почти все двухэтажные, они когда-то имели террасы, но потом рост народонаселения и иные причины вынудили хозяев превратить эти террасы в застекленные лоджии, что придавало домам причудливый вид: казалось, их первые этажи состоят из одних окон. Лужайки перед всеми без исключения домами были маленькие и почти перед всеми домами на них росли кусты, живые изгороди и деревца, отчего лужайки выглядели еще меньше. Площадь некоторых из них еще более сокращалась благодаря садовым скульптурам, грубым щитам с номерами, наклеиваемыми светоотражающей краской, не менее

грубым вывескам типа «Ломбарди» или «Бреннеры» и каретным фонарям на черных столбах.

Район был приличный, тут жил трудовой люд из среднего сословия, белые работы, которые в час ночи уже благополучно спали, довольные прожитым днем. Густые деревья, росшие на полоске земли между тротуаром и обочиной дороги, почти полностью глушили свет редких уличных фонарей, отчего половина квартала оказалась погруженной во мрак, но и мрак тут был приличный, никакие ужасы в нем не прятались. И не витало над этими тротуарами зло, которое обычно таится во тьме городских улиц. Здесь была община — слишком добродушная, слишком вежливая и мягкая, чтобы в ней могло происходить нечто жуткое.

Нужный мне дом, приютивший мировую штаб-квартиру Национальной комиссии по восстановлению фашизма, оказался угловым; это был желтый особняк строевого леса, в полтора этажа. С левой стороны участок упирался в переулок, а с правой тянулась гудроновая подъездная дорожка к маленькому узкому гаражу, который едва превосходил размерами собачью конуру, но все равно занимал почти все пространство заднего двора. Белый щит с грубо обтесанными краями и светоотражающими буквами стоял посреди лужайки, между посыпанной щебнем тропинкой и подъездной дорожкой, и на нем было начертано: «Армстронги». Крыльцо было застеклено, вдоль фасада росли пышные кусты, а над воротами гаража был прикреплен побитый баскетбольный щит с ржавым кольцом.

Я миновал дом, остановился на углу, посмотрел по сторонам, пытаюсь сообразить, что мне делать дальше, и тут заметил тусклый свет в одном из полуподвальных окон. Я прошагал по переулку, наискосок пересек полого поднимавшуюся лужайку, подобрался к дому сбоку, подкрался к освещенному окну и, присев на корточки, заглянул в него.

Подвал как повал. Бетонный пол покрыт темно-красной краской — любимый цвет всех владельцев деревянных домов. Главное перекрытие поддерживают стальные красно-белые полосатые трубы, а у левой стены стоит маленький бар, поблескивающий безделушками, вымпелами, ста-

туэтками, фонариками, цветными стекляшками и прочей дребеденью. Похоже, его поставили тут и сразу же забросили, о чем безмолвно свидетельствовали стопки старых газет на стойке.

Почти под самым окном, в которое я заглядывал, сидел сам Джек Армстронг. Во всяком случае, я решил, что это он, ибо на человеке была та униформа, какую ему и следовало носить, и он обладал таким же внушающим страх телосложением. Он сидел спиной ко мне и трудился, отчего его спина ходила ходуном.

Какое горе. Для него, для меня, для всех нас. Человек накручивал рукоятку печатного станка!

Увидев, как он вращает ее, как листы бумаги один за другим скользят в лоток, я пережил странное мгновение, полное дурацких диких детских несбыточных мечтаний: мне вдруг показалось, что все мои грезы, все идеалы, все надежды на совершенство мира вполне осуществимы, причем без большого труда. Сколько же у нас общего с этим парнем. Это такое знакомое и такое бессмысленное движение рукоятки печатного станка служило связующей нитью между нами, символом нашей общей преданности делу и нашей глупости. Оставалось только поговорить с ним, объяснить, показать, доказать, подчеркнуть... Да, наверняка!

На дальней стене, за колышущейся спиной Джека Армстронга, висел громадный цветной портрет Адольфа Гитлера (только голова, плечи и, конечно, усики). Фюрер смотрел на меня тяжелым взглядом, полным мрачной подозрительности и как бы предупреждавшим о пагубности нигилизма. По бокам портрета висели прибитые к стене огромные нацистские флаги, до боли знакомые красные полотнища с белыми кругами посередине, в которых была нарисована черная свастика.

Объяснить ему? Показать ему? Доказать ему?!

Реальность гибельна для любых символов. Она навалилась на меня, будто всесокрушающий кистень. Вряд ли здесь подходящее место, вряд ли сейчас подходящее время, вряд ли я в подходящем обществе, чтобы разом совершить прыжок в золотой век. Да, у нас с этим парнем был общий

опыт: и он, и я накручивали рукоятки печатных станков. Но я делал это, потому что не мог раздобыть более совершенную полиграфическую технику, а вот Армстронг, вне всякого сомнения, бился с печатным станком, потому что не мог раздобыть автомат. Различие, быть может, едва уловимое, но определяющее.

Ладно, к делу. Раздираемый нежеланием приступить к выполнению задания и стремлением как можно скорее покончить с ним ко всем чертям, я сжал левую руку в кулак, выставил вперед костяшку среднего пальца, лизнул ее на счастье и постучал в окно.

Армстронг едва не забрался в свой станок. Он настолько обезумел от испуга, что я в тот же миг раз и навсегда перестал бояться его. Может, он и был самым ярым из всех последователей Адольфа Гитлера, но это не имело значения. Все остальные члены группы Юстэли и Тай... Леона Эйка (Леон Эйк, Леон Эйк, Леон Эйк, это необходимо запомнить!), возможно, сумеют внушить (и еще внушат) мне ужас, но Джек Армстронг — никогда! Я только что вырвал его клыки.

Я снова постучал в окно — не для того, чтобы помучить бедного мальчика, просто делать больше было нечего. Если я буду стучать достаточно часто, рано или поздно нацист очухается и поймет, что это за звук. А поняв, повернется к окну, и тогда я покажу ему свою физиономию, после чего мы, возможно, начнем общаться.

Мое второе «тук-тук-тук» не помогло. Услышав его, гитлеровский штурмовик шарахнулся от печатного станка и забился в темный угол за печкой. Теперь я видел только его горящие глаза.

(Мне кажется, это может служить еще одним подтверждением тому, что человек бывает наиболее уязвим, когда против него обращают его же излюбленное оружие. Например, сотрудник ФБР — кажется, это был А. — отказался от своей теории языка знаков, стоило мне бросить на него один-единственный многозначительный взгляд. Или газетные сообщения, которые все мы читали и в которых говорится, что рекламные агенты, оказывается, сами скупают едва ли не все рекламируемые их коллегами и больше

никому не нужные товары. А чтобы до полусмерти затерроризировать террориста, достаточно среди ночи постучать в окно его дома.)

Пришлось искать более действенный способ привлечь его внимание, иначе он мог со страху и вовсе удрать из подвала. Я поразмыслил секунду-другую и решил выбить на окне знакомый Армстронгу ритм: ать-два, ать-два. По моим расчетам, это должно было навести фашиста на мысль, что к нему стучится «свой» стукач.

Так и вышло. Заслышав меня, молодчик вылез из-за печки. Он все еще держался настороженно, но, по крайней мере, обрел способность двигаться. И задвигался. С опаской приблизился он к окну, а я тем временем сделал все возможное, чтобы меня было видно как можно лучше. Наконец гитлеровец открыл задвижку и чуть-чуть приподнял оконную раму — ровно настолько, чтобы я мог расслышать его шепот:

— Кто вы? Чего вы хотите?

— Зеленые рукава, — ответил я. Это был пароль, по которому мы прошли на учредительное собрание. Может, услышав его, Армстронг вспомнит меня.

Нет, не вспомнил. Он спросил немного окрепшим голосом:

— О чем это вы? Нализались, что ли?

— Нет, — шепнул я. — Это Рэксфорд.

Его зрачки расширились, а шепот превратился едва ли не в визг:

— Что вы тут делаете? Вы с ума сошли?

— Мне нужна связь с Юстэли и... Леоном Эйком, — ответил я. — Направьте меня к ним. — Почему я?

— Ваш номер был в телефонной книге.

— Послушайте, — зашептал Армстронг, — у меня и без вас хватает дрызг с предками. Они спят наверху. Если узнают, что вы приходили сюда...

— Не узнают, — пообещал я. — Свяжитесь с Юстэли и Эйком, скажите, что я здесь, и все. — И чуть резче добавил: — Вы член группы или нет?

— Э... ну... конечно. Естественно.

— Так чего ж вы тогда?

— Нельзя, чтобы папаша узнал,— умоляюще ответил нацист.— Он и так грозит выкинуть отсюда все эти вещи. Если ему станет известно, что я вожу дружбу с людьми, которых разыскивают по подозрению в убийстве...

— Я залег на дно на целых пять суток,— заявил я, стараясь придать своему голосу зловещие нотки.— Я умею не шуметь, когда не надо, можете не беспокоиться на этот счет.

— Ну, ладно,— прошептал он, по-прежнему неохотно, но уже без напряжения.— Обойдите дом, там есть черный ход. Я вас впущу. Только без шума, Христа ради.

— Хорошо.

Стараясь не шуметь, я обогнул дом и по гудроновой дорожке для машин подошел к задней двери — непременно принадлежности любого особняка. Она, как водится, скрипнула, когда Армстронг потянул за ручку. Заслышав скрип, он поморщился и шепнул:

— Ступайте в подвал.

Я отправился в подвал. Гитлер оглядел меня с портрета и, должно быть, решил, что таких, как я, лучше сразу пускать в расход. Следом за мной, нервно топая ногами, в подвал вошел Армстронг.

— Садитесь,— шепотом пригласил он.— Я позвоню Юстэли.

Рядом с печатным станком стоял старый письменный стол, а на нем — телефон. Очевидно, именно его номер был внесен в справочник в графе «Национальная комиссия по восстановлению фашизма». Наверху, должно быть, стоит телефон, которым пользуется отец Армстронга и который, надо полагать, не служит средством связи между мятежниками.

Пока Армстронг вполголоса бубнил в трубку (он делал это довольно долго), я слонялся по подвалу, разглядывая убранство. Пробежав глазами листовку, которую печатал приспешник Гитлера, я понял, что у нас с ним не так уж много общего: сам я вряд ли когда-либо напечатал бы бумагу подобного содержания. Потом я изучил ярлычок на одном из нацистских полотнищ и увидел, что оно изготовлено в Саванне, штат Джорджия. Наконец я уселся на

табуретку возле бара, от нечего делать заглянул за стойку и заметил на полу открытый деревянный ящик, почти доверху наполненный ручными гранатами.

Мне сразу стало тошно.

15

Двадцать минут третьего ночи. Я сидел в отдельной кабинке в ночном кафе на бульваре Куинс, за дюжину кварталов от всемирной штаб-квартиры Джека Армстронга, и разглядывал безлюдную улицу. Батарея светофоров, целых восемь штук, висевших на разной высоте, более-менее слажено выполняла свое унылое упражнение: сперва все зеленые, потом — зелено-красные, затем — просто красные и, наконец, достигая совершенства симметрии, снова зеленые. Это было похоже на невероятно замедленный фейерверк. Очень скучное зрелище.

Внутри кафе было двое посетителей и два работника. Один из них, в грязном белом халате, управлялся за стойкой. Сейчас он стоял и, скорчив противную рожу, орудовал у себя в пасти зубочисткой. Второй работник, еще грязнее первого, производил впечатление пропойцы, который вот уже пять суток не припадал к бутылке. Его обязанности сводились к тому, чтобы толкаться среди посетителей и возить по полу тряпкой, пропитанной хлоркой. Посетитель номер один был коренастым мужчиной лет сорока с небольшим, в кожаной куртке. Он сидел у стойки и пил кофе с пончиками, с громким плеском обмакивая их в чашку, а затем поедая с еще более полновучным чавканьем и хлюпаньем. Вторым посетителем, который сидел в отдельной кабинке над чашкой вчерашнего кофе и датским пирожным, испеченным на прошлой неделе, был ваш покорный слуга.

Мое левое запястье зачесалось, я изумленно и раздраженно уставился на часы, потом поднес их к уху и услышал тоненький голосок:

— Что происходит?

— Ничего не происходит, — сердито ответил я. Пропойца с тряпкой выглянул на меня и заморгал. Я нарочито

закашлялся, опустил руку, вперил взор в окно и сделал вид, будто вообще ничего не говорил.

Им, видите ли, приспичило узнать, что происходит!

А что, по их мнению, тут может происходить? Согласно указаниям, полученным Джеком Армстронгом по телефону и переданным мне, я прошагал двенадцать кварталов от его норы до этой дыры, в два часа ночи (даже немного раньше, если быть точным), устроился в отдельной кабинке и с тех пор так в ней и сию. Вот что происходит!

Я уже дал себе клятву послать все к чертям, если никто не объявится до половины третьего, как вдруг к тротуару подкатила черная машина марки «дженерал моторс» (как я, помнится, говорил Анджеле, все они на одно лицо), остановилась перед кафе и принялась мигать фарами. Это был условный сигнал.

Я проглотил комок в горле. Он был куда шершавее датского пирожного. Теперь, когда за мной приехали, мне чертовски хотелось продлить ожидание. Я не спешу, не спешу, и вы не торопитесь.

Черта с два! Я — человек подневольный. Оставив почти весь кофе и почти все пирожное, я вышел из кабинки, прошагал по лужам хлорной извести к двери, на миг остановился в тесном тамбуре, где мое уединение нарушал только автомат, продающий сигареты, и пробормотал:

— Они здесь. Выхожу к машине.

Очутившись на улице, я прикинул длину машины, разглядел решетку радиатора и решил, что это «кадиллак». Он был снабжен черными занавесками на боковых стеклах. Водитель напоминал какой-то бесформенный курган. Я заметил, как он извернулся на сиденье и открыл правую заднюю дверцу. При этом свет в салоне загорелся.

Я скользнул в темную кабину, захлопнул дверцу, и машина тотчас тронулась. Она развернулась под восемью светофорами и направилась по бульвару Куинс в сторону Манхэттена.

Я устроился на краешке сиденья и подался вперед, тщетно стараясь разглядеть лицо шофера, но он был запакован в пальто с поднятым воротником и прикрыт сверху шляпой. Наконец я спросил:

— Мы знакомы?

Ответа не было.

— Вы глухонемой?

Похоже, да.

Получив такой отпор, я откинулся на спинку, сложил руки и принялся ждать, что будет дальше.

Я впервые ехал в машине, все окна которой, кроме лобового, были закрыты шторами, и поэтому испытывал несколько странное ощущение. Кабы не тряска (у «кадиллака» прекрасные подвески, но бульвар Куинс в позорном состоянии), вообще невозможно было бы догадаться, что мы движемся. Чувство было такое, словно сидишь в маленьком зрительном зале и смотришь фильм про широкую и безлюдную ночную улицу. Или, скорее, будто несешься по этой ночной улице в ящике без одного торца. Ну да, как бы там ни было, мы ехали со значительным превышением допустимой скорости, и я уже хотел изложить водителю причины, по которым мне совсем не улыбалось быть остановленным полицией, но решил оставить свои мысли при себе.

Мы проехали весь бульвар Куинс до конца, пересекли Ист-Ривер по внешней полосе моста Куинсборо, свернули на проезд ФДР и покатали на юг, миновали здание ООН и в конце концов очутились на Хаустон-стрит (кстати сказать, пишется ее название так же, как имя техасского города Хьюстона, но произносится по-другому), после чего немного покружились, сворачивая то влево, то вправо, и снизили скорость, потому что въехали в квартал ветхих жилых домов барачного типа и гнилых разваливающихся особняков-трущоб, среди которых возносилось к небу внушительное широкое здание из розового кирпича, отдаленно напоминавшее церковь. Кровля его была покрыта позолотой. Перед этим зданием машина бесшумно и плавно затормозила. Теперь я видел азиатские письма на фасаде над золочеными двустворчатыми дверями и на большом щите, привинченном к стене перед широкими ступенями храма.

Я перевел взгляд с церкви на водителя и спросил:

— Приехали? Мне вылезать?

Никакого ответа. Он даже не повернул головы.

Вспомнив о микрофоне у себя в желудке, я сказал:

— Мне тут вылезать, возле этой китайской церкви с позолоченными дверями? Это церковь или что?

От водителя я так и не дождался никакого ответа, но получил его из другого источника. Упомянутые мною позолоченные двери отворились, и я увидел три вспышки карманного фонарика.

— Благодарю, — сказал я водителю, сам толком не зная, шучу или нет, и выбрался из машины. Она тотчас рванула с места и скрылась за углом.

Район этот отличался от вотчины Джека Армстронга примерно так же, как Джек-потрошитель от Братца Кролика. Неопрятные груды мусора, казалось, кишели крысами, ниши под лестницами в подъездах — наркоманами, крыши — насильниками, приступочки перед домами — половыми извращенцами, а темные закутки — душителами и головорезами. Я вошел в это азиатское святилище, церковь, мечеть, храм или как там оно у них именуется. По чести сказать, вошел только потому, что это здание показалось мне самым безопасным местом в округе.

Ступени были сложены из сланца. За открытыми позолоченными дверями царилá кромешная тьма. Я переступил порог, и двери за мной закрылись. Казалось, мрак сгустился еще больше.

Мое правое запястье обхватила чья-то рука с тонкими пальцами, похожая на паучью лапу, и над ухом раздался шепот с присвистом: казалось, я слышу голос Питера Лорра в роли ликующего маньяка: «Пжалссста, сссюда-а-а...»

И паучья лапа куда-то потянула меня.

Я последовал за своим предводителем и пересек площадку, которая, судя по гулкому отголоску, была вымощена камнем. Меня провели чуть дальше вперед, потом потащили направо, и вскоре мы остановились. Паучья лапа отпустила мое запястье, я тихонько прикрыл руками два-три места, которые считал жизненно важными точками тела, и принялся моргать.

Тоненькая ниточка света прямо впереди сделалась шире,

потом еще шире и превратилась в полоску, которая проби-
валась из щели открывающейся двери. Какая-то маленькая
тщедушная фигурка, судя по всему, мужская, возникла на
пороге и знаком велела мне войти в освещенное помеще-
ние. Я вошел. Мой поводырь последовал за мной и при-
крыл дверь. Я очутился в маленькой каморке, убранной на
восточный лад; на стенах висели тканые циновки, а пол
украшала какая-то мозаичная картина. Мой проводник,
маленький тощий босоногий человечек восточного об-
личья и неопределенного возраста, облаченный в черную
робу без пояса и такие же черные штаны, повернулся ко
мне и сказал:

— Снимите обувь.

— Что? — не понял я.

— Это совершенно необходимо, — ответил он, и в целом
свете не хватило бы букв «с», чтобы передать, как этот азиат
произнес слово «совершенно». — Здесь ссвященное
место, — просвистел он в заключение.

— Священное место, — эхом откликнулся я, чувствуя,
как зудит левое запястье под часами. Зуд не прекращался,
и в конце концов я поднес зудящую конечность к уху.
Из часов донесся тоненький металлический голосок:
«Не разувайтесь. Не разувайтесь. Не разувайтесь».

— Придурки, — злобно процедил я.

Мой загадочный проводник, похоже, подумал, что я
имею в виду его, и тотчас ошетинился.

— Туфли надобно сснять. Не сснимете по ссвоей
воле, позову на помощщ, и вассс разуют нассильно.

Он плевался этими «с» и «щ», будто пулемет системы
Флита.

— Ну ладно, — согласился я. — А мне их вернут?

— Нессомненно. А пока можете обутьсся вот в эти
ссандалии.

Сандалии, которые он сунул мне под нос, были сплете-
ны то ли из соломы, то ли из тростника, то ли из ивовых
прутьев. Ну, вы представляете себе, что они были такое.
Нечто подобное летом продают на пляжах.

Я сменил мои дивные электронные башмаки на пару
жалких плетеных сандалий и увидел, как мой новоиспечен-

ный приятель аккуратно ставит туфли на пол в уголке, где, как он заверил меня, ничего с ними не случится до моего возвращения.

Запястье сразу перестало зудеть.

— Сссюда,— сказал мне проводник, открывая дверь в дальней стене комнаты. Я зашаркал своими новенькими сандалиями и последовал за ним.

(Вы когда-нибудь замечали, какое важное место в сказках про волшебство занимает обувь? Возьмите, к примеру, Дороти из «Волшебника страны Оз», Злая колдунья не может причинить девочке сколь-нибудь серьезного вреда, пока та ходит в красных башмачках, подаренных ей доброй волшебницей. Нечто похожее можно встретить в детских сказках всех народов мира, а в сказках этих заключена великая мудрость, о чем вам с напыщенным видом заявит любой ученый муж. Вот я и провел несколько минут, размышляя о предостережениях, содержащихся в народном творчестве и связанных с волшебной и защитной обувью, и о том, к каким плачевным последствиям может привести отторжение героя этой сказки от его прекрасных башмаков).

Но это — реплика в сторону, высоконаучное отступление от темы, и впредь я постараюсь не растекаться мыслью по древу.

Итак, вернемся к нашим делам.

Как я уже говорил, мой спутник провел меня в другую дверь, за которой оказался длинный пустой коридор, выдержанный в бежевых тонах. В нем не было никаких дверей. Мы прошли уже довольно большое расстояние, и тут коридор вдруг повернул направо. Повернули и мы. Наш путь освещали маленькие тусклые плафоны, укрепленные на потолке через равные промежутки.

В конце коридора дорогу нам преградила широкая и тяжелая стальная дверь. Мой проводник изрядно поднатужился и толкнул ее. Дверь ответила на его кряхтение таким же натужным скрежетом и умолкла, лишь когда плюгавый азиат распахнул ее настежь и перестал кряхтеть. Он взмахом руки пригласил меня пройти в другой коридор, ничем не отличавшийся от первого.

— Ссступайте вон туда, — велел он, указывая направление, и с натугой закрыл за собой железную дверь.

Я остался в одиночестве и пробы ради сказал:

— Алло?

При этом я поднес часы к уху, и они затикали на меня. Теперь я и впрямь был один. Вот ведь дурень.

Оставалось только одно: идти дальше. Я прошагал до конца коридора и обнаружил, что он делает левый поворот и заканчивается у каменной лестницы, ведущей вниз. Свет теперь давали редкие голые лампочки, висевшие на проводе, который тянулся вдоль правой стены на высоте человеческого роста. Стены были сложены из выщербленных камней. В воздухе витал горьковато-солоноватый запах, чем-то напоминающий аромат моря.

От подножия лестницы вправо вел извилистый коридорчик, стиснутый стенами из грубых каменных глыб. Где-то капала вода. Лампочки теперь висели так далеко друг от друга, что некоторые участки этого кривого лаза оставались и вовсе не освещенными.

Наконец я добрался до другой лестницы. Эта была деревянной и вела наверх. Электричества здесь не было; путь мой освещали факелы, вставленные в кольца на стене и источавшие смолистый дух.

На верхней площадке деревянной лестницы была похожая на арку дверь, которая вела к узкому стальному карнизу, уходящему в темноту и нависающему над гулкой черной бездной. В дальнем конце карниза виднелась еще одна освещенная дверь. Я с опаской ступил на железный настил.

Слева и справа тянулись ржавые поручни. Металл под ногами был мокрый и скользкий. У меня возникло такое чувство, будто внизу бездонная пропасть: разглядеть что-либо в такой тьме я, разумеется, не мог. Кроме того, я чувствовал, что где-то высоко-высоко над головой нависает то ли сводчатый, то ли куполообразный потолок, но и это ощущение, ясное дело, ничем не подтверждалось.

За дверью я увидел уютную теплую комнату, убранную тяжелыми гардинами и ткаными циновками густых темных тонов. На полу тут и там лежали толстые ковры, по две-три

штуки один на другом. Потолок был черный. Единственной мебелью здесь были маленькие столики, а единственным источником света — горящие на них свечи. Повсюду валялись пухлые оранжевые и красные подушки.

Вдруг какая-то пестрая тень отделилась от скрадывавшего ее фона и воплотилась в образе прекрасной и чувственной девушки восточного обличья. Она была облачена в какой-то замысловатый национальный наряд, окутывавший ее с головы до пят. Девушка поклонилась мне, ее волосы цвета воронова крыла тускло блеснули в свете свечей, миндалевидные глаза сверкнули. Она молча помашила меня за собой.

О, Боже! Идти за ней? Но ведь у меня есть Анджела, и это чревато всеми возможными...

Эх! Мы прошли по длинному и широкому коридору, убранному коврами, мимо многочисленных закрытых дверей, из-за которых доносились музыка, взрывы смеха и иные шумы, сопутствующие всевозможным удовольствиям, и наконец девушка остановилась возле одной из дверей в левой стене коридора. Она тихонько постучала, поклонилась мне и отправилась в обратный путь.

Мучимый страстным желанием, я смотрел ей вслед, пока дверь не открылась. Глазам моим предстала еще одна восточная физиономия. Я тотчас узнал эту морду. Она принадлежала участнику учредительного собрания Лиги новых начинаний! Кажется, я не рассказывал о нем федикам. Но вот увидел и мигом вспомнил. Он возглавлял какую-то мелкую коммунистическую группировку, название которой, равно как и имя ее вожака, улетучилось из моей памяти.

Но коммунист быстро напомнил мне, кто он и чьих будет.

— Я — Сунь Куг Фу из Корпуса освободителей Евразии, — сказал он. — Вы меня помните?

— Конечно, — любезно ответил я. — Вы были на собрании.

— Верно. Входите.

Я вошел и очутился в самом обыкновенном рабочем кабинете, обставленном на западный лад: серый металли-

ческий письменный стол, серый металлический картотечный шкаф, серая металлическая корзина для бумаг и зеленые пластиковые стены.

— Располагайтесь, — пригласил Сунь Куг Фу. — Как вам нравится наше прикрытие?

— Очень здорово придумано, — ответил я, усаживаясь на коричневый кожаный диван. Кроме этого дивана да крутящегося кресла за столом, сидеть тут было не на чем.

— Под прикрытием культового учреждения вы как у Будды за пазухой, — самодовольно продолжал Сунь Куг Фу тоном, дававшим основания предположить, что идея такого благочестивого прикрытия принадлежит ему самому. — Можно вытворять все, что угодно, а легавые и носом не поведут.

— У вас почему-то совсем не восточная речь, — заметил я.

Сунь расхохотался.

— Вы шутите? — воскликнул он. — Я родился в Астории, за мостом. Мой папаша был владельцем прачечной. Впрочем, он и сейчас ею владеет.

— Это хорошо, — сказал я, видя, что Сунь продолжает улыбаться. — А как начет моих башмаков?

— Не просто хорошо, а прекрасно! — сияя, вскричал он. — Даже если легавые следят за вами, дальше дверей храма они не пойдут. Если ваши ботинки в храме, значит, и вы там! Так они подумают. А вы можете преспокойно путешествовать по всему свету!

— И впрямь замечательно, — сказал я. — Но я хотел бы получить их обратно.

— О, не беспокойтесь. Никто их не присвоит. Ваши ботинки будут там, где вы их поставили. Можете забрать их хоть через неделю.

— Но... — начал я.

Он беспечно взмахнул рукой и сказал:

— Скоро за вами приедут. У меня дела. Приятно было снова повидать вас.

— Благодарю, — ответил я.

— Вы классно расправились с этой богатенькой поганкой, — похвалил он меня. — Терпеть их не могу, знаете

ли. Такие лезут в драку, даже если им не за что воевать. Черт возьми, приятель, этот мир и так принадлежит им! — Сунь покачал головой, улыбнулся мне и вышел, закрыв за собой дверь.

Я просидел там довольно долго, даже дольше, чем в кафе. Но вдруг одна из стен кабинета поползла в сторону, и в черном проеме возникла неуклюжая фигура Лобо. Он грузно ввалился в комнату, будто медведь, и пророкотал:

— Обыск.

— Ладно, — ответил я и, встав, развел руки в стороны.

Лобо медленно и дотошно обыскал меня. Он нашел и галстук, и платок, и ручку, и механический карандаш, и бумажник с кредитной карточкой, и ремень, и двадцатипятицентовик. Вернув мне все это добро, Лобо опять протиснулся в черную брешь в стене, поднял одну из своих чудовищных лап и поманил меня за собой.

И вот я снова в пути.

16

Четыре часа утра. Наконец-то я стою лицом к лицу с Тайроном Тен Эйком в маленькой комнате с черными стенами и без окон, где-то в Нью-Йоркском подzemелье. Над нашими головами покачивалась яркая лампочка, висевшая на черном проводе, который торчал из темного потолка. Посреди комнаты стояли старый деревянный стол и два некрашенных стула.

Молчаливый Лобо снова подверг меня пытке, проведя через лабиринт коридоров, лестниц, пустых комнат и галерей в толще земли, и наконец притащил в эту камору, в которой, когда я вошел, никого не было. Переступив порог, я увидел, что попал в тупик, а Лобо у меня за спиной закрыл дверь и удалился.

После нескольких минут нервного ожидания, в течение которых я успел подумать о восьмидесяти трех разных вариантах возможного провала нашего замысла, дверь снова открылась, и вошел Тайрон Тен Эйк. (Стоя рядом с ним, я никак не мог мысленно назвать этого человека его псевдонимом. Леон Эйк — совершенно несурзное имя для

такого типа. Он был именно тем, чем всю жизнь мечтал стать молодой Орсон Уэллс).

— Приветствую, мой дорогой Рэксфорд,— сказал он, сияя улыбкой.— Должен поблагодарить вас за то, что так быстро разделались с покойной мисс Тен Эйк.

Я откашлялся и проговорил, стараясь, чтобы мой голос звучал так же невозмутимо, как и его:

— Благодарю. Это пустяки.

— Возможно, и нет, только вы об этом не знаете,— ответил он, хитровато глядя на меня. У него был раскатистый мелодичный голос с какой-то странной звуковой примесью. Звук этот напоминал хруст ломающихся детских костей. Продолжая улыбаться, Тен Эйк указал на стол и стулья.— Присаживайтесь, поговорим.

Чего это он так лукаво на меня смотрит? Почему он сказал, что убийство Анджелы Тен Эйк значит больше, чем я думаю? Кажется, он чего-то от меня ждет, но вот чего? Я вдруг почувствовал себя так, будто меня силком засадили играть в шахматы с гроссмейстером и отвели десять секунд на обдумывание каждого хода. А почему мне было знать, какой ход замышляет мой соперник?

Но в следующий миг (я едва уложился в отпущенное на обдумывание время) я понял, что ему надо. Покинув собрание, мы с Анджелой провели вместе какое-то время, прежде чем я ее «убил». Может, она успела сообщить мне, кем на самом деле был Леон Эйк?

А почему нет? Теперь я смогу объяснить, откуда мне известно подлинное имя Леона Эйка. Грех не воспользоваться такой возможностью. По меньшей мере, это позволит мне избежать пагубных последствий, если я вдруг случайно оговорюсь.

Времени на дальнейшие размышления уже не оставалось. И я сказал:

— Спасибо, мистер Тен Эйк.

И подошел к стулу.

Внезапно в комнате повисла тишина, и скрежет ножек стула по бетонному полу привел меня в ужас. Напряженное молчание нарушил голос Тен Эйка, такого голоса я еще не слышал: он напоминал звук, с ка-

ким камень скользит по клюву ястреба.

— Как вы меня назвали? — спросил он.

Неужто я дал маху? Неужто совершил гибельную ошибку? Времени раздумывать не было, оставалось положиться на авось и переть напролом. Я с легкой хрипотцой ответил:

— Тен Эйк. Я назвал вас Тен Эйком. Разве вы не Тайрон Тен Эйк, братец этой девки Анджели?

Я все сказал правильно. Его судорожная улыбка вновь засияла ровно, голос сделался мягче.

— Значит, она вам сказала. Что ж, этого и следовало ожидать.

— Надеюсь, это не создаст вам неудобств, — тщательно подбирая слова, ответил я.

Улыбка снова замерцала, как лампа дневного света.

— Думаю, нет. Садитесь же, мистер Рэксфорд, нам есть о чем поговорить.

Мы уселись лицом друг к другу, разделенные старым столом. Тен Эйк достал из внутреннего кармана тонкую кривую итальянскую сигару, шишковатую как дубинка ирландского викинга. Я вытащил сигарету, поскольку очень хотел курить, и Тен Эйк дал мне огоньку, поднеся к моей сигарете изящную золотую газовую зажигалку. Густой едкий дым его заморской сигары почти сразу заполнил всю каморку, и ее убранство утратило четкость очертаний, хотя и не стало менее зловещим.

Тен Эйк смотрел на меня, и глаза его искрились как оголенные провода.

— Что еще вам обо мне известно, мистер Рэксфорд? — спросил он.

— Да, по сути дела, ничего, — заверил я.

Улыбка стала вкрадчивой.

— Ничего? Моя милая усопшая сестричка никогда не рассказывала вам про меня?

— О, — промямлил я, лихорадочно вспоминая все, что слышал о нем. — Ну, говорила, что вы уже давно покинули Америку. Что стали коммунистом.

— Коммунистом! — Он громко расхохотался. Похоже, такое предположение показалось ему до смешного. вздорным. — Что ж, еще одно свидетельство уровня ее

умственного развития. Коммунистом!

— Так вы не коммунист? — спросил я.

О! Если бы мои башмаки были на мне! Если бы П. и вся его азбука сидели сейчас кучкой возле приемника где-нибудь в двух милях отсюда и слышали все эти отборные, жизненно важные разведывательные сведения! Проклятый Сунь Куг Фу с его культовым сооружением в качестве прикрытия. Ни дна ему ни крыши!

Тайрон Тен Эйк вытащил свою маленькую сигару из уголка рта и ответил:

— Я не попадаю ни под какое политическое определение, мистер Рэксфорд. Подозреваю, что и вы тоже.

Еще один молниеносный ход. И отвечать на него тоже надо было молниеносно. Кем я хочу быть в глазах Тен Эйка? Дурачком, как большинство участников того собрания, или коварным приспособленцем, таким же, как он сам, оппортунистом? Дурачка он может счесть бесполезным, а негодяя и плута, равного себе по хитрости, — опасным.

Вероятно, избранный мною путь был предсказан моим себялюбием. Во всяком случае, я ответил:

— Надо полагать, мы оба стремимся занять место первого парня на деревне. Единственная разница между нами в том, что я — Рэксфорд.

Его улыбка сверкнула, как огниво.

— Понятно, — сказал он. — Вот только убийство моей сестры может показаться кое-кому весьма несуразным поступком.

Еще бы не показаться! Лихорадочно соображая и боясь отвести глаза в сторону, я ответил:

— Иногда я даю волю чувствам. А в создавшемся тогда положении ничего не стоило потерять самообладание.

Он кивнул, оценив мой довод.

— Вы правы. А кроме того, — Тен Эйк одарил меня улыбкой заговорщика, беседующего со «своим парнем», — имя Рэксфорд, вероятно, не так уж трудно сменить.

— Возможно, — ответил я, попытавшись улыбнуться так же, как он.

Тен Эйк в задумчивости попыхал сигарой, разглядывая

исцарапанную крышку стола.

— Ну что ж,— наконец, сказал он,— вернемся в день сегодняшний. Вы нас разыскали. Вы пришли к нам. Зачем?

— Мы можем быть полезны друг другу,— ответил я.— Какое-то время.

— Можем ли? — он весело сверкнул глазами.— И какую же пользу я способен вам принести?

— За мной идет охота. У вас есть связи за рубежом, вы можете вывезти меня из Штатов, связать с людьми, которые приставят меня к делу и будут платить мне за мою работу.

Он согласно кивнул.

— Я мог бы это сделать. Ну, а как вы намерены воздать мне за услугу?

— Я полагал, вы пришли сюда, чтобы сказать мне об этом.

— Ха! Хорошо сказано, мистер Рэксфорд! Мы с вами поладим!

Я снова попытался одарить его сияющей улыбкой.

— На это я и надеялся.

Тен Эйк внезапно посерьезнел, подался вперед и понизил голос.

— Хочу сразу внести ясность,— сказал он.— Вы — один из трех человек, знающих, что Тайрон Тен Эйк находится в Соединенных Штатах. Пусть это и впредь останется тайной для всего остального мира.

— Разумеется,— ответил я.— Надеюсь, вы оплатите мне той же монетой.

Наступило короткое молчание. Мы посмотрели друг другу в глаза немигающим взором. Оба держались с изысканной вежливостью и оба были себе на уме. Сейчас я мог быть полезен Тен Эйку, но наверняка настанет день, когда он попытается убить меня. Хотя бы потому, что мне известно его подлинное имя. Я знал это, как знал и то, что он знает, что я знаю, что он знает, что я... И так — до бесконечности, как отражения в двух зеркалах, стоящих друг против друга. Мы понимали, что все знаем, и ни одному из нас не приходило в голову поделиться этим знанием с другим.

Что мне следовало делать, будь я тем, за кого меня принимал Тен Эйк ? Наверное, надо улыбнуться и притвориться, будто я верю каждому его слову, а самому тем временем вынашивать замыслы: как мне наблюдать за ним, как получить от него все, что нужно, а потом, когда он уже не сможет ничего мне дать, убить его. И, разумеется, он понимает, что я сейчас вынашиваю именно такие замыслы.

Господи, как же изнурительна такая жизнь! Даже не будь у меня никаких других доводов в защиту пацифизма, одного этого оказалось бы вполне достаточно. До чего же легко жить, никого не подкарауливая, не держа руку на рукоятке кинжала.

Тен Эйк расслабился, откинулся на спинку стула и запыхтел своей корявой сигарой.

— Вы сами видели, что за рыба угодила в расставленные Юстэли сети,— с легким презрением сказал он.— И они еще мнят себя террористами!

Обстоятельства требовали выказать цинизм. Я пожал плечами и ответил:

— Всякой армии нужно пушечное мясо.

— Конечно. Но специалисты нужны ей куда больше. И я велел Юстэли бросить невод в надежде на то, что туда попадутся именно мастера своего дела. Нескольких он выловил, но в основном это было, выражаясь вашими словами, пушечное мясо. Рядовые необученные.

— Надо полагать, вы уже наметили себе определенную цель,— предположил я.

— Разумеется. Здание ООН.

— Вот как?

— Мы сделаем так, что народу там будет битком,— с тусклой улыбкой ответил он.— Куда больше обычного. Столько, что оно затрещит по швам. И тогда мы его взорвем.

17

— Зачем? — спросил я. Вопрос был глупый, и зря я его задал. Ответа на него все равно не получишь, и мне следовало бы об этом знать. Но это «зачем» прос-

то вырвалось у меня, как кот из мешка.

Однако Тен Эйк, похоже, не заметил, что с меня соскользнула маска. Сейчас он прямо-таки упивался своим замыслом и вряд ли уловил бы фальшь в поведении аудитории. Его лицо осветилось улыбкой, и он сказал:

— У каждого из нас свои цели, мистер Рэксфорд. Одни борются за идеалы, другие исходят из более практических соображений. Что касается вас, то вы примете участие в этом деле, потому что надеетесь впоследствии получить от меня помощь.

— Разумеется, — ответил я. — Это естественно. — И, вспомнив собрание, добавил: — Так вот почему вы завели речь об ООН и пластиковых бомбах.

— Конечно. Я намерен соединить их в одно целое.

Это он так шутил. Ха-ха. Мы обменялись улыбками, будто братья-змееныши в родительской норе. Эх, кабы он только знал, что улыбается кролику, напавшему на кожу кобры! А кролик, поплотнее закутавшись в шкуру кобры, пропищал:

— Но ведь на том собрании вы говорили и о многом другом. Китай, Конгресс, Верховный суд.

— О да, — ответил он. — Что касается Конгресса, Верховного суда и прочего, то сначала я решил было заложить бомбу в Вашингтоне, может быть, в Сенате, и подбросить улики, указывающие на происки коммунистического Китая. Мне казалось, что США наверняка потребуют созыва внеочередной сессии Генеральной Ассамблеи, чтобы бросить китайцам обвинение. И тогда здание ООН будет набито до отказа. Не забывайте, я хочу, чтобы там было полно народу.

Он, разумеется, был законченным психом, и такое безумие совсем меня не устраивало. Ну ладно, если припичило соскочить с катушек, черт с тобой, но почему бы тебе не стать кататоником, не впасть в ступор и не сидеть на попе, неподвижно и отрешенно, не отзываясь ни на какие раздражители и глядя в стену? Как это упростило бы жизнь всем остальным людям. Но нет, куда там! Тайрон Тен Эйк непременно желал быть буйнопомешанным.

Я спросил:

— А вы сможете сделать так, чтобы в эту клевету на Китай поверили?

Улыбаясь и сияя, он ответил:

— Для этой цели у меня есть прекрасный расходуемый человеческий материал — Сунь Кунг Фу с его Корпусом освободителей Евразии.

— Они что, китайские коммунисты?

— Во всяком случае, считают себя таковыми. У настоящих красных китайцев достанет здравого смысла, чтобы не связываться с такими махровыми лунатиками. Десять с лишним лет назад Мао и его чиновники прервали всякие отношения с Корпусом освободителей Евразии, но это не имеет никакого значения. Если рухнет здание Сената, а в развалинах найдут тела Суня и его дружков с запалами в руках, американское общественное мнение сделает однозначный вывод: во всем виноваты эти грязные китайские красные! Горячие головы начнут призывать к немедленному возмездию, атомной бомбардировке Пекина, которая, кстати, пошла бы на пользу этому городу, избавив его от трущоб. Мерзопакостная дыра, надо сказать. Но более разумные американцы станут ратовать за сдержанность и советовать по всей форме подать жалобу в ООН. Вот так я хотел поступить, — он небрежно взмахнул рукой. — Но теперь, разумеется, все изменилось.

— Вы разработали новый план, — предположил я.

— Который определенно лучше прежнего со всех точек зрения, — он стряхнул столбик белого пепла со своей нелепой сигары и, сияя, добавил: — А произошло это, как ни странно, благодаря вам.

— Благода...

Дверь у меня за спиной с грохотом распахнулась. Тен Эйк молниеносно вскричал, опрокинув стол прямо мне на ноги, и с размаху запустил стулом в дверь. Одновременно он отскочил в угол и выхватил из-за пазухи своей черной куртки черный «люгер». Все это произошло в мгновение ока, меньше чем за секунду. Видимо, он уже давно вел эту пагубную для нервной системы жизнь и неплохо усвоил ее уроки.

Стол упал на меня, а я, в свою очередь, на мокрый

бетонный пол. Я с трудом сел, выглянул из-за поваленного стола и увидел в дверях трясущегося от ужаса Сунь Куг Фу с высоко поднятыми руками.

— Н-не стреляйте,— выдал он.— Это я.

— Придурок,— прошипел Тен Эйк. Какой же ценой давалась ему наука выживания! Он крикнул: — Лобо!

Лобо возник в дверях. Его похожая на связку бананов морда дивным образом приняла виноватое выражение.

— Он прошмыгнул мимо меня,— промямлил Лобо.

По-прежнему держа руки высоко над головой, Сунь Куг Фу сказал:

— Я должен был вам сообщить, мистер Тен Эйк, я должен был вам сообщить. Федеральные агенты! Они обыскали храм!

О, господи! Расставшись со мной и два часа не получая никаких вестей, П. и его ребята бросились на выручку. А меня уже и след простыл!

Тен Эйк спрятал свой «люгер».

— Выйдем отсюда другим путем,— решил он.— Пошли, Рэксфорд.

— Мои ботинки!

— Получите новые,— пообещал он.— Идемте же!

18

«Надень эти волшебные красные башмачки,— со сладенькой улыбочкой сказала мне Билли Бэрк,— и с тобой не случится ничего дурного. Ты сможешь мчаться как ветер, исполнять любые танцы, ходить по воздуху, ступать по воде и горящим угольям. Ноги твои никогда не устанут и не заболят, и ты будешь отплясывать до рассвета. Но что бы ты ни делал, никогда не снимай эти башмачки и не допусти, чтобы они попали в руки злой колдуньи Тайроны».

«Ну, ну, Билли, неужто ты и впрямь веришь во всю эту чепуху?» — спросил я.

Ее удивленное личико превратилось в физиономию Тайрона Тен Эйка, словно выкованную из тускло блестящего металла. Он улыбнулся и сказал:

«Ни секунды не верю, друг мой. Я разделаюсь с тобой, какие бы ботинки ты ни напялил».

Этого оказалось достаточно, чтобы разбудить меня. Я резким движением сел на кровати, очнувшись от тяжелой дремы, и увидел незнакомое ложе в незнакомой комнате. Вполне, впрочем, обыкновенной: это была простенькая спальня с широкой кроватью, трюмо с зеркалами, прикроватными тумбочками с ночниками и стулом, на котором в относительном порядке висела моя одежда. Единственное окно было прикрыто занавеской, что делало комнату похожей на оранжевый аквариум. Так выглядят все спальни, когда просыпаешься после недолгого дневного сна.

Но я-то не просто прикорнул после обеда. Я спал с тех пор, как... С каких же пор я спал?

Я попытался вспомнить, что произошло. Приблизительно в половине пятого утра мы с Тен Эйком сбежали из той крошечной сырой каморки в подземелье и помчались через хитросплетение извилистых коридоров, странных комнат, галерей и гулких пустых залов, пропыленных и давно всеми забытых. Облаченный в черное Тен Эйк возглавлял отступление. Полы его одеяния развевались на бегу. Я, насколько позволяли проклятые сандалии, поспешал за ним, а Лобо прикрывал тылы, топая, грохоча и рокоча у нас за спиной. Сунь Куг Фу бросился куда-то в другую сторону. Видимо у него была иная цель.

Ну, а куда стремилась и куда прибыла наша троица? Невероятно, но в конце концов мы очутились на темной и грязной станции подземки. Тут была какая-то старая ветка, заброшенная после постройки новой линии. Чумазая зеленая дверь, казавшаяся запертой, на самом деле была открыта. Мы прошли в нее, поднялись по очень узкой бетонной лестнице, миновали еще одну дверь и очутились на глухой улочке. Наконец-то над головой снова было небо.

В этом проулке стояла машина, или тот же «кадиллак», на котором меня везли из Куинса, или очень похожий. Мы забрались внутрь, Тен Эйк сел за руль, и мы принялись колесить по неведомым мне улочкам пренеприятного вида, а потом вдруг оказались на Кэнел-стрит, тоже пренеприят-

ной, но хотя бы известной мне, и пересекли ее. Тен Эйк и я сидели впереди, Лобо громоздился сзади. За Кэнел-стрит начинался туннель Холланд. Проехав его, мы оказались в Нью-Джерси. (Все-таки это был другой «кадиллак», без штор на боковых окнах).

Пока мы мчались на север через Нью-Джерси, справа забрезжило нечто похожее на рассвет. Ехать было тоскливо, а я не спал уже почти двадцать четыре часа, и совокупное воздействие этих двух обстоятельств привело к тому, что я клевал носом, зевал и не очень четко представлял себе, где нахожусь. Смутно помню, что мы где-то останавливались и Тен Эйк что-то говорил мне своим веселым и одновременно предостерегающим голосом. А потом кто-то затолкал меня в эту спальню.

Наверное, часов в шесть. Да, вполне разумное допущение.

Мои часы (теперь уже только часы, а не переговорное устройство) сообщили мне, что теперь было десять минут четвертого. Я десять часов проспал как сурок в окружении убийц, погромщиков и душевнобольных!

Вскочив с кровати в шортах и тенниске, я поспешил к стулу, где лежала остальная моя одежда, и быстро облачился в нее. Единственной имевшейся в комнате обувью были все те же проклятые сандалии, кто-то аккуратно поставил их в ногах кровати. Я втиснул в них ступни, проверил, на месте ли мой арсенал, убедился, что все цело, и вышел из комнаты.

Я очутился в одном из чудес американского жилищного зодчества — помещении на верхней площадке лестницы. Оно слишком квадратное, чтобы назвать его коридором, и слишком маленькое для комнаты; обычно в нем либо вовсе не бывает никакой мебели, либо стоит какой-нибудь столик, который жалко выбросить. Со всех сторон в это помещение ведут двери, поскольку оно сообщается с комнатами второго этажа. Это непонятное пространство наверху, наверное, можно назвать втулкой, или сердечником, но, насколько мне известно, его называют именно так, как называл я: «помещение на верхней площадке лестницы».

В нем-то я и стоял. Сейчас мне больше всего хотелось

умыться и почистить зубы. Чувствуя себя героем «Женщины или тигра», я изучал эти двери, похожие на ячейки колеса рулетки, и гадал, за которой из них находится ванная.

Первая из моих догадок не подтвердилась. За одной дверью была комната без всякой мебели, за исключением двух столов и нескольких стульев. В ней расположились шесть человек восточной наружности; они доставали из большого деревянного ящика детали и собирали автоматы. Они уставились на меня, когда я возник на пороге.

— Х-хы,— тихонько хихикнул я, пятясь назад.— Я ошибся дверью. Х-хы.

И опять закрыл дверь, чтобы не видеть этих рож.

Вторая попытка оказалась успешнее. Я умылся, почистил зубы пальцем, покинул ванную, прошел по помещению на верхней площадке лестницы, не чувствуя никакого желания выяснить, что скрывается за остальными дверями, и спустился по лестнице. Внизу я увидел Тен Эйка, который беспечно сидел в гостиной, листая толстый и дорогой альбом французских импрессионистов: Яркие краски страниц играли на его лице, и казалось, будто в книге идет шабаш нечисти. Увидев меня, Тен Эйк улыбнулся и сказал:

— Ага, наш соня пробудился.

— Впервые за неделю смог так поспать,— ответил я, стараясь говорить убитым голосом и снова входя в образ душегуба, преследуемого полицией, хитрого безумца, отчаянного искателя приключений.

— Еще бы,— сказал он, улыбаясь своей пластмассовой сочувственной улыбкой.— Если вы заглянете в кухню, то хозяйка дома, надо полагать, найдет, чем вас попотчевать.

— Прекрасно.

— Поговорить мы еще успеем,— добавил Тен Эйк, когда я шагал мимо него.— У меня есть для вас работа.

Точно не знаю, но, возможно, я побледнел от страха. Однако мне удалось достаточно искренне выговорить:

— Замечательно. Терпеть не могу праздности.

— Полностью разделяю ваши чувства,— он перевернул страницу и нечаянно порвал ее. Тен Эйк пробормо-

тал что-то утробно-трескучее и явно не по-английски.

Я пошел на кухню, где увидел хозяйку дома. Это оказалась миссис Сельма Бодкин. Она была довольна, как гостелюбивая Марджори Мэйн. Хозяйка предложила мне отведать блинчиков, я молча кивнул, и тогда она усадила меня за кухонный стол, налила для начала апельсинового сока и кофе, а потом принялась накладывать блинчики.

Миссис Бодкин на удивление здорово пекла их. Болтала она без умолку. Я воспринимал лишь разрозненные отрывки ее речи, поскольку большую часть времени терялся в догадках, не зная, что за дьявольскую работу придумал для меня Тен Эйк. Ну да, чтобы там ни было, вряд ли я смогу выполнить это задание. И что будет тогда?

Трескотня миссис Бодкин сводилась главным образом к автобиографическим сведениям и истории дома, в котором я гостил. Это была ферма, которая со временем осталась без земельных угодий. Вокруг нас, невидимые за стеной деревьев, лежали новые жилые районы, имевшие почему-то кладбищенские названия: Светлая Дубрава, Зеленые Холмы, Раздолье. Миссис Бодкин привезли сюда, когда она была невестой (уму непостижимо!), и с тех пор она так и жила тут. Похоронила мужа, вырастила и отпустила из дома детей. Теперь здесь часто проводились собрания Мирного движения матерей-язычниц. Убранство дома было если не шикарным, то уж, во всяком случае, очень удобным, и все тут сияло чистотой.

По настоянию миссис Бодкин я приступил ко второй стопке блинчиков, когда с шумом распахнулась задняя дверь, и в дом ввалились пятеро коренастых парней в кожаных куртках. Они отдувались и сквернословили, одновременно бросая на стол, за которым я сидел, револьверы и мешки с деньгами. С их появлением в комнате запахло горячей кровью и злодейством. Одним из этих парней был Патрик Маллиган, духовный вождь «Сынов Ирландии», а четверо его спутников могли оказаться только ирландцами и никем иным.

— Ну, как прошло, ребята? — спросила их миссис Бодкин, и тут в дверях кухни появился Тен Эйк.

— Без осложнений?

— Пришлось подстрелить одного-двух посетителей, — ответил Маллиган, стаскивая кожаную куртку и доставая из кармана страшную маску неандертальца. Он швырнул ее на стол рядом с моей тарелкой. — Думаю, что насмерть.

— Жаль, — сказал Тен Эйк. — Я же велел избегать кровопролития.

— Не было выбора, — отрезал Маллиган.

— Точно, — подтвердил еще один сын Ирландии. — Они бросились на нас. Возомнили себя героями.

— Небось, из этих поганных ветеранов войны, — подал голос третий сынуля. — Всякие там приемчики дзюдо и тому подобная чепуха.

— Надо было стрелять, — подвел итог Маллиган. — Иначе нипочем не выбрались бы оттуда.

— Ой ли? — с сомнением произнес Тен Эйк.

— Точно говорю, — Маллиган взглянул на меня. — Неужто Рексфорд?

— Совершенно верно, — ответил я.

— Классно уделал шпионку, — похвалил он.

— Благодарю.

Один из сыночков сказал Тен Эйку:

— Главное, наличность у нас.

— Отнесите наверх, — велел им Тен Эйк. — И положите вместе с остальными деньгами. Потом отдохните. Вам нельзя уходить отсюда до темноты.

Сына Ирландии подхватили свои револьверы, маски и добычу и гуськом вышли из кухни. Тен Эйк проводил их взглядом, потом уселся напротив меня и сказал:

— Вот ведь незадача.

— Ничего, бывает, — ответил я, напуская на себя беспечный вид.

— Да, — согласился он и задумчиво добавил: — Надо как-то придать этому видимость несчастного случая. Подбросить им немного этих денег. Удирая, они превысили скорость и разбились насмерть. Какая жалость.

— Увы, — выдавил я, наконец-то поняв, в чем дело.

— По крайней мере, полиция успокоится, — сказал Тен Эйк.

— Не желаете ли чашечку кофе, Леон? — спросила его миссис Бодкин.

— Нет, спасибо, Сельма, — ответил он и повернулся ко мне. — Но все равно успех сопутствовал им достаточно долго. Теперь у нас вдоволь наличных.

— Они грабили банки, чтобы содержать группу? — спросил я.

— Разумеется, — Тен Эйк улыбнулся. — Я жду одного специалиста. — Он взглянул на часы. — Надо будет поговорить со Злоттом, чтобы позаботился об их машине.

— Злотт? — переспросил я. — Тот хмырь, ненавидящий немцев? Он тоже специалист?

— Эли Злотт — один из самых блестящих изобретателей адских машин на свете, — сообщил мне Тен Эйк. — Скажите ему, когда, где и насколько сильно должно рвануть, какой прибор дистанционного управления, часовой механизм или взрыватель надо применить, дайте ему взрывчатку и детали, и дело будет сделано. Быстро, изобретательно и наверняка успешно. — Тен Эйк криво улыбнулся мне. — Я знаю страны, в которых Эли Злотту платили бы четверть миллиона в год только за то, чтобы он был под рукой. Разумеется, будь он в своем уме.

— Разумеется, — откликнулся я.

— В нашей группе есть несколько специалистов. — с довольным видом сказал Тен Эйк. — Возьмите хотя бы Сельму. (При этих словах она просияла от удовольствия [Сельма нарезала ломтиками морковь на доске]). Она дает нам кров, вполне благопристойное прикрытие, убежище и изысканнейшие лакомства, каких я прежде и не пробовал. Все это — ее ампула.

Его речь была адресована скорее миссис Бодкин, нежели мне, и хозяйка едва не выгнула спину от удовольствия. Прежде я не думал, что этот человек, всегда казавшийся мне эдаким сгустком черной злобы, умеет так ловко ворковать и нести прекрасную чушь. Но теперь я понял, что в его арсенале обязательно должно было найтись и такое оружие, как обаяние. Льстивая речь — для такой особы, как миссис Бодкин, а для женщины помоложе и помиловиднее — обаяние какого-то

иного рода. Более терпкое и менее слащавое.

— Ну, а остальные? — спросил я. — Какое амплуа, к примеру, у миссис Баба?

Его лицо окаменело.

— Несколько членов группы, — тщательно подбирая слова, ответил Тен Эйк, — показались большинству из нас людьми бесполезными и ни на что не годными. Миссис Баба — в их числе.

— А Уэлпы? — спросил я.

— И они тоже. И Хайман Мейерберг.

— Кто?

— Тот сталинист.

— А, да, помню. Они больше не с нами?

— Нет, — ответил он и резко взмахнул рукой, указывая на спину миссис Бодкин. Я тотчас расценил его жест как призыв прекратить обсуждение этой темы, поскольку Хаймана Мейерберга, миссис Баб и Уэлпов больше не было в живых, но миссис Бодкин этого не знала. Они покинули мир живых по двум причинам: никчемность и осведомленность. А миссис Бодкин не подозревала об этом, потому что рано или поздно ей тоже суждено было превратиться в бесполезную обузу.

Поэтому я сменил тему, сказав:

— Вы говорили, что у вас есть дело и для меня.

— Да. Мортимер... Юстэли, вы его помните. Так вот, вскоре после наступления темноты он прибудет сюда, после чего вы отправитесь в маленькое путешествие на север вместе с ним и Джеком Армстронгом.

— Вот как?

— Мы покупаем взрывчатку у моих канадских друзей. Через границу они ее переправят, но привезти груз сюда — наша забота.

— О! — ответил я.

— Вообще-то, — продолжал он, — хватило бы и одного человека. Большое ли дело — привести сюда грузовик? Но мы должны отвезти на север деньги, и их нужно охранять: Сумма немалая. Одного могут ограбить, или он сам вдруг решит покатить на юг вместо севера. Если поедут двое, один может убить другого. Поэтому нужны три человека.

(Тен Эйк, как вы понимаете, судил о людях по себе. Сознывая низменность собственных побуждений, он постоянно подозревал во всех грехах и остальных. Поэтому и сам замысел, и приведенные доводы были вполне в его духе).

— Давайте-ка разберемся,— предложил я.— Мне придется отправиться с Юстэли и Армстронгом, чтобы по пути в Канаду охранять крупную сумму денег и пригнать обратно грузовик взрывчатки.

— Совершенно верно. Напомните, чтобы я выдал вам пистолет перед отъездом.— Он встал и добавил:— А я, пожалуй, поговорю со Злоттом. Кто знает, долго ли он будет возиться с машиной.

Он отпустил какой-то комплимент по адресу миссис Бодкин, которая зарделась от удовольствия, и ушел.

А я остался сидеть, мысленно проигрывая наш разговор и не испытывая ни малейшей радости.

— Кушайте, кушайте,— сказала мне миссис Бодкин.— Вы что-то совсем не едите.

19

Вот, значит, в чем заключается мое амплуа, по мнению Тен Эйка: он считает меня громилой. Вероятно, я был единственным в мире громилой среди пацифистов.

Юстэли и правда прибыл вскоре после наступления темноты. Точнее, спустя несколько минут, почти сразу же после того, как Маллиган и его веселые парни отправились на машине в вечность и забвение. Я заметил, как Эли Злотт смотрит им вслед из окна гостиной, любуясь делом своих рук и зная, что плодами его работы скоро будут любоваться другие люди. Полагаю, он не видел большой разницы между кельтами и тевтонами.

Армстронг уже был в доме. Хоть один из «специалистов» Тен Эйка оказался и впрямь мускулистым. Когда Юстэли подогнал свой «меркьюри» позапрошлого года выпуска к задней двери дома, Армстронг спустился вниз с двумя черными чемоданами, каждый из которых я едва мог сдвинуть с места. Нацист запихнул их в багажник, Юстэли

наскоро посовещался с Тен Эйком в углу гостиной, потом с благодарностью отказался от предложенного миссис Бодкин сладкого пирожка с кофе, и в этот миг Тен Эйк поманил меня за собой на второй этаж.

Мы добрались до помещения на верхней площадке лестницы и вошли в комнату, где дети Востока собирали свои автоматы. Сборщики уже ушли, но плоды их трудов лежали на столе стволами в мою сторону.

Тен Эйк сунул мне в руку пистолет и тихо сказал:

— Пока будете ехать на север, не обращайтесь внимания на Армстронга. Он слабоумный и предан делу. Но за Юстэли нужен глаз да глаз. Мортимеру доверять — что вилок суп хлебать.

Оказывается, пистолет тяжелее, чем я думал (стоит ли говорить, что я впервые в жизни держал в руках оружие?). Он оттянул мне руку так, что хрустнуло запястье. Я кивнул и сказал:

— Ладно, я поспежу за ним.

При этом я терялся в догадках, не зная, что предпринять, если Юстэли и впрямь выкинет какой-нибудь номер.

— Вам придется быть начеку только по пути на север, — наставлял меня Тен Эйк. — Пока будете везти наличные. Продать пластиковую взрывчатку не так-то просто, поэтому вряд ли Мортимер станет дергаться на обратном пути.

— Ладно, — сказал я. — У Армстронга есть оружие?

— Да, — ответил он и сразу пришиб мою зарождающуюся надежду, добавив: — Но на его помощь не рассчитывайте, такие дела ему в диковинку.

— Значит, вся тяжесть ляжет на меня.

— Тут вы моя правая рука, Рэксфорд, — он сверкнул глазами и ощерился в улыбку. — Мы с вами одной породы. — Тен Эйк похлопал меня по плечу. — И понимаем друг друга.

Вооруженный этим ложным убеждением, я спустился вместе с Тен Эйком вниз, где миссис Бодкин подала мне черно-красную клетчатую охотничью куртку, наследство покойного мистера Бодкина, и заставила натянуть ее.

— Ночами еще холодно, — сказала она, — а у вас

нет пальто.

У Юстэли тоже не было пальто. Он выглядел подтянутым и щеголеватым в своем жемчужно-сером костюме, переливавшемся всеми цветами радуги. Миссис Бодкин не стала навязывать ему старую конскую попону. По какой-то неведомой причине она прониклась расположением ко мне и неприязнью к Юстэли. Может быть, потому что я отдал ей блинчиков, а Юстэли отказался от сладкого пирожка.

Каковы бы ни были причины, я не смог отбояриться от этой чертовой куртки. В конце концов я натянул ее, поблагодарил хозяйку за заботу и неуклюже вывалился из дома, будто медведь Смоки, запакованный в картонную доску для шашек. Миссис Бодкин крикнула мне вслед:

— Только не вздумайте ее снять!

— Хорошо, — пообещал я и заметил, как из-за ее плеча выглядывает Тен Эйк, следя за нами и усмехаясь себе под нос. Он явно интересовался вопросом о том, как люди становятся и перестают быть хозяевами положения. В этой пустячной истории с охотничьей курткой я пошел на поводу, натянув на себя одежду, носить которую мне вовсе не хотелось, и Тен Эйк блаженствовал, наблюдая, как меня берут в оборот. Он испытывал прямо-таки болезненную радость. Кроме того, подозреваю, что он побаивался и уважал меня, считая равней себе, и ему было приятно видеть, как я сажусь в лужу — неважно, по-крупному или по мелочи — тогда как он остался бы на высоте, попав в такое же положение.

Дав клятву верности охотничьей куртке и беспрерывно повторяя, что буду ее носить, я забрался на заднее сиденье «меркьюри», которое по странному стечению обстоятельств оказалось таким же клетчатым, как и куртка, только красные клетки были немного нежнее по тону, ближе к оранжевому. Юстэли устроился на пассажирском месте впереди, Армстронг сел за руль, ему предстояло первому крутить баранку.

Подъездная дорожка миссис Бодкин примыкала к проселку, который тянулся через лес и соединялся на дальней опушке с гудроновым шоссе окружного значения. То, в

свою очередь, с автострадой, ну, а дальше — магистраль под странным названием Садово-Парковый бульвар. Этот бульвар привел нас к транс-нью-йоркскому шоссе, которое шло через весь штат на север.

Пока Армстронг объезжал дом и выруливал на проселок, Юстэли молчал, но когда мы оказались на гудроне, он предостерег фашиста:

— Не нарушайте правил движения. Не дай Бог, полиция остановит. Машина-то краденая.

Я зажмурился.

20

С учетом всех обстоятельств мы довольно быстро доехали до места встречи на шоссе № 9, чуть севернее Чейзи и на восемь миль южнее канадской границы. Справа от нас, за озером Шамплейн, уже вставало солнце. Я сменил Армстронга за рулем и вез своих спутников по шоссе, а последние миль сто шоферил Юстэли. В отличие от меня, он замерз, поэтому, передавая ему руль, я присовокупил к браздам правления и охотничью куртку.

— Вернете, когда будем подъезжать к дому, — сказал я. — Миссис Бодкин не должна заподозрить, что я ее снимал.

— Старая ворона, — весьма невежливо отозвался о ней Юстэли и с трудом натянул охотничью куртку поверх своего жемчужно-серого костюма. На нем даже это одеяние выглядело почти изысканно. Что ж, одни умеют носить вещи, другие — нет.

Пока мы преодолевали эти сто миль, Армстронг не умолкая грозился заснуть, но меня это совсем не устраивало. Я хотел, чтобы Юстэли знал: если он задумает выкинуть какой-нибудь номер, ему придется иметь дело с двумя бдительными противниками. Поэтому, когда сердито клюющий носом Армстронг растянулся на заднем сиденье, я устроился рядом с Юстэли и принялся занимать моих попутчиков беседой (в основном, конечно, Армстронга), болтая обо всем, что приходило в голову. Лишь по чистой случайности я ни разу не

ударился в пацифистскую агитацию.

Но если Юстэли и вынашивал замысел смыться с чемоданами, полными денег, то внешне он этого никак не выказал. Управление машиной поглощало все его внимание, и он только вежливо хихикал всякий раз, когда в моей дурацкой болтовне вдруг проскальзывала шутка. Да и вообще вел себя выше всяких похвал.

Место встречи представляло собой заброшенный овощной ларек на восточной обочине шоссе № 9. Он пришел в упадок, когда поток туристов из Штатов в Монреаль потек по другому руслу, недавно построенному шоссе № 87, многорядной дороге, проложенной в обход всякой цивилизации.

Мы первыми подъехали к ларьку, загнали за него машину и вылезли, чтобы размять ноги.

— Смотрите, не забудьте стереть отпечатки пальцев,— велел нам Юстэли, старательно протирая руль носовым платком.— Машина останется здесь.

Мы стерли наши отпечатки.

Грузовик приехал спустя четверть часа, его сопровождал крошечный пыльный черный «санбим». (Грузовичок казался старым, усталым и перегруженным. Одна из тех страдающих астмой колымаг, на которых в годы Великой депрессии ездили Джон Гарфилд и Ричард Конт. Только на тех были калифорнийские номера, а на этих — номера канадской провинции Онтарио. Второе отличие заключалось в грузе: те маленькие машины обычно возили помидоры, а в этой лежала взрывчатка, которой хватило бы, чтобы вновь стереть с географических карт все шоссе № 87).

Из грузовика выбрался бородатый верзила в макинтоше, а из «санбима» — похожий на хорька человечек в черном дождевике. Они подошли к нам, и хорек спросил:

— Где?

— В багажнике,— ответил Армстронг.— Я принесу.

Он притащил оба чемодана, бородач взял их с такой же легкостью, с какой прежде Армстронг, и отволок в «санбим».

— Ну вот,— сказал хорек.— Грузовик заберут нынче

вечером. Вы получили свое повидло, а мы — плату за оба задания.

— За оба задания? — переспросил Юстэли.

— Совершенно верно, — ответил хорек. — Его милость позвонил после вашего отъезда и сказал, что малость доплатит нам за одну работенку. — Он улыбнулся, как хорек, вытащил из кармана дождевика пистолет и всадил в Юстэли три пули. Мы с Армстронгом застыли. Я думал, что стану следующим, и готов поклясться, что Армстронг придерживался не менее заупокойной точки зрения. В горле стало очень сухо, пальцы начали сами собой растопыриваться, будто между ними вырастали перепонки, а нижняя губа ни с того ни с сего отяжелела и отвисла.

Но пальбы больше не было. Юстэли рухнул на щебенку за овощным ларьком, хорек спрятал свой пистолет, а бородач подошел к нему и сказал:

— Чего ты выпендривался? Хватило бы и одной пули.

— Пришла охота пошуметь, — ответил хорек и снова ухмыльнулся.

Бородач подхватил Юстэли, отволол в «меркьюри» и запихнул за руль. Хорек, веселый как утренняя пташка, пустился в объяснения:

— Его ищет полиция, понятно? И машина в утоне числится, поэтому никто не будет копать. Тем паче, что местные легавые не очень сообразительны.

Они забрались в свой «санбим» и укатили.

Только теперь я обратил внимание на Армстронга. Он был очень бледен, едва ли не с голубым отливом, особенно вокруг глаз. Кожа на лице, казалось, натянулась, глаза вылезли из орбит. Он стоял неподвижно, будто удерживая на голове яйцо.

Вероятно, я смог взять себя в руки только после того, как увидел, насколько худо стало Армстронгу. А когда он сказал: «Кажется, меня сейчас...» — и, спотыкаясь, побрел плевать, я понял, что со мной все будет в порядке.

У меня появилась возможность бежать. На грузовике или на своих двоих, мне было все равно. Добраться до ближайшего городка, до ближайшего телефона. Поначалу мне придется туго, поскольку меня разыскивают за убий-

ство Анджели, но со временем все выяснится, и я смогу поделиться своими открытиями с П и всеми остальными.

Но что я, собственно, открыл? Наверняка я знал лишь одно: Тен Эйк задумал взорвать здание ООН. Но когда? Зачем? Кто его нанял? Как он намерен это осуществить? К тому же, нельзя было забыть о бомбе в здании Сената США. Он отказался от этой затеи, потому что увлекся новой, и надо было выяснить, что это такое. По сути дела, мне нечего было сообщить П. Более того, поскольку П. уже знал, что на учредительном собрании Тен Эйк разглагольствовал о взрывчатке и ООН, даже весть о его намерении взорвать это здание не будет воспринята П. как нечто свежее и совсем уж немыслимое.

Если б только мне удалось ускользнуть, по-быстрому позвонить по телефону и вернуться! Но пока Армстронг рядом, это невозможно, и я не видел никакого способа избавиться от него, не возбуждая подозрений. Оставалось только махнуть рукой на мое задание прямо сейчас или же потянуть резину еще немного.

Если я смоюсь сейчас, Тен Эйк узнает массу нового. Например, что Анджела вовсе не мертва. Что я — двурушник. Что властям известно о его приезде в США. Как ни крути, но если я смоюсь сейчас, это пойдет на пользу только Тайрону Тен Эйку.

Ну, и мне, конечно. Может, удрав сейчас, я проживу подольше.

А проживу ли? Тен Эйк на свободе, и февики ни за что не доберутся до дома миссис Бодкин раньше, чем он смоется оттуда. Значит, он будет на воле, он будет все знать и попытается отомстить и мне, и Анджеле. А февики так и не получат своих сведений. А я так ничего и не сделаю.

Я стоял на месте, и пистолет оттягивал мне карман штанов, отчего они соскальзывали. Пока мой друг-нацист облеивал овощной ларек, я медленно и неохотно принял мучительное решение: ничтожная муха должна возвертаться в паучьи тенета.

Армстронг вернулся. Он был еще бледнее, чем прежде, но зато намного живее.

— Все в порядке, — выдавил штурмовик, и это было

сравнительно близко к истине.

— Вы сядете за руль, или предпочитаете вздремнуть? — спросил я.

— Я не усну, — пробормотал он. — Но и рулить не могу. Посмотрите, что с моими руками. — Армстронг протянул мне руки и показал, как они дрожат.

— Ладно, — сказал я. — Поведу сам, а вы просто сидите и отдыхайте.

— Я не привык к таким вещам, — извиняющимся тоном проговорил Армстронг. — Простите, но я, в отличие от вас, еще не успел привыкнуть ко всему этому. Но я исправлюсь:

— Разумеется, — заверил я его с высоты своего опыта.

Если не давать волю воображению, можно заниматься чем угодно. Меня разыскивали за убийство, мои партнеры были во всех полицейских участках. Я возвращался в дом, набитый сумасшедшими преступниками. Я только что видел, как застрелили человека, стоявшего рядом со мной. Я вел машину, нагруженную мощной взрывчаткой. Но не думал об этом. Я думал о прекрасном пейзаже, о великолепной дороге, о том, что мотор грузовичка на удивление хорош, а подвески плохи, и это вовсе не удивительно, о том, как здорово будет, когда ФБР перестанет шпионить за мной, но как неприятно снова самому выносить корзинки для бумаг...

...и о том, что эти три пули предназначались мне.

Я ехал на юг по прекрасной, новой и почти пустой дороге. Рядом видел Джек Армстронг, он привалился к дверце и все-таки уснул. Время от времени он стучался лбом о стекло, а я раздумывал о том, как похожий на хорька стрелок всадил три пули в человека, облаченного в черно-красную клетчатую охотничью куртку. После нашего отъезда Тен Эйк позвонил в Онтарио, хорек сам так ска зал. Тен Эйк сообщил хорьку, что денег в чемоданах больше, чем надо, и ему, хорьку, надлежит застрелить одного из участников встречи. Человека, которого разыскивает полиция. Человека в черно-красной клетчатой охотничьей куртке.

Хорек не интересовался нашими именами. Судя по всему, раньше он не встречался с Юстэли. Единственным

ориентиром хорьку служила эта проклятая куртка!

Может быть, миссис Бодкин неспроста всучила ее мне?

Нет, вряд ли она в этом замешана. Тен Эйк даже Юстэли не рассказал о том, какую участь он мне уготовил. Такая уж у него была привычка: говорить как можно меньше. Вот он и велел хорьку убить человека в черно-красной куртке. А если бы я отказался ее надеть, он просто сказал бы хорьку, какой на мне костюм. Тен Эйку не пришло в голову, что я могу отдать эту куртку Юстэли или Армстронгу. Первый был слишком брезглив и разборчив в одежде, а второй — слишком хорошо развит физически.

Но Юстэли замерз.

А посему околел.

Я ехал на юг по прекрасной новой дороге, зная, что Тен Эйк предпринял покушение на мою жизнь, зная, почему он это сделал. Потому, что мне было известно его подлинное имя.

Но я не знал, как мне теперь быть.

Я просто возвращался, понимая, что иначе нельзя. Я и за миллион долларов не отказался бы от удовольствия увидеть его вытянувшуюся физиономию.

21

В общем, с делом мы справились неплохо. Обратный путь на грузовике занял больше времени, чем путешествие на север, и мы приехали уже под вечер. Когда я затормозил за домом, Тен Эйк вышел из задней двери, сияя приветливой улыбкой, которая ничуть не потускнела, когда я выбрался из кабины. Он стоял и смотрел, как Джек Армстронг вылезает из машины с правой стороны, как мы потягивается и разминаемся после долгой дороги. Потом Тен Эйк как ни в чем не бывало спросил:

— А где же Мортимер?

— Возле границы, — ответил я. — В «меркьюри». В куртке миссис Бодкин. Мертвый.

— Правда? Я не думал, что он захочет ее надеть.

— Ему стало холодно.

— А, вот оно что, — Тен Эйк едва заметно пожал

плечами.— Всего не предусмотреть.

Походя мимо нас, Армстронг пробормотал заплетающимся языком:

— Я так устал, что вот-вот сам свалюсь замертво.— Он остановился перед Тен Эйком и добавил: — Рэксфорд говорит, вы знали, что Юстэли убьют. Надо было сказать нам заранее, а то я спятил от страха.

— В следующий раз,— ответил Тен Эйк, улыбаясь ему как умственно отсталому ребенку,— обязательно дам вам знать.

— Хорошо,— проговорил Армстронг и заковылял в дом.

Тен Эйк настороженно и с любопытством взглянул на меня (ему не приходило в голову, что от усталости я сделался таким же бесчувственным, как Армстронг. Когда мы ехали обратно, я вел машину только полпути. Сначала — по шоссе, потом — уже на подступах к дому, а в промежутке забылся в тревожной дреме. Я слишком одурел и хотел спать, чтобы по-настоящему бояться Тен Эйка или даже хоть сколько-нибудь опасаться его, поэтому моя показная холодная самоуверенность, как я понял впоследствии, произвела на него глубокое впечатление, и мне стало легче придерживаться той линии поведения, которую я считал наилучшей в сложившихся обстоятельствах. По пути на юг я думал почти исключительно о предстоящей встрече с Тен Эйком, о том, что скажу ему и как буду себя держать. И вот теперь, когда я все отрепетировал и устал до бесчувствия, я был готов блефовать до тех пор, пока Тайрон Тен Эйк не выдаст себя с головой).

— Зачем вы вернулись, Рэксфорд? — невозмутимо спросил он.

— Вы ошиблись,— ответил я.— Кто угодно может дать маху. Давайте забудем об этом, как будто ничего не случилось.

Он вскинул брови.

— И в чем же заключалась моя ошибка?

— Вы думали, что я представляю для вас опасность, но это было не так. Это и сейчас не так. Но впредь лучше бы вам не ошибаться.

Он прищурился и пытливо оглядел меня.

— Как я мог знать, что вы не готовите мне каверзу?
Я указал на кабину грузовика.

— Мне ничего не стоило застрелить вас, когда я сидел за рулем, а выстояли в дверях. Тен Эйк оглянулся на дверь, потом опять повернулся ко мне.

— Ладно. А что дальше?

— Я помогу вам, вы — мне, и мы будем квиты.

В его глазах сверкнули огоньки, будто сполохи пушечной канонады за горизонтом.

— Но вам известно мое имя, — сказал Тен Эйк. Теперь он играл в открытую, да и с чего бы ему действовать иначе?

— Это ничтожный риск, — ответил я. — А вот новая ошибка в отношениях со мной будет куда опаснее. Вам решать, какое из двух зол меньше.

— Да, — задумчиво проговорил он. — Да, решать мне.

Я достал из кармана пистолет, чем немало напугал Тен Эйка, и отдал ему со словами:

— Мне это больше не понадобится.

Он успокоился и посмотрел сначала на пистолет, потом на меня.

— Вы меня поражаете, мистер Рэксфорд.

— Просто я предпочитаю здравый смысл насилию, — ответил я, и это была чистая правда. (Благодаря усталости и оупению моя подлинная сущность и моя личина обрели точку соприкосновения. Кабы я показал Тен Эйку свое истинное лицо и начал ратовать за пацифизм, он, возможно, пристрелил бы меня только потому, что не разделял моих взглядов. *Но сейчас, когда я стал* ратовать все за тот же пацифизм, придя к нему в шкуре пантеры, Тен Эйк счел меня опасным и способным на что угодно противником, внушающим страх. Поэтому он с радостью и облегчением воспринял проповедуемые мною идеалы, пусть даже и в таком ограниченном, узком практическом приложении).

— Здравый смысл, — повторил он, одарив сияющей улыбкой сначала меня, потом пистолет. — Что ж, здравый смысл всегда лучше, чем насилие.

— Разумеется, — ответил я. — А сейчас прошу меня извинить.

— Конечно, конечно.

Я вошел в дом, и миссис Бодкин тотчас попыталась напичкать меня спагетти, но неохотно отступила, когда я пообещал ей, что утром за завтраком съем все без остатка и пять раз попрошу добавки.

Поднявшись по лестнице, я с первой же попытки отыскал свою спальню. Изнутри в замке торчал ключ. Я закрыл дверь и в задумчивости уставился на него, но спустя минуту решил: нет, лучше оставить дверь открытой, это в моем духе. Как будто я бросаю миру вызов: ну-ка, попробуй застать меня врасплох!

Наутро я проснулся целый и невредимый. Кровь привычно текла по венам и артериям, в теле не было ни одного кусочка свинца или стали. Но воспоминание о вчерашнем возвращении домой задним числом потрясло меня, и более всего я был поражен, увидев эту незапертую дверь.

Никогда не думайте, будто сонный придурок ни на что не способен.

22

Прошло два дня, которые я бы назвал тяжеловесно-тягучими, если вспомнить предшествовавшую им запарку. Все это время я провел в четырех стенах (каждый раз, когда я норовил выйти «на прогулку», все начинали увещевать меня не делать этого, ибо расхаживать по улице в моем положении разыскиваемого слишком опасно, хотя никто не возражал против моей поездки за взрывчаткой) и ни на миг не оставался в одиночестве, а значит, был бессилен что-либо сделать. Я не осмелился воспользоваться телефоном: в доме было полно негодяев, и почти все они то и дело слонялись возле меня. Короче, я не имел никакой возможности выйти на связь с федиками.

Тем не менее, непосредственная опасность мне, похоже, не грозила. Я был в своего рода отпуске. Имел отдельную спальню, хорошую еду, мог позволить себе побездельничать. При каждой встрече Тен Эйк радушно кивал мне, но ничего не говорил, ну, а мне и подавно нечего было ему

сказать. Отдохнув и обретя способность соображать, я больше не мог вести себя с Тен Эйком так же невозмутимо и нагло, как после своего возвращения из поездки.

В пятницу днем отдохнувший Джек Армстронг и несколько его воинственных дружков подкатили к дому на грузовичке из бюро проката, который они, по их же хвастливым словам, утром угнали с Флэтбуш-авеню в Бруклине. Канадский грузовик уже давно уехал. Его забрали в четверг ночью, пока я спал, и теперь взрывчатка лежала в покосившемся сарае за домом. Украденный грузовик загнали туда же, осмотрели и выяснили, что он набит громадными картонными коробками с туалетной бумагой. В течение получаса я наблюдал из окна кухни, как молодчики из Национальной комиссии по восстановлению фашизма разгружали туалетную бумагу и относили ящики к ступеням, ведущим в погреб на задах дома. Там их принимали американские белые рабочие из военизированного подразделения «Сыновьях Америки», возглавляемого Льюисом Лаботски. «Сыновья Америки» складывали ящики в угольную яму. Миссис Бодкин была очень довольна. Но когда работа уже близилась к завершению, кое-кто из фашистов расшалился. Они принялись со смехом и гиканьем носиться по огороду швыряясь рулонами туалетной бумаги. Она разворачивалась в воздухе, рулоны падали на землю и вскоре весь двор был покрыт длинными белыми лентами. Миссис Бодкин была вынуждена выйти на двор и призвать гитлеровцев к порядку, ибо они вели себя неподобающим образом. Молодчики устыдились, присмирели, убрали за собой и завершили работу уже более спокойно.

(Я мог представить себе холодную ярость Тен Эйка, который прятался наверху и наверняка смотрел на двор из какого-нибудь окна второго этажа. (Он никогда не показывался перед мелюзгой, общаясь исключительно с вождями, которые присутствовали на учредительном собрании Лиги новых начинаний. Тен Эйк хотел, чтобы как можно меньше народу знало его в лицо. Тогда ему не придется убирать слишком многих. Не знаю, чем он руководствовался — то ли благоразумием, то ли просто стремлением избежать

лишней работы). Во всяком случае, радости он уж точно не испытывал, и я бы не отказался взглянуть на его физиономию сейчас, когда он наблюдал за этими игрушечными нацистами. А впрочем, может, и хорошо, что я ее не вижу).

Когда кузов опустел, фашисты и «Сыновья Америки» объединили усилия, чтобы загрузить его взрывчаткой. Ими суетливо руководили наши специалисты-взрывники, Эли Злотт и его временный помощник Сунь Куг Фу. До темноты они не управились, а поскольку сарай не освещался, было решено закончить работу на другой день.

Раз или два я предлагал позвать членов своей группы, чтобы они нам помогли (помните приданную мне дюжину федиков?), но в конце концов все склонилось к мысли, что это слишком опасно, потому что полиция, занятая моими поисками, наверняка следит за членами СБГН. Кроме того, как верно заметила миссис Бодкин, народу и так было больше, чем нужно. Мне пришлось признать, что она права. Весь задний двор, от дома до сарая, кишел террористами. Временами казалось, что тут идет подготовка к демонстрации сезонных рабочих.

В пятницу вечером Эли Злотт и миссис Бодкин играли в «пьяницу» за столом в гостиной, Тайрон Тен Эйк продолжал знакомство с собранием живописных альбомов хозяйки, Сунь Куг Фу заперся где-то, обложившись проводами и радиодетальями (мастерил какой-то запал), что сделало его больше похожим на японца, чем на китайца, а я слонялся по дому с таким видом, будто страдал подагрой, и это было весьма похоже на правду.

Мне жгло не только ступни, но и карман. Время от времени я доставал оттуда полученный от Даффа двадцатипятицентовик, тот самый, который при смачивании посылал направленный луч, призывающий толпы федиков, и думал: «а может?» Но я по-прежнему не имел скольконибудь ценных сведений. У федиков была неплохая возможность незаметно пробраться сюда и захватить всю шайку вместе со взрывчаткой. Но, с другой стороны, нельзя было знать наверняка, что они задержат и самого Тен Эйка; ему не раз приходилось удирать от преследования, и если уж есть на свете умелец ускользать из расставленных сетей,

так это он. Поэтому, держа в руке свой волшебный четвертак, я всякий раз решался подождать еще немножко. Еще чуть-чуть.

В субботу Эли Злотт и Сунь заперлись в сарае и, засучив рукава, принялись превращать грузовик в громадную передвижную бомбу. Полчища террористов рассеялись, остались только предводители, и Тен Эйк свободно расхаживал по дому, попыхивая своими тонкими корявыми сигарами и оделяя всех облаками душистого синего дыма и сияющими самодовольными улыбочками.

На закате Злотт и Сунь вышли из сарая. Было время обеда. Миссис Бодкин стряпала на целую армию, идущую форсированным маршем. Сегодня она подала нам большущие отбивные и вареные кукурузные початки, зеленый горошек и картофельное пюре, горячие булочки и какой-то густой бурый соус — единственный ценный вклад англосаксов в мировое поваренное искусство. В трапезе участвовали Злотт, Сунь, Тен Эйк и я, а миссис Бодкин, верная добрым американским обычаям, сновала между столовой и кухней, лишь изредка присаживаясь на свое место, чтобы сунуть под нос кому-нибудь из нас очередную тарелку.

Мы вкушали в молчании до тех пор, пока Тен Эйк не начал расспрашивать наших подрывников, в порядке ли грузовик. Когда он обмолвился о каком-то «часовом механизме», Эли Злотт во внезапном приливе раздражения ответил:

— У меня руки не дошли. Фу хотел сделать все сам и не дал мне этим заняться.

— Сунь, — тихо поправил его Сунь.

— Я стану обращаться к вам просто по имени, когда поближе узнаю вас, — прошипел Злотт и добавил, повернувшись к Тен Эйку: — Если часовой механизм не в порядке, я не виноват. Меня к нему не подпустили.

— Убежден, что все сработает как нельзя лучше, — сказал Тен Эйк, чтобы подсластить пилюлю. — И уверен, что вы просто скромничаете, оценивая свой вклад в общее дело.

Но Злотт не любил сладкого.

— Фу пожелал сделать все сам, — не унимался он, — и я махнул рукой. Если ему хочется обстряпать это в одиночку,

пожалуйста, мне плевать.

— Вы отлично поработали, мистер Злотт, — заверил его Тен Эйк все тем же вкрадчиво-добродушным тоном. — Убежден, что все присутствующие здесь очень вам признательны.

Миссис Бодкин, вернувшаяся с кухни со свежее испеченными булочками, сказала:

— Конечно, признательны, Эли, вы же знаете.

Злотт немного успокоился и опять занялся своей отбивной, хотя меня изрядно озадачило участие, проявленное главой Мирного движения матерей-язычниц к председателю Миссии спасения истинных сионистов. Ну да как бы там ни было, за обеденным столом воцарился мир, и трапеза увенчалась сладкими пирожками, ванильным мороженым и кофе, после чего все мы, едва волоча ноги, переместились в гостиную, чтобы присесть и спокойно переварить пищу.

Около половины девятого вновь появился Джек Армстронг. Тен Эйк тотчас увел его в угол, чтобы дать последние наставления. Я присоединился к ним, поскольку меня хоть и не приглашали, но и не гнали, и остановился рядом с таким видом, будто мне не очень интересно, что говорится в углу и я прислушиваюсь к беседе просто от нечего делать.

— Держите грузовик в укрытии до вторника, — поучал Тен Эйк Армстронга. — На нем новые номера, и можно спокойно ездить, но я не хочу, чтобы он трое суток стоял на улице...

— У меня есть отличный тайник, — с жаром ответил Армстронг. — Отец одного из моих товарищей...

— ...и мозолил всем глаза, — продолжал Тен Эйк. — Теперь вот что: самое важное — это расчет времени, запомните. Лаботски будет на месте ровно в два часа, и вам надлежит прибыть туда одновременно с ним.

— Хорошо, — сказал Армстронг, кивая как заведенный, — я там буду.

— Грузовики на Проезд не пускают, — сообщил ему Тен Эйк, — так что вам придется ехать на большой скорости. К югу от здания есть улочка. Заруливайте на нее, поворачивайте на север, проезжайте сквозь арку под зданием и

тормозите на внешней полосе движения. Лаботски остановится перед вами. На приборном щитке слева от спидометра стоит новый выключатель, вы его заметите. Поставьте его в положение «вкл» и давайте деру: у вас будет всего пять минут. Выскакивайте из грузовика, прыгайте в машину Лаботски и чешите оттуда.

Армстронг все кивал и кивал, но теперь остановил возвратнопоступательное движение своей головы и спросил:

— А если нагрянут легавые? Они отбуксируют грузовик в другое место.

— Нет. Тот же выключатель приводит в действие маленький заряд, который разрушит переднюю ось. Никто не сможет убрать грузовик меньше, чем за пять минут. Еще одно: не пытайтесь открывать задние дверцы кузова, они заминированы. Если полицейские взломают замок, машина тотчас взорвется.

Армстронг снова принялся кивать.

— Хорошо, я понял, — сказал он.

Тен Эйк похлопал его по плечу и произнес по-мужски сердечно, так, как и следовало говорить с человеком вроде Джека Армстронга:

— Молодчина. Мы на вас полагаемся.

Я отошел в сторонку, пересек столовую, где Злотт и миссис Бодкин по-прежнему дулись в карты, и отправился на кухню в поисках уединения исладкого пирожка.

Я стоял, прислонившись к сушильной доске, и пережевывал сладкий пирожок пополам с только что полученными сведениями, когда из подпола вылез Сунь. Он подмигнул мне с видом заговорщика, но я не понял, зачем. Сунь молча потопал в гостиную, а я еще минуту или две ломал голову, пытаясь разобраться, что могло означать это его подмигивание, но потом услышал, как кто-то заводит мотор грузовика. Я выглянул из окна кухни. Грузовик выехал из сарая и быстро покати́л прочь. За рулем сидел Армстронг. Мне показалось, что с таким грузом в кузове не следовало бы столь ре́зво нестись по ухабам. А впрочем, в моем заднем кармане лежала взрывоопасная кредитная карточка, так что не мне его осуждать.

Было уже девять часов. Дом превратился в сонное царство. Так бывает в любом штабе, когда все планы уже составлены, жребий брошен и конечный итог зависит от милости богов. Я тоже в меру своего лицедейского дарования прикинулся сонным, решил, что никто за мной не наблюдает, слизал с пальцев сироп и поплелся к лестнице.

Теперь мне казалось, что я знаю вполне достаточно и могу со спокойной душой утопить свой четвертак. Пусть я пока не выяснил, зачем и по чьему наущению Тайрон Тен Эйк хочет взорвать здание ООН, но зато мне известно, когда и как он намерен это сделать. Проезд ФДР — это скоростная магистраль, виадук, который тянется с севера на юг вдоль восточного берега острова Манхэттен и который иногда называют (подозреваю, что республиканцы) Истсайдским проездом. Он проложен выше уровня земли, но тем не менее проходит под зданием ООН. Если там бабахнет целый грузовик взрывчатки, может разрушиться фундамент, и здание, образно выражаясь, получит подсечку и с позором рухнет в Ист-Ривер, причем именно тогда, когда, по словам Тен Эйка, народу в нем будет больше, чем обычно.

Но вот почему здание ООН должно быть набито битком во вторник днем? Я не знал, что еще собрался взорвать Тен Эйк, мне было известно лишь о забракованном им плане подложить бомбу в Сенат США. Однако, что бы он там ни задумал, это должно было произойти до вторника, а значит, у нас уже почти не остается времени. Я не отваживался ждать дольше, теша себя надеждой раскрыть второй замысел Тен Эйка. Сейчас было самое время звать на помощь федики.

Поэтому я с непринужденным видом поднялся по лестнице, вошел в ванную, наполовину наполнил водой стакан для чистки зубов и отнес его в свою спальню.

Хорошо, но куда его теперь девать? Нельзя же просто водрузить стакан на туалетный столик, бросить в него двадцать пять центов и оставить на виду. Если кто-нибудь войдет ко мне, такое зрелище может показаться странным. Я огляделся, открыл дверцу шкафа и решил, что лучше всего спрятать стакан на полке, за стопкой «федор» с

белыми полями. Вытащив четвертак, все такой же новенький и блестящий, я бросил его в воду и спрятал стакан на полку, от глаз подальше. Потом закрыл дверцу, повернулся, и тут распахнулась дверь, ведущая в коридор. За порогом стоял Сунь. Он юркнул в комнату и закрыл дверь.

Вид у меня, наверное, был как у ребенка, прячущего в тайник заветную пачку сигарет, но Сунь слишком волновался и ничего не заметил.

— Идемте,— пылко зашептал он.— Пора убраться отсюда.

— Что? — спросил я.— И куда же мы поедем?

— Куда подальше,— Сунь взглянул на часы, и пыл его удвоился.— Идемте, Рэксфорд, скорее.

Ну что я мог сделать? Не оглядываясь на шкаф, из которого мой блестящий четвертак уже наверняка посылал никому не нужный направленный луч, я поплелся вместе с Сунем вон из комнаты.

23

Миссис Бодкин и Злотт, поглощенные игрой, не заметили нашего ухода. Мы вышли через парадную дверь и зашагали по проселку к деревьям, под которыми обнаружили черный «кадиллак» (не знаю, новый или один из прежних). Сев в него, мы увидели за рулем Тен Эйка, а на заднем сиденье — Лобо.

Сунь сел назад, я устроился с Тен Эйком впереди.

— Время,— тихо и отрывисто произнес Тен Эйк.

Наверное, у Суня были часы со светящимся циферблатом. Он ответил:

— Пять... нет, семь минут десятого.

— Еще три минуты. Хорошо.

Машина скользнула в ночь. Мы ехали с потушенными фарами, и дорога казалась ненамного светлее обступивших ее черных деревьев. Только из дома миссис Бодкин позади нас лился свет, да крошечные точки окон жилого района мелькали за деревьями. Казалось, что мы движемся по какой-то темной канаве в толще земли.

Когда мы добрались до окружного шоссе, Тен Эйк

включил фары. Он повернул направо, и я наконец спросил:

— Почему мы поменяли планы?

— Никаких изменений, — невозмутимо ответил Тен Эйк. — Просто отныне эти ничтожные людишки нам больше не нужны.

Сунь спросил с заднего сиденья:

— Вы познакомили с обстановкой остальных двоих, Армстронга и Лаботски?

— Они не возражали, — ответил ему Тен Эйк. — Им неведомо, что такое смерть. Убийство для них — абстракция.

И тут я понял, зачем Сунь спускался в подвал. Лига новых начинаний решила не допустить счастливого брака.

Почему меня не тронули и на этот раз? Однажды Тен Эйк уже пытался разделаться со мной чужими руками, но когда это не удалось, смирился с моим существованием. Кроме того, он наверняка подготовил Армстронга и Лаботски к предстоящему уничтожению Злотта и миссис Бодкин, а прежде — к устранению Маллигана и иже с ним, а еще раньше — к убийству миссис Баба, Хаймана Мейерберга и Уэлпов. А вот предупредить меня не счел нужным.

Я видел этому только одно объяснение: Тен Эйк считал меня ровней, таким же хищным зверем, как и он сам, и думал, что все мои поступки и реакции (подобно его собственным) будут определяться холодным, не знающим границ эгоизмом. Я был для него не пушечным мясом, даже не «специалистом», а вторым Тен Эйком, только таким, которого со временем можно пустить в расход. Но он еще долго будет держать меня при себе. До тех пор, пока, судя о людях по себе, не решит, что я стал опасен.

Пока Тен Эйк вез нас по глухим уголкам штата Нью-Джерси, я мусолил эту мысль. Примерно через полчаса мы въехали в Джерси-Сити, и Тен Эйк остановился, чтобы высадить Суня.

— В полночь, — сказал он на прощанье. Сунь кивнул и торопливо зашагал прочь.

Теперь, когда мы, можно сказать, остались в машине вдвоем (я просто не мог воспринимать Лобо как человеческое существо), Тен Эйк расслабился и повеселел. По пути на север он болтал о каких-то пустяках (вот уж не ожидал

услышать от него подобную чепуху!), рассказывал анекдоты, делился детскими воспоминаниями о жизни в Нью-Йорке и Тарритауне (где сейчас скрывалась Анджела, дожидавшаяся, пока ее брата благополучно посадят под замок). Судя по этим воспоминаниям, он был жесток, ненавидел отца и презирал сестру. О матери он упомянул лишь однажды (она рано ушла от отца, и я не знал, где ее носит сейчас. Полагаю, что и Анджела тоже не знала), когда рассказывал, как его еще ребенком заставили съездить к ней в Швейцарию. Там он несколько раз «пошутил». Его первая шалость стоила одной из служанок перелома ноги. Потом он заявил, что уезжает и никогда больше не придет. Так Тайрон добился сразу всех целей, которые ставил перед собой еще до появления в доме матери.

Мы проехали через Сафферн и оказались в штате Нью-Йорк, а вскоре остановились возле сельского ресторанчика, одного из дорогих заведений, обычно величающих себя или «Ливрейным лакеем» или «Лакейской ливреей». Поток детских воспоминаний не иссякал и во время ужина. Мы с Тайроном сидели друг против друга, и я, по-видимому, верно реагировал на его жестокие сказания. Слева от меня, будто заводной манекен в витрине забегаловки, восседал Лобо и начинал себя едой, без конца то опуская правую руку, то поднося ее ко рту.

К концу ужина напор воспоминаний и анекдотов немного ослаб. Перед едой Тен Эйк опрокинул две стопки виски с содовой, во время трапезы высосал полбутылки мозельского, а на посошок пропустил рюмку бренди, но я не думаю, что он был пьян или хотя бы навеселе. Просто неудержимый поток воспоминаний привел к неизбежному итогу: Тен Эйк стал говорить о своем отце все более резко и злобно, рассказывая об эпизодах детства с ненавистью и еле сдерживаемой яростью. Нью-Йоркская квартира, поместье в Тарритауне, разные интернаты, ни одному из которых не удалось подогнать его под свою мерку.

Ужин протекал неспешно, если не сказать вяло. Мы были самыми последними посетителями, и официантка уже нарочито вертелась поблизости, давая понять, что ей пора домой. В десять минут двенадцатого, злобным шепотом

том поведав мне о единственной и неудачной попытке своего отца втереться в большую политику, Тен Эйк вдруг взглянул на часы, мигом напустил на себя деловитый вид и резко сказал:

— Что ж, пора.

И помахал официантке, требуя счет.

Когда мы сели в машину, я произнес:

— Насколько я понимаю, наше нынешнее место назначения как-то связано с вашим новым замыслом. Коль скоро вы похерили затею взорвать Сенат...

Тен Эйк снова превратился в довольного собой рубаху-парня, на лице его опять засияла улыбка. Он расхохотался и заявил:

— Как-то связано! Мой дорогой Рэксфорд, не как-то, а самым тесным образом! — Тен Эйк полоснул меня веселым, но острым как нож взглядом и опять устался на дороге. — Хотите, расскажу?

— Да.

— Самое время вам узнать об этом, — рассудил Тен Эйк, не подозревая, что, с моей точки зрения, «самое время» уже давным-давно прошло. — Давайте начнем с общего, а потом перейдем к частностям.

— Как вам будет угодно.

— Каждый год, — начал он, будто читая пописаному, — одна из восточноевропейских стран вносит предложение принять коммунистический Китай в члены ООН. Каждый год это предложение проваливается, главным образом благодаря усилиям Соединенных Штатов, у которых есть свой собственный никчемный бедный родственник, Чан Кайши. Этот ежегодный минуэт повторяется всякий раз, когда вопрос вносится в повестку дня ООН, а это происходит через каждые две-три недели. Вам интересно?

— Пока не очень, — признался я.

Он снова расхохотался. Больше всего я нравился ему в те мгновения, когда пребывал в состоянии тупой озлобленности, как сейчас. Тен Эйк сказал:

— Ничего, скоро заинтересуетесь. В этом году дело будет обстоять несколько иначе. На сей раз красные

китайцы с помощью своего лазутчика в США, Сунь Куг Фу, и его Корпуса освободителей Евразии, намерены похитить высокопоставленного американца и потребовать за него выкуп. Точнее, они пригрозят убить его, если США и в этом году не дадут красному Китаю вступить в ООН. А это повлечёт за собой сессию Генеральной Ассамблеи.

— Никто не поверит, что китайские коммунисты выкинут такой номер, — сказал я.

— Разумеется, никто. Никто, кроме американцев. Вы когда-нибудь читали нью-йоркскую «Дейли ньюс»?

— Бывало, — признался я.

— Неужели рядовой читатель этой газеты, а их, как я подозреваю, многие миллионы, не поверит в то, что грязные китайские коммунисты готовы похитить знаменитого американца, чтобы добиться своего?

Я понимал, что он прав. И сказал:

— Стало быть, вы подбросите властям Сунь Куг Фу.

— И всю его шайку, — Тен Эйк ухмыльнулся. — А заодно и тело похищенного, разумеется. — Его ухмылка сделалась еще шире. — Вы, очевидно, уже догадались, чей это будет труп.

Мне пришлось сознаться в своей глупости и недогадливости.

— Дорогой Рэксфорд! — вскричал Тен Эйк. — Ну пошевелите же мозгами! Теперь, когда вы разделались с моей дражайшей сестрицей Анджелой, я стал единственным наследником миллионов Тен Эйка. Знаменитым американцем, которого похитят и, к великому сожалению, не вернут, будет мой проклятуший папаша, Марцеллус Тен Эйк! — Когда Тайрон произносил имя отца, я услышал зубовный скрежет. — Сейчас этот поганый старый хрыч сидит в своем поместье в Тарритауне. Туда-то мы и едем.

Боже мой, Анджела!

24

— При моей известности я не решался прикончить их собственноручно, — сказал он. — Но теперь, когда вы позаботились об Анджеле, Сунь Куг Фу замочит старика. Вот

здорово, правда?

Ну и словечко. Я эхом повторил его с какой-то непонятной мне интонацией:

— Здорово...

Видимо, оно прозвучало не так, как надо (да и с чего бы ему звучать иначе?), потому что Тен Эйк бросил на меня колкий взгляд и спросил:

— Вы чем-то недовольны? В чем дело?

— Ммм,— промычал я, пытаюсь мало-мальски упорядочить свои мысли, и мгновение спустя нашелся, что сказать: — А как вы получите наследство? Сами же говорите: вы слишком известны. Вам нельзя открыто появляться здесь.

Он прямо-таки засиял и залучился, довольный собой. Первые признаки бесшабашной заносчивости я заметил еще за ужином, когда Тен Эйк рассказывал о детстве и семье, а сейчас он и вовсе распетушился. Казалось, еще немного, и начнет искрить.

— Интересные вопросы задаете,— самодовольно, хвастливо и нагло заявил он.— Но у меня есть на них достойные ответы.

— Хотелось бы послушать,— сказал я.

— Пожалуйста,— ответил он, улыбаясь, глядя на дорогу и лихо, но мастерски ведя машину.— Сейчас я проживаю в Монголии, у меня хорошенький домик в Улан-Баторе, возле Толы. Когда туда дойдет скорбная весть о двух смертях, я немедленно вернусь на родину, не заботясь о собственной безопасности, потрясенный тем, что красные и радикалы сделали с моей дорогой сестрой и возлюбленным отцом. Я при всем народе сознаюсь и покаюсь в своих юношеских прегрешениях,— он засмеялся и вполголоса бросил реплику в сторону: — Заодно предъявив обвинения ряду лиц, с которыми должен свести счеты.— Тут он щелкнул пальцами, как бы разделяваясь со своими врагами.— А потом стану сотрудничать с любыми властями и ведомствами, дав новую клятву верности родине, стране свободных людей, пристанищу храбрецов, величайшему дряхлому народу в мире. Я найму самого толкового законника, пережду неизбежную враждебную бурю, разобью все

прежние обвинения и в конце концов уйду на покой богатым, счастливым и ничего не боящимся человеком.— Он снова взглянул на меня.— Ну, разве это не прекрасно?

Это было так же прекрасно, как бывают прекрасны некоторые змеи. Но неужели все и впрямь так просто, как он живописует? Тен Эйку придется угрожать кучу денег, а деньги хоть и смазывают шестеренки, но все же...

Однако дело не в этом. Он убежден в успехе, и неважно, оправданно ли это убеждение. Важно то, что благодаря ему Тен Эйк сейчас катит в Тарритаун, где найдет Анджелу и сорвет маску с меня. Интересно, есть ли способ как-то отговорить его от этого?

Я спросил:

— А если кто-нибудь узнает, что все это время вы были в Штатах?

— Никто не узнает,— ответил он.— Несколько человек и впрямь знают меня в лицо, но ни один из них не доживет до следующей среды. За исключением вас, разумеется.

— Разумеется.

— А вы покинете страну,— сказал он.— И вряд ли захотите пакостить мне. Может быть,— задумчиво добавил Тен Эйк, что-то прикидывая,— я отправлю вас к своим нынешним работодателям.

— Тем, которые хотят взорвать здание ООН,— рогово-рил я.

— К ним ли, к другим — все равно,— он окинул меня одобрительным взглядом и добавил: — Уверен, что вы им понравитесь.

Мы снова трусливо обошли молчанием то обстоятельство, что рано или поздно Тен Эйк попытается меня убить, а его нынешние работодатели вряд ли когда-нибудь вообще услышат обо мне. Но сейчас у меня не было времени предаваться раздумьям на эту тему. Необходимо сочинить какой-нибудь предлог, который вынудит Тен Эйка отказаться от похищения отца родного, поэтому я барахтался в мыслях, хватаясь за все проплывающие мимо соломинки.

— Эти ваши работодатели,— сказал я наконец.— Они-то знают, что вы здесь. Неужели вы не сомневаетесь, что им можно доверять?

— Доверять? — это слово, казалось, сбило его с толку. — Какое, к черту, доверие? — Тен Эйк на миг впал в задумчивость, потом сказал: — Я не собирался принимать по отношению к ним никаких мер предосторожности. Во всяком случае, не сейчас. Но, возможно, вы правы.

Душа моя тотчас воспарила на крыльях надежды. Но Тен Эйк мгновенно сшиб ее взлет, сказав:

— Быть может, стоило бы позаботиться о них тотчас после получения денег.

— Разве ваши наниматели — не держава? Не какое-нибудь правительство? — спросил я.

— Конечно, нет, — с улыбкой ответил он. — Неужели вам могло так показаться? Нет, существуют два человека... — Тен Эйк побарабанил ногтями по рулю. — А может быть... А может быть...

— А может быть, вам надо связать все болтающиеся концы? — предложил я. — И привести в порядок дела, а уж потом убивать своего отца?

— О, нет, — он покачал головой. — Такой возможности больше не будет. — А все остальное еще успеется.

Итак, надежды нет. А значит, если не удастся переубедить Тен Эйка, придется как-то удирать от него и бить тревогу. Сейчас мы ехали по шоссе со скоростью пятьдесят с лишним миль в час, и выпрыгнуть было невозможно. Но рано или поздно по пути встретится какой-нибудь городок, мы остановимся перед светофором или «кирпичом», и тогда я пушусь наутек с быстротой зайца, раз уж у меня заячья душа.

А пока я могу попробовать сделать еще кое-что. Наконец-то мы заговорили о работодателях Тен Эйка. Может, мне удастся выяснить, кто его нанял и зачем этим людям взрывать здание ООН. Я откашлялся, облизал губы, дернул правой щекой как Хамфи Богарт и сказал:

— Одно мне непонятно: зачем каким-то двум частным лицам взрывать здание ООН?

— Незачем, — с улыбкой ответил Тен Эйк. — Это моя затея.

— Но вы же сами сказали...

— Желаете получить объяснения? — он пожал.

плечами.— Что ж, вреда от этого не будет. (Я понял истинный смысл его замечания, понял, что правильно выбрал время для расспросов. Обычно Тен Эйк был скрытен, но за обедом начал давать волю чувствам и уже не мог совладать со своим напряжением, издерганностью и самодовольством. Похоже, болтовня приносила ему облегчение. Иначе какой смысл травить анекдоты и так охотно отвечать на вопросы? А теперь, когда история с похищением отца близилась к развязке, он утратил остатки самообладания.) Моим нанимателям надо устранить семь человек, но они не могут навлекать на себя подозрения,— продолжал Тен Эйк.— Значит, эти семеро должны либо умереть от естественных причин, либо погибнуть таким образом, чтобы их кончина никак не была связана с моими нанимателями и преследуемыми ими целями. Семь естественных смертей, вероятно, слишком много для простого совпадения. Значит, остается убийство, но убийство по ложным мотивам, уводящим следствие в сторону.

— Это непросто устроить,— заметил я, подзуживая его. Тен Эйк просиял.

— Все просто, надо только правильно подойти к делу. У этих семерых есть нечто общее: все они время от времени появляются в ООН. Если это здание рухнет и погребет под собой несколько сотен человек, в том числе и личностей всемирного значения, куда более именитых, чем любая из моих жертв, гибель этой семерки пройдет практически незамеченной.

Слава Богу, в машине было темно: я уверен, что мои истинные чувства хотя бы на миг, но все же отразились на лице. Чтобы коварно убить за деньги семь человек, Тайрон Тен Эйк был готов не моргнув глазом угробить несколько сотен мужчин и женщин, не сделавших ему ничего плохого или хорошего, не одаривших, но и не обобравших его. Простых статистов на сцене его зловещих замыслов.

К счастью, он нарушил молчание и вывел меня из задумчивости, сказав:

— А если, впридачу ко всему прочему, взрыв окажется делом рук сборной команды американских безумцев от

политики, подозрение никогда не падет на моих нанимателей.

Тен Эйк повернулся ко мне и горделиво спросил:

— Как вам это нравится?

— Это... очень изобретательно.

— Изобретательность — залог успеха в любом деле, — сказал Тен Эйк, и голос его задрожал от напряжения.

— Но вы говорили, что здание ООН должно быть набито битком, и поэтому хотели взорвать Сенат. Зачем же похищать вашего отца?

— Видите ли, — ответил он, — сложность в том, что три из семи моих жертв бывают в ООН лишь изредка. И чтобы они приехали туда, нужны особые обстоятельства. — Тен Эйк кивнул с довольным видом. — Вот мы и создадим эти особые обстоятельства.

Я сжал кулаки и принялся грызть костяшки пальцев.

25

Мы проскочили Тарритаун без единой остановки. Машин почти не было, а все светофоры при нашем приближении загорались зелеными огоньками, будто местные власти особым постановлением дали нам преимущественное право проезда. Ну часто ли такое случается?

Когда мы выехали из города, я угрюмо забился в угол и опять занялся самоедством. Если не удастся выпрыгнуть из машины (а я не мог этого сделать на скорости сорок и даже тридцать миль в час), как быть тогда? Одна надежда на то, что Анджелы нет в поместье. Я знал ее непоседливый нрав, знал, что она еле-еле уживается с отцом (хотя, конечно, относится к старику лучше, чем Тайрон), и не исключал, что Анджела сейчас может быть где-нибудь еще.

Такое маловероятно, но возможно.

Внезапно машина по какой-то неведомой причине замедлила ход. Мы ехали среди холмов по двухрядному шоссе севернее Тарритауна, которое вело в поместье Тен Эйка. Но до поворота оставалось еще около мили. Тем не менее Тайрон Тен Эйк сбросил скорость, съехал на обочи-

ну и остановил машину.

Я взялся за ручку дверцы, но в тот же миг увидел грузовик и горстку людей рядом с ним. Мы прибыли на место встречи с Корпусом освободителей Евразии.

Как только машина остановилась, Тен Эйк погасил фары. Спустя несколько секунд к моей дверце приблизился Сунь и сказал, обращаясь к Тен Эйку:

— Все готово.

— Хорошо, — ответил Тен Эйк. — Не забудьте перерезать телефонный провод, как войдете.

— Ладно. Вы уверены, что там вооруженная охрана? У ворот никого не видно.

— Он параноик, — сказал Тен Эйк, — и не может жить без охранников, но они в доме, рядом с ним. Человек шесть, если не больше.

— Мы их захватим, — пообещал Сунь.

— Хорошо. Потом посигналите фонариком.

— Есть. До встречи.

Мы тронулись с места, по-прежнему с потушенными фарами, и я мельком увидел, как освободители Евразии карабкаются в кузов грузовика. Это был большой тягач. Они могли спрятать там что угодно, хоть танк.

А впрочем, на кой им танк?

Тен Эйк включил фары, едва мы выехали на асфальт. И он, и я молчали. Теперь Тен Эйк прямо-таки источал напряженность, будто радиоволны. Преодолев примерно полмили, мы свернули налево и поехали вверх по крутому склону холма. Дорога петляла. *Поднимались мы довольно* долго и наконец оказались на голой вершине, или кряже, где дорога превращалась в грязный извилистый проселок. Тен Эйк остановил машину, выключил фары и произнес ровным металлическим голосом:

— Идите взгляните.

Судя по всему, Лобо совершенно не интересовало то, что должно было произойти. Он остался в машине (я и забыл о нем, потому что Лобо как взгромоздился на заднее сиденье, так и сидел там, не издавая ни звука), а мы с Тен Эйком подошли к краю утеса. Впрочем, это был скорее не утес, а очень крутой склон, на котором тут и там росли

хилые деревья. Тен Эйк указал на какую-то извилистую полосу внизу и произнес все тем же безликим голосом:

— Это Гудзон. А вон дом. Видите огни?

— Вижу.

Далеко внизу и чуть левее, будто частица игрушечной железной дороги, лежала фамильная вотчина Тен Эйков. Извилистая подъездная дорожка, извилистая река, а между ними — особняк, сияющий всеми окнами. Вдоль дорожки медленно ползли огоньки: фары грузовика.

Тен Эйк стоял неподвижно, словно каменный истукан, и глаза его поблескивали как черные льдинки. Казалось, он все еще гудит от напряжения, будто динамомашинка при малой нагрузке. Он весь скукожился, ушел в себя, внимание его было сосредоточено на намеченной цели. Сейчас для него в целом свете существовали только этот дом внизу и этот грузовик.

Фары приблизились настолько, что их сияние смешалось со светом, лившимся из окон дома, и теперь я видел весь грузовик целиком — и кабину, и прицеп. Несколько человек спрыгнули на землю через задний борт, к ним приблизились две маленькие фигурки, выскользнувшие из парадной двери дома, и послышались приглушенные расстоянием выстрелы. Две маленькие фигурки упали как подкошенные.

Из грузовика хлынуло полчище освободителей Евразии; они рассыпались веером и окружили дом. Несколько человек, должно быть, возглавляемых Сунем, ворвались в особняк через парадную дверь.

Они найдут Анджелу. Убивать на месте ни ее, ни старика не станут, но покажут их Тен Эйку, и тогда он прирежет меня как цыпленка.

Как же близко к краю обрыва он стоял! И был настолько увлечен, что напрочь забыл и о том, где стоит, и обо мне. Это было бы так просто, так просто. Тайрон Тен Эйк утратил всякую бдительность. Едва ли не впервые в жизни. Зайти к нему в тыл, резко выбросить вперед руки...

Снизу опять донеслась пальба. Потом звон бьющегося стекла. Кто-то или выпрыгнул, или был выброшен из окна второго этажа. Этот человек упал на грузовик, перевернул-

ся и вскочил на ноги. Судя по вспышкам, в руке у него был пистолет, и он вел огонь по окну, из которого только что вылетел. Очевидно, в него тоже стреляли: внезапно человек рухнул навзничь и скатился с крыши кузова, будто сметенный невидимой рукой.

Это было так просто, так просто... И так необходимо. Тен Эйк повсюду сеял разрушение, разбрасывал смерть вдаль и вширь. Существуют же носители заразных болезней. А Тен Эйк разносил по свету микробы разора и погрома. И его надо было остановить. Перед моим мысленным взором вдруг засияла вспышка взрыва, уничтожившего домик миссис Бодкин. Вот же он, мой шанс. Только и надо, что малость подтолкнуть. Ну самую, самую малость.

Кажется, стрельба прекратилась. В двух или трех окнах погас свет, но в остальном все осталось по-прежнему. Дом погрузился в мучительное безмолвие.

Столкнув вниз Тен Эйка, я мог ускользнуть в темноте от Лобо и убежать в лес. Лобо был огромен и могуч, но зато туп. Мне надо было только решиться, только сделать один шаг, зайти сзади, вытянув перед собой руки, и подтолкнуть...

Из парадной двери вышел человек, поднял руку, и мы увидели вспышки света — одну, вторую, третью. Лоб Тен Эйка покрылся мелкой испариной. Он повернулся ко мне и сказал:

— Едем вниз.

Он говорил с придыханием, будто поднимался на холм не в машине, а бегом.

Я заморгал, внезапно вернувшись к действительности. Воспоминание о моих недавних помыслах повергло меня в жуткое оцепенение. Господи! Неужели Тен Эйк заразил и меня? Ведь я же пацифист, пацифист. Но тем не менее только что обдумывал, как бы половчее угробить человека. Совершить убийство.

А как это еще назвать, если не убийством? Нет другого слова.

Тен Эйк шагнул к машине, потом оглянулся и спросил:

— Вы едете, Рэксфорд?

— Да, — ответил я. — Конечно.

Когда мы завернули в ворота усадьбы, Тен Эйк расхохотался и сказал:

— Наконец-то я дома!

Он вновь обретал свою былую веселость. Чего нельзя было сказать обо мне. Поэтому я промолчал, но Тен Эйк, кажется, ничего не заметил.

Особняк напоминал ошупевшего ошеломленного человека с разинутым ртом, подвергшегося вооруженному нападению. Тен Эйк остановил машину рядом с грузовиком. Мы выбрались из нее и все втроем вошли в дом.

Тут царил разгром. Шторы были сорваны с высоких окон, стулья и столики валялись ножками кверху, ковры сбились и съехали к стенам, две ножки громадного рояля покосились, пол был усеян осколками светильников. На лестнице лежал вниз головой один из подручных Суня, распластавшись, будто свастика.

Из комнаты справа появился сам Сунь. Похоже, он хотел отдать честь Тен Эйку, но в последнее мгновение спохватился и не сделал этого, а просто сказал:

— Все в порядке, мистер Эйк. Пришлось убить всех охранников и двух слуг, но остальные пока живы.

Левый рукав Суня был чем-то вымазан.

Я стоял, смотрел, слушал, думал об Анджели и гадал, почему же все-таки не улучил момент и не убежал от них где-нибудь по дороге сюда. Уж теперь-то муха точно попала в паучьи тенета.

Тен Эйк спросил:

— Где мой... Где Тен Эйк?

(Мне трудно свыкнуться с мыслью, что все остальные знали Тен Эйка под другим именем и не подозревали о его родстве с хозяином этого дома. А сейчас, в горячке, и сам Тен Эйк, похоже, начал забывать о своем инкогнито).

Но Сунь не заметил оговорок. Должно быть, сражение опьянило и его. Оглянувшись, он сказал:

— Мы оттащили его в заднюю комнату.

— Укол всадили? — после короткого колебания спросил Тен Эйк.

— Конечно, — ответил Сунь. — Спит как младенец.

— Хорошо.

— Оба дрыхнут, — добавил Сунь, и мой желудок вывернуло наизнанку.

— Оба? — переспросил Тен Эйк будто мне назло.

— С ним был еще один, — пояснил Сунь, и мой желудок вновь занял определенное ему природой положение. — Помоложе. — Сунь захохотал. — Может, его блудный сын? — Это было бы забавно, — сказал Тен Эйк, и все мы заулыбались, хотя и по разным причинам.

— Ну что ж, идемте, — предложил Сунь и зашагал прочь.

Тен Эйк пошел за ним, я — за Тен Эйком, а Лобо — за мной. Я попытался было жестом показать ему, чтобы шел впереди, поскольку еще надеялся улизнуть, но Лобо был твердо намерен замкнуть шествие, и я трусливо стушевался перед лицом его решимости.

По пути Тен Эйк спросил:

— Каковы наши потери?

Сунь с виноватым видом пожал плечами.

— Восемь человек. Трое убитых, пятеро раненых.

— Мы не можем унести раненых, — сказал Тен Эйк. — Вы и сами это знаете.

— Разумеется. О них уже позаботились.

— Хорошо.

Мы нашли Марцеллуса Тен Эйка в небольшой комнате, полной следов недавней битвы. Только один предмет обстановки не был повален и ободран — розовое раскладное кресло на позолоченных ножках. На нем и возлежал бесчувственный Тен Эйк-старший, будто пародия на персонаж Чарльза Лафтона.

Второй человек — мнимый блудный сын — сидел в углу и был похож на тюк грязного белья. Я подошел к нему, гадая, кто бы это мог быть и знаю ли я его (у нас с Марцеллусом Тен Эйком не так уж много общих друзей). Опустив глаза, я увидел мальчишеское лицо своего мирно спящего адвоката, Мюррея Кессельберга.

Какого черта его сюда принесло? Насколько я знал, он даже не был знаком с {ВНИЗ} Марцеллусом Тен Эйком.

И тут Сунь сказал:

— Здесь была еще женщина, в спальне наверху,— он произнес это вкрадчивым тоном, с лукавой ухмылочкой и заговорщицким блеском в глазах.— Прямо красotka.

Тен Эйк и удивился, и обрадовался. На миг мне показалось, что он уже готов пробормотать: «Ну и ну, старый греховодник». Но вместо этого он переспросил:

— Женщина? Ну-ка, покажите мне ее.

— Есть,— ответил Сунь и опять едва не взял под козырек.

— Она спит? — спросил его Тен Эйк.

— Нет, у нас было только две дозы. Я вывел ее на улицу. Сейчас.

Сунь вышел. Тен Эйк разглядывал своего бесчувственного отца с таким же вожделением, с каким плотоядный зверь смотрит на кусок мяса. Потом задумчиво произнес:

— Восемь убитых. Значит, остается четырнадцать. Нам с вами предстоит работа, Рэксфорд.

— Да?

— Мы должны убрать четырнадцать человек,— сказал он.— Не здесь, конечно. Потом, когда вернемся в наше логово.

— Хорошо,— ответил я.

Он взглянул на меня и криво улыбнулся. Улыбка эта сверкнула как лезвие косы.

— А из нас получится неплохая парочка, Рэксфорд,— заявил Тен Эйк.— Два хищника.

— И не говорите,— согласился я, напуская на себя хищный вид.

Вернулся Сунь в сопровождении двух освободителей, которые держали за руки плененную в замке деву.

«Господи, сделай так, чтобы это была не Анджела»,— взмолился я.

Но это была Анджела.

Брат и сестра уставились друг на друга вытаращенными глазами. Оба вконец отупели. Потом Тен Эйк повернулся, попробуавил меня взглядом и сказал:

— Рэксфорд.

— Ну? — спросил я.

— Рэксфорд, кто вы такой?

Я открыл рот.
Я закрыл рот.
Я бросился наутек.

27

Как бы мне хотелось иметь возможность сказать, что я не случайно налетел на Анджелу, не случайно схватил ее за руку и потащил вон из комнаты, по коридору, вверх по лестнице, через дохлую свастику и полдюжины разных помещений, не случайно спрятал ее в чулане...

Но такой возможности у меня нет. Я знаю себе истинную цену, узнайте же ее и вы. С того мгновения, когда Тен Эйк спросил, кто я такой, и вплоть до остановки в этом чулане, я пребывал, по сути дела, в обморочном состоянии. Подсознание, инстинкт самосохранения — называйте это как хотите, но я шел словно на автопилоте. Когда я очутился в чулане и, повернув голову, обнаружил рядом задыхающуюся Анджелу, изумление мое было под стать тому, которое испытал Тен Эйк при виде сестры.

Да и сама она, судя по всему, изумилась не меньше. Разинув рот, Анджела уставилась на меня и выпалила:

— Джин! Но ведь тебя считают погибшим!

— Вот и продолжай считать, это недалеко от истины; — с негодованием ответил я. — На чьей ты стороне?

— Ты взорвался, — не унималась она. — Недавно позвонил какой-то чиновник, говорит, все взлетели на воздух вместе с домом миссис Бодкин.

— Нет, — ответил я.

— Как те нет-то? Он сказал, что ты в конце концов сумел послать свой направленный луч. Не знаю, что это значит, но луч оборвался еще до того, как федики приехали туда. Но все равно они разыскали дом, и это оказалось жилье миссис Бодкин, только взорванное.

— Совершенно верно, — ответил я.

Анджела горячо закивала.

— Ну, а я что говорю? Дом взорвался, и ты с ним.

— Анджела! — взорвался я. — Вот же я, здесь.

Она оглядела меня. В глазах ее читались тревога, смя-

тение, сомнение. Женская логика налетела на риф истины.

Я сказал:

— Не пытайся разобраться. Просто поверь мне на слово.

Анджела покачала головой.

— Ну, я уж и не знаю,— призналась она.

— Вот что, с какой стати сюда попал Мюррей? — спросил я.

— Я позвала.

— Что ты сделала?

— Тот чиновник из правительства, он тоже безумец,— с горечью ответила она.— Привел Мюррея к присяге, взял какую-то клятву.

— Зачем? — спросил я.— Зачем ты его пригласила?

— Мне не с кем было поговорить, и вообще,— с надутым видом ответила Анджела.— Только с папой, а он ужасен в больших дозах.

Я открыл рот, но не успел ничего сказать: из-за дверей чулана слышалось:

— Они поднялись сюда. Найдите их.

— Ищут нас,— прошептал я.

— Слышу,— шепнула Анджела.

— Надо спрятаться,— прошептал я.

— Мы и так прячемся,— шепнула Анджела.

— Не здесь. Тут нас мигом найдут. В какой-нибудь другом месте, где они не станут смотреть. Анджела, ты росла в этом доме. Есть тут надежный тайник?

Анджела сосредоточенно нахмурилась, потом просияла и воскликнула:

— Крепость!

— Тсссссс! — Убедившись, что никто не слышал ее крика, я спросил: — Что?

— Мансарда. В детстве я пряталась там от Тайрона. Он ни разу меня не нашел.

— Такое место нам и нужно. Веди меня.

— Ладно,— Анджела потянулась к двери, но я перехватил ее руку.

— погоди! Дай я сперва проверю, свободен ли путь.

— Ты же велел вести.

— Терпение, Андже́ла.

Я чуть-чуть приоткрыл дверь, не рассчитав расстояние и ударился носом о притолоку, когда попытался одним глазком заглянуть в образовавшуюся щель. В конце концов я увидел, что в комнате никого нет, жестом велел Андже́ле подняться на цыпочки и идти за мной, и мы, будто две балерины, перебежали через комнату. Я выглянул из двери, ведущей в коридор. Там тоже было пусто.

— Куда идти? — шепотом спросил я.

— Вон туда, — шепнула Андже́ла, высовываясь и указывая рукой. — До самого конца, потом — в дверь с левой стороны и вверх по лестнице.

— Хорошо, — сказал я и уже хотел шагнуть в коридор, когда увидел, как трое освободителей Евразии с автоматами в руках вышли из комнаты напротив и скрылись в соседней. Подтянув штаны, откашлявшись и поморгав, я выждал несколько секунд, потом взял Андже́лу за руку, и мы пустились в путь.

Все шло довольно неплохо, но тем не менее мне не хотелось бы заниматься такими делами каждый день. Мы промчались по коридору легко и быстро, будто два тюка осенних листьев общим весом полтора центнера, прошмыгнули мимо открытой двери комнаты, в которой трое освободителей шарили стволами своих автоматов под кроватями и в стенных шкафах, успешно добрались до двери на лестницу и поднялись на чердак. Мы уж и морщились, и ноги задирали, и вообще всячески делали вид, что движемся бесшумно, но проклятая лестница знай себе трещала, будто поленья в костре.

Наверху Андже́ла взмахом руки показала, куда идти дальше. Пол недостроенной мансарды был сложен из грубых неструтанных досок, но они, по крайней мере, вели себя тихо. Повсюду стояли сундуки, платяные шкафы, картонные коробки, валялись кипы журналов и груды тряпья — словом, тут было полно всякой всячины, обитающей исключительно на чердаках старых домов. Кроме того, мансарда изобиловала немыслимыми углами, закутками и поворотами, из-за чего снаружи крыша дома выглядела так, как и подобало выглядеть кровле замка в Новой Англии,

построенного в XIX столетии.

Позади нас внезапно распахнулась дверь на лестницу, и кто-то крикнул:

— Тут чердак!

— Поищите там! — откликнулся другой голос. — Может, они поднялись наверх!

— Куда? — полным отчаяния шепотом спросил я Анджелу. — Куда? Куда? Куда?

— Сюда.

Куда — сюда? Здесь ничего не было. За старым сундуком, обитым чеканкой, виселась только шершавая стена, угол крыши. Она была голой и недостроенной, с выпуклым чердачным окном с правой стороны. Прятаться было негде.

Тем не менее Анджела (в тот миг мне показалось, что она просто спятила от страха) бросилась прямо к этому полуразрушенному углу, шмыгнула в нишу чердачного окна, словно хотела выброситься наружу, но вместо этого метнулась влево и как в воду канула.

Я остановился, разинул рот и затаил дыхание (с лестницы уже доносился топот сапог).

Откуда-то высунулась рука, отчаянно манившая меня всеми пальцами. Я схватился за эту руку, и она втянула меня в какой-то несуразный треугольный закуток, расположенный... позади стены! Слева от чердачного окна, между двумя балками, было узкое пространство, ограниченное недостроенной стеной и внешним скатом крыши. Уж и не знаю, как выглядел этот архитектурный изыск с высоты птичьего полета, но изнутри он представлял собой тесный уголок чердака, покрытый двуслойной кровлей. Между этими слоями мы с Анджелой при некоторой доле везения могли укрыться от Тайрона Тен Эйка с его лихODEями.

Укрытие было узкое, низкое и сырое. В дальнем углу виднелась грязная лужа, означавшая, что крыша в этом месте протекает. Но здесь, должно быть, безопасно. Я сел на корточки рядом с Анджелой, которая стояла, согнувшись пополам, будто больные радикулитом в комиксах. Высота закуртка была меньше пяти футов. Я прошептал:

— Хорошее место. Теперь надо просто подождать,

пока они уйдут.

— В детстве я могла стоять тут в полный рост, — сообщила Анджела.

Я взглянул на нее.

— Правда?

Мы замолчали, потому что шум и возня приближались. Казалось, на чердаке работает целая поисковая партия, дотошно и неторопливо занимающаяся своим делом. Они открывали все сундуки и шкафы, заглядывали за штабеля картонных ящиков, повсюду совали носы, даже в такие закутки, где мог бы спрятаться только какой-нибудь задоклик.

Наши тела начали коченеть и затекать, но, в конце концов, если ты способен чувствовать боль, значит, жизнь продолжается (коли есть охота, запишите эти слова в какой-нибудь блокнот), поэтому мы страдали молча и даже с радостью.

Страдали до тех пор, пока не послышалось: пи-пи-пи. Тихо, но настырно и непрерывно: пи-пи-пи-пи-пи...

Совсем близко, точнее, прямо тут, в нашем закутке.

Я посмотрел на Анджелу. Анджела посмотрела на меня. Глаза наши вылезли из орбит, щеки покрыла пепельная бледность. Потом Анджела подняла левую руку и взглянула на часы.

Время принимать пилюли!

— Я их починила, — прошептала моя слабоумная дурочка, мой гений механики, моя повелительница станков. — Я их починила.

— Починила, — откликнулся я. — Еще как починила.

Если вы помните, во время моей последней встречи с Анджелой эти часы не работали или, по всяком случае, не пищали. Но разве она допустит, чтобы что-нибудь не пищало? Да она скорее нас угробит.

За пределами нашего закутка воцарилась звенящая напряженная тишина, которая внезапно сменилась целой гаммой звуков: криками, шорохами, скрежетом. Освободители надвигались на нас. Теперь мы попались, в этом можно было не сомневаться.

А часы, как назло, все пищали. Анджела стукнула по

ним кулаком, внимательно оглядела, сняла и шарахнула о пол, а они знай себе пищали, будто птичка после вкусной кормежки.

— Ну, все,— сказал я, наслушавшись досыта.— Все.

Я вытащил носовой платок, хорошенько смочил его в луже и выбросил из-за угла в мансарду. Если Дафф и впрямь болтал не зря, сейчас платок начнет источать рвотный газ.

Потом я снял галстук, поднес к нему горящую спичку (дымовая завеса) и бросил вслед за платком.

Добравшись до чердачного окна, я выбил кулаком одно из стекол, высунул наружу механический карандаш, нажал на кнопочку сбоку и пустил красную сигнальную ракету. Но она не взмыла в небо, а врезалась в пол возле моих ног.

Тогда я вытащил шариковую ручку, о предназначении которой в горячке запамятовал. Но все равно нажал кнопку и в итоге сфотографировал себя.

После всего этого я — ослепленный красной вспышкой, сфотографированный, кашляющий от дыма и готовый вывернуться наизнанку от рвотного газа, разбазаривший весь свой арсенал и расстрелявший все патроны — выбрался из-за угла и попал в цепкие объятия Сунь Куг Фу и остальных освободителей Евразии.

28

— Сунь! — вскричал я. — Выслушайте меня, Сунь!

Я зашелся сухим кашлем, принялся рыгать, плакать и спотыкаться, когда двое облаченных в униформу свободолюбивых последователей Суня подхватили меня и поволокли через всю мансарду к лестнице.

— Выслушайте меня! — прохрипел я, но зря старался.

Анджела, которую тащили следом, сотрясала воздух многочисленными, но совершенно бесполезными «На помощь!» и «Пустите меня!» В горле у меня саднило, глаза жгло огнем, желудок крутился колесом, но все равно я вопил, стараясь перекричать Анджелу:

— Сунь! Послушайте меня, или вы будете следующим!

Он остановился на верхней площадке лестницы, повер-

нулся и холодно взглянул на меня.

— Следующим? Что значит, следующим?

— Все мертвы, — выдохнул я. — Все участники того собрания либо мертвы, либо вот-вот умрут. Бодкин, Баба, Маллаган, Уэлпы. Еще двое взлетят на воздух вместе со зданием ООН.

— О чем это вы?

— Вы сами поставили часовой механизм, не подпустив к нему Эли Злотта. Когда во вторник Армстронг нажмет кнопку, у него не будет никаких пяти минут в запасе, и вы это знаете.

— Он отмахнулся.

— Армстронг и Лаботски — любители, они одноразового пользования.

— Вы тоже, — ответил я. — Вы будете следующим.

— Я профессионал, — упрямо сказал Сунь. Кажется, я задел его гордость. — Кроме того, у Эйка нет причин убивать меня.

— Есть, и целых две. Вы знаете его в лицо. А ваш труп нужен ему как доказательство происков красного Китая.

На лице его промелькнуло странное выражение.

— Что еще за происки? — спросил Сунь.

— Надо полагать, он не рассказывал вам сказку про красный Китай. И не говорил, почему решил выкрасть Марцеллуса Тен Эйка.

— Ради выкупа, вот зачем, — ответил Сунь, но в голосе его прозвучали непонятные нотки, а глаза вспыхнули таким же непонятным огнем. — Ну, хватит, — сказал он и велел своим подручным: — Ведите их!

И отвернулся.

— Подождите, Сунь! Это Тайрон Тен Эйк!

Сунь снова остановился, оглянулся и хмуро уставился на меня, будто видел впервые в жизни.

— Нелепость, — ответил он, но голос его звучал так, словно на самом деле Сунь хотел сказать: «Это любопытно».

Должно быть, он и сам понимал, что Леон Эйк — вымышленное имя, но ему было на это наплевать. Сунь довольствовался тем, что Эйк и Юстэли сколотили

организацию, которая должна была делать то, что хотел делать он сам, только в более широких масштабах и более профессионально (и доказательством тому — его готовность закрыть глаза на присутствие в организации сталиниста Мейерберга).

Но сейчас все изменилось, произошло слишком много событий. Мертвая девушка ожила, а гений конспиративной работы (разумеется, я имею в виду себя) вдруг превратился во врага (хотя Сунь еще и сам толком не успел понять, почему гнался за мной). И его беззаветная преданность делу дала трещину.

А знал ли он, кто такая Анджела? Существовала вероятность, что нет, поэтому я спросил:

— Вы узнаете эту девушку?

Мой вопрос запал ему в голову. Сунь раздраженно ответил: «Что?», а потом взглянул на Анджелу, отвернулся и сказал:

— Нет.

— Посмотрите еще раз, — предложил я. — Вы уже видели ее в моем обществе.

— Видел? — Сунь пригляделся, и я заметил, что до него дошло. — Собрание! — вскричал он.

— Это Анджела Тен Эйк.

Сунь вытаращился на нас.

— Но вы же ее убили.

— Спросите ее, кто такой Леон Эйк, — посоветовал я.

Анджела не стала дожидаться расспросов.

— Это мой брат Тайрон, — сказала она.

Сунь затряс головой, будто на него напал рой мошкар.

— Эйк узнал ее на собрании, — напомнил я.

— Они встречались в прошлом, — ответил Сунь, очевидно, повторяя слова Тен Эйка. — Он знал, что она служит в ЦРУ.

— Вы шутите? Она — дочь Марцеллуса Тен Эйка.

— Тем хуже для нее, — сказал Сунь, но в голосе его не было ноток убежденности.

— Почему он хотел, чтобы вы одурманили Марцеллуса Тен Эйка до того, как сам он войдет в дом? — спросил я и сам же ответил: — Да потому, что старик, взглянув на него,

тотчас заорал бы: «Тайрон!»

— Он мой брат,— повторила Анджела.

— Если я буду мертв, а Лаботски с Армстронгом угробят сами себя во вторник, вы останетесь единственным здравствующим участником того собрания. Кроме вас и ваших людей никто не видел лица Леона Эйка. Значит, у него есть две причины, чтобы убить вас: собственная безопасность и фабрикация улики про...

— Довольно об этом!

— Я только...

— Молчать!

Сунь принялся озиаться по сторонам с видом человека, которому надо разом принять множество решений. И тут я обо всем догадался.

Всякий раз, когда я норовил завести речь о красном Китае, Сунь затыкал мне рот. Но если я говорил на другие темы, он весьма охотно слушал меня. Однако предводителя Корпуса освободителей Евразии, по логике вещей, больше всего должны были интересовать именно козни против красного Китая.

Сунь оказался агентом-двойником! Как будто нам и без того не хватало путаницы!

Сунь просто не мог не быть двойным агентом. В таком случае все потеряло бы смысл. Сказка про выкуп, вероятно, вполне устраивала мелкую сошку, но Сунь слишком много знал о том, кто и за что платит денежки. Он не мог не знать, зачем мы здесь. Во всяком случае, ему наверняка известна непосредственная причина.

Чтобы проверить свою теорию, я вполголоса спросил:

— Сколько у вас хозяев, Сунь?

— О чем это вы?

— Я не собираюсь ломать вам игру,— сказал я.— Помните: Тайрон Тен Эйк думал, что его сестра мертва. Ему только и надо было, что повесить на вас убийство старика. Тогда он преспокойно получал наследство. Но только в том случае, если никто не смог бы доказать, что все это время он был в Штатах.

— Я должен обсудить это с ним,— сказал Сунь. Потом нахмурился и добавил: — Не уверен, что понимал вас прежде.

— Понимали,— ответил я.— А я раскусил вас.

Он только улыбнулся.

— Вот уж не знаю,— проговорил Сунь и повернулся к своим бойцам.— Давайте запрем этих двоих в надежном месте, а потом пойдем и потолкуем с мистером... Эйком.

— Всем вашим отрядом,— посоветовал я.

— Всем нашим отрядом,— согласился он.

29

Они заперли нас в тесной пустой комнатенке на втором этаже и отправились обсуждать создавшееся положение с Тайроном Тен Эйком.

— Комнатка была — что надо. Две люминесцентные лампы, встроенные в потолок, давали мягкий ровный свет, который, правда, по сути дела ничего не освещал. Стены были обиты дорогой темно-зеленой материей, потолок покрывала тусклая бежевая краска, а на полу лежал темный лакированный паркет. Но здесь не было ни мебели, ни стеновых шкафов, да и вообще непонятно, в чем заключалась причина существования этой комнаты.

Я обратился за справкой к Анджеле, спросив:

— Что это за место?

— У папы была коллекция марок,— ответила она.— Он держал ее здесь, в витринах.

— А потом забросил?

— Нет, когда Тайрон был маленьким, он сжег все папины альбомы в камине.

— Милашка Тайрон,— заметил я.— А куда делись витрины?

— Они внизу. Папа хранит в них свои награды за миротворческую деятельность.

— О!

(По присущей нашему миру иронии, оружейники, кажется, чаще других получают награды за миротворческую деятельность, уступая по этому показателю только профессиональным боксерам. Хотя, может, во мне просто говорит зависть: ведь пацифисты таких наград не получают вовсе).

— Как нам быть, Джин? — спросила Анджела.

— Не знаю,— честно сказал я.— Неважно, кто из них одержит победу. При любом раскладе мы в беде. Ни Сунь, ни твой брат не могут выпустить нас отсюда живыми.

— Сунь возьмет верх, у него много людей,— ответила Андже-ла.

— Человек двенадцать,— сказал я.— А противостоят им Тайрон Тен Эйк и Лобо. По-моему, силы равны.

— О чем это вы с Сунем болтали? — спросила Андже-ла.— Насчет игры, хозяев и прочего?

— Он двойной агент,— пояснил я, потом изложил причины, по которым пришел к такому выводу, и добавил: — Наверное, они с Тайроном вместе решили свалить вину на Китай, только Сунь думал, что именно ему суждено остаться в живых.

— Но на кого же он работает?

— Не знаю. Должно быть, на самого себя. Мне становится дурно при мысли о том, что у Чан Кайши могут быть приспешники, но все же Сунь, возможно, работает на китайских националистов. Неважно, платят ему, или он сам по себе, важно другое: Сунь заставил Корпус освободителей Евразии действовать таким образом, что теперь красный Китай в глазах Америки выглядит еще хуже, чем он есть на самом деле. Может быть, поэтому коммунисты и отrekliсь от этих освободителей.

Полагаю, что где-то на середине моего рассказа Андже-ла перестала вникать в его содержание, потому что, как только я умолк, она спросила:

— Джин, а что будет с папой и Мюрреем?

— То же, что и с нами.

— Нет, я хочу знать, что будет с ними сейчас.

— Ничего. Все тут слишком озабочены, чтобы думать о спящих.

Я подошел к двери, потрогал ручку и понял, что Марцеллус Тен Эйк не пожалел денег на отделку этой комнаты. Дверь была толстая, дубовая, с йельским замком, до которого даже добраться невозможно, не то что взломать. Поскольку дверь открывалась наружу, я не мог добраться и до петель. Я подергал ручку, как человек, не способный ни на какие разумные действия. Сунь и его

солдаты заперли нас здесь, а сами ушли по своим делам, прохиндеи.

Если удастся выбраться за эту дверь, у нас, наверное, появится неплохая возможность удрать из поместья. На улице не было охраны, потому что Сунь, очевидно, стянул все свои силы на борьбу с Тен Эйком.

И борьба эта, похоже, велась весьма ожесточенно, коль скоро до меня донеслись приглушенные звуки пальбы. Где-то в доме шла перестрелка.

В каком-то смысле слова мы с Анджелой сейчас были в самом безопасном месте (чего не скажешь о Мюррее и ее отце, которые лежали, бесчувственные и беззащитные, в окружении врагов. Я благоразумно не стал напоминать Анджеле об этом обстоятельстве). Мы сидели под замком, а за дверью раскинулось поле брани. С одной стороны в битве участвовал Сунь с сунятами, с другой — Тайрон Тен Эйк и Лобо. Перестрелки, наступления, молниеносные отходы. Сунь воевал числом, а Тен Эйк пустил в ход врожденное коварство, позволявшее ему одурачить и ободрать живьем любую лису. Ну, а мы, два молодых пацифиста, сидели тут, потому что нам не место под перекрестным огнем.

Но ждать здесь тоже нельзя, потому что, по сути дела, мы ждем своей очереди на кровопускание.

— Джин, — окликнула меня Анджела.

Я отвернулся от двери.

— Чего?

— Мне очень жаль, что так получилось с часами.

— Давай не будем об этом, — предложил я.

— Я думала, они в порядке.

— Мне и правда не хочется об этом говорить.

— Но я должна принять пилюли.

— Пилюли, люли-люли! — заорал я.

— Не надо так, Джин. Ты же не хочешь, чтобы я растолстела, залетела и пошла утрями.

— А почему нет? — злобно сказал я. — Это даст мне предлог, чтобы уехать на Мальорку.

— Эх, Джин, — обиделась Анджела.

Зная, что она твердо намерена разреветься (Анджела

всегда очень удачно выбирала время для этого занятия), я опять повернулся к двери и подергал за ручку, движимый стремлением найти себе дело, достойное мужчины. Дверь по-прежнему не открывалась.

Анджела зашмыгала носом, где-то в доме застрекотал автомат, гроыхнул пистолет, раздался резкий крик.

Грохот битвы стих почти одновременно со всхлипываниями Анджелы. Минуты через две. Стоя у двери, я вслушивался в тишину. Мне не очень нравилось безмолвие, царившее в комнате, и совсем не нравилось та тишина, которая стояла снаружи. Что же теперь произойдет? Минуту полминуты, но ничего особенного не случилось. Я повернулся к Анджеле, которая, как и следовало ожидать, впала в холодную ярость.

— Не смей заговаривать со мной,— сказала она.

— Хорошо,— ответил я и ни с того ни с сего подумал: «Богатенькая поганка!». Надо же, эта мысль вдруг напомнила мне о том, что и я не беден. Ведь я был обладателем кредитной карточки клуба лакомок. Я щелкнул пальцами, будто требовал счет, и вскричал: — Черт побери!

Не подозревая о том, что я сменил тему беседы, Анджела растерянно заморгала.

— Что? Что?

Я достал бумажник, вытащил из него кредитную карточку, сунул бумажник обратно в карман и сказал:

— Ты только взгляни на это.

Поскольку я лишился своих волшебных башмаков, исчезали и чудодейственные бикфордовы шнуры. Но, быть может, их удастся заменить обыкновенными? Я вытащил шнурок, обвязал им карточку, вытянул конец шнурка и положил ее на пол возле двери.

Укрыться было негде. Оставалось только надеяться, что рванет не очень сильно.

— Забейся в угол и не высовывайся,— велел я Анджеле.

— Что это ты вытворяешь с карточкой, Джин? — спросила она. — Ты сошел с ума? Как ты себя чувствуешь?

— Замолчи и ступай в угол, ты, многостаночница чертова.

Анджела надулась и спряталась в углу.

Я подпалил шнурок, и он тотчас потух. Я зажег его снова, с тем же результатом. Всякий раз, когда я поджигал шнурок, он сперва корежился, а потом гас. Приходилось возвращаться и опять разводить огонь.

После шестой неудачи кряду я бросил это дурацкое поджигательство. Вооружившись зубами, ногтями и мрачной решимостью, я оторвал полоску ткани от своей рубахи, скрутил из нее длинный толстый жгут, привязал к кредитной карточке, да так, чтобы ее было почти не видеть, и запалил конец фитиля.

Он вспыхнул. Послышался хлопок, и язычок пламени устремился к карточке. На этот раз я сиганул в сторону, только когда убедился, что ткань горит. Увидев огонь, я заорал: «Мама!» и бегом бросился к Анджеле в угол.

Добежав, я повалил Анджелу и распластался перед ней — защитничек, который на самом деле очень охотно поменялся бы с нею местами. Что-то за моей спиной сказало: «шлеппп».

Меня припечатало к Анджеле, а ее, надо полагать, припечатало к стене. Когда стихли последние отголоски взрыва, я оттолкнулся и от Анджелы, и от стены и сказал: — Так.

Анджела смотрела на меня, словно испугавшись, что мы оба сошли с ума.

— Что это было? — прошептала она.

— Моя кредитная карточка, — ответил я. — Видишь, как плохо обстоят мои денежные дела?

(И как туго у меня с чувством юмора).

Я оглянулся. Двери больше не было, остался только искореженный косяк. Я подошел поближе (тело мое вдруг одеревенело) и увидел, что дверь лежит на полу в соседней комнате — то ли кабинете, то ли библиотеке. Вдоль стен стояли книжные полки, а мебель была из красного дерева и кожи.

— Ну вот, — сказал я и повернулся к Анджеле, еще не успевшей покинуть свой укромный уголок. — Идем, надо спешить.

Она по-прежнему ошалело моргала, не веря своим глазам, но в конце концов пошевелилась и вышла из

комнаты. Увидев поверженную дверь, она посмотрела на меня, смущенно прильнула к моей руке, и мы пошли в комнату напротив.

Когда мы были на полпути к ней, дверь распахнулась и появился Тайрон Тен Эйк с уже знакомым мне «люгером» в руке.

— Ну-ну, — сказал он, — вот и вы. Я боялся, что упустил вас.

— Тайрон, ты негодный мальчишка! — заявила Анджела.

— Все та же милая простушка, — вкрадчиво проговорил он.

— Где Сунь? — спросил я.

— Мертв, как и все его приспешники, — ответил Тен Эйк. — Рано или поздно такое случается с каждым.

— Вы сеете разрушение не потому, что вам платят, — сказал я. — Деньги — только предлог. Вы занимаетесь этим из любви к искусству.

— Хотите сказать, что я нигилист? — он улыбнулся, и зубы его сверкнули, как штыки. — Что ж, это лучше, чем вообще не иметь никакой философии, не правда ли?

Дабы усугубить неразбериху, я сказал:

— Лобо все время работал со мной. Через минуту он придет и наденет на вас наручники.

— Сомневаюсь, — ответил Тен Эйк. — Лобо мертв. Сунь убил его.

— Папочка! — вскричала Анджела.

— Его смерть, — свирепо сказал Тайрон Тен Эйк, вновь начиная терять самообладание, — станет вторым приятным событием в моей жизни. А первым будет твоя гибель, милая сестричка.

Он вскинул «люгер» и нацелил его в лицо сестры.

Я опять побежал.

30

Книга эта — своего рода исповедь. Я описал в ней события, цепь которых привела к нарушению всех моих принципов, забвению всех моих убеждений, измене до-

ктринам, которые я проповедовал в своих памфлетах. Грубо говоря, я перечеркнул всю свою прежнюю жизнь.

Хотелось бы мне иметь возможность сказать, что и во второй раз я побежал так же слепо, бездумно и безмозгло, как и тогда, когда случайно схватил Анджелу за руку и утащил ее от Тен Эйка и остальных. Но нет. На сей раз я совершенно сознательно прошел (пробежал, то есть) свой путь с первого до последнего шага (прыжка, то есть).

Я побежал не прочь от Тен Эйка, а, наоборот, к нему. Я хорошо понимал, что делаю, и в глубине души одобрял собственные намерения. Я бросился на Тен Эйка, застав его врасплох, вырвал у него из рук «люгер» и отшвырнул в сторону. А потом, прекрасно ведая, что творю, злобно схватил Тен Эйка обеими руками.

(Пожалуйста, простите меня, но я не могу описывать то, что делал тогда. Я все помню очень живо, даже ярче, чем хотелось бы, но предпочитаю не говорить об этом).

А потом, когда прошла целая вечность, и я сидел верхом на Тайроне Тен Эйке, Анджела начала дергать меня за плечо и кричать:

— Перестань, Джин, перестань!

Я неохотно (признаюсь в этом со стыдом) перестал. Взглянув на дело рук своих, я почувствовал только облегчение и опустошение, как будто в конце концов избавился от тяжелого бремени, которое влачил слишком долго.

Я поднялся и вышел из комнаты в коридор, провонявший пороховой гарью. Остановившись, я принялся формулировать вопрос, ответ на который, возможно, буду искать до конца дней своих: если я все время верно оценивал себя, как же тогда меня сюда занесло?

Спустя минуту подошла Анджела и тихо сказала:

— Он дышит.

— Хорошо, — ответил я, поскольку знал, что от меня ждут именно такого ответа.

— Твое поведение недостойно пацифиста, Джин, — с мрачной торжественностью возвестила Анджела.

— Угу, — ответил я и облизал ободранные костяшки пальцев.

— Надо бы вызвать полицию, — сказала она.

- Телефонные провода перерезаны.
- Тогда поехали, привезем полицейских.
- Ладно.

Мы крепко-накрепко связали Тайрона, спустились вниз и почти дошли до парадной двери, когда я остановился и сказал:

- Погоди-ка, я кое-что вспомнил.
- Что?
- Меня же разыскивают по подозрению в убийстве.
- Но ведь ты убил меня, Джин. Все будет в порядке, я поеду с тобой.

Я представил себе, как Анджела дает объяснения, и понял, что окажусь на электрическом стуле, прежде чем все распутается. Поэтому я сказал:

- Я пойду в полицию только со своим адвокатом.

С этими словами я повернулся и отправился в каморку, где оставил Мюррея.

31

Оба еще спали. Мюррей улыбался во сне, а папаша Тен Эйк храпел. Анджела бросилась к отцу, и последовало счастливое воссоединение родных людей, причем одна сторона вела себя гораздо более оживленно, чем вторая. Я терпел все это, пока Анджела не начала шлепать старого моржа по щеке, призывая его проснуться, а потом сказал:

— Оставь его в покое, пусть храпит хоть до Рождества, мне все равно. Мюррей — вот кого надо будить. Он — мой глашатай, мой защитник и стряпчий по темным делам.

- А еще кормилец, — добавила Анджела.

— Нет, стряпчие не занимаются стряпней. Законники судят, но не ссужают. Они никогда не дают в долг. Это — постулат их клятвы Гиппократа.

- Ты уверен, Джин? В ресторан-то он нас водил.

- Бери Мюррея за щиколотки, — велел я.

Мы оттащили Мюррея на кухню, несколько раз ударив по пути о дверные косяки, устроили за кухонным столом в более-менее сидячем положении и принялись всячески будить, убив на это немало времени. Мы брызгали ему в

лицо водой, вливали в рот кофе (и проливали мимо), шлепали по щекам. Иногда Мюррей хрюкал или мычал, но дальше этого скотства дело не шло.

Тогда мы отнесли его в ванную и освободили от верхней одежды, оставив в одних трусах и майке (чистый отутюженный костюм — главное орудие труда законника, как мел для учителя или самолет для летчика. Законники совершенно беспомощны, когда одеты не по форме, а Мюррею, как я предполагал, предстояло изрядно потрудиться этой ночью, отстаивая мои интересы. Поэтому я и обращался с его костюмом гораздо осторожнее, чем с ним самим). Мы затолкали его под душ, пустили холодную воду, и через пять минут Мюррей мало-мальски очухался. Он даже смог самостоятельно держать в руке кофейную чашку, моргать и повторять:

— Ну, чё? Ну, чё? Чё?

Анджела снова убежала к отцу, а я медленно и осторожно отвел Мюррея обратно на кухню, опять усадил за стол, сел напротив и принялся утешать выпить кофе. После каждого моего призыва Мюррей поднимал чашку и с хлюпаньем отпивал глоток. Это зрелище напоминало трапезу Лобо.

Вдруг мутная пелена, которой были подернуты его глаза, уступила место яркому блеску.

— Джин, — сказал Мюррей.

— Правильно, — ответил я.

Он поставил чашку, соединил ладони, будто настраивал какой-то внутренний механизм, а мгновение спустя сошел с ума и залопотал:

— Ну так вот... Рад тебя видеть... Спасибо, что заглянул проведать...

— Мюррей...

— Тебе вовсе не обязательно уверять меня, что ты не убивал ее, Джин. Я убежден в твоей невинности. Но дело в том, что...

— Мюррей, — повторил я.

— Не перебивай. Дело в том, что тебя задержат за убийство первой степени, а значит, мы не сможем предложить никакого залога даже в случае твоей явки

с повинной. Стало быть...

— Мюррей!

— Позволь мне довести мою мысль до конца. Кажется, они говорят, что ты убил ее в Нью-Йорке и отвез тело в Нью-Джерси, значит, судить тебя будут...

— Мюррей,— сказал я.— Если ты не заткнешься, я опять уложу тебя спать и найму себе в защитники твоего отца.

Он ответил:

— Для человека, которого обвиняют в убийстве молодой светской львицы, ты чересчур...

— Мюррей, посмотри по сторонам.

— Что?

— Посмотри вокруг,— повторил я.— Где ты находишься?

Он огляделся. Его остекленевшие глаза, казалось, пошли трещинами.

— Ну...— проговорил Мюррей.— Кажется... Я не... Конечно, если ты... Но с другой стороны...

Тут вошла Анджела и сказала:

— Я не могу его разбудить, Джин.

— Считай, что тебе повезло. Этот проснулся, но посмотри на него. Каков, а?

Мюррей разинул рот и уставился на Анджелу.

— Ты жива,— прошептал он.— Боже мой, ты жива!

— Мюррей, или приди в себя, или снова засыпай. Ты меня с ума сведешь. Конечно, она жива. А ты, дурак, у нее в гостях. И уже давно знаешь, что она жива.

Мутная пелена исчезла, и я увидел, что глаза у Мюррея красные и растерянные. Он посмотрел на меня и спросил:

— Джин, что случилось? Сюда вломилась орава китайцев...

— Да, в общем, ничего не случилось,— ответил я.— Ты сам все видел.

Примерно полчаса мы пили кофе и рассказывали друг другу о последних событиях. Я все ждал, когда же Мюррей очухается и сможет приступить к исполнению своих обязанностей. Наконец он объявил, что готов. Тогда Анджела съездила в город и привезла полицейских.

Прибыв на место происшествия, они первым делом

арестовали меня за убийство Анджелы Тен Эйк.

Затем, когда Анджела попыталась облегчить мое положение, заявив, что она и есть Анджела Тен Эйк, они арестовали и ее — за укрывательство преступника.

Наверное, чтобы быть законником, все-таки мало иметь костюм. По-видимому, нужен еще и чемоданчик, а такового у Мюррея при себе не оказалось. Поэтому полиция арестовала и Мюррея, тоже как соучастника, за то, что он помогал соучастнице выдавать себя за ту, кем она и была на самом деле.

Затем полицейские пожелали узнать, чьими трупами усеяно все вокруг, и нам было нелегко так вот, с ходу, объяснить им, что к чему. Всех нас согнали в парадную прихожую возле большой лестницы, и тут вдруг сверху раздался вопль, от которого мы застыли, вконец ошеломленные и сбитые с толку.

Потом мы задрали головы и увидели Тайрона Тен Эйка. Шатаясь и держась за перила, он маячил на верхней площадке лестницы. Он как-то сумел освободиться от веревок и опять раздобыть себе оружие — на этот раз громадную старую ржавую шпагу. Потрясая ею над головой, он скатился по лестнице и набросился на нас.

Что там говорил Роу, мой учитель фехтования? «Если на вас нападут со шпагами, ложитесь и помирайте».

Эх!

Злодей пер на нас как волк на стадо овец. Он дико сверкал глазами, рычал и размахивал шпагой. Врезавшись в гущу нашего стада, Тен Эйк пронесся сквозь него и вылетел из дома через парадную дверь. Полдюжины полицейских и трое пленников так и остались стоять, хлопая глазами и разинув рты.

Вдруг с улицы донеслись резкие трескучие выстрелы: бах! бах! тра-та-та! Потом наступила тишина. Анджела сказала — с таким видом, будто кто-то пытался разыграть ее:

— Но разве можно стрелять из шпаги?

Мы все смотрели на нее, пока не открылась парадная дверь и в дом не ввалился один из полицейских, дежуривших на улице. Вид у него был не менее испуганный и

растерянный, чем у всех остальных. В правой руке он держал пистолет.

— Ну, короче,— сказал полицейский, будто продолжая давно начатое повествование,— стою я, и вдруг этот верзила бросается на меня со шпагой. Даже крикнуть «стой» — и то времени не было, пришлось стрелять. Он знай себе бежит, ну, я знай себе стреляю. Вон он, лежит там. Мертвый, наверное.

— Вы выполняли свой долг, Салаган,— сказал ему старший наряда.

— Ну...— ответил Салаган с рассудительностью сумасшедшего,— он бежал слишком быстро, я не успел предупредить его, что вооружен.

— Все в порядке, Салаган,— заверил его командир.— Не волнуйтесь.

— Ну... я и опомниться не успел, как он напал на меня, вот и пришлось стрелять.

Предводитель легавых сказал одному из своих подчиненных:

— Отведите Салагана в машину.— Потом он огляделся и добавил: — Пожалуй, и нам пора. А утром разберемся во всей этой путанице.

Тут Анджела потребовала, чтобы ее отцу оказали первую помощь. Старик был в отключке и не ведал, как ему повезло. Полицейский пообещал тотчас вызвать «скорую» и отвезти его в больницу. Ну, а всех остальных отправили в город, в окружную кутузку.

Когда мы прибыли туда, обнаружилось, что мои гражданские права взяли отгул до утра.

— Даже Бенедикту Арнольду дали бы один раз позвонить по телефону,— заявил я сонному сержанту за конторкой.

— Утром,— тупо ответил он.

— Ну-ну, посмотрим, что на это скажет Верховный суд,— пробормотал я.

— Кого вы хотите разбудить в такой час? — спросил меня сержант.

— ФБР.

— Вам что, полиции мало? — невозмутимо про-

говорил он.

— А мне нужно ФБР, — ответил я. — Чтобы был уже полный набор.

Они заперли нас в разные камеры, и Мюррей, гаденыш, тотчас завалился спать.

32

А потом мало-помалу отрубился и я. Федики (их было шестеро: Ф., Х., Ц., Ч., Ш. и Щ.) прибыли в воскресенье утром, объяснили местным легавым, что к чему, и взяли меня в оборот. Расспросы кончились только под вечер. Когда я вышел из участка, Анджела и Мюррей ждали меня, чтобы отвезти домой. По такому случаю Мюррей взял напрокат новенький красный «форд» (у истинных нью-йоркеров, таких, как Мюррей, никогда не бывает своих машин, как бы ни были они зажиточны и изнежены).

Впоследствии я узнал из газет кое-какие подробности. Например, в багажнике «кадиллака» Тен Эйка нашли сто семьдесят пять тысяч долларов — все, что осталось после ограбления банка. Джека Армстронга и Льюиса Лаботски схватили в воскресенье днем, а заминированный грузовик нашли и обезвредили.

(Кстати, в газетных статьях человек по имени Юджин Рэксфорд был представлен эдакой таинственной, загадочной, темной и противоречивой личностью. Похоже, никто ничего про меня не знал, за исключением того обстоятельства, что я оказался блистательным тайным агентом, ведущим двойную, если не тройную, жизнь, чем-то вроде злого гения международного шпионажа, рыцарем плаща, кинжала и пистолета с глушителем, князем глухих закоулков Будапешта. Одна газета даже просила меня написать несколько статей о моей работе в контрразведке, а какой-то издатель книг в бумажных обложках посулил мне на удивление высокий гонорар, если я соглашусь создать ряд романов — на основе подлинных событий из моей жизни, разумеется — о великом шпионе и двойном агенте. Вместо романов я предложил им несколько своих памфлетов: «Что такое СБГН», «Пацифистская армия», «Как Ганди шел к

мировой революции». Издателей это не заинтересовало).

В понедельник днем ко мне в гости пожаловал П. (вы его помните, именно он и воспитал из меня лазутчика). С ним были двое незнакомцев (назовем их, пожалуй, Твердый знак и Ы). П. представил их мне как работников ФБР. Все трое долго поздравляли меня с успешно выполненным заданием и выражали сожаление по поводу того, что мы, вероятно, уже никогда не узнаем, кто нанял Тайрона Тен Эйка и кого он хотел устранить. Затем Твердый знак твердо заверил меня, что впредь ФБР больше не будет следить за мной, читать мою почту, прослушивать телефон и выносить мусор, поскольку я доказал свою благонадежность и приверженность гражданскому долгу.

— Думаю, после всего, что вам довелось пережить, ваше мировоззрение очистилось от этой шелухи,— подвел итог Твердый знак.

— Надо полагать,— неуклюже соврал я, потому что мне не хотелось вступать в прения. Я знал, что уже через неделю ФБР опять начнет шпионить за мной (так и случилось. Они потом качали головами и уверяли друг друга, что я — законченный псих).

Ну, а главным итогом всей этой истории стало вот что. Если прежде я едва трепыхался и вел свою работу без души, то теперь моя миротворческая деятельность заблистала всеми гранями. После той ночи в обществе Тайрона Тен Эйка в окрестностях Тарритауна я открыл для себя смысл жизни, проникся чувством долга перед обществом и сознанием необходимости бороться за равенство для всех.

Только дурак может думать, что, если он один раз оступился и изменил своей приверженности милосердию, значит, милосердие как таковое — штука бесполезная и не может служить началом всех начал. Я низко пал, поддавшись злым чарам искусителя, Тайрона Тен Эйка, но теперь снова твердо стою на ногах и, надеюсь, когда-нибудь мне удастся возместить ущерб, причиненный моим отступничеством.

Анджела очень помогает мне. Иногда мы вспоминаем случившееся, когда она чинит мой печатный станок или везет меня в своем «мерседесе» на какую-нибудь мирную

демонстрацию. Она призналась мне, что была рада, когда я напал на ее брата. Оказывается, она была в восторге и даже подбадривала меня возгласами, которых я, правда, не слышал в пылу борьбы. Короче, все медленно, но верно возвращалась на круги своя.

Человек по природе своей жесток, но лишь потому, что он — наполовину животное. Однако пришла пора покончить с жестокостью. И, если это необходимо, стало быть, это возможно.

Ну, ладно, довольно. Во вторник утром, в одиннадцать часов, здание ООН, понятное дело, не взорвалось. Никакого заминированного грузовика возле него и в помине не было. Но зато были мы с Анджелой. Мы вышагивали туда-сюда перед главным входом с лозунгами в руках, пока не появились полицейские. Они отобрали лозунги, затолкали нас на заднее сиденье патрульной машины и отвезли в участок, чтобы взять под стражу за пикетирование без разрешения городских властей.

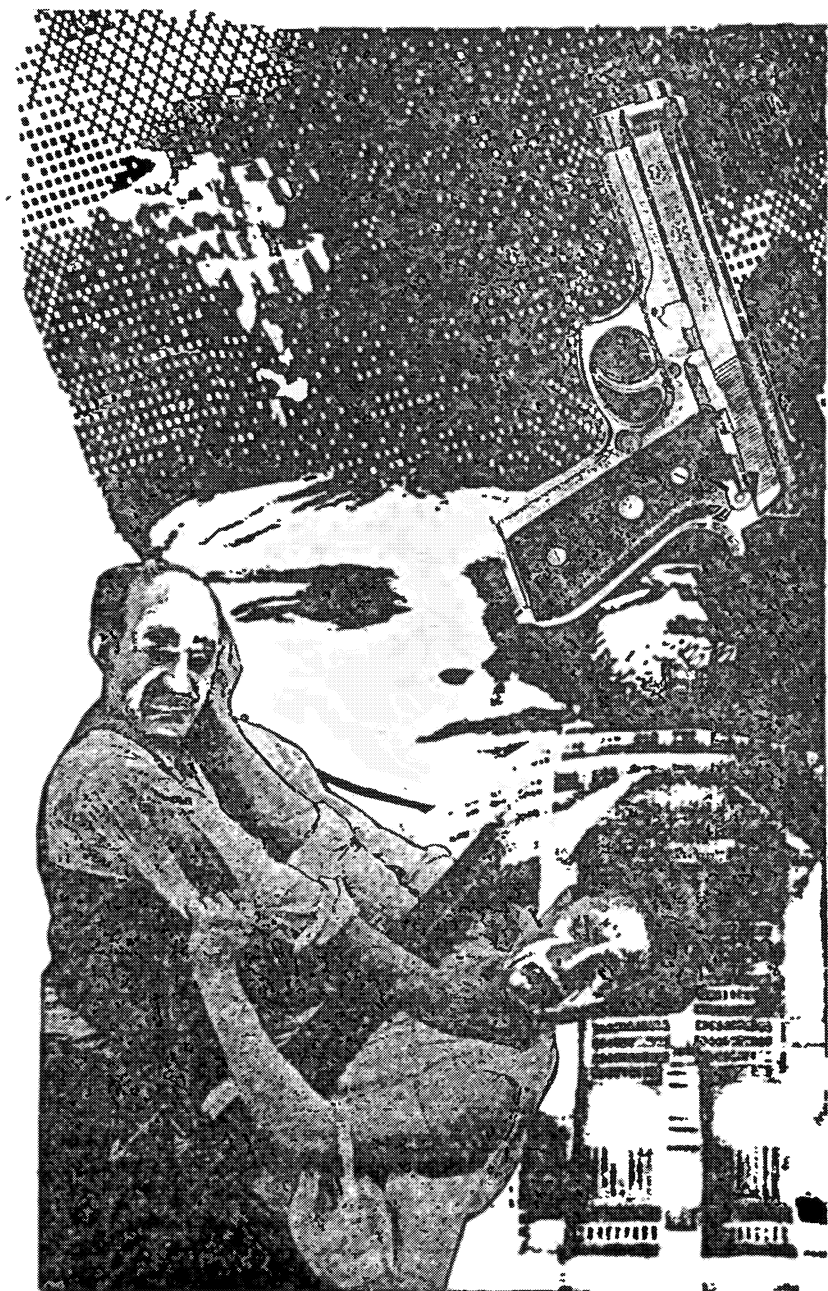
Думаю, вы и сами знаете, что было начертано на наших лозунгах.

«Бомбы — вне закона» — вот что.

(Перевел с англ. А. ШАРОВ)

**ХОЧЕШЬ ЖИТЬ—
НЕ РЫПАЙСЯ**

Р. ТОМАС

Росс Томас

ХОЧЕШЬ ЖИТЬ — НЕ РЫПАЙСЯ

Глава 1

Точно так же меня, наверное, известят о конце света: телефонным звонком в три часа утра. Позвонил, естественно, Ларри Коллэн, страдающий бессонницей, а потому уверенный, что болезнь эта свойственна всем и каждому. Подозреваю, именно Коллэн сообщит мне, как люди дошли до Армагеддона.

Вместо того, чтобы поздороваться или хотя бы извиниться, он спросил в лоб: "Не хотел бы ты пойти работать к человеку, которого более всего боятся в Вашингтоне"?

— Мистер Гувер уже умер, — пробурчал я. — Я говорю про Френка Сайза.

— А-а-а, — протянул я. — Вот ты о ком.

— Что означает твое "вот ты о ком"?

— Ты знаешь Френка Сайза?

— Естественно, я его знаю. Он — мой клиент. А чем он тебе не нравится?

— Во-первых, он много врет.

— Да, конечно, но потом он всегда извиняется. Печатает опровержения.

— "И никому не причинив вреда", — пропел я, возможно и не столь мелодично, как хотелось бы. Все-таки три часа утра.

— Что-что? Чего это ты распелся? Что на тебя нашло?

— Строка из песни. Ничего более.

— Какой песни?

— Боба Хоупа. "Благодарю за воспоминания". Он пел ее Ширли Росс в фильме "Большой спектакль", выпущенном в 1938 году. Думаю, что в тридцать восьмом. Сейчас бы его от этой песни стошнило.

— Это же год твоего рождения. Одна тысяча девятьсот тридцать восьмой.

— Совершенно верно.

— С годами ты не становишься моложе.

— Ларри, ты говоришь о теле, но ведь есть еще и душа.

— Так вот, пора бы тебе подумать о будущем. Если ты начнешь думать о нем сейчас, то у тебя появится много времени для раздумий, когда тебе стукнет пятьдесят и ты будешь стоять на углу с десятью центами в кармане и не зная, где тебе удастся провести ночь.

Ларри Коллэну как раз было пятьдесят, и в Вашингтоне он по праву считался лучшим специалистом по инвестициям. Он знал все великосветские сплетни, а большинство упоминаемых в них лиц ходили в его клинтах. К тому же, на нем остался неизгладимый отпечаток Депрессии. Призрак этого жуткого времени постоянно преследовал его и он обожал пугать всех одинокими пятидесятилетними, что стоят на углах, бренча в кармане жалкой мелочишкой. Иной раз, он добавлял к и без того не радостной картине снег и пронизывающий ветер.

— И кто потребовался Френку Сайзу? — спросил я.

— Репортер, который способен провести самостоятельное расследование.

— Но репортерское расследование — не мой профиль. Я занимаюсь историческими расследованиями.

— Ты ищейка, — возразил Коллэн. Федеральная ищейка, и они даже не определили тебя на постоянную службу. Ты у них консультант.

— Консультант, получающий сто восемь долларов в

день, — напомнил я. — Если говорить о моей работе, то я один из самых сведущих консультантов. Я знаю все, вплоть до Камелота.

— И о Билли Соле Истесе.

— И о делишках "Корпуса мира" в Нигерии. Нам удалось очень ловко их замять.

— За двенадцать лет ты сменил двадцать одну работу.

— То были назначения, Ларри. Я служу лишь когда того пожелает президент.

— Никакой уверенности в завтрашнем дне. Никакой пенсии. Никакой медицинской страховки. Я уж не говорю о том, что твои политические пристрастия оставляют желать лучшего. Ума не приложу, как ты пережил последние три года.

— Секрет прост, — ответил я. — Я просто вырыл те трупы, что ранее помогал зарывать. Те же услуги я смогу оказывать и следующей администрации. Если, конечно, у нас состоятся выборы президента.

— Я думаю, ты должен поговорить с Френком Сайзом.

— А Френк Сайз упоминал о таком пустячке, как деньги?

Коллэн замаялся.

— Видишь ли, я не говорил непосредственно с Френком Сайзом?

— А с кем ты непосредственно говорил?

— С Мэйбл Синджер. Она — личный секретарь Френка. Ты знаешь Мэйбл?

— Да нет, но она упоминала о таком пустячке, как деньги?

— О деньгах — нет, но она упомянула о другом, что должно тебе понравиться.

— Что же это?

— Ты сможешь работать дома.

— То есть не надо никуда приходить в девять, чтобы уйти в пять?

— Совершенно верно.

— Ты увсерен?

— Потому-то я и звоню тебе. Тем самым у тебя по-

явиться время заняться французом, о котором ты постоянно пишешь статьи. Как его звали... Бан...

— Бонневилль, — подсказал я.

— Правильно, Бонневилль. Он уже умер, не так ли?

— Да, лет сто тому назад.

Глава 2

В конце одна тысяча девятьсот пятьдесят девятого года я подумывал о том, чтобы написать докторскую диссертацию на историческом факультете Колорадского университета, когда Бобби Кеннеди ураганом промчался по западным штатам в поисках людей, желавших помочь его брату стать следующим президентом Соединенных Штатов Америки. В двадцать один год я считался убежденным социалистом, что, однако, не мешало мне создать организацию "Студенты-республиканцы за Кеннеди". Мы, разумеется, старались изо всех сил, но, несмотря на все наши усилия, на выборах шестидесятого года соперник Кеннеди победил в Колорадо с перевесом в шестьдесят две тысячи голосов. Теперь я, естественно, не социалист. Десять с лишним лет, проведенные на государственной службе, превратили меня в анархиста.

Но братья Кеннеди не забыли про меня и пригласили в Вашингтон. Когда я прибыл туда в начале февраля шестидесят первого года, никто не знал, чем меня занять, а потому я получил должность консультанта с ежедневным жалованием в пятьдесят долларов при государственной конторе, называющейся "Продовольствие для мира" и разместившейся в старом Эгзекьютив-Офис-Билдинг, совсем рядом с Белым домом. Возглавил ее молодой экс-конгрессмен Джордж Макговерн. Он, впрочем, тоже не знал, чем меня занять.

Но в конце концов моих начальников осенило. Раз я историк, следовательно, кому как не мне писать исторический отчет о плавании первого корабля с продовольствием для мира, отвалившего под фанфары от пристани в Балтиморе с тем, чтобы это продовольствие

попало в желудки людей, кого сердце и ум привели на сторону Демократии. Полагаю, в шестьдесят первом году все мы были немного наивны.

Первая партия продовольствия, состоявшая из трехсот тонн пшеницы, предназначалась для желудков граждан одной западноафриканской страны, только что освободившейся от двухсотлетнего колониального правления англичан. Треть зерна исчезла на черном рынке в день разгрузки. Остальная пшеница тоже исчезла, с тем, чтобы через несколько недель обнаружиться в трюмах голландского сухогруза, плавающего под либерийским флагом, когда тот ошвартовался в Марселе.

А спустя еще шесть недель отборные элитные соединения армии этой обретшей независимость африканской страны показали, что они весьма умело пользуются новенькими, изготовленными во Франции автоматами МАТ-49, стреляющими патронами калибра девять миллиметров. Ко мне в руки попали отличные фотографии, запечатлевшие их в деле, которыми я украсил свой сто двадцати страничный отчет, озаглавленный:

"КУДА УШЛО ЗЕРНО, ИЛИ СКОЛЬКО ПАТРОНОВ КАЛИБРА ДЕВЯТЬ МИЛЛИМЕТРОВ В БУШЕЛЕ".

Вслед за этим я стал неофициальным экспертом по корыстолюбию и коррупции, всегда временно приписанным к одному или другому федеральному учреждению, попавшему в зону повышенного внимания. Обычно я два-три месяца копался в бумагах и задавал вопросы, суровый и таинственный. Потом писал длинный отчет, в котором излагалась довольно-таки грязная история о жадности и склонности к взяткам одних, кто продал что-либо государству, и об алчности других, покупавших это что-то от лица государства.

И почти всегда моим отчетам не давали хода, пока кто-то другой не наводил порядка в проинспектированном мною учреждении, дабы упрятать все концы в воду. Те же мои отчеты, что сумели увидеть свет, становились причиной громких скандалов. Тут можно вспомнить о деле короля орехового масла. Или о том, как писаки с Мэдисон-авеню растерзали Управление эконо-

мических возможностей. А началось все с моего отчета:

**"ИЩИТЕ БЕДНОСТЬ ТАМ,
ГДЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ДЕНЬГИ".**

Республиканцы, похоже, оставили меня, как ширму. Когда они вновь пришли к власти в одна тысяча девятьсот шестьдесят девятом году, меня тотчас же вызвали в старый Эгзекутив-Офис-Билдинг, в тот самый кабинет, в котором восемью годами все и началось. Другой экс-конгрессмен, фамилии которого я теперь и не вспомню, сообщил мне, что я могу служить в прежнем качестве, хотя потребность в моих услугах, скорее всего, не возникнет, поскольку новая администрация намерена быть "чистой, как... э... м-м..."

— Собачий зуб, — подсказал я.

— Именно так — кивнул экс-конгрессмен.

Я остался, и вновь меня перекидывали из управления в департамент, где я находил ровно столько же коррупции и корыстолюбия, что и при прежней администрации.

Но сзидать мне приходилось меньше, гораздо меньше, и большинство суббот я проводил в библиотеке Конгресса в компании капитана Бенжамина Луи Элалье Бонневилля, офицера седьмой пехотной дивизии армии Соединенных Штатов Америки, выпускника академии в Уэст-Пойнте, протеже Тома Пейна, друга Вашингтона Ирвинга, и, подозреваю, тайного агента военного министра.

Я подбирал материалы о капитане (позднее, генерале) Бонневилле, которые собирался обобщить в докторской диссертации, когда братья Кеннеди вызвали меня к себе. Еще тогда я пытался разыскать его дневник, в свое время попавший к Вашингтону Ирвингу, а теперь, по прошествии более чем десяти лет, я полагал, что значительно приблизился к желанной цели. Особой значимости мои поиски не имели. Во всяком случае, для Бонневилля. В его честь уже назвали дамбу и какие-то солончаки. А также один из "понтиаков". Он жив в памяти народной.

Но я все еще мечтал о том, что защиту диссертации

цию, а затем, став доктором, определюсь в какой-нибудь новообразовавшийся колледж, где время остановилось, где студенты носят короткие стрижки и все ездят на автомобилях с откидывающимся верхом, а волнует их лишь одно: поставит ли старый профессор Моррисон зачет по химии Джону Бумеру, чтобы тот мог выйти на поле в следующем матче Студенческой футбольной лиги?

Я лелеял эту фантазию как антидот к тем ядовитым испарениям, что мне приходилось вдыхать в Великом болоте Бамбузлемент, по которому я блуждал последние десять-одиннадцать лет. Мне требовалось время, чтобы закончить диссертацию и, ежели Френк Сайз хотел, чтобы я работал дома, я соглашался отплатить за его доброту кражей оплаченного им времени. Многолетняя работа на федеральное правительство привела к тому, что в вопросах морали я все более часто склонялся к компромиссу.

- За ленчем, который Френк Сайз оплачивал мне и его секретарю, Мэйбл Синджер, я рассказывал ему о том, какой я хороший, не упоминая, разумеется о моем намерении использовать отведенное для работы время на собственные нужды. Сидели мы в ресторане Пола Янга на Коннектикут-авеню.

Той весной Сайзу должно было исполниться сорок шесть.

Ему принадлежала колонка, семь дней в неделю появлявшаяся в восьми с половиной сотен газет США, Канады, и, насколько я знал, остального мира. Колонка эта отличалась особым стилем и ему, как я понимаю, хотелось, чтобы она напоминала громовые раскаты, исходящие из Вашингтона. Но если она что-то и напоминала, так кудахтанье курицы, обнаружившей лису в непосредственной близости от курятника. Однако, одним абзацем колонка могла погубить репутацию человека, и ее не без оснований называли причиной двух самоубийств.

Во внешности человека, которого боялся весь Вашингтон, не было ничего страшного. За исключением

глаз, лицо у него ничем не отличалось от тех, что можно увидеть за ленчем в любом ресторане. Широкий, всегда готовый улыбнуться рот, крупная нижняя челюсть, толстые щеки, нос на удивление тонкий и, наконец, маленькие аккуратные уши под венчиком волос.

О теле лучше не говорить: что-то большое, жирное, бесформенное, со свисающим на ремень животом. А вот стоило посмотреть Сайзу в глаза, так живот сразу забывался. Так же, как и лысина. Или сутулая спина и пухлые руки. Если презрение характеризовалось бы цветом, но оно имело тот же оттенок серого, что и глаза Сайза, холодные, колкие, этаким серым полированный гранит, блестящий от зимнего дождя. То были глаза, которые оценили стоимость мира и нашли, что место это дешевое, да еще заселено жильцами, которые никогда не оплачивают квартиры в срок.

— Да, веселенькое у вас было время, — Сайз отправил в рот большой кусок картофеля. У меня начались голодные рези. Я не ел картофель уже три года. В отличие от Сайза, я заботился о своей фигуре.

— Бывало по всякому, — ответил я. — К примеру, я много поездил по свету, — мой ленч состоял из овощного салата и бокала "мартини". Я все гадал, стоит ли просить второй бокал при первой встрече с потенциальным работодателем. Сайз, похоже, не жаловал спиртного. К счастью, Мэйбл Синджер составила мне компанию.

— Я, пожалуй, повторю, — пришла она мне на помощь. — Хотите еще "мартини"?

— Конечно, хочет, — ответил за меня Сайз. — Вы же иной раз употребляете, не так ли, мистер Лукас?

— Случается.

— Заказывайте напитки, Мэйбл, а потом передайте мне те материалы, что вы принесли с собой.

Тот, кто пишет колонку, которую, пролистав спортивные страницы, читает половина страны, может не беспокоиться о качестве ресторанного обслуживания. Мэйбл не успела поднять голову, как рядом с ней возник официант, всем своим видом показывая, сколь он

рад обслужить дорогого гостя. Она заказала себе "манхаттан", мне — "мартини", затем достала узкий кожаный брифкейс, вынула из него папку в светло-желтых "корочках" и протянула Сайзу.

— Как к вам обычно обращаются, мистер Лукас? — спросил Сайз.

— Мистер Лукас.

— Я хочу сказать, они не называют вас Декатар, не так ли?

— Мама называла. Остальные в большинстве своем зовут меня Дек.

— Как студенческое общество, — вставила Мэйбл Синджер. — Когда я училась в университете Огайо, я входила в Дек. Держу пари, сейчас ничего такого уже нет. Господи, как давно это было.

Я предположил, что было это лет шестнадцать тому назад. Мэйбл Синджер и тогда отличалась крупными габаритами, умом и любила поразвлечься, но обычно оставалась без парня на уик-энд, если только ее подругам не удавалось упросить кого-нибудь из баскетболистов взять ее с собой. В свои тридцать семь или тридцать восемь она по-прежнему оставалась мисс Синджер и, считалась лучшим секретарем Вашингтона и самым высокооплачиваемым. Я знал, что высшие государственные чиновники не смогли нанять ее (не хватало денег), хотя такие попытки предпринимались неоднократно.

— Итак, вы думаете, что могли бы работать на нас? — спросил Сайз, не спеша просматривая содержимое папки, переданной ему Мэйбл Синджер?

— Не знаю. Мы еще не обговорили мое вознаграждение.

— Дойдем и до этого, — покивал Сайз. — Тут написано, что вам тридцать пять, вы разведены, ваша жена вновь вышла замуж, детей у вас нет, в долги вы не влезли, ваши соседи думают, что вы слишком много пьете, в вопросах морали вы можете и подвинуться, да еще принадлежите к таким странным организациям, как "Флейта Сакко и Ванцетти" и "Общество боевого горна".

- И где это все написано? — полюбопытствовал я.
- Вот здесь, — Сайз постучал пальцем по желтоватым "корочкам".
- А что это, черт побери?
- Ваше фэ-бэ-эровское досье.
- Дерьмо.
- Вы удивлены, что оно попало ко мне?
- Я покачал головой.
- Нет. При ваших связях в этом нет ничего удивительного.
- Вам оно не очень-то нравится, не так ли?
- Оно мне совсем не нравится. ФБР собирает всяческий мусор. Не сортирует, а просто собирает, и он лежит, пока не начинает вонять.
- Согласен, — кивнул Сайз. — В своей колонке я именно так и писал. Не единожды. Но, нанимая кого-либо на работу, я пользуюсь досье ФБР. Экономлю время и деньги. На рекомендации я не полагаюсь. Ссылаются обычно лишь на тех, кто может сказать только хорошее, не так ли?
- Скорее всего, вы правы.
- Потому-то я и предпочитаю досье ФБР.
- Вы можете получить досье на любого человека?
- Практически на любого.
- Иногда оно может прийтись как нельзя кстати.
- Я не беру их домой, чтобы читать на сон грядущий, как Линдон Джонсон. И использую досье лишь когда, по моему мнению, полученные мною материалы подтверждают содержащиеся в нем сведения.
- По вашему, значит, мнению.
- Вы не считаете его безошибочным. Я про мое мнение.
- Все ошибаются, знаете ли.
- А вы?
- Я тоже.
- Но на свое мнение вы полагаетесь?
- Разумеется. А как же иначе?
- Вот-вот, — опять покивал Сайз. — именно так я и зарабатываю на жизнь. Полагаясь на свое мнение.

Официант принес полные бокалы, и он ополовинил свой, прежде чем мы углубились в этическую сторону моей будущей работы. Я не уверен, что Френк Сайз понимал, о чем, собственно, речь. Вполне возможно, не понимал этого и я.

— Почему бы тебе не сказать, что от него потребуются? — перевела разговор в деловое русло Мэйбл. — Для этого ты и пригласил его на ленч.

Френк Сайз улыбнулся. То была улыбка девятилетнего проказника, прилепленная к обрюзгшему лицу мужчины среднего возраста. Пожалуй, она бы порадовала собеседника, если бы не глаза. Глаза сводили радость на нет.

— Хорошо. Начнем с денег. Вы не возражаете, Дек?

— Деньги — моя любимая тема, — ответил я, прикидывая, во сколь долларов обойдется мне столь быстрый переход на имена.

— Я буду платить вам двадцать две тысячи в год, примерно столько же, сколько получают репортеры первой величины.

— Я — историк первой величины и зарабатываю двадцать восемь тысяч в год.

— Я знаю, сколько вы зарабатываете, — Сайз дернулся. — Я не могу платить вам двадцать восемь тысяч. Но могу подбросить дополнительные льготы, которых у вас сейчас нет. Пенсионный полис, по которому не нужно делать взносы. Когда-нибудь вам понадобится пенсия, не так ли?

— Ларри Коллэн постоянно твердит об этом.

— Наш общий друг, — кивнул Сайз. — Кстати, он мне с этим помог. Он говорит, что такому, как вы, этот полис стоил бы две тысячи долларов в год.

— Что еще вы припасли для меня?

— Долю в прибыли, — он посмотрел на Мэйбл Синджер. — Сколько ты получила в прошлом году?

— Около двух тысяч. Может, чуть больше.

— Ясно. Это уже четыре тысячи. Медицинская страховка. Самая лучшая, поскольку плачу за нее я. Вам она обходилась бы в тридцать или сорок дол-

ларов ежемесячно. Это еще четыре сотни за год.

— Вы меня заинтересовали, — признался я.

— Премии, — продолжал Сайз. — Я не плачу ежегодную премию за хорошую работу. Я жду от моих сотрудников хорошей работы. Но я даю премию тем, что найдут нечто из ряда вон выходящее. И премия будет не-маленькая.

— Нельзя ли поконкретнее?

— Ее хватит, чтобы хорошее настроение продержалось не меньше недели.

— Мы все — одна счастливая семья, — вставила Мэйбл.

— Поем и смеемся, как дети, — подтвердил Сайз. — Нас очень мало. Шесть репортеров, Мэйбл и я. Бухгалтеров и адвокатов я подключаю лишь по необходимости. Сотрудники должны придерживаться двух правил, с которыми я ознакомлю вас прямо сейчас. Во-первых, я не принимаю оправданий. Причины — да. Но от оправданий меня тошнит. Во-вторых, увольняю я сразу, не оплачивая ни месяц отработки, ни неделю, ни день, ни даже минуту. И вы можете уйти, когда пожелаете. Некоторые что-то там бубнят о гарантиях наемного труда, но у меня подход другой. Если человек хорошо работает, надо быть дураком, чтобы уволить его. Если же работает он плохо, надо быть еще глупее, чтобы продолжать платить ему жалование. Посредственные работники меня не волнуют. Таких я не держу вовсе.

— И чем мне придется заниматься, если я соглашусь работать у вас?

— Углубленной разработкой затронутых мною тем. Часто бывает, что до меня доходит какой-то слух. Я начинаю его проверять, даю колонку или две. Возможно, даже три-четыре, а потом ставлю точку. Но использованные мною материалы лишь вершина айсберга. Из таких историй можно выудить больше, гораздо больше, но случается что-то еще, и я должен менять пластинку. Конкуренция в моем бизнесе жестокая, а колонка должна выходить и покупаться семь дней в неделю, триста шестьдесят пять дней в году. Вот я и

хочу, чтобы вы порылись в тех историях, к которым я только прикоснулся. И порылись основательно. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

— Мне приходилось этим заниматься.

— Да, я видел некоторые ваши отчеты.

— Я помню один, в который вам удалось заглянуть. На нем не было живого места от штампов "Совершенно секретно", и министерство юстиции все хотело узнать, а где вы почерпнули эту информацию.

Сайз усмехнулся.

— Может, мне следовало сослаться на вас.

— Может, и следовало.

— Так вот, историй, которые я имею в виду, требуют много времени и усилий, больше, чем мы, я о себе и своих сотрудниках, можем им уделить, выпуская колонку семь дней в неделю, — он, судя по всему, сравнивал свою колонку с бездонной бочкой. И, возможно, не грешил против истины. — Вас это интересует?

Я допил "мартини". В действительности ты хочешь знать, подумал я, помогу ли я тебе получить Пулитцеровскую премию. Трижды Френк Сайз выдвигался на нее и трижды его прокатывали. Вероятно, судьи видели в колонке Сайза больше коварства, чем журналистского мастерства. А может, не считали полуночные встречи в занюханных барах и переснятые документы элементами творческого процесса. Но, скорее всего, судей воротило от методов, к которым прибегал Сайз, чтобы добыть нужную ему информацию. Потому что, если ничего другое не проходило, Френк Сайз воровал то, что ему требовалось. Или платил деньги вора.

— Интересует, — кивнул я.

— Когда вы сможете начать?

Я на мгновение задумался.

— На следующей недели. Они с радостью отпустят меня.

— Мы можем даже упомянуть об этом в колонке, — заметил Сайз.

— Вы можете также подписать со мной контракт.

— Что я тебе говорил, Мэйбл? — Сайз повернулся

к секретарю. — Это наш человек.

Мэйбл Синджер кивнула.

— Я позабочусь, чтобы он сегодня же получил его.

— А почему бы вам не пройти с нами в контору? — предложил Сайз. — Вы сможете дать Мэйбл необходимые для контракта сведения, номер службы социального обеспечения и все такое, а я познакомлю вас с материалами по той истории, над которой вам придется поработать.

— И чья же эта история?

— Бывшего сенатора Эймса.

— О Господи.

— Это вы к чему?

— Да так, вырвалось. Но я не думаю, что человека можно распыть дважды.

Сайз широко улыбнулся.

— Полагаю, вас ждет сюрприз.

Глава 3

Страдания сенатора Роберта Эф. Эймса, демократа от штата Индиана, начались примерно семь месяцев тому назад, когда в один из дождливых осенних дней он поднялся на трибуну Сената и произнес для четырех находящихся в зале скучающих сенаторов длинную (тридцать восемь минут), пламенную речь о том, как всем будет хорошо, если многоотраслевой спрут "Анакостия корпорейшн" проглотит еще одну жертву, зовущуюся "Саут плейнс компани".

На следующий день лоббистская фирма авиапочтой разостлала всем акционерам ксерокопии речи сенатора, напечатанной в "Вестнике Конгресса". Пятнадцать дней спустя "Анакостия корпорейшн" проглотила "Саут плейнс компани", даже не поперхнувшись.

А на Рождество Френк Сайз в своей колонке сообщил, что располагает неопровержимыми доказательствами того, что сенатор из Индианы получил за свою речь пятьдесят тысяч долларов от вашингтонской лоббистской фирмы. Сайз назвал эти деньги взяткой и зая-

вил, что у него есть номера некоторых стодолларовых банкнот, что перешли от фирмы к сенатору. Он написал, что проследил путь по меньшей мере двадцати из них, от "Ригтз бэнк", где хранила деньги лоббистская фирма, до личного счета сенатора в "Первом национальном банке Вашингтона". Куда делись остальные деньги, осталось загадкой.

Другие газеты и информационные агентства послали по следу своих репортеров. Они покопались в сделке между "Анакостия корпорейшн" и "Саут плейнс компани" и выяснили, что последняя сама же и заплатила за свое поглощение, так что в убытке остались все ее акционеры, за исключением нескольких, самых крупных.

Скандал набирал обороты, и в январе, когда Конгресс собрался после каникул, сенаторы с неохотой решили создать комиссию, дабы расследовать действия одного из своих коллег. Была назначена дата слушаний, но сенатор Роберт Эф. Эймс подал в отставку, не дожидаясь их начала. Пару недель спустя министерство юстиции заявило, что имеющихся в его распоряжении материалов недостаточно для возбуждения уголовного дела. Еще через два дня сенатор Эймс оставил свою жену-миллионершу и поселился с двадцатисемилетней блондинкой, сотрудницей лоббистской фирмы, которая вроде бы и передала ему взятку. Сенатору только-только стукнуло пятьдесят два.

— Он мертв, — я закрыл досье. — Его просто забыли похоронить.

Сайз покачал головой.

— Совсем нет.

— Почему?

— Во-первых, почему он взял эти пятьдесят тысяч? У него были деньги. Жена подарила ему миллион на со-рокалетие.

— Может, он его потратил?

— Что-то и потратил, но далеко не все. Если он не нуждался в деньгах, зачем ему взятка?

— Может, он ее не брал.

— Ерунда, — отрезал Сайз. — Взял.

Я оглядел кабинет Сайза. Не скажешь, что принадлежал он знаменитости национального масштаба, человеку, который берет три тысячи долларов за выступление, если у него находится для этого время. Контора его располагалась на Пенсильвания-авеню, в квартале от Белого дома, на шестом этаже довольно-таки нового здания. Мэйбл Синджер хозяйничала в приемной.

Левая дверь вела в комнату, где трудилась шестерка репортеров. Вторая, за ее спиной — в кабинет Сайза, устланный зеленым синтетическим ковром. Перед столом стояли шесть стульев с обивкой из зеленой синтетики, на одном из которых я и сидел. Обстановку дополняли зеленые занавески да механическая пишущая машинка на отдельном столике. Ничего болес. Стены не украшали фотографии Сайза и его знакомых президентов.

Я встал.

— Понятно. Вы хотите знать все, от начала и до конца.

— Совершенно верно.

— Сколько времени в моем распоряжении?

Он пожал плечами.

— Сколько потребуется.

— А если я ничего не найду?

— Найдете. Вы забыли, что я никогда не ошибаюсь.

— Вы правы. Забыл. Я могу работать дома?

— Если хотите, мы поставим вам стол, — он кивнул в сторону комнаты, где работали репортеры.

— Нет, благодарю.

— Есть еще вопросы?

— Только один. Когда у вас получают жалованье?

— Каждые две недели.

— Отлично. В день выплаты и увидимся.

Три недели спустя телефон зазвонил в тот самый момент, когда Мартин Рутефорд Хилл, сощурившись и с улыбкой на мокрых розовых губах, тщательно прицелился и вывалил миску с овсянкой на Глупыша, моего кота. Глупыш, пятилетний, пятнадцатифунтовый буту-

зер, лизнул овсянку, понял, что она ему не по нутру, прыгнул на высокий стульчик, на котором сидел двухлетний Мартин Рутефорд Хилл, и шлепнул его лапой по носу. Ребенок завопил. Глупыш плотоядно ухмыльнулся, прыгнул со стульчика и ретировался в гостиную, клацая когтями по линольному кухни. Тем и завершилась очередная стычка в войне, где не могло быть победителей.

Я сложил "Вашингтон пост", посмотрел в потолок, крикнул отсутствующей мамаше: "Возьмешь ты, наконец, этого паршивца"! К Мартину Рутефорду Хиллу я обратился с другими словами:

— Замолчи! Тебе же не больно!

Ребенок продолжал вопить и бросил в меня пластиковой ложкой, когда я взялся за трубку настенного телефона.

— Слушаю.

— Мистер Лукас? — женский голос.

— Да.

— В конторе Френка Сайза мне дали ваш домашний номер, — голос молодой, решил я, его обладательнице никак не больше двадцати пяти.

— Чем я могу вам помочь?

— Меня зовут Каролин Эймс. Я дочь Роберта Эймса.

— Слушаю вас, мисс Эймс.

— Вы всех расспрашиваете о моем отце, — она не обвиняла меня, лишь констатировала факты. Возможно, тем же тоном она сообщила бы кому-либо о смерти ее любимого щенка.

— Да, задаю разные вопросы. Кстати, мне есть что спросить и у вас.

Последовала короткая пауза.

— Вы — честный человек, мистер Лукас?

— Стараюсь быть им, — теперь паузу пришлось выдерживать мне. Пришлось подумать, прежде чем ответить на этот вопрос, поскольку ранее меня об этом не спрашивали.

— Если вы получите материалы, раскрывающие правду о моем отце, вы их используете в своей работе?

- Да, — тут уж я не колебался. — Несомненно.
- А Френк Сайз их опубликует?
- Да, я уверен в этом практически на сто процентов.
- Даже, если они докажут, что он солгал?
- Вы имеете в виду Сайза?
- Да.
- Обычно он признается, если в чем-то дал маху.

Причем делает это даже с радостью.

- В данном случае никакой радостью и не пахнет.
- Это точно.

Вновь она помолчала, а заговорила уже другим тоном, словно читая по бумажке или повторяя заученный текст.

— У меня есть информация, доказывающая, что мой отец стал жертвой обстоятельств. Пленки, документы, мои показания на пятидесяти страницах. Для того, чтобы смыть пятно с честного имени моего отца и возложить вину на тех, кто того заслуживает, я готова передать эти материалы вам, в три часа дня.

Она записывает наш разговор, догадался я, а потому постарался не говорить лишнего.

— Я готов взять у вас эти материалы. Где мы встретимся?

Она назвала уличное кафе на Коннектикут-авеню, недалеко от отеля "Шорхэм".

— На улице? — уточнил я.

— Да, на улице. Я хочу, чтобы вокруг было много людей.

— Как я вас узнаю?

Она коротко описала себя и добавила: "Я буду с зеленым "дипломатом", — после чего повесила трубку.

К тому времени уже появилась отсутствовавшая мамаша и теперь она убирала овсянку, вываленную Мартином Рутефордом Хиллом на пол. Малыш с интересом наблюдал за телодвижениями Сары Хилл, а когда она закончила и поднялась, улыбнулся, сказав: "Глок".

— С "глоком" разберемся позднее, — она посмотрела на меня. — Кто победил, этот чертов ребенок или тот чертов кот?

— Я зафиксировал ничью.
— Он хоть съел большую часть овсянки.
— И не расстался бы с остальным, если б был голоден.

— Хочешь еще кофе? — спросила она.
— Не откажусь.

Сара наполнила мою чашку, налила кофе и себе. Села за круглый кухонный столик, держа чашку обеими руками, и уставилась на сад, начинающийся за большими стеклянными дверями. Садам занималась только она, и там уже цвели кизил и азалии. Потом должен был прийти черед роз и жонкилий. Траве в саду места не нашлось, Сара отдавала предпочтение цветам и кустам, меж которыми неторопливо виляла выложенная кирпичами дорожка. Три старых ели обеспечивали тень.

— Алтей розовый, — вырвалось у Сары. Я повернулся к стеклянным дверям.

— Где?
— В углу у кизила.
— Ты права. Ему там самое место.
— В них можно ловить пчел?
— В цветках алтея?

Она кивнула.

— Зажать лепестки и слушать, как они жужжат внутри. — А что потом?

— Полагаю, выпустить их. Впрочем, мой брат давил их ногой.

— Я всегда думал, что он очень злобный тип.

Сара Хилл и я жили вместе чуть больше года. Познакомились мы в один из субботних дней в библиотеке Конгресса и я пригласил ее к себе, пропустить стаканчик, а потом она осталась, на следующей неделе перевезя свои книги, ребенка и фотокамеры. Без особого обсуждения мы разделили домашние обязанности: она занималась садом и прибиралась по дому, а я готовил ужин, если она давала понять, что ей заниматься этим не хочется. Я также ходил за покупками, пока она не поняла, что толку от меня мало. Я покупал не то, что нужно, а что захочется.

Сара была фотографом, специализирующимся на так называемых неформальных портретах. Ее услуги находили спрос у многих организаций, расположенных в Вашингтоне, которым для рекламы требовались фотографии чиновников и членов совета директоров. И зачастую, используя лишь старенькую "лейку", Сара создавала удивительные портреты, на которых мужчины и женщины средних лет, ворочающие многомиллионными суммами, выглядели мудрыми, добрыми и человечными. Она настояла на том, чтобы ежемесячно вносить двести долларов на домашние расходы. Я относил их в банк и клал на накопительный счет Мартина Рутефорда Хилла.

Ладили мы неплохо и питали друг к другу самые теплые чувства. Возможно, я даже немного влюбился в нее, а она — в меня. Но после неудачных опытов семейной жизни, как с ее, так и с моей стороны, мы теперь понимали, что проверить любовь можно только временем.

- Кто звонил? — спросила Сара.
- Дочь сенатора.
- Сможем мы купить его в субботу?
- Кого, его?
- Алтей.
- Да, думаю, что да.
- Я не думаю, что он это сделал.
- Кто?
- Сенатор Эймс.
- Ты полагаешь, он не брал взятки?
- Да.
- Почему?

Сара послонявила бумажную салфетку и вытерла засохшую овсянку со щечек сына. Ребенок радостно улыбнулся

- Грап.
- Сара скорчила гримаску.
- Он хихикнул.
- Гру-у-у.
- Сара вновь скорчила гримаску.

— Он не похож на человека, который берет взятки. У него такая мечтательная внешность, с вьющимися седыми волосами, карими глазами. Я не могу поверить, что он мог пойти на такое.

— Потому что у него карие глаза?

— Потому что у его жены есть деньги, дурачок. Она стоит восемьдесят миллионов.

— Скорее, восемнадцать, — я посмотрел на часы. — Пожалуй, мне пора.

— В библиотеку?

— Да.

— Ты возьмешь машину?

— Я вернусь и возьму ее позже.

Двухэтажный кирпичный дом, в котором мы жили с Сарой, находился в юго-восточной части Четвертой улицы. Построили его лет восемьдесят тому назад, недалеко от библиотеки Конгресса и совсем рядом с тем домом, в котором родился Эдгар Гувер.

Пять лет тому назад его купил и полностью перестроил богатый молодой конгрессмен из Сан-Франциско, полагавший, что избирателям понравится его решение поселиться в районе со смешанным населением.

Однако избиратели, главным образом черные, похоже, не придали особого значения местоположению вашингтонского жилища конгрессмена, потому что на следующих выборах победу праздновал его соперник. Поэтому мне экс-конгрессмен сдал дом в аренду буквально за гроши с одним условием: — Я съеду через месяц после его переизбрания. Я прожил в доме три года, а судя по тому, каким провалом завершилась последняя избирательная кампания экс-конгрессмена, я мог еще долго не беспокоиться о переезде.

— Ты вернешься к ленчу? — Сара встала, взяла со стола кофейные чашечки.

Поднялся и я.

— Нет. Скорее всего, перескучу где-нибудь в центре. А что наметила на сегодня ты?

Сара повернулась ко мне, на ее губах заиграла

загадочная улыбка.

— О, мой день расписан по минутам и заполнен восхитительными событиями, которые обогатят меня как духовно, так и физически. К примеру, мой сын и я должны побывать в одном из магазинов соседнего дружеского гетто, где нас обсчитают примерно на пять процентов при покупке деликатесов, которые ты приготовишь сегодня на ужин.

— А что мы будем есть на ужин? — полюбопытствовал я.

— Телячьи отбивные.

— Это хорошо.

— А собеседниками у меня будут двухлетний мальчик, разговаривающий на незнакомом мне языке, да миссис Хэтчер, живущая в соседнем доме, которая обычно желает узнать, а не одолжу ли я ей чашку джина. Но гвоздем этого дня станет замена туалетного ящика Глупыша, дабы он мог какать и писать со всеми удобствами. Потом же я намереваюсь найти кавалера, который внесет свежую струю в мою жизнь, к примеру, предложит прокатиться до Балтимора в ближайшее воскресенье. Я кивнул.

— Интересно, что она припасла.

— Кто?

— Дочь Эймса.

— А-а-а.

Ростом я повыше шести футов, но мне не приходится сильно нагибаться, чтобы поцеловать Сару, поскольку она ниже меня лишь на три — три с половиной дюйма. И лицо у нее запоминающееся, с выступающими скулами и чуть запавшими щеками. Да еще широко посаженные зеленые глаза и длинные, до пояса, иссиня-черные волосы. Индейские волосы, обычно называет их она, добавляя что она на четверть чоктау, хотя на самом деле в ней одна тридцать вторая индейской крови.

— М-м-м, — я крепко прижал ее к себе. — От тебя вкусно пахнет.

— Ты не слушал, что я тебе говорила, так?

— Наоборот, слушал очень внимательно. Ты соби-

раешься найти кавалера, который заменит туалетный ящик Глупыша.

Глава 4

Дочь сенатора опаздывала, опаздывала уже на двадцать четыре минуты, отчего во мне проснулась учительская струнка, и я начал думать о безответственности молодого поколения. Но мне не оставалось ничего другого, как ждать да формулировать шпильки, которые никогда не слетели бы с моего языка. Во всяком случае, в ее присутствии.

Она нарисовалась в три часа двадцать пять минут пополудни, в полуквартале от кафе, на восточной стороне Коннектикут-авеню. Глядя прямо перед собой, расправив грудь, она торопливо перебирала ножками, всем своим видом показывая, что ужасно спешит.

Когда нас разделяло чуть меньше пятидесяти футов, я уже мог сказать, что полученное мной описание практически полностью соответствовало оригиналу. Высокого роста, пять футов девять дюймов, светлые волосы, темно-бежевый брючный костюм, пояс с большой пряжкой. Сумочка из бежевой кожи на левом плече, зеленый "дипломат" в правой.

Она лишь забыла упомянуть о том, что она красавица. Как и о том, что майское солнце превращает ее волосы в золотую корону. Она сказала, что будет в больших круглых очках, но почему-то не надела их. Короче, удостоверившись, что эта она, я забыл про шпильки и начал гадать, какого цвета у нее глаза, карие, синие, а может и зеленые.

Я этого так и не выяснил. Расстояние между нами сократилось еще на десять футов, когда раздался резкий хлопок, более глухой, чем пистолетный выстрел, и зеленый "дипломат" исчез. Только что он был, и вдруг пропал. Волосы из золотых стали огненными, да и всю ее охватили языки пламени.

Она дернулась, вскрикнула, один раз, хотя крик этот я слышу до сих пор. Бросилась к мостовой, словно на-

деялась, что поток транспорта охладит ее. Но через пару шагов рухнула на тротуар, где и умерла, превратившись в большой обугленный, но еще дымящийся пень.

Послышались громкие крики, вопли, ахи, продолжавшиеся до тех пор, пока какой-то сообразительный седовласый мужчина не сдернул с плеч пиджак и не начал сбивать им язычки пламени, которые и так начали гаснуть. Мужчина махал и махал пиджаком, когда пламя уже исчезло.

Движения мужчины замедлились, наконец, он застыл, из его глаз потекли слезы. Он посмотрел на пиджак, затем присел, и прикрыл им голову и плечи девушки. Поднялся, наклонился вновь, чтобы достать из внутреннего кармана бумажник. Постоял, с катящимися по щекам слезами, глядя на девушку. Затем огляделся и задал риторический вопрос: "Куда же мы катимся, черт побери"? Ответить ему никто не смог, а потому он повернулся и, проложив путь сквозь собравшуюся толпу, побрел прочь.

Я медленно поднялся из-за столика уличного кафе.

Вытащил из кармана брюк долларовую купюру и подложил ее под стакан чая со льдом. Заметил, что руки у меня дрожат, и сунул их в карманы пиджака. Обогнул толпу, окружившую мертвую девушку. Не знаю почему, но до стоянки я не добежал, а дошел прогулочным шагом.

— Какая у вас машина? — служитель вставил корешок моей квитанции в таймер.

— Коричневый "пинто".

— Один доллар. Что там случилось? — он указал на толпу. — Не знаю.

Мне с трудом удалось вырваться на Коннектикут-авеню.

Водители притормаживали, поравнявшись с толпой, и образовалась солидная пробка. Послышался вой полицейской сирены, нараставший с каждой секундой.

Ожидая, пока между машинами появится зазор, я думал о том, что же лежало в "дипломате" на месте магнитофонных лент и пятидесятистраничных показаний

Каролин Эймс, дочери сенатора, которые она то ли напечатала, то ли написала от руки. Скорее всего, напала, только он мог гореть столь ярким пламенем.

Наконец, мне удалось влиться в транспортный поток и в моей голове возник другой вопрос: что заставило опоздать ее на двадцать пять минут? Чей-то случайный, не имеющий никакого отношения к нашей встрече телефонный звонок, остановившиеся часы или запоздавший автобус?

И лишь проехав четыре мили, неподалеку от площади Чеве Чейза, я осознал, что бы произошло, не опоздай дочь сенатора. Мысль эта заставила меня остановить "пинто", пересгнуться через сиденье, открыть правую переднюю дверцу и заблевать чью-то ухоженную лужайку.

Глава 5

Даже тот, кто живет в Вашингтоне очень давно, может не знать, что менее чем в двух милях от Белого дома, аккуратно за отелем "Шорхэм", находится настоящий лес, сквозь который проложена узкая полоска асфальта, называемая Норманстоун-Драйв.

На Норманстоун-Драйв и жил Френк Сайз, в просторном трехэтажном доме с оригинальной крышей. И выглядел дом так, словно архитектор никак не мог решить, какому стилю отдать предпочтение, романскому или английскому эпохи Тюдоров.

Дом притулился на крутом склоне заросшего лесом холма и население его, помимо самого Сайза, состояло из его жены, пятерых детей и трех слуг, один из которых, стройный молодой человек с маленьким тонкогубым ртом и суровыми глазами, ввел меня в кабинет Сайза после того, как спустился вниз, к большим железным воротам, чтобы отпереть их и пропустить мою машину. Поместье окружал циклопический девятифутовый забор с натянутыми поверх него тремя рядами колючей проволоки, и лишь эти ворота связывали его с остальным миром. Забор же появился после того, как

несколько лет тому назад какой-то человек попытался похитить младшую дочь Френка Сайза.

За исключением пишущей машинки "ремингтон" обстановку кабинета составляли книги. Полки с ними, от пола до потолка, занимали три стены из четырех (окна последней выходили на лес). Книги, в шесть или семь слоев, лежали на длинном библиотечном столе. Книги громоздились на письменном столе Сайза. Книги лежали на восточном ковре. Чтобы сесть, мне пришлось освободить стул от стопки все тех же книг, которую я поставил на пол.

— Так уж я привык работал, — Сайз скорее объяснял, чем извинялся.

— Раз от этого есть толк, почему бы и нет?

Сайзу я позвонил из аптеки рядом с площадью Чевн Чейза и рассказал о смерти дочери сенатора. Рассказывать пришлось подробно, потому что он задавал и задавал вопросы. Делал он это мастерски, а когда полностью удовлетворил свое любопытство, мы пришли к выводу, что мне следует заехать к нему и обсудить мои дальнейшие шаги.

— Вас ждет общение с копами, — Сайз откинулся на спинку кресла.

— Я знаю. Они, скорее всего, поинтересуются, почему я смылся.

— Скажите им, что испугались.

— Мне даже не придется лгать.

— Если вы и испугались, то достаточно быстро пришли в себя.

— Я все пытаюсь найти ответ на один вопрос.

— Какой же?

— Кому предназначался нападк, мне или Каролин Эймс? Сайз взял со стола желтый карандаш, открыл рот и начал постукивать ластиком по зубам. Я предположил, что этим он стимулирует мысленный процесс.

— Ей, — наконец, ответил он.

— Почему?

— Потому что она, зная, что лежит в "дипломате" и когда он должен взорваться, не стала бы опаздывать.

— Согласен.

— Так что мы должны допустить, что она не знала о содержимом "дипломата".

— И кто-то заменил ее "дипломат" другим, — вставил я. — До этого я додумался сам.

— Да, — вздохнул Сайз, — я понимаю, к чему вы клоните. Убить хотели ее, не вас. Вся информация у нее в голове, возможно, она где-то спрятала ксерокопию своих показаний.

— И пленки.

Сайз просиял.

— Да, и пленки. Если копии есть, мне чертовски хочется их заполучить.

— Такое же желание обуревает и того, кто ее убил.

— Тут есть одна загвоздка. "Дипломат" взорвался в три двадцать пять. Встречу она назначила на три ровно. Это меня тревожит.

— А меня просто сводит с ума. Если они хотели убить только ее, а не меня, значит, причина в неисправности часового механизма.

— Если только они не хотели прикончить вас обоих.

— Именно об этом я и думаю.

Сайз усмехнулся.

— Испугались?

— Тогда или теперь?

— И так и этак.

— Тогда ужасно перепугался, но понемногу вхожу в норму.

Сайз вновь постучал ластиком по зубам.

— Искушение велико. Очень хочется написать об этом в колонке, — последовала пауза. — Но не напишу, — в голосе явственно слышались нотки сожаления. — Это всего лишь развязка. Мне же нужно другое.

— Вы по-прежнему хотите знать все, от начала и до конца?

— Совершенно верно. От начала и до конца. Копии пленок, если они существуют. Ксерокопию ее показаний, если вы сможете их отыскать. И, естественно, я хочу знать, кто ее убил.

— За двадцать четыре часа до того, как имя убийцы станет известно полиции, так?

Сайз вновь улыбнулся, куда мрачнее.

— Я просто хочу узнать его первым. Вы сможете это сделать... хотя бы подойти к разгадке?

Я пожал плечами.

— Даже не знаю. С убийством я сталкиваюсь впервые. Я даже не знаю, как вести себя в таких случаях, но одно преимущество у меня есть.

— Какое же?

— Я видел, как это случилось.

Он кивнул.

— Это точно. Вам нужна помощь? Я могу дать одного из своих репортеров, если он вам нужен.

— Пока нет.

— Ясно. Как продвигались ваши дела до случившегося сегодня?

— Я сосредоточился на лоббистской фирме, через которую сенатор вроде бы получил взятку.

— "Баггер организейшн". В конторе у меня есть их досье. Я скажу Мэйбл, чтобы она послала его к вам домой. С курьером.

— Хорошо.

— Вы думаете, там есть за что ухватиться?

Я кивнул.

— Скорее всего. Завтра в десять часов утра я попробую это выяснить.

— И кого вы хотите прижать к стенке?

— Уэйда Моури Баггера.

— Самого полковника!

— Вот-вот.

— Скользкий тип.

— К таким я привык.

— Хорошо. Отсюда вам лучше всего поехать в полицию. В отделе убийств у меня есть знакомый, лейтенант Синкфилд. Я позвоню ему и скажу, чтобы он вас принял. Он у меня в долгу, так что можно надеяться, что он обойдется с тобой по-хорошему.

Я поднялся.

— Вы правы. Если не произойдет чего-то экстраординарного, увидимся в день выплаты.

— Я рад, что вы не забываете о нас.

Лейтенант Синкфилд, из отдела убийств городской полиции, мужчина моего возраста, курил сигарету за сигаретой, то есть в день ему требовалось как минимум четыре пачки. В сравнении с ним я почувствовал себя суперменом, поскольку бросил курить два года тому назад.

Я рассказал Синкфилду и его диктофону все, что знал о смерти Каролин Эймс. Потом мы посидели в молчании в мрачной комнатке на третьем этаже здания полицейского участка, расположенного по адресу Индиана-авеню, 300. Лейтенант Синкфилд, вероятно, пытался найти вопрос, который еще не задал мне, а я убеждал себя, что мне совсем не хочется курить.

— Сколько ей было лет? — спросил я. — Двадцать три?

— Двадцать два. Исполнилось в прошлом месяце.

— Есть какие-нибудь идеи?

Во взгляде его синих глаз не нашлось место ничему, кроме подозрительности. Волосы его тронула седина, но они не поредели. Даже улыбка, и та выходила у него подозрительной.

— Какие идеи? — спросил он.

— Насчет того, кто ее убил.

— Абсолютно никаких. У нас есть только вы, и никого более.

— Негусто.

Он вроде бы согласился со мной, и комната вновь погрузилась в молчание, пока он не затушил очередную сигарету.

— Кто-то побывал в ее квартире.

— Интересно.

— Да. Все перевернули вверх дном. Возможно, искали пленки, о которых вы упоминали. Это не ограбление. У нее был переносной цветной телевизор. Его не тронули, только сняли заднюю стенку, чтобы посмотреть, не спрятано ли чего внутри. Мы нашли два дик-

тофона. Один из тех, что подсоединяются к телефонному аппарату.

— Где она жила?

— В Джорджтауне. На Эр-стрит. Отличная квартирка. С настоящим камином, просторной кухней. Рента, полагаю, обходилась ей в мое двухнедельное жалование.

— Похоже, она могла себе такое позволить.

— Что вы имеете в виду?

— Хочу сказать, что у нее была богатая мамочка.

— И папочка, — добавил Синкфилд. — Он тоже не страдал от нехватки денег. Я бы не стал возражать, если б моя жена подарила мне миллион долларов. Не стал бы, будьте уверены. Вы не женаты, так?

— Уже нет.

— Считайте, что вам повезло, — он помолчал, вероятно, подумал о своей семейной жизни. — Догадайтесь, что подарила мать Каролин Эймс на двадцать первый день рождения?

— Миллион долларов.

Синкфилд, надо отметить, удивился.

— Вы, значит, кой-чего наковыряли?

— Конечно, я же собираю материал.

— Миллион положен на ее счет в банке. И до тридцати лет она может снимать только проценты. Как вы думаете, сколько набегит за год?

— Точно не знаю. Не меньше шестидесяти тысяч. Возможно, даже семьдесят пять.

— Тяжелая жизнь, не так ли? Шестидесят тысяч долларов в год. Одному-то человеку.

— Я бы не отказался проверить, возможно ли это.

Синкфилд нахмурился.

— Старица Сайз, должно быть, неплохо вам платит. Зарабатывает он прилично.

— Мое жалование и близко не лежит с шестьюдесятью тысячами.

— Вы получаете половину?

— Меньше половины.

Синкфилд перестал хмуриться. От моих слов настроение у него улучшилось. Похоже, он даже решил, что

может проявить великодушие, поскольку мои доходы не шибко отличались от его.

— В ее квартире мы нашли кое-что интересное.

— Что именно?

— Завешание. Не так-то часто двадцатидвухлетние пишут завешания. В двадцать два года думаешь, что будешь жить вечно, и еще пару недель.

— А много среди ваших знакомых двадцатилетних, у которых на счету лежит миллион долларов?

— Не много, — признал он. — Скорее, ни одного.

— Когда она его написала? — спросил я.

Синкфилд кивнул.

— В этом, возможно, что-то есть. Три недели тому назад.

— Кому она оставила деньги?

— Экс-сенатору. Своему отцу.

— Значит, один подозреваемый у нас есть.

— А не пора ли вам домой, — огрызнулся Синкфилд.

Глава 6

Разгоревшуюся ссору я бы оценил шестью баллами по шкале Лукаса для измерения силы семейного конфликта. Может, даже и семью.

Началось все вечером, когда, вернувшись домой, я допустил ошибку, рассказав Саре об интересном происшествии на Коннектикут-авеню, участником которого я чуть было не стал.

Она поначалу встревожилась, так встревожилась, что настояла на том, чтобы мы немедленно поднялись в спальню, где бы она могла утешить меня известным ей способом. Я не устоял, и мы сорок пять минут утешали и успокаивали друг друга в постели:

А вот потом вспыхнула ссора. Она набирала силу с каждым выпитым "мартини" и произнесенным Уолтером Кронкайтом словом, достигла пика за обедом (отбивные, овощной салат, тушеная морковь), а к вечеру тлела угольками отдельных реплик. К завтраку (сваренные вкрутую яйца, недожаренная ветчина, пере-

сушенный гренок) мы оборвали все каналы общения, за исключением шуршания газеты да шарахания чашки об стол.

— Хорошо, — первым пошел на попятную я. — Я сожалею о том, что меня едва не убили. Приношу свои извинения.

Мартин Рутефорд Хилл, заметив, что мы вспомнили о существовании языка, включился в разговор.

— Хара соун плок, — возможно, он сказал "плог".

— Ты мог бы хотя бы позвонить и сказать, что с тобой все в порядке.

На мгновение я попытался воспринять ее логику.

— Извини. В следующий раз я всене непременно позвоню.

— Что значит, в следующий раз? За этим, выходит, ты поступил к Сайзу? Соглашаясь на эту работу, ты говорил, что она позволит тебе чаще бывать дома. За прошедшие три недели ты оставался дома два дня. А остальное время провел или в Джорджии, или в Пентагоне с этим безумным майором.

Безумного майора звали Карл Соммерс. Военный историк, он писал докторскую диссертацию, в которой сравнивал операции джи-ай на черном рынке Европы в последний период Второй мировой войны с аналогичными операциями, имевшими место в разгаре войны во Вьетнаме. Выводы у него получались очень любопытные. По завершению исследований он намеревался написать по материалам диссертации книгу, уйти в отставку и составить мне компанию на историческом факультете того самого колледжа, где остановилось время. Сара полагала майора безумным, потому что каждый день он ходил на работу и обратно пешком (десять миль в один конец), не ел ничего, кроме постного мяса и прессованного творога, а по субботам надевал рыжий парик и бродил по Джорджтауну в поисках малолеток. Свои мужские достоинства майор Соммерс мог проявить только с четырнадцати- или пятнадцатилетними девчушками. Он говорил, что его это тревожит, но не настолько, чтобы обращаться к помощи спе-

циалистов. Совсем недавно майору стукнуло тридцать шесть.

Я улыбнулся Саре.

— В Пентагоне я нашел все, что хотел. Так что теперь буду проводить дома гораздо больше времени.

— Я не хочу, чтобы ты думал, будто я какая-то безмозглая курица-наседка, но, когда ты сказал, что тебя едва не убили, я заволновалась. Испугалась за тебя. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. А потом рассердилась. И ничего не могла с собой поделать. Ужасно рассердилась.

— Понятно, — кивнул я. — Давай об этом забудем.

Она пристально посмотрела на меня.

— Тебе это нравится?

— Что?

— Копаться в грязи. И чем более вонючая эта грязь, тем большее ты получаешь удовольствие. А людские извращения просто завораживают тебя. И в своем деле ты большой дока. Иногда это меня тревожит.

— Я всего лишь историк.

Сара кивнула.

— Кажется, я знаю, где бы ты действительно хотел работать.

— Где?

— В аду. Ты бы прыгал от радости, получив у дьявола место историка.

Штаб-квартира лоббистской фирмы, называемой "Баггер организейшн", размещалась в старом особняке на Кью-стрит, к западу от Коннектикут-авеню, аккуратно между прибежищем кришнаитов и клиником, в которой четверо докторов лечили от запоев самых влиятельных алкоголиков Вашингтона.

Особняк этот, трехэтажный, из красного кирпича, с подвалом, попал в поле зрения Исторического общества округа Колумбии, благодаря чему его не снесли, дабы освободить место для еще одной автосгойки. Как выяснилось, президент Хардинг на какое-то время поселил в нем свою любовницу, прежде чем нашел для нее более скромные

апартаменты в доме 2311 по Коннектикут-авеню.

Я расплатился с шофером такси, вошел в крошечный вестибюль и нажал на черную кнопку над табличкой со словом "Звонок" и стал ждать, что за этим последует.

— Кто здесь? — мгновением позже спросил суровый голос.

— Декатар Лукас.

— Входите, — и тут же зажужжал электрический привод замка.

Ручки на двери я не обнаружил, а потому просто толкнул ее. Дверь не шелохнулась и я позвонил вновь.

— Толкайте сильнее, — посоветовал мне все тот же голос. Я толкнул сильнее и дверь распахнулась. Я постучал по ней, чтобы убедиться, что сделана она из толстого стального листа. Моя догадка подтвердилась.

Я вошел в большой холл, сразу отметив, что стены отделаны панелями из светлого дуба. Справа витая лестница уходила на второй этаж. Слева за столом сидела миловидная молодая женщина.

— Мистер Лукас? — она ослепительно улыбнулась.

— Да.

— Пройдите через эту дверь в кабинет мистера Каттера. Она указала на дверь за спиной. Едва я вошел в просторный кабинет, невысокий мужчина поспешил мне навстречу, протягивая руку.

— Я Джонни Каттер, мистер Лукас, — я пожал его руку, крепкую и жесткую.

— Добрый день, мистер Каттер.

— Присядьте, пожалуйста. Полковник вот-вот закончит телефонный разговор, а я, если вы не возражаете, подпишу несколько писем.

Я не возражал. Сел в кожаное кресло, а Каттер последовал за письменный стол. Сидя, он напоминал крупную, мускулистую жабу, охраняющую покой спящего принца. Я наблюдал, как он подписывает письма. Делал он это не спеша, с расстановкой, даже улыбаясь. Похоже, ему нравилась собственная подпись.

Я огляделся. Несмотря на стол из красного дерева, добротную кожаную мебель, толстые восточные ковры,

уюта здесь было не больше, чем в казарме. Я, однако, не видел в этом ничего удивительного, поскольку Каттер прослужил в армии двадцать лет, последние десять в чине сержант-майора*.

Подписав письма, Каттер посмотрел на меня и дважды мигнул, как мигнула бы жаба. Встал и строевым шагом направился к двери. Дважды постучал, и я подумал, сколько раз и в скольких странах стук этот сообщал полковнику Уэйд Моури Баггеру хорошие новости или плохие, а может, уведомлял о том, что рабочий день кончился и пора идти домой.

— Войдите, — слышалось из-за двери.

Каттер распахнул дверь и рывкнул:

— Прибыл мистер Лукас...

Голос у него был зычный, какие всегда в цене в церкви и у зазывал.

Фигура Каттера напоминала перевернутый треугольник.

Плечи его полностью перекрывали дверной проем. Кивком головы он дал знать, что я могу предстать перед очами полковника.

Он встречал меня, встав из-за стола, с улыбкой на лице, вышедший в отставку полковник Уэйд Моури Баггер, а предварительно я провел два дня в городке Осилла, штат Джорджия, собирая на него досье. В Осилле помнили Уэйда Моури Баггера, хотя он ни разу там не появился, после того, как в одна тысяча девятьсот сорок втором году ушел на войну. Происходил он из хорошей семьи, во всяком случае, со стороны матери. Уэйды поселились в Виргинии до войны за независимость. Моури дали южанам двух генералов, что участвовали в сражениях с северянами, и старожилы Осиллы вспоминали, что полковник Баггер числил их обоих в своих предках. Что же касается Баггеров, то о них лучше вообще не говорить, но в тысяча девятьсот двадцать втором году именно Лайон Баггер в теплую лунную ночь заманил симпатичную учительницу из Мэйсона на заднее сидение своего автомобиля и

---

*Соответствует званию старшины в российской армии.

через три месяца даже женился на ней, чтобы двумя неделями позже исчезнуть навсегда. Вероятно, сбежав на север. В наследство от отца Уэйд Моури Багтеру достались широкая кость, высокий, шесть футов три дюйма, рост, зеленые глаза, густой баритон да обаятельная белозубая улыбка, которая, по утверждениям жителей Осиллы, отличала всех Багтеров.

Мы обменялись рукопожатием и поздоровались. Уэйд Моури Багтер стоял, пока не убедился, что я удобно устроился в кресле. Лишь после этого он опустился на стул с обтянутой кожей высокой спинкой, какие любят члены Верховного суда, и положил ноги на стол, позволив мне полюбоваться отлично начищенными туфлями. Будь у меня такое желание, я мог бы купить такие же за восемьдесят пять долларов, но не делал этого из скромности. Наши с Каттером ноги утопали в толстом, цвета табака, ковре. Сидели мы в глубоких креслах. У дальней стены стоял диван, также обитый светлой кожей. Перед ним низкий-длинный столик на витых ножках. Стены украшали четыре картины, как мне показалось, французских импрессионистов второго калибра. Потом я выяснил, что догадка моя верна, и "Багтер организейшн" застраховала их на девяносто пять тысяч долларов.

Полковник Багтер вновь улыбнулся мне и чуть повернул голову, чтобы наблюдать за односторонним движением по Кью-стрит. Шло строительство новой линии подземки, полоса движения сократилась вдвое, машины еле ползли, а потому некоторые особо нетерпеливые водители усиленно жали на клаксон. Но благодаря звуконепроницаемым стенам и окнам, Багтер не мог слышать гудков, а также раскатов грома, рева низколетящих самолетов и, если уж на то пошло, конца света.

— Я надеюсь, мистер Сайз вполне здоров, — Багтер все еще смотрел на ползущие автомобили.

— Да.

— Я попросил мистера Каттера поприсутствовать при нашем разговоре, если, конечно, вы не возражаете.

— Отнюдь.

Тут Баггер вновь посмотрел на меня. Красивая у него была голова. Густые выющиеся, совершенно седые волосы, зеленые глаза под густыми бровями, прямой нос, а под ним аккуратная полоска усов, сильный, чуть раздвоенный подбородок. Пожалуй, не хватало только монокля.

— Вы — новый сотрудник мистера Сайза, не так ли?

— Совершенно верно.

— Я думал, что познакомился со всеми на прошлое Рождество, когда они налетели на нас, как саранча. Ты прозвал их саранчой, не так ли, Джонни?

— Да, — подтвердил Каттер. — Саранчой.

— Что привело вас ко мне, мистер Лукас?

— Во-первых, "Анакостия корпорейшн".

— А во-вторых?

— Некоторые вопросы, касающиеся конкретных людей.

— Кого именно?

— Президента "Анакостия корпорейшн", Френка Хайсмита и сенатора Эймса.

— Вы знаете, что случилось с дочерью сенатора, не так ли? Какой кошмар! Мне сказали, что сенатор вне себя от горя.

— У него выдался плохой год. Но давайте начнем с Френка Хайсмита и "Анакостия корпорейшн".

— Давайте.

— Он сделал потрясающую карьеру, не так ли?

Баггер согласно кивнул.

— Вы абсолютно правы. У нас, кстати, есть буклет с его биографией. Могу презентовать, если он вам понадобится.

— Буклет я читал. Мне он не нужен. Ребенком я покупал у Френка мороженное в Денвере. В тысяча девятьсот сорок девятом году, когда он начинал с двух грузовиков, за рулем которых сидели он и его жена. К пятьдесят третьему году у него было уже сорок грузовиков и им заинтересовались тимстеры*. Он попытался

---

*Профсоюз водителей грузового транспорта.

дать взятку руководителю одного из региональных отделений, чтобы от него отстали, его поймали с поличным и посадили в тюрьму во Флориде.

— Это далеко не новость, мистер Лукас. Полагаю, мистер Хайсмит заплатил за свою ошибку.

— Конечно. Пока он сидел в тюрьме, мороженное продавала его жена. Выйдя на свободу, он продал грузовики, выручив около ста тысяч долларов. На них купил акции денверской "Денсайд, Инк.", занимающейся производством алюминия. Каким-то образом, никто не знает каким, ему удалось захватить контроль над компанией. Затем, заняв денег, он приобрел чикагскую косметическую фирму "Майрофза", годовой оборот которой в одно время составлял четыре миллиона долларов. Когда же ее покупал Хайсмит, стоила компания, если меня не подводит память, девять тысяч пятьсот двадцать четыре доллара.

— Я могу лишь отметить, что у вас чертовски хорошая память, — вставил Каттер.

— Благодарю. После этого Хайсмит приобрел еще несколько компаний, быстро идущих ко дну. В шестьдесят первом он сорвал крупный куш. Нашел жемчужину. "Бойсдарк поттери компани" из Талсы, убытки которой в шестидесятом и шестьдесят первом годах превысили миллион долларов, а долги достигли семи миллионов.

— От таких компаний тоже может быть польза.

— Естественно, может, не зря же ваш клиент так кропотливо собирал этот мини-конгломерат. Он называл его "Анакостия корпорейшн". Не знаю, почему. Может, понравилось такое буквосочетание. И начал искать фирму, зарабатывающую много денег, на предмет слияния с ней. Ему было что предложить: если компания, работающая с прибылью, сливается с другой, которая терпит убытки, она может значительно снизить налоговые выплаты. Но вы это, наверное, знаете?

— Да уж, это не укрылось от нашего внимания, — сухо ответил Баттер.

— Так вот, ваш клиент Хайсмит огляделся и нашел то, что искал: "Саут плейнс компани" из Далласа. "Саут плейнс" как раз распродала принадлежащую ей недвижимость, в том числе пару нефтеперегонных установок, и жировала. Ее активы составляли сорок пять миллионов, половина из них наличностью. То есть год компания закончила бы с большой прибылью. И Хайсмит заключил сделку с председателем и несколькими наиболее влиятельными членами совета директоров. Он предложил купить их акции по более высокой цене. На бирже они шли по двадцать два доллара. Хайсмит давал тридцать один. За это они должны были подать заявление об отставке и уступить свои места Хайсмицу и его друзьям. Высокие стороны договорились. Хайсмит намеревался занять денег в одном из бостонских банков. После слияния новая компания заявила бы об имеющемся долге перед банком. Другими словами, "Сайт плейнс" заплатила бы за то, что ее проглотили.

— Это обычная практика, — пробурчал Каттер.

— Разумеется, — я не собирался спорить с очевидным. — Но на этот раз некоторые акционеры "Саут плейнс" пронюхали о сделке и подняли шум. Хайсмит встревожился. И обратился к вам. Он хотел, чтобы вы успокоили основную массу акционеров, пока он будет разбираться с крикунами. А можно ли найти более действенное успокоительное, чем речь американского сенатора о той выгоде, которую получают акционеры любой компании, согласившейся на слияние с "Анакостия корпорейшн".

Я замолчал. Мои хозяева также не раскрывали рта, так что пауза изрядно затянулась. На губах Баггера играла легкая улыбка. Каттер искоса поглядывал на меня.

— А теперь позвольте задать вопрос, — перешел я к делу.

— Мы внимательно вас слушаем, — улыбка Баггера стала шире.

— Как вы и Каттер использовали двести тысяч долларов наличными и два мешка с золотыми слитками, которые украли из соляной шахты в Меркерсе, что в

Германии, в апреле одна тысяча девятьсот сорок пятого года?

Глава 7

Свой метод ведения допроса я разрабатывал и оттачивал многие годы. Я бубнил о чем-либо хорошо известном или задавал вопросы, ответы на которые лежали на поверхности. А потом взрывал "бомбу" и наблюдал, что из этого выйдет. Иногда мои собеседники краснели, бывало, что раскалывались, как орех под ударом молотка, случалось, решали, что я блефую. Именно такую игру и повел Баттер.

Лицо его ни на йоту не переменилось. Будь в глазу монокль, он бы остался на месте. А вот Каттер весь напрягся. Повернувшись к нему, я увидел жабу, изготовившуюся к прыжку. По кивку полковника он бы без промедления сломал мне руку. Скорее всего, правую.

Но полковник не дал такой команды. Вместо этого он улыбнулся, как бы показывая, что оценил мою шутку. Хотя, по его разумению, ей недостает хорошего вкуса.

— Шестое чувство подсказывает мне, мистер Лукас, что в последнее время у вас не было ни одной свободной минуты.

— Три недели не разгибал спины, — признал я.

— Меркерс, — повторил он. Таким тоном, будто старался вспомнить, с чем он может связать это название, но негодница-память отказывалась ему помогать.

— Германия, — уточнил я. — Апрель сорок пятого. Тогда вы были первым лейтенантом, а Каттер — сержантом. Как явствует из архивных материалов, вы оба в составе разведывательного отделения двигались в авангарде вашей дивизии. Девятой. На джипе. Я ничего не напутал?

Баттер взглянул на Каттера, который пожал плечами.

— Мы воевали в Германии, — выдавил из себя Каттер. — Это я помню. А вот местечка с названием Меркерс не припоминаю.

— Его нет практически ни на одной карте. Маленькая деревушка. Но, согласно показаниям трех ее жителей, армейский джип с двумя американскими военнослужащими прибыл в Меркерс в тринадцать часов и военнослужащие начали спрашивать, как им проехать в нужное им место. Американцы не знали немецкого, немцы — английского. Немцы подумали, что американцам нужна соляная шахта, поскольку других достопримечательностей в окрестностях Меркерса не было. Это все отмечено в рапорте си-ай-ди*. Си-ай-ди так и не установил личности этих двух военнослужащих. Мне это удалось.

— Неужели? — спросил Баттер. — И каким образом?

— Основываясь на слухах и интуиции. По слухам вы и Каттер сделали большие деньги на черном рынке в Германии и, позднее, в Корее. Но, подняв материалы, касающиеся отделения разведки, я могу доказать, что именно вы приехали в Меркерс в час пополудни четвертого апреля. Другие туда попасть не могли. Только вы ехали на джипе, а кого-то еще, помимо вашего отделения, командование девятой дивизии в разведку не посылало.

— Понятно, — протянул Баттер.

— Мне продолжать?

Теперь уже плечами пожал полковник.

— Почему нет?

— Шахту охранял лишь один человек. Старик. Немец. Звали его Вильгейм Фессер. Шестидесяти двух лет от роду. Он и повез вас на лифте вниз. На глубину две тысячи сто футов. Там они все и прятали.

— Что, все? — спросил Каттер. Я процитировал по памяти.

— Четыре тысячи мешков с печатью рейхсбанка. Каждый с двадцатью пятью фунтами золота в слитках. Кроме того, опечатанные ящики с иностранной валютой. Двенадцать миллионов американских долларов, один миллион французских франков, сто десять тысяч английских фунтов, четыре миллиона норвежских крон.

* CID-Criminal Investigation Department, уголовно-следственный отдел.

Вы же знаете, как скрупулезно ведут немцы свои гробы.

Баггер и Каттер молчали. Молчали и смотрели на меня. И я ударил из орудий главного калибра.

— Американские военнослужащие взяли по сто тысяч долларов и по два два мешка с золотыми слитками. Больше они унести не смогли. Может, старик еще и помог им перетаскивать золото. По крайней мере, проверка выявила именно такую недостачу. Лифт поскрипывая пополз вверх. Возможно, это произошло на полпути. Возможно, когда лифт преодолел две трети подъема. Один из военнослужащих достал из кобуры пистолет сорок пятого калибра, приставил к спине старика и буквально разорвал его пополам. Пули потом выковыряли из стенок кабины. В старика стреляли дважды.

На том я и закончил. Это версию мы с безумным майором составили, основываясь на интуиции, слухах и даже некотором фактическом материале. И ответная реакция Баггера должна была показать, попали мы в "десятку" или в "молоко".

Он долго, очень долго смотрел на меня, прежде чем я услышал:

— Что вам от меня нужно, Лукас?

— Компромат на сенатора Эймса.

— Какой еще компромат?

— Тот, что имеется в вашем распоряжении. — А с чего вы взяли, что он у нас есть?

— Иначе и быть не может. Что еще может заставить человека выйти на трибуну сената и собственными руками порушить свою карьеру? Уж во всяком случае, он сделал это не ради пятидесяти тысяч долларов. Он в них не нуждался. У него есть по меньшей мере миллион. Он мог уступить только шантажу. Иной причины я назвать не могу.

Баггер улыбнулся.

— Потому что вы не знаете тонкостей нашего бизнеса.

— Какого бизнеса? Покупки и продажи американс-

ких сенаторов?

— Позвольте рассказать вам одну историю. Едва ли вы сможете воспользоваться ею, потому что доказательств вам не найти. Да и публикация немного бы дала, так как человек этот уже умер, — он посмотрел на Каттера. — Я хочу рассказать ему о судьбе Остине.

Каттер кивнул.

— Хорошая история.

Баггер откинулся на высокую спинку, заложил руки за голову, посмотрел в потолок.

— Хотите верьте, хотите — нет, но моих друзей однажды попросили подкупить члена федерального апелляционного суда. Судью Теодора Остина. Слышали о таком?

— Полагаю, что да, — ответил я.

— Так вот, он получил блестящее образование, этот Теодор Остин. Начал с дипломов бакалавра и магистра в университете Ратгерса, добавил к этому степень бакалавра теологии в университете Бейлора. Там он изучал санскрит, греческий, латынь и древнееврейский. После этого год проучился в Северо-западном университете. Затем еще два года в университете Бонна. Стал баптистским священником и год приглядывал за паствой в маленькой церкви в Гроув-Сити, штат Пенсильвания. Но его страсть к знаниям осталась неудовлетворенной, а потому он решил изучать право в Пенсильванском университете, а получив диплом, стал практиковать в Филадельфии. Заинтересовался политикой. Его избрали в сенат штата Пенсильвания. Пару лет спустя президент Гарри Трумэн назначил его окружным прокурором штата Пенсильвания, а когда открылась вакансия в федеральном апелляционном суде третьей инстанции*, место это и получил наш знаток санскрита. В отставку его проводили с почетом и всеми полагающимися ему привилегиями, без единого пятнышка на чести или репутации. Трудно подкупить такого человека, не правда ли?

— Я бы сказал, невозможно.

* То есть, в масштабах всей страны
(второй инстанции — в масштабах штата)

— Так думали и наши друзья, но они все-таки решили предпринять такую попытку. Добились встречи с Остином и начали осторожно подходить к тому, что их интересовало. Судья оборвал их через пять минут. Знаете, что он изрек?

— Понятия не имею.

Баггер улыбнулся. — Он спросил: "И о какой сумме идет речь, господа?" — Баггер рассмеялся. — "О какой сумме идет речь, господа?" — смакуя, повторил он. — После этого мои друзья могли купить нужное решение за двадцать пять тысяч долларов, а продавали его за пятьдесят. Их очень опечалила отставка судьи Остина.

— В вашу историю трудно поверить, — заметил я.

— Почему? — удивился он. — Из-за того, что "Дом правосудия — святое место, а потому должно оберегаться от скандала и подкупа". Это цитата, или ее часть.

— Это вступление к нормам юридической этики Американской ассоциации адвокатов. Но что хотите этим сказать?

— Господи, да это же очевидно, — воскликнул Каттер. — Я не закончил девяти классов, и то все понимаю. Дело в том, что ранее никто не спрашивал судью, а не желает ли тот продаться.

— Именно так, — подтвердил Баггер.

— То есть до вас никто не пытался подкупить сенатора Эймса?

Баггер не ответил. Подошел к окну и выглянул из него. Наверное, хотел убедиться, что на Кью-стрит по-прежнему пробка. Потом повернулся и посмотрел на меня.

— Занятную вы рассказали историю. О.. ах, да, о Меркерсе, что в Германии.

— Совершенно верно. О Меркерсе.

— За этим ничего не стоит, не так ли?

— Не стоит?

— Нет. Но вы готовы поменять ее на то, что вам нужно. — Возможно.

— Если Френк Сайз напечатает вашу историю, он ничего не сможет доказать.

— Он может напечатать ее, а доказывать придется армии. По убийствам срока давности нет. Они смогут раскопать те самые рапорты, которые раскопал я. Они смогут задействовать армейский си-ай-ди в Германии. Делать-то им там особо нечего. Возможно, они даже найдут оставшихся в живых свидетелей. Я даже не пытался их искать. Материала у меня не много, но Сайзу хватит и этого. Факты его никогда не волновали. У вас, разумеется, останется право подать на него в суд. Но удастся ли вам отмазаться — большой вопрос.

— Что вам нужно, Лукас? — спросил Каттер.

— Я уже говорил. Хочу знать, чем вы прижали Эймса. — Каттер кивнул.

— И, если мы вам скажем, вы засунете это выдумку о Германии в долгий ящик?

— Возможно. Все будет зависеть от того, насколько правдивой покажется мне ваша информация.

— Скажи ему, — Каттер посмотрел на своего босса.

— Он блефует, Джонни, — возразил Баггер.

— Да, скорее всего, но я не хочу, чтобы мальчишки из си-ай-ди проверяли, а чем я занимался во время и после войны. Меркерс — это ерунда, но кое на что они могут наткнуться, — он усмехнулся. Скорее зло, чем весело. — Ангелов среди нас нет.

— Не смею с вами спорить.

— Хорошо, мистер Лукас, — Баггер вновь уселся за стол. Я расскажу вам о сенаторе Эймсе, но, боюсь, вас ждет разочарование.

— Это я переживу.

Баггер вновь откинулся на спинку, сложил руки на столе. Я подумал, что именно так и должен выглядеть ректор колледжа, в котором я намеревался преподавать.

— Взятки в пятьдесят тысяч долларов не было.

— Я же сказал, что хочу знать правду.

— Вы ее узнаете, если будете слушать, — укорил меня за нетерпение Каттер.

— Действительно, мы сняли с нашего банковского счета пятьдесят тысяч долларов, чтобы подкупить нашего ручного сенатора. Но мы не так наивны, чтобы пере-

давать деньги из рук в руки. Если бы он настаивал на том, чтобы получить наличными, мы бы нашли способ заплатить ему купюрами, которые никто и никогда не связал бы с нами. Или устроили ему банковскую ссуду. Разумеется, незастрахованную, так что через пару лет, уплатив мизерные проценты, он мог бы забыть о том, что это ссуда. Или перевели бы пятьдесят тысяч в его любимую благотворительную организацию или в фонд его избирательной кампании. Короче, способов дать взятку масса, и только самые несмышленные могут со-
вать деньги, только что снятые с банковского счета. Надеюсь, вы меня понимаете.

— Несомненно. Но вы так и не объяснили, каким образом две тысячи долларов с вашего счета попали на его счет. Когда Сайз написал об этом, вы заявили, что одолжили сенатору эти деньги. Естественно, вам никто не поверил. Все решили, что сенатор положил две тысячи в банк, а остальное растратил или спрятал под матрасом или в личном сейфе.

Баггер вздохнул.

— Мы одолжили ему эти деньги. В субботу утром мы встретились в его кабинете. Вечером он должен был выступать в Лос-Анджелесе. И вдруг выяснилось, что он забыл дома бумажник и билет на самолет. Во всяком случае, сказал, что забыл их. И спросил, можем ли мы одолжить ему наличные... на билет и карманные расходы. У меня были пятьдесят тысяч долларов, так что я одолжил ему две.

— Почему он не поехал домой за бумажником и билетом?

— Вы знаете, где он тогда жил?

— В Мэриленде, у Чезапикикского залива

— Самолет вылетал из аэропорта Даллеса. Если бы он поехал в Мэриленд, то опоздал бы на рейс.

— Он не произнес и речь в Калифорнии, — встрял Каттер. В последний момент отменил поездку.

Я покачал головой.

— Он вел себя, как полный идиот.

— Или хотел, чтобы его схватили за руку, — пред-

положил Баггер.

— Это исключить нельзя, но верится с трудом, — я посмотрел на Баггера. — В Соединенных Штатах сто сенаторов. Почему вы выбрали Эймса?

— Мы его не выбирали. Не называя имен, скажу вам, что есть по меньшей мере четыре сенатора, которые за пятьдесят тысяч долларов готовы на многое. Один, во всяком случае, избирался в Сенат именно для того, чтобы сколотить там приличное состояние, и очень в этом преуспел. Мы намеревались обратиться к одному из них, когда прослышали о сенаторе Эймсе.

— И что же вы прослышали?

— Нам сообщили, что он... как бы это выразиться... созрел.

— И кто же вам сообщил об этом?

— Одна из наших сотрудниц, которые напрямую связаны с Сенатом.

— Где же она узнала об этом?

Каттер глянул на Баггера. Оба заулыбались.

— Я не ошибусь, Джонни, если скажу, что она узнала об этом в постели?

— Лежа на спине, — добавил Каттер.

— Как ее зовут?

— Конни Майзель.

— Давно она у вас работает?

— Увы, ее уже нет в наших рядах, — ответил Баггер.

— Вы ее уволили?

Каттер хмыкнул.

— Она упредила нас заявлением об уходе.

— И долго она у вас проработала?

— Сколько, Джонни? — спросил Баггер. — Год?

— Примерно.

— Что вам о ней известно?

Полковник Баггер пожал плечами.

— Она из Калифорнии. Школу закончила в Лос-Анджелесе. Кажется, Голливуд Хай. Получила стипендию в колледже Миллз в Окленде. После его окончания вернулась в Лос-Анджелес. Работала в небольшом рекламном агентстве, на радио, у лоббиста в Сакраменто.

Мы наняли ее из-за ее опыта общения с законодателями.

— Как она оказалась в Вашингтоне?

— Она вела рекламную кампанию продюссера, который продвигал одну рок-группу. Он слишком спешил, а привело это лишь к тому, что на концерте в одном из престижных залов столицы из пяти мест четыре оказались пустыми. Это был полный провал. Ее уволили. Она пришла к нам. Мы взяли ее на работу.

— Сколько ей лет?

— Сколько, Джонни, двадцать пять или двадцать шесть?

— Двадцать семь, — уточнил Каттер.

— И сейчас она живет с сенатором?

— Да, — кивнул Каттер. — Они свили себе уютное гнездышко в Уотергейте.

— Как она его заставила? — спросил я.

— Произнести речь? — откликнулся Баггер.

Я кивнул.

— Она сказала, что ей достаточно просто попросить его об этом. К тому времени они уже стали... близкими друзьями. Она-таки попросила, а он согласился. Она сказала, что он может получить за это пятьдесят тысяч долларов, но он ответил — не надо, они ему не нужны.

— И вы ей поверили?

— А вы бы нет... получив возможность сэкономить пятьдесят тысяч?

— Когда она сказала вам, что денег он не возьмет?

— По пути в его кабинет.

— То есть когда вы уже взяли деньги в банке?

— Деньги мы взяли в пятницу. Ту сумму, которую хотели использовать, а не конкретные купюры для передачи сенатору. Но иногда им нравится смотреть на деньги. Даже их пощупать. Мы предполагали, что и сенатор подвержен этой слабости.

— Вы ошиблись.

— Да, — признал Баггер. Ошиблись.

— Давно Конни Майзель живет с сенатором?

Баггер посмотрел на Каттера.

— Давно, — ответил тот. — Пять или шесть месяцев. С тех пор, как он вышел в отставку.

— А как же его жена?

— А что жена? — усмеялся Баггер. — Это не наша забота. Если вас интересует мнение жены Эймса, почему бы вам не задать ей пару-тройку вопросов? Возможно, вы захотите обождать, пока не пройдут похороны дочери. Но я в этом не уверен. Может, ждать вы не станете.

— Я специализируюсь по скорбящим родителям. Полковник взглянул на часы.

— У вас есть еще вопросы? Если нет... — фразы он не закончил.

— Пока нет, — ответил я. — Но, возможно, еще появятся. Каттер поднялся с кресла. Положил руку мне на левое плечо. Я посмотрел на него.

— Знаете, что я вам скажу?

— Что?

— Все эти выдумки о Меркерсе... Я бы поменьше распространялся о них, приятель, — его пальцы вонзились в мое плечо и я едва не вскрикнул от боли. — Вы понимаете, что я имею в виду, — вновь нажатие пальцев и та же острая боль.

— На вашем месте я бы больше этого не делал, — процедил я.

— Не делали?

— Нет. Иначе кому-то может не поздоровиться.

— Совершенно верно, — кивнул Каттер. — Кому-то и может.

Глава 8

На следующее утро, в четверть девятого, я стоял на ступеньках епископальной церкви святой Маргарет на Коннектикут-авеню и помогал лейтенанту Дэвиду Синкфилду считать пришедших на похороны дочери сенатора, Каролин Эймс.

Отпевали ее в восьми кварталах от того места, где она нашла свою смерть и попрощаться с ней пришло

семьдесят два человека, не считая меня, лейтенанта, его напарника, Джека Проктера и мужчины, внешне напоминающего преуспевающего банкира, а на самом деле процветающего частного детектива Артура Дэйна.

Какое-то время я наблюдал, как Синкфилд мешает ему работать. Делал он это с удовольствием.

— Привет, мистер Дэйн, — и надвинулся на частного детектива так что тому пришлось отступить в сторону. — Помните меня? Дэйв Синкфилд.

— Да, конечно, как поживаете, лейтенант?

— Отлично. Просто отлично. Это мой напарник, Джек Проктер.

Дэйн кивнул Проктеру, тот что-то пробурчал, продолжая считать пришедших на похороны.

— У девушки было много друзей, не так ли? — заметил Синкфилд.

— Похоже, — согласился Дэйн.

— Вы тоже ее друг, мистер Дэйн?

— Не совсем.

— Тогда вы, должно быть, здесь по долгу службы.

— В определенном смысле.

— Наверное, только очень важный клиент может вытащить из кабинета такого занятого человека, как вы.

— Для меня важны все клиенты.

Синкфилд кивнул.

— Держу пари, это они в вас и ценят. Знаете ли, мы работаем по этому делу лишь пару дней и выяснили лишь одно: у Каролин Эймс была масса друзей.

— Масса?

— Вот-вот. Я удивился, что многие не пришли на похороны. Но, вот что я хочу вам сказать.

— Что?

— Я не думаю, что нынче людям нравится ходить на похороны. Раньше они проявляли к ним куда больший интерес. — Пожалуй вы правы, — согласился Дэйн.

В сорок пять лет он уже начал полнеть. Подбородок старался держать высоко, тем самым скрывая второй. Из-за стекол очков смотрели умные, зеленые глаза. Тонкогубый рот свидетельствовал о нстерпеливости или

злости. Волосы поредели. Одевался он консервативно: белая рубашка, строгий галстук, темно-синий костюм, черные туфли. А может, в этот наряд он облачался лишь по случаю похорон.

— Мы часто бываем на похоронах, Проктер и я, — соловьем заливался Синкфилд. — Вы понимаете, это часть нашей работы, учитывая, что служим мы в отделе убийств. Мы проверяем, кто из друзей усопшего приходит, а кто — нет. Но, черт побери, мне нет нужды рассказывать вам об этом. Вы же, некоторым образом, наш коллега.

— Да, — Дэйн еще чуть подвинулся.

Но Синкфилд вновь загородил ему обзор.

— К примеру, мы пришли на похороны дочери сенатора Эймса, и вы тут, как тут. Интересное совпадение. Вы тоже пришли с тем, чтобы посмотреть, кто из ее друзей объявится, а кто — нет?

— Я всего лишь представляю своего клиента, — ответил Дэйн.

— Полагаю, вы не собираетесь назвать мне его имя?

— Не думаю, что это необходимо.

— Не возражаете, если я попробую догадаться?

Дэйн вздохнул.

— Не возражаю.

— Так вот, ваше присутствие здесь указывает на то, что клиент очень важный, иначе вы прислали бы одного из своих мальчиков, которые одеваются, как близнецы, в одинаковые пиджаки и брюки. Но, раз мы удостоены чести лицезреть вас, значит у клиента есть деньги, много денег. Так что я, скорее всего, не ошибусь, сказав, что ваш клиент — жена сенатора, миссис Эймс, с ее несчитанными миллионами баксов.

— Вы беседовали с миссис Эймс, — отвечивал Дэйн.

— Она — ваш клиент?

— Да. Она мой клиент.

— Мы действительно говорили с ней, — признал Синкфилд. — Сразу после убийства ее дочери. О вас она не упоминала. Она наняла вас, чтобы вы выяс-

нили, кто убил ее дочь?

— Вы же знаете, что это конфиденциальная информация, лейтенант.

— У меня на этот счет иное мнение. Она могла быть конфиденциальной, если бы вы готовили ее развод. Тогда да, никто бы с этим не спорил. Этим вы и занимаетесь, участвуете в подготовке бракоразводного процесса?

— Считайте, что да.

Синкфилд улыбнулся. Неприятной улыбкой.

— Хорошо, мистер Дэй. Разговор с вами доставил мне истинное наслаждение.

— Да, конечно, — кивнул Дэй и проследовал в церковь.

Синкфилд повернулся ко мне.

— Подслушивали, не так ли? — В меру возможностей.

— Все слышали?

— Думаю, что да.

— Он много добился, этот бывший бухгалтер.

— Я думал, он работал в ЦРУ.

— Сначала в ФБР, потом перешел в ЦРУ. Вы знаете, кто он теперь?

— Глава "Службы безопасности Дэйна, инкорпорейшн".

— У него двести сотрудников и большинству из них не хватает денег на проезд в автобусе, направляющемся в Детройт из Южной Каролины. Он дает им униформу и платит двести двадцать долларов в час за то, что по ночам они ходят вдоль длинных стальных заборов с повязкой на рукаве, на которой написано "Служба Дэйна", и с заряженным револьвером тридцать восьмого калибра в кобуре. Клиенту их услуги обходятся в сорок пятьдесят долларов за тот же час.

— Неплохо.

— Знаете, как он начинал?

— Нет.

— Пять лет тому назад ему стукнуло сорок. Он по-прежнему работал в ЦРУ, безо всяких перспектив на продвижение по службе. Двое его начальников затеяли

какое-то общее дело с парой парней из ФБР, с которыми он работал раньше. Они взяли его на ленч. В "Хоккей-клуб". Точного дня указать не могу. Возможно, они встречались несколько раз.

— Это неважно, — отметил я.

— Да. Короче, они поведали ему, что есть на свете процветающие граждане, а также компании и прочие организации, которые, не по собственной вине, сталкиваются с проблемами, разрешить которые может опытный следователь, достаточно честный, не косноязычный и обладающий хорошими манерами.

Синкфилд помолчал, чтобы раскурить новую сигарету от крошечного бычка.

— Они сказали, что проблемы эти очень деликатные, поэтому требуют деликатного подхода. Подчеркнули, что они, эти проблемы, столь деликатны, что обычное правосудие не стало бы ими и заниматься. В дальнейшем выяснились, что эти люди и организации хотели бы немедленного разрешения этих проблем, да вот беда, они, сотрудники ЦРУ и ФБР, не знают, кого бы им порекомендовать. А вот если бы Дэйн организовал собственную фирму, они бы гарантировали ему постоянный поток клиентов, мучающихся деликатными проблемами. Если же у Дэйна нет стартового капитала, они полностью доверяют ему и готовы инвестировать по несколько тысяч долларов каждый, чтобы вдохнуть жизнь в новое дело.

— Я слышал, что дело у него спорится.

— Да. Управляется он неплохо и при этом богатеет. Его охранники, не колеблясь, стреляют во всякого, кто движется, особенно в чернокожих. Они доставляют нам массу хлопот.

Напарник Синкфилда, Джек Проктер, коснулся плеча лейтенанта.

— Прибывает миссис Эймс.

Мы повернулись и увидели длинный черный "кадиллак", подкативший к ступеням, ведущим в церковь. Молодой, стройный мужчина, смуглолицый, в темно-сером костюме, выскользнул из-за руля, обе-

жал автомобиль, открыл заднюю дверь.

Из салона появилась одетая в черное женщина. Когда молодой человек предложил ей руку, она отрицательно покачала головой. Лицо ее закрывала черная вуаль. Она поднялась по лестнице, глядя прямо перед собой. Несмотря на вуаль, я смог разглядеть ее лицо. Волевое, симпатичное, когда-то скорее всего, очень красивое. Я предположил, что ей сорок три или сорок четыре года, хотя выглядела она моложе.

— А где сенатор? — полюбопытствовал я.

— Возможно, в том автомобиле, — Синкфилд указал на второй "кадиллак", вставший в затылок в тому, что привез миссис Эймс. Сенатор вышел из него первым. Огляделся, словно не сразу понял, куда он попал и по какому поводу. У меня возникло ощущение, что выглядит он так, как и должны выглядеть сенаторы, даже берущие взятки. Высокий, подтянутый, с раздвоенным подбородком. Я не мог видеть его глаз, скрытых черными очками, но знал, что они карие. Одни говорили, что они всегда грустные, другие видели в них душевную теплоту. Его каштановые волосы вились по-прежнему (последний раз я видел сенатора по телевизору), но седины в них заметно прибавилось.

Он на мгновение застыл, потом опустил голову, словно пытался вспомнить, а что же ему надобно делать дальше. Повернулся к машине и протянул руку. Левую. Помог женщине выйти из салона, а я помнится, удивился, что за странный свист донесся до моих ушей. И лишь потом понял, что свист этот от моего резкого вдоха. Так я отреагировал на Конни Майзель.

Возможно, я мог бы описать ее тремя словами: светловолосая, красивая, кареглазая. В принципе этого достаточно, чтобы понять, как она выглядела. Впрочем, точно так же можно было сказать, что Тадж-Махал — красивый белый дом, а Мона Лиза — милая женщина с забавной улыбкой.

Дело в том, что у Конни Майзель не было недостатков. Ни единого. Если говорить о ее внешности. И дело не в абсолютно правильных чертах лица. Тогда она не

была бы ослепительно прекрасной. Теперь-то я думаю, что лоб у нее был чуть высоковат, нос на йоту длинен, рот слишком широк. Глаза, горящие внутренним огнем, излишне велики. Некоторые могли бы сказать, что у нее чересчур длинные ноги, узкие бедра и высокая грудь. Но сложившись, все эти ошибки природы дали удивительный результат: оторвать взгляд от Конни Майзель не было сил. Ко всему прочему чувствовалось, что она умна. Может, слишком умна.

— Закройте рот, — раздался под ухом голос Синкфилда, — если вам не хочется жевать мух.

— Я не голоден. Я влюбился. — Впервые увидели ее, так? — Совершенно верно.

— Когда я впервые увидел ее, то отпросился с работы, поехал домой и оттрахал свою старуху. В разгаре дня, черт побери.

— Нормальная реакция.

— Ну-ну, — хмыкнул Синкфилд. — Видели бы вы мою жену.

Конни Майзель кивнула Синкфилду, когда она и сенатор проходили мимо нас. Сенатор смотрел прямо перед собой. То ли он крепко выпил, то ли пребывал в шоке. Шли они медленно, осторожно переставляя ноги по ступеням.

Синкфилд не кивнул в ответ. Вместо этого он пожирал глазами Конни Майзель и во взгляде его читалась откровенная похоть. Когда она скрылась в церкви, он покачал головой.

— Не следует думать о таком. Во всяком случае, на похоронах в церкви.

— Я же сказал, это реакция нормального человека.

— Наверное, у меня гиперсексуальность. Вы знаете, как выглядит моя жена?

— Нет.

— Она похожа на мальчика средних лет, — он вновь покачал головой. — Что это на меня нашло.

У церкви остановилось такси. Из кабины выскочил молодой человек в темном костюме, белой рубашке и черном галстуке с маленькими белыми точками. Его

вьющиеся мелким бесом волосы отливали темной бронзой. Золотисто-коричневая кожа цветом напоминала кофе со сливками.

— Если б я отдавал предпочтение мальчикам, про-
бормотал Синкфилд, — этот бы мне понравился. Сим-
патяга, не так ли?

— Кто он?

— Кавалер. Вождь Игнатий Олтигби.

— Вождь?

— Наследный правитель в Нигерии, а также амери-
канский гражданин, поскольку мать его американка.
Отец нигериец. Вроде бы. Все так перепутано.

Выглядел Игнатий Олтигби лет на двадцать восемь -
двадцать девять. Он легко взбежал по ступенькам и ода-
рил Синкфилда белоснежной улыбкой.

— Привет, лейтенант. Я опоздал?

Синкфилд посмотрел на часы.

— У вас есть еще несколько минут.

— Тогда можно и покурить, — он достал серебряный
портсигар, предложил его Синкфилду, но тот поднял
правую руку с недокуренной сигаретой. Тогда он пред-
ложил портсигар мне. — Не желаете покурить, сэр? —
говорил он с английским акцентом.

— Я не курю.

— И правильно.

Он продолжал смотреть на меня, а потому Синкфилд
решил, что нас надо представить друг другу.

— Это Декатар Лукас. Игнатий Олтигби.

— Добрый день, — он не протянул руки. И правильно
сделал. Я не люблю пожимать чьи-то руки. — Вы при-
ятель Каролин?

— Нет.

— Он репортер, — пояснил Синкфилд.

— О, неужели, — он бросил только что закуренную
сигарету на ступеньку и растер ее ногой. — Как это,
должно быть, интересно.

— Захватывающе.

— Вот-вот, — он улыбнулся Синкфилду и прошество-
вал в церковь.

— Как я понимаю, вы с ним уже побеседовали.

— Да, — кивнул Синкфилд. — Он ничего не знает. Или говорит, что ничего не знает. Но разве можно ждать чего-то иного от человека, который выдает себя за нигерийского вождя, родился в Лос-Анджелесе и разговаривает, как английский дворецкий? Готов спорить, баб у него больше, чем у петуха — кур.

Джек Проктер, напарник Синкфилда, подошел к нам.

Высокий, широкоплечий мужчина с на удивление добрым лицом.

— Пожалуй, я пойду в церковь, Дэйв.

— Почему нет?

— Ты тоже придешь?

— Через минуту-другую.

Мы постояли на лестнице перед церковью, пока Синкфилд докуривал последнюю сигарету. И уже повернулись, чтобы войти в двери, когда по ступеням поднялась женщина в коричневом брючном костюме и остановилась рядом. На пиджаке было восемь больших пуговиц, но располагались они не симметрично, а под углом, потому что женщина неправильно застегнула пиджак. Ее длинные темно-каштановые волосы падали на плечи. Глаза скрывали большие темные очки. На губах алела помада. А жевательная резинка не могла устранить запаха виски. Дорогого виски.

— Здесь отпевают Каролин Эймс? — спросила женщина.

— Да, мадам, — ответил Синкфилд.

Женщина кивнула. Я подумал, что она моложе меня, года тридцать два и тридцать три, и она показалась мне очень уж домашней. Она совсем не напоминала любительниц набраться с самого утра. Наоборот, я легко мог представить ее у плиты, пекущую плюшки.

— Я опоздала? — слова она старалась произносить как можно четче.

— Вы успели вовремя, — ответил Синкфилд. — Вы — подруга мисс Эймс?

— Да нет, пожалуй подруга Каролин. Я давно ее

знала.

Может, и не очень давно. Шесть лет. Я была секретарем сенатора. Личным секретарем. Потому-то я и знала Каролин. Меня зовут Глория Пиплз. А вас?

Она, похоже, настроилась поболтать, но Синкфилд разом осек ее.

— Моя фамилия Синкфилд, мадам, но, может, вам лучше пройти в церковь и занять место. Служба вот-вот начнется. — Он там? — спросила Глория Пиплз.

— Кто?

— Сенатор.

— Да, он там.

Женщина решительно кивнула.

— Хорошо.

Она проследовала дальше, практически не шатаясь.

Синкфилд вздохнул.

— Без таких не обходятся ни одни похороны.

— Без кого?

— Без алкоголиков.

В церкви мы уселись в последнем ряду, рядом с напарником Синкфилда, Джеком Проктером, и частным детективом Артуром Дэйном. Два передних ряда по обеим сторонам центрального прохода пустовали. Лишь слева сидели сенатор и Конни Майзель, а справа — мать покойной.

Служба обещала быть короткой, и уже катилась к концу, когда женщина в коричневом брючном костюме, представившаяся как бывшая секретарь сенатора, поднялась и двинулась к алтарю по центральному проходу.

— Бобби! — закричала она. — Черт бы тебя побрал, Бобби, посмотри на меня!

Не сразу до меня дошло, что под Бобби подразумевался экс-сенатор Роберт Эф. Эймс. Служба прервалась. Головы присутствующих повернулись к женщине. Все, за исключением головы Роберта Эф. Эймса. Или Бобби.

— Почему они не подпускают меня к тебе, Бобби? — кричала женщина, которую звали Глория Пиплз. — Я хочу хотя бы минуту поговорить с тобой. Одну

чертову минуте!

Синкфилд уже встал и шел по проходу. Но Конни Майзель оказалась проворнее. Она взяла женщину за руку, а та продолжала вопить:

— Я только хочу поговорить с ним! Почему мне не дают поговорить с ним?

Конни Майзель наклонилась к правому уху Глории Пиплз и что-то прошептала. Со своего места я увидел, как побледнела Глория. Она буквально сжалась, затем испуганно огляделась. Потом посмотрела на переднюю скамью, где сидел сенатор. Но увидела лишь его затылок.

Конни Майзель сказала что-то еще, всего несколько слов. Глория Пиплз зло кивнула, повернулась, протиснулась мимо Синкфилда и побежала к дверям. Когда она поравнялась со мной, по ее щекам уже текли слезы. Конни Майзель вернулась на свое место рядом с сенатором. Синкфилд вновь составил мне компанию на заднем ряду. Служба возобновилась.

— Как по-вашему, что все это значит? — спросил Синкфилд. — Откуда мне знать, — ответил я. — Почему бы вам не справиться у Бобби?

Глава 9

Большинство пришедших на панихиду уже покинули церковь, и я вновь стоял на ступенях, раздумывая о своем следующим шаге, когда рядом остановился Игнатий Олтигби, достал из портсигара сигарету, постучал ею по тыльной стороне левой руки.

Закурил, выпустил струю дыма.

— Вы работаете у Френка Сайза?

— Совершенно верно.

— Мне говорила Каролин.

— Неужели?

— Да, я был у нее, когда она звонила вам.

— Это любопытно.

Он улыбнулся.

— Я надеялся, что вас это заинтересует. Я даже наде-

ялся на большее: что вы найдете мои слова весьма и весьма интересными.

Я пристально всмотрелся в него. Губы вроде бы улыбались, но до глаз улыбка так и не дошла. Вероятно, путь туда был чересчур длинным.

— Насколько я понимаю, мы говорим о деньгах.

— Да, конечно, раз уж вы упомянули о них.

— Сначала я должен проконсультироваться с Сайзом.

О какой сумме идет речь?

— Э... скажем, о пяти тысячах долларов.

— Это большие деньги.

— Не очень. Товар стоит дороже.

— Какой товар?

— Все то, о чем говорила вам Каролин.

— Товар у вас?

— Во всяком случае, я знаю, где его взять.

Я кивнул.

— Ваша последняя цена?

Он отбросил сигарету.

— Я же сказал. Пять тысяч долларов.

— И я повторю, что должен проконсультироваться с Сайзом. Это его деньги.

Олтигби опять улыбнулся.

— Хорошо. Встретимся попозже, выпьем по рюмочке?

— Согласен. Где?

— В тихом и спокойном месте. К примеру, в баре отеля "Вашингтон". В пять?

— В пять, — кивнул я. — Но денег я не принесу.

— Вы хотите сказать, что Сайз сначала захочет проверить качество товара?

— Именно так.

Олтигби улыбнулся во все тридцать два белоснежных зуба. — Я принесу образец, а если ваш интерес не угаснет, вечером мы сможем совершить обмен.

— Годится.

— Но приходите один, мистер Лукас. Без Френка Сайза и... э... копов.

— Это понятно. Они могут подумать, что вы нару-

шаете закон, скрываете необходимую следствию информацию.

— Но я ничего не скрываю, не так ли? Я предлагаю ее вам в уверенности, что мистер Сайз передаст ее в надлежащие руки.

— Естественно, передаст, но это обойдется им недешево. — Правда? — у Олтигби загорелись глаза. Деньги, судя по всему, вызывали у него живейший интерес. — Вы хотите сказать, что он загонит эти материалы копам?

— Совершенно верно.

— И за сколько?

— За десять центов. Именно в такую сумму обойдется им газета с его колонкой.

Френк Сайз хмурился. Я говорил, что он должен заплатить за информацию, он же полагал, что ее можно просто украсть.

— В таком случае я ударю его по голове и отберу все, что будет при нем, — предложил я.

Сайз улыбнулся, затем вновь помрачнел.

— Нет. Вы не из таких.

— Вы правы. Это не мой стиль.

— Нельзя ли уговорить его сбросить цену?

— Я за это не берусь.

— А что вы знаете об этом типе?

— Немного. Он наполовину нигериец, но родился здесь, а потому является американским гражданином. Я думаю, что вырос он в Англии. Во всяком случае, разговор у него, как у англичанина. О, да, он наследный вождь.

— Это еще что такое?

— Титул, передаваемый по наследству, от отца сыну.

— И что он означает?

— Возможно, в социальной иерархии ставит его выше кентуккского полковника. Но только на чуть-чуть.

— И он спал с дочерью Эймса?

— Так мне сказали.

— Надеюсь, его информация стоит таких денег.

- Если не стоит, я ему не заплачу.
- Вы думаете, что сможете оценить его "товар".
- Полагаю, что да. За это вы мне и платите.

Френк Сайз пожевал нижнюю губу, тяжело вздохнул.

- Мэйбл! — крикнул он.
- Что? — донеслось в ответ.
- Зайди на минуту.

Мэйбл вошла в кабинет.

- Что теперь?
- Сходи в банк и возьми пять тысяч долларов.
- Из сейфа?
- Черт, да, из сейфа.

Она посмотрела на меня.

- Чего это он так кипятится?
- Ему приходится тратить деньги. Наверное, причина в этом.

Она кивнула.

— Да, в этом случае реакция у него всегда одинаковая. — Какими купюрами желает Олтигби получить свои пять тысяч? — спросил меня Сайз. — Он не сказал. Думаю, десятками и двадцатками. Старыми. Сайз повернулся к Мэйбл.

— Хватит у нас десяток и двадцаток?

— Если нет, добавлю несколько купюр по пятьдесят долларов.

— Хорошо, — он посмотрел на меня. — Вы собираетесь встретиться с ним в пять?

Я кивнул.

— Чтобы получить образец.

— Хорошо. Если он вас устроит, приезжайте ко мне домой за деньгами.

Я встал.

— Так и сделаю.

— А куда вы сейчас?

— Хочу навестить экс-секретаря экс-сенатора.

— Вы говорите, она устроила скандал на похоронах?

— Пожалуй, что да.

— И чем она сможет вам помочь?

— Не знаю? Может, разживусь у нее пирожным. и

стаканом молока.

Покинув дом Френка Сайза, я нашел винный магазин и купил пинту шотландского "J&B". Мать с детства внушала мне, что в гости надо идти с подарком. Недорогим, говорила она, но полезным. Я подозревал, что на данный момент Глория Пиплз воспримет бутылку виски как наиболее полезный подарок.

По телефонному справочнику я определил, что живет она в Виргинии, а квартира ее находится в одном из новых жилых комплексов, что поднялись на Ширли-Хайвэй за "Армейским загородным клубом". Вестибюль охраняла женщина лет шестидесяти, которая даже не оторвалась от журнала, когда я прошествовал к лифту. Список жильцов подсказал мне, что Г. Пиплз занимает квартиру номер девятьсот четырнадцать.

Лифт поднял меня на девятый этаж, ублажая слух мелодией, как мне показалось, из мюзикла "Любовь и семья". По устланному ковром коридору я зашагал к нужной мне квартире. Нажал на пластмассовую, цвета слоновой кости, кнопку. За дверью звякнул звонок. Я подождал тридцать секунд, а поскольку ничего не изменилось, вновь нажал на кнопку. Еще через пятнадцать секунд из-за двери послышался голос Глории Пиплз: "Кто здесь?"

— Декатар Лукас.

— Я вас не знаю. Что вам нужно?

— Я бы хотел поговорить с вами, мисс Пиплз.

— Я — миссис Пиплз и ни с кем не хочу говорить.

Уходите.

— Я хотел бы поговорить с вами о сенаторе Эймсе.

— Говорю вам, уходите. Я ни с кем не хочу говорить.

Я больна.

Я вздохнул.

— Как вам будет угодно. Я лишь хотел дать вам знать, что ваш дом в огне.

Звякнула цепочка. Сдвинулся засов. Дверь открылась и Глория Пиплз высунулась наружу.

— Что значит, мой дом в огне?

Я раскрыл дверь пошире и протиснулся мимо жен-

щины в ее квартиру.

— Позвольте поблагодарить вас за то, что пригласили меня к себе.

Глория с треском захлопнула дверь.

— Конечно, пригласила. Почему нет? Устраивайтесь, как дома. Можете выпить.

Я огляделся.

— А что вы пьете?

— Водку.

— А я люблю шотландское.

— Я тоже, но виски больше нет.

Я достал из кармана бутылку и протянул ей.

— Возьмите. Я купил вам подарок.

Она взяла бутылку, присмотрелась ко мне.

— Я вас видела. Этим утром. Вы были на похоронах.

— Совершенно верно.

— Как вас зовут?

— Декатар Лукас.

— О, да. Вы же мне говорили. Забавное имя. И чем вы занимаетесь?

— Я историк.

— Ерунда.

— Я работаю на Френка Сайза.

— А-а-а. На него, — я заметил, что многие именно так и реагировали при упоминании имени и фамилии моего нового работодателя. Я, кстати, тоже.

— Вода сойдет?

— Да, конечно.

Она кивнула и прошествовала через гостиную на кухню.

Квартирка у нее была чистенькая. Но мебель, похоже, подбиралась для другой, больших размеров. Диван я счел слишком длинным, низкий, из черного стекла, круглый кофейный столик — чересчур широким. Стульев было на два больше, так что в гостиной едва хватило место для секретарского стола из вишневого дерева и полка с книгами. Я подошел, прочитал названия некоторых.

"Психология и ты", "Что хотел сказать Фрейд", "Я в

порядке — ты в порядке", "Анормальная психология", Игры, в которые играют люди", "Радуйся, что ты невротик". В остальном это были романы, за исключением "Руководство личного секретаря" и нескольких антологий поэзии. Я решил, что такая библиотека может принадлежать женщине, которая много времени проводит в одиночестве, причем ей это совсем не нравится.

Стены украшали репродукции. Главным образом, виды Парижа и большая черно-белая копия картины Пикассо "Дон Кихот и Санчо Панса". Я подумал, что, избавясь она от пары стульев, купи второй кофейный столик и переставь мебель, гостиная могла бы получиться очень уютной. Мне нравилось мысленно переставлять мебель. Это занятие позволяло скоротать время, проведенное в ожидание людей, которые не испытывали тяги к общению со мной. За последний десяток лет таких набралось много, так что я стал крупным специалистом по перестановке мебели. Разумеется, мысленной.

Глория Пиплз вернулась с двумя высокими стаканами. Один протянула мне.

— Присядьте, пожалуйста.

Я выбрал диван. Она — кресло, куда и плюхнулась, подложив под себя правую ногу. Многим женщинам нравится так сидеть, и я никак не могу взять в толк, почему. Коричневый костюм сменил зеленый домашний халат, застегнутый на все пуговицы. Она, должно быть, умылась, потому что с губ исчезла помада. Глаза, что скрывались за черными очками, оказались огромными, карими и грустными. Впрочем, в больших карих глазах всегда читается грусть. Белки глаз чуть покраснели, кончик носа блестел. Губы, без помады, стали по-детски пухлыми.

— Так о чем вы хотите поговорить?

— Как я и сказал, о сенаторе Эймсе.

— Я не хочу говорить о нем.

— Хорошо, давайте поговорим о чем-нибудь еще.

Ее это удивило.

— Я-то думала, что вы хотите говорить о нем.

— Но вы-то — нет. Давайте для разнообразия пого-

ворим о вас.

Тут я попал в точку. Это была ее любимая тема. Впрочем, как и для большинства людей.

— Вы работали у него, не так ли? Были его личным секретарем?

— Да, была его личным секретарем.

— Сколь долго?

— Не знаю. Долго.

— Чуть больше пяти лет, не так ли?

— Да, полагаю, что да. Пять лет.

— Вы начали у него работать до того, как он переехал в Вашингтон?

— Совершенно верно. Он нанял меня в Индианаполисе.

После того, как... — она запнулась. — После того, как умер мой муж.

— Вы оставили это место, когда он ушел в отставку?

— Раньше.

— Когда же?

Она чуть ствернула голову, потом улыбнулась. Мягкой улыбкой, заставившей меня вспомнить о молоке и домашних булочках.

— Вы еще не видели моего главного постояльца.

Я проследил за ее взглядом. Большой, темный, абиссинский кот появился на пороге, сел, облизнулся и оглядел комнату, дабы убедиться, а нет ли тут кого лишних.

— Догадайтесь, как я его назвала?

— Здоровый образ жизни.

— Перестаньте, с чего мне так его называть?

— Вы же предложили мне догадаться.

— Я назвала его Везунчик.

— Мне нравится.

— Но с везением у него туто. Я про Везунчика. Я его кастрировала.

— Может, для него так и лучше.

— И у него вырвали когти. На передних лапах. Чтобы он не царапал мебель.

— Во всяком случае, ему оставили глаза.

— По большому счету, когти ему и не нужны. Они понадобились бы ему, если б за ним гналась собака и он захотел забраться на дерево. Но я не выпускаю его из квартиры.

— Он, несомненно, вас понимает.

— Не знаю. Может, и не стоило удалять ему когти. Пусть бы лазил по мебели, как по деревьям. Но это мой первый кот. Его подарил мне он. Если я заведу второго, то оставлю его таким, как он есть.

— Так он подарил вам кота, когда вы были его личным секретарем?

— Да, тогда я была его секретарем.

— А почему перестали быть им?

— Наверное, я ему надоела. Кто будет держать в секретарях старую тридцатидвухлетнюю каргу? Как-то он вызвал меня и сказал, что переводит меня секретарем к Кьюку.

— К кому?

— Мистру Камберсу. Биллу Камберсу. Его административному помощнику. Все звали его Кьюк. Понимаете, Кьюк Камберс. Ему это не понравилось.

— Сенатор объяснил вам, чем вызван ваш перевод на другое место работы?

— Он сказал, что Кьюку нужен секретарь. Девушка, что работала у него, вышла замуж и уволилась.

— Когда это произошло?

— Не помню. Месяцев шесть тому назад. Может, семь.

— То есть в то время, когда он начал трахать Конни Майзель, не так ли? — Что ж, дорогая, вот тебе и первый барьер, подумал я. Интересно, как ты его возьмешь?

Глория Пиплз опустила глаза.

— Я не знаю, о чем вы говорите. Мне не нравятся ваши намеки.

— Он бросил вас ради нее, так?

— Я не хочу об этом говорить.

— Почему вы устроили скандал на похоронах? Причина в том, что Конни Майзель не подпус-

кает вас к нему?

Вот тут Везунчик подошел к своей хозяйке. Она наклонилась, подняла его. Посадила на колени. Он положил передние, лишенные когтей лапы ей на грудь. И довольно замурлыкал.

— Я не хотела поднимать шума, — обращалась она, похоже, к коту. — Не хотела устраивать скандал. Я подумала, что теперь, после смерти Каролин, я ему нужна. Он всегда приходил ко мне в час беды. Я успокаивала его. Бывало, он приходил сюда в семь или восемь вечера, если ему удавалось вырваться так рано. Я готовила ему обед, а потом мы пропускали по рюмочке, а иногда и нет. Он садился в кресло. Мы смотрели телевизор или он рассказывал, как прошел день. Иногда мы ели воздушную кукурузу. Он один мог съесть большой пакет. Очень любил воздушную кукурузу. Он говорил о своих проблемах. Ему это нравилось. Мы никуда не ходили. Он никогда не появлялся со мной на людях. Мы просто сидели, разговаривали, смотрели телевизор. Это продолжалось пять с половиной лет, прямо таки семейная идиллия.

— И как все кончилось?

Она пожала плечами.

— Как обычно. Раз, и все. Как только он встретил ее. Я это знаю.

— Конни Майзель?

Она кивнула.

— Да. Он просто позвонил мне и сказал, что Кьюку нужен секретарь и я перехожу к нему. Я спросила, почему, а он ответил: так надо. Я сказала, что это несправедливо, и получила ответ, что я могу уволиться, если полагаю, что со мной обходятся несправедливо. Я не уволилась. Работала у Кьюка, пока он не подал в отставку.

— А где вы работаете теперь?

— В министерстве сельского хозяйства. Когда работаю.

— Они меня уволят, если я не начну появляться на работе.

— А его жена?

— Луиза? Она-то тут причем?

— Она знала о ваших отношениях?

Вновь Глория пожала плечами.

— Теперь, я полагаю, знает. Она была на похоронах. Она видела, какую я свалила дурочку. Но тогда она ничего не знала. Полагаю, даже не подозревала о нашей связи. Он же со мной нигде не бывал. Только в постели. Меня он использовал для одного: прийти, покувыркаться под одеялом и поесть воздушной кукурузы. Потом он сжал домой. Знаете, как он меня называл?

— Как?

— Мое маленькое прибежище. Любовниц обычно так не называют, не так ли?

— Не знаю. Может, он был другого мнения.

Глория отхлебнула виски.

— Нет, ласковые имена не для него, как и другие проявления любви. Может, с этой сучкой Майзель он менялся, но не со мной. Я думаю, за пять с половиной лет он раза два сказал мне "дорогая". И все. Только тискал меня. Впрочем, мне ничего более и не требовалось.

Не грусти, девочка, подумал я, другим также ничего другого не требуются, даже если они этого и не знают. Ты-то, по крайней мере, знала.

— А каким он стал после встречи с Конни Майзель?

— Что значит, каким?

— Изменился ли он? Стал по-другому говорить? Начал пить?

Глория покачала головой.

— Стал более спокойным. Собственно, видела я его только на работе. Он начал иначе одеваться. Раньше предпочитал консервативные костюмы, а тут купил себе новый гардероб. Яркие галстуки, широкие лацканы пиджаков. Вы понимаете.

— Что еще?

— От встречи с ней до его отставки, вызванной публикацией Сайза, прошел всего месяц. С самого начала он всюду появлялся с ней. Не прятал ее от чужих взглядов, как меня. Бывал с ней повсюду: в ресторане Пола

Янга, в "Монокле", у "Камилла". Иногда он просил меня заказать им столик. Словно старался выставить ее напоказ, чтобы ему все завидовали.

— Вы видели его в компании полковника Багтера или человека по фамилии Каттер?

— Каттер и Баггер, — повторила она. — Они-то и навлекли на него неприятности. Я видела их один раз. В субботу. Меня попросили взять его билет в "Юнайтед", а потом обменять чек на наличные в винном магазине на Пенсильвания-авеню. Поэтому мне пришлось работать в ту субботу.

— На какую сумму был чек?

Еще глоток виски, и ее бокал практически опустел.

— Не помню. Долларов на сто. На такси и чаевые.

— Как вы заплатили за авиабилет?

— По кредитной карточке. На работе у нас специальные бланки. Он их подписывает, я несу в авиакомпанию, и деньги автоматически снимаются с его счета.

— Значит, он не забыл билет дома?

— Я сама дала ему билет. С чего вы об этом спрашиваете? — Не знаю. Глупый какой-то вопрос.

— Вы собираетесь написать о... о нем и обо мне?

— Думаю, что нет.

— Честно говоря, мне все равно, напишите вы или нет.

— Вы все еще любите его, не так ли?

Она не ответила. Допила виски.

— Вы ничего не записываете. Только сидите и слушаете. Вы — хороший слушатель.

— Стараюсь.

— Поверьте мне, я в этом дока. Я тоже хороший слушатель. Бывало, только и делала, что слушала его. Вот что я вам скажу.

— Что?

— Этот дурачок думал, что сможет стать президентом. Говорил мне об этом, — она помолчала. — Да нет, разговаривал он не со мной. Его основным слушателем был он сам.

— И когда он говорил об этом?

— О, давным давно. Когда мы... когда у нас все только началось.

— Когда его в первый раз избрали сенатором?

— Сразу после этого. Он все рассчитал. Намеревался использовать деньги жены. У нее миллионы, а у него приятная внешность, принадлежность к демократической партии и достаточно большой штат на Среднем Западе. Он действительно полагал, что к пятидесяти шести годам это сочетание забросит его в Белый дом. И знаете, о чем я его тогда спросила?

— О чем?

— Я спросила, а что будет со мной, когда он станет президентом? — Глория рассеялась, но очень уж невесело. — Мы что-нибудь придумаем, сказал он. А потом я частенько сидела, представляя себе, как темной ночью меня, закутанную в норковое манто, большой черный лимузин везет в Белый дом... — она замолчала, рот ее приоткрылся, затем уголки его опустились, отчего Глория стала похожа на Трагедию, как изображали ее древние греки. Плечи задрожали, она уронила стакан и из груди вырвалось рыдание. Слезы потекли по щекам и в открытый рот. Она столкнула кота на пол. И разрыдалась в полную силу.

Я решил, что слезы не помеха моему следующему вопросу. — Что сказала вам Конни Майзель на похоронах?

Глория сдержала рыдания.

— Она... она сказала мне... сказала, что засадит меня в тюрьму, в камеру к лесбиянкам, если я не отстану от него.

Она... она напугала меня. Она... она плохая!

— О, Господи, — я подошел к Глории, помог ей встать. Обнял, погладил по волосам. Она дрожала всем телом, но рыдания прекратились. Теперь она лишь всхлипывала. — Я никоенвижуего, — всхлипывания слили фразу в одно малопонятное слово.

— Что?

— Я... я никогда не увижу его!

Я успокаивал ее похлопыванием по спине и погла-

живанием по волосам. Стихли и всхлипывания. Она подняла голову. Она хочет, чтобы я ее поцеловал, подумал я. Не лично я. Кто угодно. Лишь бы он был выше ростом, сильнее и сказал ей, что все будет в порядке. Поэтому я поцеловал ее. Как сестру. Младшую. Но мгновением позже губы ее раскрылись и язык устремился мне в рот. Мне предоставлялся выбор: откусить его или ответить на поцелуй. Я ответил. А когда оторвался от Глории, чтобы вдохнуть, вновь похлопал ее по спине.

— Давайте сядем, — я взял ее за руку, подвел к дивану, усадил. — Где у вас ванная?

Она показала.

Я вернулся с влажной тряпкой и сухим полотенцем. Она послушно подняла голову, чтобы я мог вымыть и вытереть ей лицо.

— Хотите еще выпить? — спросил я.

Она покачала головой.

— Зачем вы задавали мне все эти вопросы?

— Старался понять, что же с ним произошло.

— Он не брал тех пятидесяти тысяч, о которых написал Сайз.

— Не брал?

— Нет.

— Почему вы так решили?

— Я знаю, что не брал. Он никогда не пошел бы на такое. — Так что же его заставило выступить с той речью?

— Не знаю. Но все шло хорошо, пока он не встретил ее.

— Конни Майзель?

— Во всем виновата она. Только она, — Глория посмотрела на меня. — Не хотели бы вы лечь со мной в постель? Если такое желание есть, я возражать не стану.

— Давайте подумаем об этом, — я похлопал ее по колену, — когда вы немного успокоитесь.

Она уже забыла, о чем спрашивала.

— Когда вы выясните, что за этим стоит, ему, скорее всего, не поздоровится. Его арестуют и надол-

го посадят в тюрьму, не так ли?

— Не знаю, — в моем голосе слышалось сомнение. — Откровенно говоря, я не могу вспомнить хотя бы одного экс-сенатора Соединенных Штатов, получившего большой срок.

Глава 10

Через десять лет в центре Вашингтона по-видимому не останется ни одного отеля. "Уиллард" давно закрылся. АФТ/КПП* купили отель, что располагался рядом с их штаб-квартирой, и сровняли его с землей. "Аннаполис" обанкротился. Армия спасения заняла "Гамильтон". На Капитолийском холме канули в небытие "Додж", "Конгрешнл" и "Континентал". Одно время шли разговоры о том, что снести "Вашингтон" и построить на его месте что-нибудь более полезное, к примеру, автостоянку. Расположен отель "Вашингтон" неподалеку от здания министерства финансов, и при здравом размышлении я прихожу к выводу, что участок, который оно занимает, очень даже сгодился бы под ту самую автостоянку.

Но "Вашингтон" выжил. Номера обставили новой мебелью. Лифты заменили. На одном из этажей открыли французский ресторан с отличной кухней. В баре этого самого ресторана в пять часов царили тишина и покой.

Игнатий Олтигби опоздал на несколько минут. Я, как обычно, прибыл вовремя. Пунктуальность вошла у меня в привычку, отчего я теряю много времени, ожидая тех, с кем назначена встреча.

— Ужасно извиняюсь, — Олтигби уселся на стул за маленьким столиком.

— Я сам только что пришел, — эту дежурную фразу я говорил всем опаздывающим, даже тем, кто припозднился на двадцать девять минут. Минутой спустя они меня уже не заставляли.

*АФТ/КПП — Американская конфедерация труда и Конгресс производственных профсоюзов.

— Что мы пьем? — спросил Олтигби.

— Шотландское с водой.

— Отлично.

Олтигби подождал, пока официант поставит перед нами полные бокалы, а затем поднял с пола "дипломат", который принес с собой, и положил на свободный стул. Я даже не взглянул на "дипломат".

Мы поприветствовали друг друга поднятыми бокалами, отпили по глотку.

— Как вы познакомились с дочерью сенатора? — спросил я. — Каролин? Встретил ее на какой-то вечеринке. Я остановился у людей, которые много сделали ради освобождения Биафры. Вы помните Биафру, не так ли?

— Кажется, ее снова называют Восточной Нигерией.

— Да, конечно. Так вот, Каролин активно участвовала в студенческом движении, поддерживающем Биафру, эти люди пригласили ее и мы встретились.

— И начали встречаться?

— Наши отношения переросли в нечто большее.

— Хорошо, — вздохнул я. — Поселились вместе.

Олтигби кивнул.

— На нее произвел впечатление тот факт, что я непосредственно участвовал в борьбе Биафры за независимость. — А вы участвовали?

— Конечно. Видите ли, я — ибо. Во всяком случае, наполовину ибо. А все ибо очень умные люди.

— Это мне известно.

— Разумеется, в боевых действиях я участвовал недолго. Пока им хватало денег, чтобы оплатить мои услуги. Но платили они отменно.

— Сколько, если не секрет? —

— Тысячу в неделю. Разумеется, долларов.

— И за что они платили? —

Олтигби усмехнулся.

— Они оплачивали боевые навыки бывшего первого лейтенанта восьмидесят второй воздушно-десантной дивизии. Именно в этой должности я прослужил с шестьдесят третьего по шестьдесят пятый. И, слава Богу, ус-

пел демобилизоваться до Вьетнама.

— А что вы делали, покинув армию?

Олтигби улыбнулся во все тридцать два зуба.

— Меня содержали женщины. Я недурен собой, знаете ли. — Это я вижу.

— Действительно, ветерану биафрской кампании поначалу жилось очень неплохо. Люди постоянно приглашали меня пожить у них, как в Штатах, так и в Англии. Наверное, точно так же в свое время относились к ветеранам Гражданской войны в Испании. Я стал профессиональным гостем. Так продолжалось до тех пор, пока война в Биафре не забылась, и хозяева не начали мучительно задумываться, а как, собственно, я оказался у них в гостях.

— То есть халява подходила к концу?

Он кивнул.

— Именно так. И встреча с Каролин пришлась как нельзя кстати. Я переехал к ней шесть месяцев тому назад. Ей было на что содержать меня, так что это время мы провели очень весело.

— И каковы теперь ваши планы?

— Я думаю, что отбуду в Лондон. У меня там друзья.

— Вы родились в Лос-Анджелесе, не так ли?

— Мой отец учился в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. В тридцать девятом году студентов из Нигерии можно было пересчитать по пальцам. Я родился в сорок четвертом. Свою мать я ни разу не видел.

— Она умерла?

— Вы спрашиваете, умерла ли она при родах?

— Да.

— Нет, она была стриптизеркой. Мне так сказали. Видите ли, я внебрачный сын. Но, тем не менее, американец.

— Но воспитывались вы в Англии.

— О, да. Отец увез меня туда, как только закончилась война. Я учился там в школе. Не частной, а государственной. Вы понимаете?

— Да, конечно.

— В восемнадцать лет я получил американское граж-

данство. Можно было подождать до двадцати одного года, но я решил, что самый простой путь — пойти в армию. В посольстве меня приняли с распростертыми объятьями.

— А теперь вы возвращаетесь. В Лондон.

Олтигби допил виски.

— При условии, что получу подъемные.

— Пять тысяч долларов.

— Вот-вот.

— Ладно. Так что вы хотите продать?

Олтигби оглядел бар. Несколько человек сидели за стойкой и никто не обращал на нас ни малейшего внимания. Он открыл дипломат и достал маленький переносной магнитофон. Вставил штекер, наушник протянул мне. Я прижал его к уху.

— Это лишь малая часть, старина, и, уверяю вас, товар классный и стоит каждого цента из этих пяти тысяч долларов. Короче, будь у меня... — он осекся. — Слушайте.

Олтигби нажал кнопку, наступила тишина, потом зазвонил телефон. Я услышал не сам звонок, а звук, что раздается в трубке, когда кому-то звонишь. Звук этот повторился четыре раза, а затем мужской голос произнес: "Слушаю". Голос показался мне знакомым. Не удивительно: он принадлежал мне.

"Мистер Лукас", — голос Каролин Эймс.

"Да", — мой голос.

"В конторе Френка Сайза мне дали ваш домашний номер." "Чем я могу вам помочь?"

Я прослушал еще несколько фраз, пока не убедился, что записан мой разговор с Каролин. Положил наушник на стол, и Олтигби выключил магнитофон.

— Здесь нет ничего из того, что я еще не знаю.

— Естественно. Но у меня есть все материалы, о которых она упомянула в разговоре с вами. Копии.

— Не оригиналы?

— К сожалению, нет. Копии. Магнитофонные пленки и ксерокс.

— И вы знаете, о чем в них речь?

— Разумеется, знаю, и уверен, что стоят эти материалы гораздо больше пяти тысяч долларов.

— Почему же вы продаете их задешево?

— Мне не понравилось, как умерла Каролин. Я слышал, это было ужасно.

— Да, — кивнул я. — Ужасно.

— Она отдала мне эти материалы на хранение. После того, как позвонила вам. И переписала свой разговор с вами.

Мы были очень близки, знаете ли.

— И что вы с ними сделали?

— С пленками и ксерокопиями?

— Да.

— Сложил все в этот "дипломат", который спрятал в багажнике моего автомобиля.

— При последней встрече с Каролин?

— Послушайте, я уже все рассказал полиции. В тот день, о котором вы говорите, у меня была деловая встреча. Я ушел около полудня. И более не видел ее.

— Одного я понять не могу. Вы готовы продать эти материалы мне, вернее, Сайзу, за пять тысяч долларов, хотя говорите, что стоят они гораздо больше. Почему?

— То есть, по-вашему, я не похож на человека, который откажется от части прибыли.

— Совершенно верно. Не похожи.

Олтигби вздохнул.

— Возьмите наушник, — попросил он.

Я выполнил его просьбу. Он вновь включил магнитофон, бобина с пленкой начала вращаться. После нескольких секунд тишины мужской голос произнес: "Алло". Как мне показалось, голос Олтигби.

"Мистер Олтигби?" — другой мужской голос. Резкий, с металлическими нотками, словно говорящий пользовался специальным устройством для искажения звука.

"Да".

— "Слушайте внимательно. И не думайте, что это шутка.

Если вы не хотите, чтобы вас постигла участь Каро-

лин Эймс, принесите все материалы, которые она вам передала, в телефонную будку на углу Висконтин-авеню и Кью-стрит сегодня в полночь. Оставьте их там и уезжайте. Полиции знать о нашем разговоре ни к чему. Повторяю, это не шутка. На карту поставлена ваша жизнь".

Щелчок отбоя, короткие гудки. Я протянул наушник Олтигби, который убрал его вместе с магнитофоном в "дипломат".

— Вы записываете все телефонные разговоры? — осведомился я.

— После смерти Каролин, да.

— Почему?

— По натуре я очень подозрителен, мистер Лукас. Я хочу продать эту информацию, но пока не знаю, кто может быть потенциальным покупателем. Несомненно, она заинтересует кого-то еще, но переговоры могут занять много времени. А вот времени, боюсь, у меня нет.

— Где доказательства того, что последний разговор — не ловкий монтаж.

— Их нет.

— Когда вы собираетесь в Лондон?

— Завтра утром. В восемь утра вылетаю из Нью-Йорка.

Туда я доберусь на машине.

Последовала долгая пауза.

— Хорошо, — кивнул я. — Где вы хотите получить деньги?

— У вас дома?

— Согласен. В какое время?

Олтигби улыбнулся.

— Почему бы нам не встретиться в полночь?

— Почему нет?

Глава 11

Игнатий Олтигби вновь опаздывал. Пятнадцать минут первого я мерял шагами гостиную и все поглядывал в окно, выходящее на Четвертую улицу. Компанию мне

составлял Глупыш, мой кот. Сара пошла спать.

Френк Сайз добрый час терзал меня вопросами, прежде чем выложил пять тысяч долларов. Сложенных в коробку из-под ботинок, аккуратно перевязанную бечевкой. Тут не обошлось без Мэйбл Синджер, подумал я. Сайзу такое и в голову бы не пришло.

Когда он передавал мне деньги, у меня создалось ощущение, что он сейчас расплатится. Слезы он сдержал, но не преминул предупредить: "Ради Бога, не потеряйте их где-нибудь".

— Я еще никогда не терял пяти тысяч долларов, — заверил я его.

Домой я приехал поздно, так что мы не успели пожарить мясо и поужинали гамбургерами, которые Сара терпеть не может. Потом мы опять немного поцапались, и в половине одиннадцатого она отправилась на боковую. Как обычно, спорили мы ни о чем.

В восемнадцать минут первого я вновь выглянул в окно.

В большинстве соседних домов все уже спали. Уличный фонарь, стоящий аккуратно у моего дома, освещал припаркованные у тротуара машины.

В двадцать одну минуту первого на Четвертой улице, с односторонним движением, показался автомобиль. Ехал он медленно, водитель искал место для парковки. Я подумал, что это "датсан 240Z", японский ответ "порше". На другой стороне улицы, на самой границе светового пятна, отбрасываемого фонарем, водитель заметил прогал между двумя машинами. С трудом втиснул в него "датсан". Открылась левая дверца, кто-то вылез из кабины. Лица в темноте я не видел, но решил, что это Игнатий Олтигби. Автомобили типа "датсан 240Z" создавались как раз для таких, как он.

Серый "фольксваген" проехал мимо моего дома, остановился параллельно "датсану". Олтигби вошел в круг света. В пиджаке спортивного покроя, белой рубашке, темных брюках. В руке он нес "дипломат". Неуверенно огляделся, не зная, какой ему нужен дом. Я включил свет на крыльце. Он направился к моему дому.

Олтигби пересекал мостовую, буквально под фонарем, когда остановился, повернул голову, словно услышал, что его зовут. Шагнул к замершему "фольксвагену", затем отпрыгнул назад. Но опоздал. Первая пуля попала ему в правое плечо, потому что он выронил "дипломат". Вторая — в живот, ибо он согнулся пополам, обхватив его руками. Последовал третий выстрел. Олтигби уже падал, а потому я не разглядел, угодила пуля в шею или голову. Но, так или иначе, она пригвоздила Олтигби к асфальту.

Из "фольксвагена", согнувшись, выскочил человек, поднял с мостовой "дипломат", метнулся обратно в кабину. Заскрежетала коробка передач, взревел двигатель, и "фольксваген" рванул с места, растворившись в ночи до того, как я успел бы выбежать из дома и записать номерные знаки. Чего, по правде говоря, я делать не собирался.

Я постарался вспомнить, как выглядел этот согнувшийся человек. Высокий, низкий, среднего роста? Он мог быть любым. Одет он был в черное: черные брюки, черный свитер, черная шляпа. Что-то черное или темно-синее скрывало его лицо. Согнувшийся человек мог быть женщиной, мужчиной, карликом-переростком. Одно я мог сказать наверняка: стрелял он превосходно. А может, ему просто повезло.

Я не выбежал на улицу. Наоборот, при первом же выстреле нырнул под подоконник, выставив только голову. И поднялся, лишь убедившись, что "фольксваген" не возвращается.

Выстрелы громом прогремели в ночи. В домах начали зажигаться окна. Я вытянул правую руку, чтобы увидеть, что она дрожит.

— Что происходит?

Я повернулся. Сара стояла на лестнице, ведущей на второй этаж, со спящим Мартином Рутефордом Хиллом на руках. — Кого-то застрелили, — ответил я.

— Человека, которого ты ждал?

— Думаю, да. Положи ребенка в кровать и набери номер девять-один-один.

— Что я им скажу?

— То, что я сказал тебе.

Она кивнула и начала подниматься по ступеням.

Остановилась, вновь посмотрела на меня.

— Ты же не собираешься выйти на улицу?

— Я думаю, все кончилось.

— Убедись, что это так.

— Обязательно. Можешь не волноваться.

Я опять посмотрел в окно. Освещенных окон в домах на противоположной стороне прибавилось. Я подошел к входной двери и осторожно приоткрыл ее. Уловил движение на противоположной стороне улицы: сосед столь же осторожно приоткрывал свою дверь.

Глупыш, протиснулся мимо моих ног и выскользнул на крыльцо.

— Иди, иди, сейчас тебя подстрелят, — напутствовал я его.

Он даже не мякнул в ответ, растворившись в темноте.

Я переступил порог, спустился по семи ступенькам лесенки на крыльцо, прошел по дорожке, обогнул автомобиль и направился к тому месту, где лежал Олтигби. Мертвый. Я знал, что он мертв, потому что только покойник может лежать в такой неудобной позе. Тело освещал уличный фонарь. Внезапно яркое световое пятно появилось на его лице. Открытые глаза Олтигби смотрели в никуда. Я повернулся. Мой сосед, негр, живущий напротив, держал в руке фонарь.

— Святой Боже, — вырвалось у него. — Он мертв, не так ли?

— Мертв. Вы позвонили в полицию?

— Позвонила жена.

— Моя тоже.

Луч фонаря соседа прошелся по телу. Светло-кремовая рубашку Олтигби стала красной. Волосы слиплись от крови.

— Вы его знали? — спросил сосед.

— Думаю, да.

— Его убили перед вашим домом.

— И перед вашим тоже.

— Ага. Мне показалось, что стреляли из ружья.

— Неужели?

— По звуку, из обреза.

— Вы можете отличить выстрел из обычного ружья от выстрела из обреза?

Сосед задумался.

— Да. Я знаю, как звучит выстрел из обреза.

Начали подтягиваться и другие соседи. Миссис Хэтчер прибыла в зеленом фланелевом халате и шлепанцах, с кофейной чашкой в руке. Отпила из нее, увидев тело. На меня пахло джином.

— Господи, он мертв? — осведомилась она.

— Мертв, — ответил сосед с фонарем. — Его убили из обреза, — он направил луч фонаря на тело Олтигби.

— Меня сейчас стошнит, — простонала миссис Хэтчер, но все ограничилось тем, что она допила джин.

Мы услышали вой сирены. Патрульная машина вырулила на Четвертую улицу с И-стрит и помчалась к нам в запрещенном для движения направлении. Им не пришлось далеко ехать: опорный пункт Первого полицейского участка располагался за углом на И-стрит. Машина остановилась в визге тормозов, раскрылись дверцы, полицейские выскочили из кабины и проложили путь сквозь толпу. Осветили тело лучами своих фонарей.

Коп постарше взял руководство расследованием на себя.

Высокий, с хорошей фигурой, лет двадцати пяти от роду.

— Граждане, давайте отойдем подальше. Видел кто-нибудь, как это произошло?

— Я слышал, — ответил сосед с фонарем, — но не видел.

Высокий полицейский вздохнул.

— Ладно, как вас зовут?

— Генри. Чарлз Генри. Я живу здесь, — он указал на свой дом.

— Хорошо, мистер Генри, так что вы слышали?

— Я слышал выстрелы. По звуку, стреляли из ружья. Точнее, из обреза.

Высокий коп оторвался от записной книжки.

— Откуда вы знаете звук выстрела из обреза?

Генри выглядел так, словно ему хотелось откусить свой язык.

— Телевизор. Я слышал, как они звучат, по телевизору. Коп вновь уткнулся в записную книжку. Телезаточки его не интересовали.

— И сколько выстрелов из обреза вы слышали?

— Два, — ответил Генри. — Только два.

— Стреляли три раза, — вмешался кто-то. — Я слышал три выстрела.

— Я тоже, — поддержал его другой сосед.

Я решил, что пора и мне внести свою лепту.

— Стреляли трижды, — безапелляционно заявил я.

— С чего вы так уверены? — спросил коп.

— Я видел, как все случилось.

Глава 12

Я не сказал Дэвиду Синкфилду о пяти тысячах долларов и о тех материалах, которые хотел продать Игнатий Олтигби. Я солгал, сочинив сказочку о том, что прошлым днем мы с Олтигби встретились по моему предложению, пропустили по стаканчику, и он сказал, что он располагает некоторыми сведениями, которые, возможно меня заинтересуют. И мы договорились, что он заедет ко мне по пути в Нью-Йорк, куда он намеревался отбыть той же ночью.

Мы опять сидели в кабинете Синкфилда, который он делил со своим напарником, Джеком Проктером. Кабинет не впечатлял. Другого, собственно, и быть не могло. Обшарпанные столы, жесткие стулья, ядовито-зеленые стены, поцарапанный пол. На доске висели старые плакаты с физиономиями разыскиваемых преступников, за некоторых даже предлагалось вознаграждение. В кабинете воняло. Потом, сигаретным дымом, страхом.

— Вам следовало позвонить мне, — в голосе Синк-

филда слышался упрек. — Вы могли бы позвонить, мы бы все обсудили и, возможно, я бы подъехал к вам перед вашей встречей с Олтигби. И все повернулось бы иначе.

— Вам следовало позвонить ему, — поддержал лейтенанта его напарник. — Олтигби не имел права покидать город. Мы еще не все у него выяснили.

— Вы уверены, что он собирался улететь в Лондон? — спросил Синкфилд.

— Так он мне сказал.

— Да, мы навели справки. Он заказал билет в "Эйр Индия", но не выкупил его.

Я пожал плечами.

— Наверное, он хотел оплатить билет прямо в аэропорту. — Чем? Тридцатью двумя баксами, что лежали в его кармане?

— А кредитные карточки? — напомнил я. — Кто сейчас расплачивается наличными?

— Не было у него кредитных карточек.

— Может, он намеревался продать автомобиль. Эти двести сорок зет стоят четыре с половиной тысячи. Уж за две-то он толкнул бы его без труда.

— Если б автомобиль был его, — вставил Проктер.

— А кому он принадлежал?

— Каролин Эймс, — ответил Проктер. — Зарегистрирован на ее имя. У него еще не успели отобрать ключи.

— Знаете, что я думаю? — подал голос Синкфилд.

— Что?

— Я думаю, что Олтигби решил подоить вас. Продать имеющуюся у него информацию за деньги, которых хватило бы на билет до Лондона. Сколько он стоит? Двести пятьдесят-триста долларов?

— Около этого, — подтвердил Проктер.

— Я не держу дома таких денег, — заметил я. — С такими деньгами человека могут ограбить. Особенно в районе, где я живу.

— Да, — кивнул Синкфилд. — Мы проверяли.

— Проверяли что?

— Ваш банковский счет. Последний раз вы получили по чеку семьдесят пять долларов. Три дня тому назад. Но это ничего не значит. Деньгами вас мог ссудить Френк Сайз. Что для него две или три сотни баксов? Пара обедов в "Сан Суси".

— Он предпочитает "Пол Янг", — ответил я, — и очень не любит платить по счету.

— Знаете что, Лукас?

— Что?

— Вы проходите свидетелем по двум убийствам, и ничего не можете сказать нам ни об одном из них.

— Я рассказал вам все, что видел.

— Я говорю о мотивах.

— Мотивов я не видел.

— Не видел! Каролин Эймс звонит вам и говорит, что у нее есть материалы, доказывающие, что совесть ее отца чиста. Она хочет отдать их вам, но погибает, не дойдя до вас нескольких шагов. Потом ее дружок заявляет, что припас для вас кой-чего, не говоря ничего конкретного, но получает три пули из револьвера тридцать восьмого калибра напротив вашего дома. В него попали трижды, стреляя с двадцати пяти футов из машины на темной улице. Это надо суметь.

— Найдите чемпиона по стрельбе из револьвера, который также специалист по взрывным устройствам, и арестуйте его.

— А как вы стреляете из револьвера?

— Так себе.

— Я знаю парней в этом городе, которые с трех футов высаживали в своего противника целую обойму патронов сорок пятого калибра и все без толку. Не то, чтобы попадали в руку, ногу, даже в палец, все пули летели мимо. А вот одна девчушка застучала своего дружка с другой, выхватила револьвер тридцать восьмого калибра со стволом длиной в дюйм и погналась за ним по улице. Оружие она взяла в руки впервые. Тем не менее, пять раз попала ему в спину, а бежал он зигзагами в тридцати футах от нее, а шестым выстрелом снесла полголовы. Так что искать чемпионов я

не буду.

— Остается еще специалист по взрывным устройствам.

— Ерунда, — пробурчал Проктер.

— Полностью с тобой согласен, — кивнул Синкфилд. — Господи, да достаточно заплатить двадцать пять центов за экземпляр "Кунксильвер таймс", возможно, сейчас эта газетенка называется по-другому, открыть страницу рецептов и прочитать, как и из чего собрать взрывное устройство.

— Значит, вы вычеркиваете специалистов? — уточнил я.

Синкфилд вздохнул.

— Я никого не вычеркиваю. Просто предпочитаю смотреть шире.

— И кого вы подозреваете?

— Знаете что, Лукас?

— Что?

— Я хочу сотрудничать с вами и Френком Сайзом. Действительно, хочу. Черт, я не откажусь, если восемьсот газет напишут обо мне что-нибудь хорошее. Какому копу это не понравится? Но вот сказочки мне ни к чему.

— Я не рассказывал вам сказочки.

— Не рассказывали, значит?

— Нет.

Он вновь вздохнул.

— Продолжайте ваши розыски. Никто не собирается вас останавливать. Работайте. Я слышал, вы в своем деле мастер. Но только не делитесь со мной своими находками. Или, если уж вам станет невмоготу, как следует причешите их. Примерно так же, как вы подали мне историю с Олтигби. А сами копайте и копайте, и, возможно, что-то да нароете. Но мне ничего не говорите. Умоляю, абсолютно ничего. Пусть об этом не знает никто, кроме вас и еще одного человека, под которого вы копаете. А в результате вы как-нибудь выйдете из дома, сядете за руль и... бах! От вас и вашей машины одни воспоминания, а мне достанется расследование

еще одного убийства.

Я встал.

— Буду иметь это в виду. Есть еще вопросы?

Синкфилд пожал плечами.

— Кто у вас на очереди?

— Думаю заглянуть в сенатору.

— Удачи вам. Она вам понадобится.

— Почему?

— Чтобы добраться до него, вам придется пройти Конни Майзель.

— Вам это удалось?

— Я — коп, а не репортер.

— Совершенно верно. Почему-то я постоянно об этом забываю.

Теперь-то все знают о кооперативном жилищном комплексе "Уотергейт". В свое время жена генерального прокурора США часто звонила оттуда. Там располагался национальный комитет Демократической партии, пока сразу в нескольких комнатах не обнаружили "жучки". И демократы перебрались в другое место. В "Уотергейте" живут богатые. Очень богатые, просто богатые, и не очень богатые. Я знаю одного тамошнего квартировладельца, которого трудно назвать богачом. Ему едва хватает денег, чтобы вносить ежемесячный взнос за купленный в рассрочку автомобиль. Но его "мерседес" стоит двенадцать тысяч долларов, у него открытый счет в лучших ресторанах, и все в городе спорят за право дать ему кредит: потому что он живет в "Уотергейте". В подвале. Он с трудом наскреб семнадцать тысяч долларов на первый взнос, и плевать хотел на то, что окна его квартиры лишь на девять дюймов выше тротуара. Так что видит он разве что башмаки прохожих. Все равно он живет в "Уотергейте" и пишет на фирменных бланках с выправленным адресом: "Уотергейт, Вашингтон, округ Колумбия". И никаких почтовых индексов: Почтовые индексы для простых людей.

Бывший сенатор Роберт Эф. Эймс и Конни Майзель жили в квартире на верхнем этаже в "Уотергейт-Ист".

Скорее, в пентхаузе. Из окон открывался прекрасный вид на Потомак, Кеннеди-Центр и равнины Виргинии за рекой. До Белого дома, никуда не спешащий, водитель такси доставил бы обитателя "Уотергейт-Ист" за семь с половиной минут. Потом я выяснил, что сенатор заплатил за эту квартирку сто тридцать пять тысяч долларов. За такую сумму он мог бы приобрести шестикомнатный дом в Джорджтауне.

До сенатора мне удалось добраться не без труда.

Синкфилд оказался прав. Мне пришлось преодолеть оборону Конни Майзель, а она не очень-то хотела моей встречи с сенатором. Впрочем, я привык к подобным ситуациям. Когда я работал на федеральные ведомства, редко кто из людей, с которыми я хотел пообщаться, испытывали аналогичное желание. Но они принимали меня, потому что иначе им пришлось бы говорить тоже самое не мне, а комиссии Сената. Теперь же, уйдя из государственных структур, я мог опереться лишь на могущество Френка Сайза. Меня принимали и со мной разговаривали, надеясь, что Френк Сайз напечатает то, что они сами говорили о себе, а не те выдумки, которые Сайз мог получить бог знает откуда.

Прежде всего я постарался запомнить обстановку гостиной, в которую пригласила меня Конни Майзель. Френк Сайз обожал мелкие подробности. Особенно знаменитые торговые марки фирм. Он исходил из того, что публикуемые им материалы становятся особенно убедительными, если помимо не столь уж безусловных фактов, в них упомянуты такие детали туалета главного героя, как синий костюм фирмы "Оксфорд", светло-серая рубашка без нагрудного кармана "Кастом шоп", бордовый галстук "Графиня Мара" и зеленые шорты "Джоки". Полагаю, я придерживался того же мнения. Абсолютно точные детали добавляли достоверности сомнительным фактам. Помнится, я неделю сиял, как медный таз, случайно узнав, что капитан Бонневилль был левшой. Такие открытия греют душу всем историкам.

Одну стену просторной, пятнадцать на шестьдесят

пять футов, гостиной занимало окно на лоджию. На последней стояли несколько стульев и металлический столик. Если кому-то надоедало любоваться рекой или Кеннеди-Центр, ему предоставлялась отличная возможность убить время, считая приземляющиеся в Национальном аэропорту самолеты.

В стене напротив окна располагался камин, выложенный серым камнем. С одинаковыми белыми диванами по обе стороны, между которыми стоял полированный кусок ствола дерева, накрытый сверху толстым, в дюйм, стеклом, форма которого отдаленно напоминала почку. Я решил, что по замыслу дизайнера именно так должен выглядеть кофейный столик.

Тут и там стояли торшеры и кресла, у одной из стен притулился шахматный столик с фигурками из слоновой кости. Мне показалось, что сработали их на Востоке, причем очень и очень давно.

Стены украшали картины, как сказал бы тот же дизайнер, "современных европейских мастеров". Изображались на них улицы незнакомых мне городов. Но писаны они были маслом и на холстах, что, собственно, и являлось основным требованием дизайнера.

У стены с дверью, которая вела в столовую и на кухню, стоял кабинетный рояль, "стенвей", с поднятой крышкой и нотами на подставке. Прищурившись, я смог прочитать: "Музыка к песням тридцатых годов".

— Сенатор Эймс играет? — спросил я Конни, сидящую на диване напротив.

— Он поет, я играю, — последовал ответ.

— Вечером у вас, должно быть, очень уютно.

— Во всяком случае, тихо и спокойно, мистер Лукас. Мы хотим, чтобы так было и дальше.

Я не мог оторвать от нее глаз. Наверное, пытался найти в ней какие-то недостатки, но безуспешно. Она не разоделась, принимая меня. Вытертые синие джинсы, белая блуза, синие кроссовки. Удобный, практичный наряд, которому отдают предпочтение миллионы женщин, но на Конни Майзель эта повседневная

одежда выглядела иначе. Казалось, что стоят эти джинсы и блуза никак не меньше двух миллионов долларов. Джинсы обтягивали ноги, как вторая кожа, блуза, полупрозрачная, облегала тело, бюстгальтера она не носила за ненадобностью, и то, что я видел, не давало мне сосредоточиться.

Я думал, что веду нормальную сексуальную жизнь. Почти каждый день мы с Сарой ублажали друг друга, мои фантазии, как я полагал, не выходили за рамки общепринятого. Порнографию я не жаловал, поскольку нахожу прелюдию необходимым условием. Бывали дни, когда я совсем не думал о сексе, что не так уж просто по нынешним меркам. Но меня возбуждало само нахождение в одной комнате с Конни Майзель.

— Сенатор согласился принять вас лишь по одной причине, мистер Лукас, — продолжила Конни. — Он хочет, чтобы Френк Сайз более не публиковал лживые сведения о нем и его родственниках.

Сайз публикует только факты.

— Из фактов тоже можно слепить ложь.

— Френк Сайз не заинтересован в тиражировании лжи.

— Если бы он специализировался на этом, его колонка не печаталась бы чуть ли в девяти сотнях газет. Эта гонка продолжается семь дней в неделю, и его место тут же займут другие, если хотя бы дважды за неделю он не выйдет победителем. Ему нравится жить в доме на Норманстоун-Драйв, ездить на "бентли", летать первым классом, а потому иногда он перегибает палку.

— Другими словами, лжет.

Я покачал головой.

— Сознательно — никогда. Ложь он печатает лишь потому, что не успевает проверить факты. В этом случае он встает перед выбором: публиковать то, что есть и быть первым, или все проверить, и оказаться вторым или третьим, а выбор всегда подразумевает риск. Информационный бизнес — дело тонкое. Сайз занимается этим давно, с семнадцати лет. Он шестым чувством отличает правду от лжи. Он говорит, что доверяется свое-

му суждению, но это не так. Скорее, он действует по наитию. Как и многие знаменитые журналисты. И некоторые историки. Возможно, и детективы.

— Вам тоже это свойственно, мистер Лукас? — спросила Конни.

— В определенной степени, но я не настолько знаменит, чтобы полностью полагаться на наитие. Я не могу доверяться ему, как доверяется Сайз. Он в праве это делать, потому что промах случается у него лишь в одном случае из ста.

— В скольких случаях ваша интуиция или наитие дает осечку?

— Я как-то не задумывался над этим. Вроде бы я оказываюсь прав на девяносто семь или девяносто восемь процентов. Это греет душу, но не выдвигает в ряд знаменитостей.

— А вы хотели бы стать знаменитым?

— Более нет. Для этого требуется честолюбие, а честолюбие означает повседневный, тяжелый труд. А вот пахать, как пчелке, мне совсем не хочется.

Если б она продолжала меня слушать, чуть склонив голову, приоткрыв рот, словно пробуя каждое мое слово на вкус и находя их восхитительными, я бы мог говорить еще пару часов, делюсь с ней воспоминаниями детства и даже секретами, о которых не рассказывал никому.

Но она потянулась к столику, достала из пачки сигарету.

— Мне жаль, что сенатор задерживается, но он говорит с матерью по телефону. Она совсем старая и смерть Каролин ужасно ее расстроила.

— Сколько же ей лет?

— Семьдесят пять. Она живет в Индианаполисе.

— Там, где он родился?

— Сенатор? Да.

— А вы родились в Лос-Анджелесе, не так ли?

Она улыбнулась.

— В Голливуде. Двадцать первого мая одна тысяча девятьсот сорок шестого года.

— С днем рождения.

На ее лице отразилось удивление.

— Ой, я совсем забыла. Благодарю вас.

— Вы учились в Лос-Анджелесе?

— Вас интересую я или сенатор, мистер Лукас?

Я пожал плечами.

— Вы тоже героиня этой драмы. Может, играете в ней важную роль.

— Хорошо, — она сдвинула колени, сложила на них руки, отбросила голову и заговорила, словно ребенок, декламирующий заученный текст. — Я родилась в Лос-Анджелесе в семье среднего достатка и папа умер, когда мне исполнилось десять лет, так что маме пришлось пойти работать секретарем, а я пошла учиться в Голливуд-Хай, где очень старалась и была вознаграждена за свои усилия стипендией в Миллз. Там я не так корпела над учебниками и уделяла больше времени развлечениям. После окончания колледжа сменила несколько работ, в конце концов оказалась в Вашингтоне и теперь живу в пентхаузе "Уотергейта".

— Другими словами, поднялись на вершину этого мира?

Конни чуть наклонилась вперед.

— Мне здесь нравится, — таким жестким тоном она еще не говорила. — Это история моей жизни, мистер Лукас. Она не изобиловала событиями, но все-таки, я ушла достаточно далеко от Гоуэр-стрит.

— В Голливуде?

— Совершенно верно. В Голливуде.

— А чем занимался ваш отец?

— Он был инженером. Работал в конструкторском бюро.

Кажется, они разрабатывали конструкции мостов, которые потом строили по всему миру.

— И он умер, когда вам было десять лет?

— От сердечного приступа. Моя мать до замужества работала секретарем, и после его смерти пошла в ту же фирму. Она многое знала о мостах, потому что, по ее словам, мой отец только о них и говорил.

— Как называлась фирма?

— "Коллинсон и Кирни". На бульваре Беверли. Телефон "КРествью 4-8905". Сейчас он, наверное, изменился. Я звонила по нему каждый день в три сорок пять пополудни, чтобы сказать маме, что я пришла из школы домой и у меня все в порядке.

— Почему вы сказали Глории Пиплз, что посадите ее в тюрьму и напустите на нее лесбиянок?

Конни Майзель рассмеялась. Смех у нее был золотистый, в тон ее волосам.

— Вы говорите о той маленькой серой мышке?

— Я говорю о Глории Пиплз, бывшей до вас секретарем сенатора. Вы так называете ее, маленькой серой мышкой?

— Вы уже побеседовали с ней, не так ли? — Да, побеседовал.

— Она была трезва?

— Относительно.

— Вам повезло. Она звонит днем и ночью, чтобы поговорить с сенатором. Мы меняет номера, но она как-то их узнает.

— В Вашингтоне это не проблема.

— Я пригрозила нашей миссис Пиплз лишь для того, чтобы она не устроила шумный скандал. Как видите, угроза подействовала.

— Она их боится?

— Получается, что да. В тринадцать лет ее чуть не изнасиловала подруга матери.

— Она рассказывала вам об этом?

Конни Майзель вновь рассмеялась.

— Разумеется, нет. Она рассказала сенатору. Думаю, в постели. А уж он мне.

— Так вы знали об их романе?

— Естественно, — Конни затушила окурок. — От меня у него секретов нет, — она посмотрела на меня. — Ни одного.

— Как вы ладили с его дочерью... с Каролин?

— Подругами мы не стали, но особых трений тоже не возникало. После того, как она осознала, какие чувства

связывают нас с сенатором, она даже попыталась заставить себя сблизиться со мной, но, похоже, не смогла пересилить себя. Но она пыталась. Для своего возраста она была очень мудрой.

— И какие же чувства связывают вас с сенатором?

— Послушайте, мистер Лукас, не слишком ли это личный вопрос?

— Возможно, но это, тем не менее, вопрос?

Взгляд ее нацелился в какую-то точку над моим плечом.

Она чуть улыбнулась.

— Хорошо. Я вам отвечу. Мы влюблены. Мы по уши влюблены друг в друга.

— Именно так, — вмешался в наш разговор мужской голос. — Влюблены по уши.

Я обернулся. За три дня, прошедшие после похорон, сенатор Эймс постарел на добрых десять лет.

Глава 13

Походка у него стала не такой легкой, ему с трудом удавалось не горбиться. Возможно, причиной тому мое воображение, но мне показалось, что на лице у него прибавилось морщин. А вот мешки под глазами нарисовало не мое воображение. Сами же глаза глубоко запали и горели мрачным огнем.

— Дорогой, это мистер Лукас, — представила меня Конни Майзель.

— Вы работаете у Френка Сайза, не так ли?

— Да.

Он протянул руку, которую я незамедлительно пожал. Не думаю, чтобы он этого хотел. Руку он протянул по привычке. Рукопожатие политика, которое ничего не значило.

— Садись рядом со мной, — Конни похлопала по дивану.

Эймс кивнул и осторожно опустился на диван. Так садятся глубокие старики, опасющиеся, как бы чего не сломалось.

— Мы только что говорили о бедной Глории.

В глазах Эймса появилась искорка. То ли интереса, то ли печали. И быстро пропала.

— У нее все нормально? На похоронах она... э...

— Она опять пьет, — вставила Конни Майзель. — Так говорит мистер Лукас. Он говорил с ней вчера.

Эймс повернулся к Конни.

— Может, мы должны как-то ей помочь? Я не знаю, что мы можем сделать, но...

— Я позабочусь об этом, — она похлопала сенатора по руке.

Он кивнул.

— Хорошо. Постарайся что-нибудь для нее сделать.

— Мистер Лукас хочет задать тебе несколько вопросов.

Задавать вопросы он умеет.

— Вы умеете задавать вопросы? — мистер Лукас.

— Это моя работа.

— По-моему, я уже ответил на все мыслимые вопросы. Мне кажется, неответченных просто не осталось.

— Сенатор, ваша дочь позвонила мне перед тем, как умерла. Сказала, что у нее есть информация, которая... обелит вас. Вы представляете себе, что это за информация?

— Обелит меня? То есть оправдает? Я в этом не нуждаюсь? Меня ни в чем не обвиняли, не так ли? — он посмотрел на Конни. — *Не так ли? — повторил он.*

— Разумеется, не обвиняли, дорогой.

— Вы сложили с себя сенаторские полномочия. Ушли в отставку до начала работы следственной комиссии. Ходили слухи, что вы взяли взятку в пятьдесят тысяч долларов. Вы говорите, что не брали. Если это так, Френк Сайз обязательно напишет об этом.

— Оригинально, — сенатор сгорбился еще больше. — Раньше он написал, что я вроде бы взял взятку. Ничего не доказав. И в дальнейшем ему этого не доказать. Да теперь это и неважно. Непонятным вы занимаетесь делом. Нынче, оказывается, читателям будет интересно узнать, что я не брал взятки. Вы не находите, что у вас

несколько странная профессия, мистер Лукас?

— Полностью с вами согласен. Вы брали взятку?

— Нет

— А что вы можете сказать о двух тысячах долларов, которые попали на ваш счет?

— Я занял деньги у полковника Баггера. Поступил весьма опрометчиво.

— Почему вы заняли у него деньги?

— Случайно оставил бумажник и авиабилет дома, в Мэриленде. В тот вечер я должен был выступить в Лос-Анджелесе. По субботам, как вам известно, банки не работают. Вот я и занял две тысячи долларов, чтобы оплатить билет и мелкие расходы.

— Но вы отказались от поездки?

— Да. В самый последний момент. Я намеревался выступить на ежегодном собрании одного профсоюза, но у них началась внутренняя склока, так что кто-то из руководства позвонил мне и посоветовал не приезжать. Он опасался, что в таком настроении делегаты не станут меня слушать.

— А вот ваша бывшая секретарь рассказывает о том дне иначе. Она говорит, что вы не забыли билет дома. Она говорит, что лично отдала вам его в руки. Она также говорит, что обналичила в винном магазине чек на сто долларов. Она говорит, что кредитные карточки были при вас, так что вы не нуждались в двух тысячах долларов.

Эймс посмотрел на Конни Майзель, которая чуть кивнула. Кивок означал то ли поощрение, то ли разрешение. Гадать я не стал.

Сенатор вздохнул.

— Вы были на похоронах, не так ли?

— Да.

— Вы видели, как она себя вела на похоронах. Я думаю, что она больной человек. Мне ее искренне жаль. Но я не думаю, что в ее нынешнем состоянии она может отвечать за себя. Не только за свои поступки, но и за слова.

— То есть вы утверждаете, что она лгала?

— Да.

Я покачал головой.

— Она не лгала, сенатор. Лжете вы. Я связывался в "Юнайтед". По их данным, в ту пятницу вы взяли билет до Лос-Анджелеса по кредитной карточке "Америкэн экспресс". Я попросил Френка Сайза проверить ваш банковский счет. Полагаю, вам это и не понравится, но у Сайза есть такие возможности. Проверка показала, что в ту субботу вы получили сто долларов в винном магазине "Эйпекс" на Пенсильвания-авеню. Это факты. Не вызывает сомнения и тот факт, что вы взяли две тысячи наличными у полковника Уэйда Моури Баггера. И положили их на свой банковский счет. В тот день у Баггера было пятьдесят тысяч долларов. Именно столько он намеревался заплатить вам за речь в сенате. Баггер сам сказал, что вы попросили одолжить две тысячи долларов. Вы сказали, что они вам нужны на поездку в Лос-Анджелес. Но вы могли обойтись без этих денег. Почему вы взяли их и положили в банк? Я не нахожу логического объяснения.

Эймс вновь посмотрел на Конни Майзель. На его лице отражалась полная беспомощность. Она снова хлопала экс-сенатора по руке.

— Дорогой, тебе вовсе не обязательно отвечать, — она повернулась ко мне. — Допустим, это была просто оплошность, мистер Лукас. Неудачное решение. Вас устраивает такое объяснение?

— Нет, — я покачал головой. — Я не могу его принять.

Эта, как вы говорите, оплошность стоила ему карьеры. Из-за нее ему пришлось уйти из Сената, не отмывшись от обвинений в получении взятки в пятьдесят тысяч долларов. Нет, такого объяснения я не принимаю.

— Но вам не остается ничего другого, — сенатор разглядывал ковер. Говорил он тихо, почти шепотом. — Я допустил ошибку. И думаю, что сполна расплатился за нее, — он поднял глаза на меня. — А вы так не думаете?

— Послушайте, сенатор, я не собираюсь вешать вас

дважды. Честное слово, не собираюсь. Но вы произнесли в сенате речь, которую произносить не стоило. Вам предложили за эту речь пятьдесят тысяч долларов, вы их не взяли. Но речь все-таки произнесли, причем получили за это какую-то мелочишку, всего две тысячи баксов. Потому-то я и задаю вопросы. Должен же быть мотив, возможно, очень веский, который все объединит. Если это так, Сайз опубликует ваши объяснения.

Очередной взгляд на Конни. На этот раз она отрицательно качнула головой. Сенатор посмотрел на меня и заговорил своим обычным голосом. Твердо и решительно.

— Я отказываюсь говорить на эту тему.

Я знал этот тон. Мне часто доводилось его слышать.

Таким тоном говорили со мной, когда я загонял собеседников в угол и они не знали, как из него вырваться. Поэтому они замолкали.

— Хорошо, вы не обязаны отвечать на мои вопросы. Но мне непонятно, почему вы молчите, когда ваши ответы могут помочь полиции найти убийцу вашей дочери.

Он опять устался в ковер и голос его упал до шепота. — Я рассказал полиции все, что мог.

— Ваша дочь сказала, что имеющаяся у нее информация позволит обелить вас. Она собиралась передать ее мне. Но кто-то успел убить ее раньше. И единственный мотив убийства состоит в том, что этот кто-то не хотел обнародования имеющейся у нее информации. Кто это мог быть, сенатор?

— Понятия не имею, — прошептал он коври.

— Он уже говорил об этом полиции, мистер Лукас, вмешалась Конни. — Неужели вы не видите, какой болью отзывается у него вопросы о Каролин.

— Хорошо, — согласился я, — давайте поговорим о чем-нибудь не столь болезненном. Например, о Игнатии Олтигби.

Сенатор поднял голову. За последние пять минут он прибавил к своему возрасту пять лет. Я даже подумал, что он перевалит за сотню, если я еще задержусь.

— Игнатий. Он тоже мертв.

— Его застрелили перед моим домом. По той же причине, что повлекла смерть Каролин.

— Перед вашим домом? Они не сказали мне об этом, не так ли? — теперь он смотрел на Конни Майзель.

— Нет, не сказали, — подтвердила она.

— Кто разговаривал с вами, лейтенант Синкфилд?

— Да, Синкфилд. Он позвонил поздней ночью. Где-то в два часа утра. Мы еще не спали. Играли в бридж с Кьюком и его женой. Теперь мы редко кого принимаем, так что вечер доставил нам немалое удовольствие. Лейтенант Синкфилд позвонил сразу после их ухода. Мне очень жаль Игнатия. Я не очень-то одобрял его поведения, но находил забавным человеком. А Каролин просто была от него без ума, не так ли?

— Ты прав, — кивнула Конни.

— Может, Кьюк поиграет с нами в бридж и сегодня?

— Не думаю, дорогой, — она повернулась ко мне. — Кьюк — это Билл Камберс. Бывший помощник сенатора.

— Вы хотите что-то спросить меня об Игнатии, мистер Лукас? спросил сенатор.

— Нет, — я поднялся. — Похоже, мои вопросы иссякли. Сенатор не встал. Смотрел он куда-то в сторону.

Возможно, на пианино.

— После того, как я покинул сенат, делать мне было особо нечего, а мои прежние друзья как-то разом забыли обо мне. Я их не виню. А вот Игнатий изредка забегал ко мне. Мы пропускали по рюмочке и он рассказывал мне о Бнафре. Полагаю, по большей части, выдумки, но слушал я его с удовольствием. Конечно, раньше его иначе как плутом и не называли бы, но парень он был обаятельный и Каролин очень любила его.

Слеза сбежала по щеке сенатора. Правой. Не думаю, что он это заметил. Он посмотрел на меня.

— У бедолаги не было денег, так что я оплачу его похороны. Я распоряжусь, чтобы его похоронили рядом с Каролин. Это будет справедливо, не так ли, мистер Лукас? — Справедливо, сенатор, — кивнул я.

Глава 14

В лифте на меня навалилась депрессия. Такое случалось со мной всегда, когда жизнь сталкивала меня с человеком, попусту загубившим свою жизнь. Как экс-сенатор Роберт Эф.

Эймс. Он был не первым, кто сверзился с Олимпа. Но редко кто всел себя столь глупо. Я решил, что с таким интеллектом в сенат просто не попасть. А потому сенатора несомненно подтолкнули к краю пропасти.

Такси, естественно, не было. Мое биополе заставляло водителей объезжать этот квартал. Машину взяла Сара, и мысленно я кое-что высказал в ее адрес. Потом подумал, что неплохо пропустить стаканчик. А может, и несколько. Посмотрел на часы. Без чего-то одиннадцать. Бар и ресторан "Уотергейта" еще закрыты. Другого и быть не могло.

— Не подвезти ли вас, мистер Лукас? — раздался за спиной мужской голос.

Я обернулся. Артур Дэйн, знаменитый частный детектив. Конфиденциальная информация. Розыск загубивших мужей. Интимные фотографии. Бесплатные консультации. Добро пожаловать, всегда к вашим услугам. Уж на него-то я мог и рывкнуть.

— Нет, подвозить меня не надо. А вот выпил бы я с удовольствием.

Он улыбнулся, словно отлично понимал мое состояние.

— Я знаю уютное местечко. Не будете возражать, если я составлю вам компанию?

— Это всего лишь совпадение или вы наблюдаете за любовным гнездышком двадцать четыре часа в сутки?

Дэйн вновь улыбнулся.

— Вон моя машина. Это не совпадение. Я искал вас.

— Как вы узнали, где меня искать?

— Мне сказал лейтенант Синкфилд.

— Понятно, — кивнул я. — Давайте выпьем.

Дэйн ездил на "кадиллаке", маленьком, но достаточно солидном, чтобы не расстраивать клиентов, если

ему приходилось парковать автомобиль у парадного подъезда. Машину он вел плохо. Чувствовалось, что для него это всего лишь средство передвижения.

Он привез меня в бар на Пенсильвания-авеню, в восьми или девяти кварталах к западу от Белого Дома. Располагался бар в старом здании и посещали его в основном те, кто хотел подобрать пару на вечер и ночь. Назывался он "Права собственника прибрежной полосы". Почему — не знаю. С другой стороны, владелец свободен в выборе названия своего заведения. Мы заняли отдельную кабинку. Тут же подскочил длинноволосый официант. Я заказал "мартини", Дэйн — импортное пиво. Кроме нас в баре не было ни души.

Я ополовинил бокал, даже не пожелав Дэйну хорошего здоровья. Вкус мне не понравился, так пришлось отправить вторую половину вслед за первой. Дэйн еще не притронулся к пиву. Он наблюдал за мной. Взмахом руки я подозвал официанта.

— Еще "мартини". Есть у вас "лаки страйк"?

— В автомате.

— Хорошо. Вас не затруднит принести пачку?

Дэйн так и не притгубил пиво.

— Хотелось выпить?

— Еще как.

— Вы, похоже, чем-то расстроены.

— Это заметно?

— Да, — кивнул он. — Заметно.

Официант принес мне второй бокал и сигареты.

Я быстро распечатал пачку и закурил. Я не курил уже более двух лет и после первой же затяжки подумал, а стоило ли бросать?

— Как я понимаю, вы говорили с сенатором — добавил Дэйн.

— Да. С сенатором.

— Как он вам показался?

— Плохой. Совсем плохой. Он даже всплакнул, когда я уходил.

— О? По какому поводу?

— Из-за парня, которого прошлой ночью пристре-

лили у моего дома.

— Олтигби?

— О других мне ничего не известно.

— Олтигби ему нравился.

— Когда вы говорили с ним?

— С сенатором? Никогда? Я просто веду на него досье.

— Для его жены?

Дэйн решил, что пора попробовать пиво. Сделал маленький глоток. Я придвинул к нему пачку "лаки страйк". Он покачал головой.

— Я не курю.

— И я не курил еще несколько минут тому назад.

Дэйн с интересом посмотрел на меня.

— Давно бросили?

— Два года.

— Долгий срок. Почему закурили?

— Очень уж муторно на душе. В таких случаях я должен сделать себе поблажку. Съесть коробку пирожных. Или крепко выпить. Я слаб.

— Ха, — вырвалось у Дэйна. Вероятно, он подумал, что я шучу. Впрочем, полной уверенности у меня не было. Он не походил на человека с тонким чувством юмора. Скорее, видел в жизни только ее серьезную сторону.

— Почему она разводится? — спросил я.

— Кто?

— Ваша клиентка. Миссис Эймс. Жена сенатора.

Дэйн вновь отпил пива. Второй глоток понравился ему больше первого.

— Она не разводится.

— Почему? Унижение доставляет ей удовольствие?

— Нет, ситуация, в которую она попала, ей не нравится. Она вне себя от ярости.

— Так почему не развестись с ним? В таком состоянии, как сейчас, он никому не нужен.

— У него, между прочим, пара миллионов долларов.

— Я говорю не об этом.

— Я знаю. И каким он вам показался?

— Вы уже спрашивали.
— Вы сказали, что он совсем плохой. Что он всплакнул. Что-нибудь еще?

Я задумался.

— Он выглядит, как человек, опустившийся на самое дно, и которому уже на все наплевать. Надеяться ему не на что и живет он только по привычке, потому что этот свет ему не мил.

— Настроен на самоубийство?

— Возможно, но ранее мне не приходилось иметь дело с самоубийцами. Я думаю, они должны быть в состоянии аффекта или в депрессии. У него ничего такого нет. Он пребывает в шоке, из которого иногда выходит лишь на несколько минут. Такое впечатление, что он полностью зависит от Конни Майзель. Должно быть, она даже говорит ему, когда идти в туалет.

— А что вы думаете о ней? — в голосе Дэйна слышалось ничем не прикрытое любопытство.

— От одного ее вида у меня все встало.

— Помимо этого.

— Жестокая, умная и опасная.

— Что значит, опасная?

— Она может заставить мужчину сделать все, что пожелает.

— Вы, похоже, ее боитесь.

— Есть немного. Вы когда-нибудь говорили с ней?

— Пару раз. Она не подпустила меня к сенатору.

— Как же вам удастся собирать на него досье?

— Беседую с такими, как вы. С теми, кому удастся с ним пообщаться. Этим утром я провел полчаса с его бывшим помощником. Его фамилия Камберс.

— И что он сказал?

— Что сенатор играет в бридж хуже, чем раньше. Как и вам, сенатор показался ему совсем плохим. Правда, выразил он это другими словами. Сказал, что сенатор утратил присущую ему способность принимать решения. Не может и шага ступить, не посоветовавшись с ней.

Я пожал плечами.

- Может, ему повезло, что она рядом.
- Его жена так не думает, — заметил Дэйн.
- А что она думает?
- Она считает, что его заколдовали.

Я воззрился на Дэйна, а тот разглядывал стакан с пивом.

— Заколдовали? И кто? Злобный чародей?

— Разумеется, нет. Она думает, что Конни Майзель буквально гипнотизирует его.

— А вы спросили у миссис Эймс, слышала ли она когда-нибудь о сексе?

— Вы думаете, дело только в этом?

— Не знаю. Мне не пятьдесят два года и на мою долю не выпало столько потрясений. Я не знаю, каково переживать такое, имея возможность опереться лишь на Конни Майзель. Может, я стал бы таким же, как он. В это легко поверить. Многие сдают после куда меньших катаклизмов.

— Что вы о ней знаете? — спросил Дэйн.

— Как я понимаю, вы предлагаете сделку?

— Возможно.

— Я расскажу вам все, что мне известно, в обмен на встречу с вашей клиенткой.

Дэйн нахмурился.

— Откуда мне знать, есть ли у вас интересующие меня сведения?

— Вам придется рискнуть.

Раздумывал он долго, не меньше минуты.

— Когда вы хотите встретиться с миссис Эймс?

— Как насчет второй половины дня?

— Она не нуждается в рекламе.

— Рекламой я и не занимаюсь. Я пишу отчет о деятельности ее мужа. Если она хочет, чтобы я написал его объективно, она встретится со мной. Иначе мне придется добывать информацию окольными путями. Пользы от этого не будет. Во всяком случае, для нее.

Дэйн кивнул.

— Я сейчас приду, — он направился к телефонной будке.

Говорил не меньше пяти минут. И, похоже, нашел убедительные доводы.

— Она примет вас в половине четвертого,- сообщил он, вернувшись к столику.- Вы знаете, где она живет?

— Нет.

— Я нарисую вам карту. А вы тем временем расскажите все, что знаете о Конни Майзель.

И я рассказал все, что знал. Вернее, почти все. Пока я говорил, он рисовал на салфетке карту, время от времени вскидывая на меня холодные, умные, зеленые глаза, как бы спрашивая, а чего он, собственно, меня слушает. От этих взглядов мне хотелось говорить и говорить. И я подумал, что этому его научили в ФБР. Или в ЦРУ. Он по-прежнему выглядел, как банкир, осторожный и расчетливый, вызывая у меня ощущение того, что я обращаюсь к нему за ссудой, не имея на то никаких оснований. То есть слов у меня было много, а вот с залогом дело обстояло куда хуже.

Наконец, я замолчал. Он же продолжал рисовать. Не забыл даже стрелочку, острие которой указывало на север. Потом скривил губы, как банкир, решивший отказать ненадежному клиенту.

— Негусто, мистер Лукас.

— Во всяком случае, больше того, что у вас было.

— Вы в этом уверены? — у него приподнялась одна бровь. — Неужели вам известно то, чего не знаю я?

Он покачал головой.

— Мы уже уговорились, так что это неважно. Если вы узнаете что-нибудь интересное, приходите ко мне. Может, найдем, на что сменяться.

— У вас есть то, что интересует меня?

— Возможно, — ответил Дэйв. — Вполне возможно.

Я достал из бумажника пятерку, положил на стол.

— По крайней мере вы позволите мне заплатить за выпивку?

— Если вы настаиваете, — Дэйв протянул мне карту. Нарисовал он ее превосходно.

Стоило мне войти в дом, как Сара все поняла.

— О, да мы пили все утро, не так ли?

- И курили.
- Что случилось?
- Очень уж плохим выдалось утро.
- Что-нибудь еще?
- Мне пришлось услышать много лжи.
- Она положила руку мне на плечо.
- Ребенок спит. Мы можем тихонько залезть в постель и ты мне все расскажешь.
- Ты думаешь, это лекарство излечивает все?
- А ты другого мнения?
- Пожалуй, что нет, — улыбнулся я.
- И она ответила мне улыбкой.
- У нас есть время?
- Сейчас нет, но мы изыщем его ночью. А может, и вечером.
- Хорошо, раз с этим все ясно, как насчет ленча?
- Что ты предлагаешь?
- Что ты пил?
- "Мартини".
- Сара кивнула.
- Сэндвичи с ореховым маслом и желе. Они всосут джин. После сэндвичей, оказавшихся более чем кстати, я подошел к настенному телефону, снял трубку, посмотрел на часы. Двенадцать тридцать. В Лос-Анджелесе — половина десятого. Набрал код Лос-Анджелеса, 213, затем номер, названный мне утром Конни Майзель. Я повторил его про себе не один раз, так что ошибиться не мог: КРествью 4-8905. Тот самый номер, по которому она, по ее словам, звонила каждый день в три часа сорок пять минут, чтобы сказать матери, что она благополучно добралась до дому.
- Раздалось привычное потрескивание, потом пошли звонки. На четвертом трубку взяли.
- У Стэйси, — мужской голос.
- Что у Стэйси? — переспросил я.
- Бар "У Стэйси", — ответили мне, — и, если тебя мучит жажда, приятель, мы открываемся в десять часов.
- Давно у вас этот номер?

— С тех пор, как я открыл это заведение двадцать лет тому назад. Тебе просто не с кем поговорить, приятель, или все-таки что-то нужно?

— Вы — Стэйси?

— Я Стэйси.

— Мне просто не с кем поговорить, — и я повесил трубку.

Глава 15

Карта, нарисованная Дэйном, вывела меня на Авто-страду 50. Я миновал Аннаполис, проехал по мосту Чезапик-Бэй и проследовал на юг к Иэстону. В Иэстоне я свернул на Шоссе 33, ведущее на запад и теперь ехал по узкой полоске земли, вдающейся в бухту. Я находился в округе Толбот, лидирующем в штате Мэриленд по числу миллионеров на тысячу проживающих в нем людей. И это в Мэриленде, который буквально кишит миллионерами.

Вновь поворот, теперь на извилистую дорогу, уходящую к воде. Поместья, расположенные вдоль дороги, сплошь имели названия, некоторые даже оригинальные, вроде "Причуда старушки" или "Почему нет"?

Миссис Эймс предпочла более консервативное "Французский ручей". Об этом свидетельствовала стальная табличка, вмурованная в одну из двух каменных колонн, на которых висели большие железные ворота. Как мне показалось, всегда открытые.

Теперь я ехал по усыпанной гравием дорожке меж двух рядов белоствольных английских вязов. Легкий подъем вывел меня к стоящему на вершине особняку. Мне он понравился. Пожалуй, он понравился бы практически всем. Сложенный из узких брусков серого камня. С крышей из коротких медных листов, от времени ставших темно-зелеными, которая не потечет и через тысячу лет. Большой, просторный, одноэтажный дом, с чуть изогнутым фасадом, дабы из каждого окна открывался прекрасный вид на бухту.

За домом нашлось место для гаража на четыре авто-

мобили и конюшни. А окружала дом ухоженная, площадью в пару акров, лужайка. Старые ели манили тенью, цветочные клумбы и декоративные кусты радовали глаз. Далее пологий склон уходил к бухте.

Я заглушил мотор "пинто", по пути к парадной двери пересек полоску красного бетона. То была старинная дверь, широкая и высокая, с резными панелями, изображающими какие-то сцены, как мне показалось, времен крестовых походов. Я позвонил. Долго ждать не пришлось. Дверь открыл молодой смуглолицый мужчина, который помогал миссис Эймс выйти из "кадиллака" на похоронах ее дочери. Он по-прежнему был в темно-сером костюме, который едва кто принял бы за униформу. Я не мог определить, тот ли это костюм. Скорее всего, их у него было не меньше семи. Я решил, что на него возложены функции дворецкого-шофера-камердинера, то есть его зовут, если надо куда-то поехать, оседлать лошадь, принести что-нибудь выпить или зарядить ружье. В Соединенных Штатах осталось не так уж много слуг-мужчин, и найти их можно разве что в богатых поместьях, усеявших берега Чезапикского залива в штате Мэриленд.

Его темные глаза оглядели меня с ног до головы. Похоже, я не произвел впечатления, так что упредил его вопрос, а что, собственно, я тут делаю, дежурной фразой:

- Миссис Эймс ждет меня.
- Мистер Лукас?
- Совершенно верно.
- Сюда, пожалуйста.

Я проследовал за ним в холл, отделанный панелями из орехового дерева, с толстым коричневым ковром на полу, массивной мебелью, старинными картинами. Я одобрительно кивнул. Именно так, по моему разумению, и следовало тратить деньги, если, конечно, их более чем много.

Мужчина в темно-сером костюме отворил дверь, отступил в сторону и объявил:

- Пришел мистер Лукас, миссис Эймс.

Я вошел в большую комнату. Одну стену занимало окно, от пола до потолка. Майская голубизна бухты, с белыми барашками на волнах от легкого ветерка притягивала взор. Впрочем, и обстановка комнаты могла поспорить красотой с бухтой. Но особо выделялся камин. Поднятый на фут над полом, высокий (рослый, под шесть футов, мужчина мог войти в него, не сгибаясь), широкий и глубокий (пони могла без труда развернуться в нем) и, несомненно, сработанный очень и очень давно. Я решил, что миссис Эймс приобрела камин в том же замке, где купила парадную дверь. В камине даже пылал огонь. Три полена длиной в пять футов и толщиной с телеграфный столб весело потрескивали в язычках пламени, выгоняя из комнаты прохладу, что несли с собой голубые воды бухты даже в теплый майский день.

Низкие, удобные кресла и диваны, обитые тканью теплых, осенних тонов, так и манили сесть и, отвлекшись от мирских дел, любоваться бухтой или, переливающимся всеми оттенками красного, огнем в камине. В одном углу стоял большой рояль, около которого так и тянуло постоять с бокалом в руке, слушая тихую, спокойную музыку. А может, что-нибудь и спеть самому.

Миссис Эймс ждала меня у камина, наблюдая, как я пересекаю комнату.

— Добрый день, мистер Лукас, — поздоровалась она со мной, когда я миновал половину пути. — Я Луиза Эймс.

Я дал бы ей сорок пять, и лишь потому, что знал, сколько лет ее дочери. Выглядела она моложе. Достаточно молодо, чтобы носить светло-коричневые брючки, обтягивающие круглую попку и плоский живот. Компанию брючкам составлял желтый свитер, скорее всего, из кашемира. Цвета прекрасно гармонировали друг с другом.

Женщина она была интересная, даже красивая, с короткими, вьющимися темно-русыми волосами, только начавшими седеть. Лицо сердечком с аккуратненьким подбородком, темно-карие глаза, загорелая, мягкая ко-

жа, прямой нос и рот, похоже, забывший, что такое улыбка.

— Позвольте поблагодарить вас за то, что вы согласились принять меня сегодня.

Она чуть склонила голову, разглядывая меня, как могла бы разглядывать плохую картину, нарисованную близкой подругой.

— Что ж, по крайней мере внешне вы не похожи на лжеца, — изрекла она после долгого молчания.

— Так я, по-вашему, лжец?

— Вы же работаете на Френка Сайза.

— Совершенно верно.

— Я полагаю, что он нанимает одних лжецов, разумеется, превосходных лжецов. По вас просто не видно, что вы лжец.

— Я только учусь.

Она вроде бы решила улыбнуться, но передумала.

— Присядьте, мистер Лукас. Это кресло вы найдёте очень удобным.

Я опустился в указанное мне кресло. Она продолжала стоять у камина.

— Не хотите ли выпить? Составьте мне компанию.

— С удовольствием.

— Шотландское?

— Нет возражений.

Она сдвинулась влево, на шаг или два. Вероятно, напустила на кнопку, потому что мгновением позже смуглолицый мужчина внес серебряный поднос с графином, сифоном с содовой, серебряным кувшином с водой, серебряным ведерком со льдом и двумя высокими стаканами. Должно быть, они не раз репетировали эту сцену.

Меня он обслужил первым. После того, как я налил себе виски, добавил содовой и льда, а миссис Эймс наполнила свой стакан, молодой человек исчез. Занял свой пост в буфетной, предположил я. Жена сенатора подняла стакан.

— За счастливые семейные союзы, мистер Лукас. Вы женаты?

— Уже нет.

— Вы часто ссорились?

— Нет, не очень.

Она кивнула.

— Полагаю, это верный знак того, что семейная жизнь близка к краху. Не хочется даже ругаться.

— Наверное, — я подумал о Саре. Расписаны мы не были, но поводов для ссор хватало.

— Вы хотите поговорить со мной о моем муже, не так ли? — О нем и других людях.

— О ком именно?

— К примеру, об Артуре Дэйне. Почему вы наняли его?

Она отпила виски.

— Чтобы приглядывать за моими инвестициями.

— Какими инвестициями?

— Вы знаете, чем занимался мой муж, когда я вышла за него?

— Преподавал.

— Он был ассистентом на кафедре государства в университете Индианы и при удаче к пятидесяти годам мог бы стать вторым профессором. Вместо этого в сорок шесть лет он стал американским сенатором, и я платила за каждую ступень, начиная от члена законодательного собрания штата, сенатора штата, заместителя губернатора штата, потому что он, по его словам, этого хотел. Я вложила в него много денег, мистер Лукас, а теперь все пошло прахом, и я наняла Артура Дэйна. Я хочу знать, в чем причина.

— Это все?

— Что, все?

— Это все, что вы хотите выяснить? — Как я понимаю, вы говорили с ней. — С кем?

— С этой Майзель.

Я кивнул.

— Да, говорил.

— Если бы не она, мой муж по-прежнему оставался бы сенатором США, а моя дочь была бы жива. А теперь она околдовала его, — она посмотрела на меня. — Да, да, мистер Лукас, я сказала околдовала. Другим словом

это не назовешь. — Я предложил Дэйну альтернативный вариант.

— Какой же?

— Секс.

Она рассмеялась. Без улыбки. Отбросила голову назад и позволила смеху сорваться с губ. Веселья в этом смехе, естественно, не было.

— Говорите, секс.

— Совершенно верно.

— Она буквально сочтется сексом, не так ли?

— Некоторым женщинам это свойственно, но не в той мере, как ей.

Она долго смотрела на меня.

— Вы могли бы.

— Мог что?

— Могли бы бросить ради нее все, дом, жену, детей, карьеру, все, что у вас было. Послать бы все к черту, лишь бы прийти к ней. Это мог бы сделать любой нормальный мужчина. Но не Бобби.

— Сенатор?

— Именно. Сенатор Бобби.

— Почему?

— Знаете что?

— Что?

— Думаю, я скажу вам, почему.

— Хорошо.

— Вы этого не опубликуете. Даже Френк Сайз этого не опубликует.

— Почему?

— Потому что речь пойдет о сексуальной жизни сенатора Бобби. Вернее, об отсутствии этой жизни. Вам все еще интересно?

— Интересно.

Она вновь рассмеялась. Еще более мрачно.

— Держу пари, интересно. Вы не собираетесь что-нибудь записать?

— Я никогда ничего не записываю.

— И можете запомнить все, что вам говорят?

Я кивнул.

- Научиться этому не так уж и сложно.
- Так с чего же мне начать? Может, с начала?
- Дельная мысль.

— Что ж, сначала у нас была нормальная сексуальная жизнь. Очень нормальная. Возможно, слишком нормальная. Не думаю, чтобы он набрался опыта до свадьбы. Какие-то женщины у него были, но не много. После рождения Каролин все вернулось в привычное русло. Два или три раза в неделю, потом реже, реже, реже, а когда ему исполнилось сорок, а мне тридцать три, мы занимались любовью не чаще раза в месяц.

- И что произошло потом?

— Мы родились в один день. Тринадцатого октября. Вам известно, что я подарила ему на его сороковой день рождения? — Миллион долларов.

— Совершенно верно. Миллион долларов. Он уже был сенатором штата. И решил делать карьеру в политике. Я с ним согласилась. Академические круги меня не впечатляли. Поначалу мы все планировали вместе. Каждый его шаг. Знаете, о чем думал этот глупец?

- О чем?

— Что наступит день, когда его выберут президентом. Но это не самое худшее.

- Не самое?

— Я ему верила. Мои деньги и его внешность. Выигрышная комбинация, не так ли? одним глотком она выпила чуть ли не треть стакана.

Я решил, что она прикладывалась к виски и до моего приезда. Впрочем, я сам тоже начал день со спиртного. А где пить шотландское, как не в этой уютной гостиной.

- Так на чем мы остановились?

- На его сороковом дне рождения.

— Понятно. Я подарила ему миллион долларов. Знаете, что он подарил мне?

- Понятия не имею.

— Фартук. Нормально, не так ли? Ситцевый фартук с кружавчиками по подолу. И знаете, где он хотел меня в нем видеть?

— В постели.

— Совершенно верно. В постели. Он сказал, что это его возбуждает. Френк Сайз опубликует мои слова?

— Вы его надели?

— Надела? Черт, разумеется, нет.

— Тогда Френк Сайз это не напечатает. Такое читателям не интересно. Я знаю конгрессмена, у которого был целый гардероб женской одежды. Он возбуждался, надевая ее. Его жена это поощряла. Как я понимаю, в этой одежде она видела залог семейного счастья.

Миссис Эймс долго разглядывала содержимое стакана. — Френк Сайз ничего бы не опубликовал, даже если бы я надела его, так?

— Вы правы.

— Но суть не в этом.

— А в чем же?

— На нашей сексуальной жизни был поставлен крест. Во всяком случае, совместной. Он нашел шлюх, которые надевали его фартучки, а я нашла... ну, вы видели, кого я нашла.

— Как его зовут?

— Этого? Его зовут Джонас. Джонас Джонс и он знает все, что только можно знать.

— Миссис Эймс...

— Что?

— Вы слишком много говорите. Я не против того, чтобы слушать, но вы действительно слишком много говорите.

Она пожала плечами.

— Возможно, — ее рука со стаканом описала широкую дугу. — Я и пью слишком много. Но мне есть что сказать. Будете слушать или нет?

— Продолжайте.

— Так вот, у него были проститутки с фартуками, а потом он нашел эту пустышку, которая изображала курицу-наседку, кудахтала над ним, обращалась, как с малым дитем, да еще ложилась в постель в фартуке. Одному Богу известно, в какие они играли игры. В дочки-матери или в больницу.

— Вы говорите о его бывшей секретарше, не так ли? Глории Пиплз.

Она кивнула.

— Вы были на похоронах. Артур Дэйн говорит, что были. И видели маленькую Глорию. Это продолжалось пять лет. Даже больше, и он не подозревал, что я все знаю. Что ж, это лишь подтверждает мою главную мысль.

— Какую же?

— Конни Майзель держит моего мужа не сексом. Дело в том, что в постели я больше похожа на эту Майзель, чем на бедняжку Глорию. Но он предпочел Глорию. А устав от нее, перебрался бы к другой, еще больше похожей... черт, а почему бы и не сказать? Еще больше похожей на его мать.

— Вы думаете, дело в этом?

Миссис Эймс допила виски.

— Я знаю. Артур Дэйн не первый нанятый мною детектив. У меня есть интересные магнитофонные записи. Может, в какой-нибудь дождливый день вы приедете и послушаете их. Как по-вашему, это может... вас возбудить?

— Едва ли.

— Давайте еще выпьем.

— Не откажусь.

На этот раз она не сразу нашла кнопку под ковром. Но нашла. И вновь Джонас Джонс появился с серебряным подносом. Наклонился ко мне, стоя спиной к Луизе Эймс. Едва слышно прошептал: Это частный садик, приятель.

— Ваш? — спросил я.

Он подождал, пока я смешаю виски с содовой, выпрямился и заговорил уже в полный голос.

— Совершенно верно, сэр. Премного вам благодарен.

— Он был неплохим сенатором, знаете ли, — сказала Луиза после ухода Джонса. — А мог стать одним из лучших. У него светлая голова. Во всяком случае, была.

— А что, по-вашему, случилось?

— Она. Вот что случилось.

— Я хочу сказать, до нее.

Она поставила стакан на столик, взяла пачку сигарет, вытрясла одну, закурила.

— Хотите? — она протянула пачку мне. А я-то уже забыл, что снова начал курить.

— Нет, благодарю. Я предпочитаю свои.

И закурил "лаки страйк", седьмую за день.

— До того, — повторила она. — До того у нас произошел серьезный разговор. Года четыре тому назад. Он все еще хотел стать президентом, а я по-прежнему видела себя первой леди. Я бы с удовольствием пожила в Белом доме, знаете ли.

— Я вас понимаю.

— Так вот, разговор вышел вежливым, без криков. Мы решили, что развод не повредит его карьере, но ничем ей не поспособствует. А потому мне следует купить поместье достаточно далеко от Вашингтона, чтобы он не мог ездить туда каждый день. Тогда он мог приобрести квартиру в Вашингтоне, не вызывая особых кривотолков. В итоге он снял апартаменты в "Шорхэме", а я купила "Французский ручей". После этого каждый из нас шел своим путем. Он — с Глорней, я — с моими собаками, лошадьми и личным жеребцом. Изредка мы принимали гостей здесь, я появлялась на тех присмаках, куда он не мог явиться один. Последнее случилось не так уж часто. Политика все еще мужская сфера.

— А что думала о вашей договоренности Каролин?

Луиза Эймс бросила окурок в камин. Она стояла ко мне спиной.

— Каролин симпатизировала отцу. Не думаю, что она любила меня, — тут она повернулась, посмотрела мне в глаза. — Отец обожал ее. Полагаю, мы ревновали ее друг к другу, — она в первый раз улыбнулась. Горестно, печально. — Люди сами себе портят жизнь, не так ли, мистер Лукас?

— Некоторые из нас только этим и занимаются. А потом он произнес ту речь?

Она кивнула.

— Да, ту речь. Речь, за которую он вроде бы взял пятьдесят тысяч долларов. Из них две тысячи обнаружили на его банковском счету, пошли разговоры о сенатском расследовании и он подал в отставку, — Луиза Эймс помолчала. — Она заставила его это сделать. Конни Майзель.

— Почему?

— Это была ее работа.

— Вы хотите сказать, что она выполняла задание "Баггер организейшн"?

— Так называется фирма, где она служила. Но, возможно, у нее был и другой работодатель.

— Кто?

— В Индиане найдется не меньше дюжины людей, желающих стать сенатором Соединенных Штатов.

— И кто-то из них мог подставить его?

Она дернула плечом.

— Могу я иметь свои версии случившегося.

— Вы не берете в расчет другие.

— А мои вам не нравятся?

— Я думаю, они далеки от истины. Вы говорите ваш муж умен... интеллигентен. И, тем не менее, производит речь, которая губит его карьеру. Ни один политический противник не заманил бы его в такую ловушку, даже если б ума у него было в половину меньше. Поначалу я думал, что причина — секс. А может, и любовь. Я видел Конни Майзель. Она может заставить практически каждого мужчину выйти из дома и никогда туда не возвращаться. Меня бы она заставила, будь у нее такое желание. Но я ей не нужен, потому что я — мелкая сошка.

Из вашего рассказа следует, что ваш муж — не из таких. Для него секс — фартук в кружавчиках, женское воркование и пакет воздушной кукурузы перед телевизором. Вы говорите, что связано все это с его матерью, но я в этом не уверен. Может, он искал нечто такое, что не могли ему купить даже восемнадцать миллионов долларов. К примеру, счастливую семейную жизнь. И если для этого ему не хватало фартучка или двух, мо-

жет, вам следовало надевать его перед тем, как ложиться в постель. Тогда он и теперь оставался бы сенатором и кандидатом в президенты. Но нынче все порушено, его же руками. Вот я и стараюсь докопаться до истинной причины, но пока ничего не нахожу.

— А вы становитесь очень симпатичным, когда так говорите. С такими грозными глазами.

— О, Господи, — я встал.

Она шагнула ко мне. Встала вплотную, гораздо ближе, чем требовали приличия. Левой рукой, в которой не было стакана, разгладила мне лацкан пиджака.

— Эта сучка Майзель, — проворковала Луиза Эймс. — Она его заставила.

— Так говорит Дэйн?

— Артур Дэйн обходится мне недешево. Знаете его ставки? — Я слышал, пятьсот долларов в день.

— Так что полученная мною информация о ней стоит больших денег.

— И вы не намерены поделиться ею со мной.

— Я могу, — ее пальчики уже играли моими волосами. — Могу, когда мы лучше узнаем друг друга.

Я не такой уж красавчик. Рост у меня шесть футов три дюйма, вес — сто шестьдесят один фунт. Я не могу позволить себе потолстеть, потому что все лишнее собирается у меня в животе. Сара как-то сказала мне, что я похож на недружелюбного спанисля. Умного, недружелюбного спаниеля, добавила она. Так что женщины не бросаются на меня, не присылают маленькие сувениры от "Камальер и Бакли"*, не ждут меня в темных барах. Иной раз бывали исключения. Одинокая жена, которая могла знать, а могла и не знать что-либо о манипуляциях ее мужа с государственными фондами, распахивала халатик и не считала нужным застегнуть пуговицы. Ее муж особо не возражал, ибо к тому времени обретался где-нибудь в Буэнос-Айресе. Так что намерения Луизы Эймс не составляли для меня тайны и мне предстояло решить, нужна ли мне еще одна чья-то жена с восемнадцатью миллионами долларов за душой. Я да-

* Известная ювелирная фирма

же задумался, а стоит ли мне или нет вызнать все, что ей известно. И пришел к выводу, что не стоит. Я до сих пор не уверен, как бы все повернулось, приди я к противоположному выводу. Возможно, пара людей остались бы в живых. Но, опять же, это всего лишь предположение.

Мне, однако, не пришлось отталкивать ее от себя.

Грязную работу выполнили другие.

— Вам нужно что-нибудь еще, миссис Эймс?

Джонас Джонс стоял у двери, ведущей, как я полагал, в буфетную. Я смотрел на него через ее плечо. Лицо побледнело, но тон оставался вежливым.

Она не отпрыгнула, не вздрогнула. Рука ее медленно скользнула по моей груди. Потом она обернулась.

— Мистер Лукас как раз уходит, Джонас. Пожалуйста, проводите его. — Хорошо, миссис Эймс.

Он пересек гостиную и остановился у другой двери, что вела в холл.

— Нам надо бы побеседовать вновь, — она уже смотрела на меня. — В самое ближайшее время.

— Конечно, — кивнул я. — Обязательно побеседуем.

— Вам это сэкономит массу времени. Да и мне будет интересно.

— Несомненно.

— Я вам позвоню.

— Обязательно позвоните, — с тем я и направился к двери, которую уже открыл Джонас Джонс.

Он последовал за мной, обогнал слева, чтобы открыть старинную резную входную дверь.

Я остановился, повернулся к нему.

— Вам нравится ваша работа?

— Лучше, чем Майами-Бич, приятель, — ответил он. — Нет такой конкуренции.

— Вы хотите сохранить ее?

Он кивнул.

— Конечно.

— Тогда уделяйте больше внимания домашнему заданию.

Глава 16

В Международном аэропорту Лос-Анджелеса я арендовал зеленую "шевроле-импалу" в агентстве Хертца и снял номер в мотеле на Западной авеню, неподалеку от Уилшира. Повесил пиджак на вешалку, плеснул в стакан виски из бутылки, что привез из Вашингтона, добавил воды, снял трубку и позвонил Френку Сайзу.

В Вашингтоне был час дня и Френк Сайз собирался на ленч. — Я в мотеле "Гэмини", — сообщил я.

Он спросил мой номер, а после того, как я продиктовал его, добавил: "Я перетряхнул этот город снизу доверху, но ничего особого не нашел. Он бывал там часто, но в этом ничуть не отличался от остальных. В первый раз в двадцать девятом году, еще маленьким. В тот же год он посетил Большой Каньон, Йеллоустоун-Парк, Йосемайт, Сан-Франциско и озеро Флетхэд. Это в Монтане.

— Ничего себе путешествие.

— Они ехали на машине. "Эссекс супер шесть" выпуска одна тысяча двадцать восьмого года, если вас это интересует. — Всей семьей?

— Да. Отец, мать и сестра, младше его на два года. Она умерла в тридцать пятом от полиомиелита.

— За это не зацепишься, — подтвердил я. — Когда еще он побывал здесь?

— Не меньше двух или трех десятков раз. О Боже, все съезят в Калифорнию. Я практически ничего не узнал о его поездках до того, как его избрали сенатором, а уж потом он летал туда пятнадцать раз. Примерно три раза в год.

— В Лос-Анджелес?

— Не только. Иногда в Лос-Анджелес. Иногда в Сан-Франциско. Пару раз в Сакраменто. Однажды в Сан-Диего. У него приятель в Ла-Джолле. Пару раз он останавливался там.

— Приятель или подруга?

— Сосед по комнате в студенческом общежитии.

— Это уже кое-что. Как его зовут?

— Джон Сведсон, но вам он ничем не поможет. Он умер четыре года тому назад. Эймс летал на похороны.

— Ясно. Вернемся к тому времени, когда он еще не был сенатором.

— Утром Мэйбл связалась с его матерью по телефону. Она живет в Индианаполисе. От нее мы узнали о "эссексе супер шесть". Старушка говорила почти час, и все о той автомобильной поездке. Она не помнит, чтобы он специально ездил в Калифорнию, кроме как во время войны. Его корабль базировался в Сан-Франциско.

— Он был летчиком, так?

— Военно-морским летчиком. Летал много. Вернулся с войны капитаном.

— Когда?

— Согласно данным Пентагона, его демобилизовали четырнадцатого августа сорок пятого года.

— В день капитуляции Японии, не так ли?

— Совершенно верно.

— Где его демобилизовали?

— Его мать говорит, что произошло это в Лос-Анджелесе, и он два дня не мог добраться до дому, потому что самолеты были переполнены. А она уже испекла пирог, который пришлось выкинуть.

— Раз он служил на флоте, его демобилизовали в Кэмп-Пендлтон. Это рядом с Лос-Анджелесом. Нашли что-нибудь еще?

— Мы потратили все утро, чтобы добыть эти сведения.

— Накопали вы немного.

— Больше ничего нет.

— Что ж, надеюсь, остальное я найду здесь.

— Где именно?

— Еще не знаю.

— Этого-то я и боялся, — и Сайз положил трубку.

Конструкторская фирма "Коллинсон и Кирни" занимала второй этаж трехэтажного здания на бульваре Беверли. Я поднялся по лестнице, прошел по коридору и, поскольку звонка не было, просто открыл дверь и пере-

ступил порог. За простым металлическим столом, выкрашенным в серый цвет, сидела женщина. Решала кроссворд в "Таймс". Всю обстановку составляли несколько неудобных кресел, какие встречаются в приемных дантиста да вытертый ковер на полу. Стены украшали фотографии различных мостов, которых я раньше никогда не видел.

Женщина, похоже, уже разменяла седьмой десяток.

Оранжевые крашеные волосы топорщились в разные стороны, на бледном лице выделялись оранжевый рот и два оранжевых пятна на щеках. Посмотрела она на меня сквозь очки, форма которых считалась последним писком моды пятнадцать или двадцать лет тому назад.

— Если вы что-то продаете, то лишь потеряете здесь время, — тон, ледяной, как ветер в Арктике. — Мистер Кирни приходит только по вторникам и четвергам.

— А если я хочу построить мост в пятницу? — спросил я. — Шутить изволите?

— Дела идут так себе?

Она вернулась к кроссворду.

— Какие уж тут дела.

— Может, они пошли бы в гору, если бы мистер Коллинсон и мистер Кирни почаще заходили на работу.

Она отложила шариковую ручку, оранжевый лак на ногтях гармонировал с помадой и румянами. Глаза у нее, я заметил, были синими. С оранжевым их цвет не сочетался.

— Мистер Коллинсон умер пятнадцать лет тому назад. Мистеру Кирни семьдесят семь, и он приходит сюда лишь для того, чтобы удрать от своей жены. Его жена, должна добавить, сука. Что же касается строительства мостов, то мы их не строим. Мы их проектируем. А если точнее, объясняем людям, как их проектировать. Но последние девять лет к нам никто не обращался.

— Процветающим ваш бизнес не назовешь, — покивал я.

— А что вам, собственно, нужно? — она поставила локти на стол, оперлась подбородком на руки. — Мо-

жете мне что-нибудь рассказать. Я не против. Делать-то все равно нечего.

— Вы давно здесь работаете?

— Тридцать лет.

— Меня интересуют некоторые сотрудники вашей фирмы, которые давно уволились.

Она улыбнулась.

— О, значит есть возможность посплетничать. Кто? Я знаю всех.

— Мужчина по фамилии Майзель. И его жена. Майзель вроде бы был инженером.

— Вы из кредитного бюро?

Я покачал головой.

— Коп?

Опять покачал.

— Извините, я в некотором роде репортер.

— Не с телевидения? — в ее голосе слышалось разочарование.

— Нет. Я работаю у Френка Сайза.

Как обычно, зазвучали фанфары, под грохот барабанов опустился подъемный мост. Так случалось практически всегда при упоминании имени Френка Сайза людям, которые только и мечтали, чтобы на них обратили внимание. А таких было более чем достаточно. Они не просто отвечали на ваши вопросы, они стремились выплеснуть на вас все, что знали. Часто я слышал от них то, что они не говорили никому, из-за стыда или страха. Но стыд и страх отставлялись в сторону, когда появлялся шанс увидеть свою фамилию на газетной странице или свое лицо на экране телевизора. Иной раз мне кажется, что я знаю причину их откровенности: они хватались за последнюю возможность обессмертить себя. Но полной уверенности у меня нет.

— Меня зовут Фоуб Мэйс, — представилась женщина с оранжевыми волосами.

— Я Декатар Лукас.

— А почему вы не записали?

— Что?

— Мои имя и фамилию.

Им нравилось, когда что-то черкали в блокнотс. Возможно, это время они использовали для того, чтобы придумать новые подробности к своему рассказу.

— Мы уже ничего не записываем. Это устаревший метод.

— Но нельзя же полагаться только на память? — воскликнула она. — Если я что-то не запишу, то обязательно забуду.

— У меня в кармане портативный магнитофон, — ответил я. Отдернул рукав и на мгновение показал ей часы. Эти часы на самом деле высокочастотный микрофон с направленными датчиками. Вы знаете, такими пользуются астронавты.

Она кивнула.

— Я слышала о них. По телевизору.

Разумсется, слышала, подумал я. Не знаю, с чего я решил солгать ей. Может, потому, что она очень уж скучала. А так я давал ей пищу для разговоров на целую неделю. Если ей было с кем поговорить.

— Так вернемся к Майзелю. Он работал здесь в пятьдесят шестом или пятьдесят седьмом?

— Возможно. А что он натворил?

— Понятия не имею. Может, он уже и умер.

Она фыркнула.

— Наверное, от пьянства.

— Так он работал здесь инженером.

— Инженером! — пренебрежительно воскликнула она. — Он был чертежником, да и то четыре недели. Мистер Коллинсон лично уволил его. Аккурат перед тем, как серьезно заболел.

Я кивнул.

— А жена Майзеля? Она тоже здесь работала?

Вновь она фыркнула.

— Какая жена? Билли Майзель никогда не женился. Каждую ночь он где-то шляется, а когда утром заявлялся на работу, пахло от него, как от бутылки джина. И рассказывал столь невероятные истории, что слушатели не могли сдержать смеха. Чувствовалось, что такой образ жизни ему по душе.

— Когда он здесь работал?

— С пятнадцатого мая пятьдесят шестого года по пятнадцатое июня того же года.

— Как вы смогли это запомнить?

Правой рукой она поправила оранжевую кудряшку.

— Билли Майзель из тех, кто запоминается на всю жизнь, — и она улыбнулась.

— Вы — мисс Мэйс, не так ли?

— Совершенно верно. Мисс Мэйс. Не миссис Мэйс.

— Говорите, он много пил?

— Тогда все много пили. Но Билли пил больше других. Любил повеселиться.

— Он был хорошим чертежником?

— Во второй половине дня. Тогда он чертил быстро и точно. Утром привлекать его к работе не имело смысла.

— А как вы относитесь к потреблению спиртного?

Ее выщипанные брови взлетели вверх. Темно-каштановые. — Вообще?

— В частности. Я имею в виду бутылку "Джи и Би", что лежит у меня в кармане.

— Рядом с портативным магнитофоном?

Я улыбнулся.

— Именно так.

— Подождите, я достану стаканы.

Из ящика стола она достала два зеленых пластмассовых стаканчика и поставила их передо мной. В каждый я щедро плеснул виски.

— Как насчет минеральной воды? — спросила она.

— Не откажусь.

Она достала из холодильника большую бутылку, добавила воды. Протянула мне один стакан, подняла второй.

— За старых женщин.

— Вы не такая уж старая.

Она выпила виски и взбила волосы.

— Стараюсь.

Я снова улыбнулся.

— У вас есть дружок.

Она покраснела.

— Есть тут один старичок, что ухаживает за мной. Одной ногой в могиле, но все еще бодрится. Ездит на внедорожнике. Разумеется, у него есть другой автомобиль, но ему нравится приезжать за мной на этой ревущей колыхаге.

— По-моему, забавно.

— Насчет забавы не знаю, но все лучше, чем шафл-борд*. Вы когда-нибудь их видели?

— Кого?

— Наших пожилых горожан, что сидят в парке Макартура, дожидаясь, пока за ними придет смерть. По крайней мере, Фред не такой..

— Фред — ваш дружок, так?

Она кивнула.

— Знаете, где он сегодня?

Я покачал головой.

— Учится летать. Разумеется, ему не разрешают подниматься в одиночку, но ему нравится летать с инструктором и делать все, что заблагорассудится.

— Знаете что?

— Что? — переспросила она.

— Готов поспорить, я знаю, почему вы запомнили Билли Майзеля.

— Почему?

— Готов спорить, он приударил за вами. Возможно, поэтому его и уволили. Вашему боссу это не понравилось. Я имею в виду мистера Коллинсона.

Ее лицо смягчилось. Возможно, сказалось выпитое виски, возможно, нахлынули воспоминания.

— Я была слишком стара для Билли.

— Это невероятно. Тогда вам не могло быть больше тридцати двух, от силы тридцати трех, — я сбросил восемь или девять лет с ее возможного возраста.

— Мне было тридцать восемь, — она скостила себе всего два года. — А ему только тридцать. Заводной парень. Совершенно неуправляемый.

— И что с ним случилось?

---

*Игра с передвижением деревянных кружочков по размеченной доске

Она пожала плечами.

— Что с такими случается? Полагаю, они стареют, но не сдаются. Теперь ему сорок шесть, так? — она покачала головой. — Я не могу представить себе Билли в сорок шесть лет.

— Он не женился?

— Только не он. Молоко так дешево. Вы знаете эту присказку?

— Зачем покупать корову?

Она кивнула.

— Зачем покупать корову, если молоко так дешево. Он частенько ее повторял.

— Он не говорил про родственников? Брата или сестру?

— Брат у него был. Френки. На год или два старше. Однажды он зашел сюда, чтобы занять у Билли двадцатку. У Билли денег не было, поэтому он занял двадцатку у меня и отдал брату. Назад я ее не получила. Собственно, и не ждала, что он отдаст долг.

— А чем занимался Френки?

— Музицировал. Играл на рояле. Немного пел. Вам такие встречались. Симпатичный, с вьющимися волосами, обаятельной улыбкой. Уютная гостиная, полумрак, он играет "Звездную пыль" старушкам, что осиливают уже четвертый "мартини", старушки хотят пригласить его к себе, но выясняется, что он уже приглашен. Барменом. Есть еще виски в вашей бутылке?

— Сколько угодно.

Она протянула свой стаканчик и я наполовину наполнил его шотландским. Себе я налил поменьше. Она налила в оба воды. Глаза у нее заблестели.

— Билли не попал в передрагу?

Я покачал головой.

— Нет. Думаю, что нет.

— Тогда почему Френк Саиз интересуется им?

— Это длинная история, мисс Мэйс. По правде говоря я ищу тех, кто знал маленькую девочку, которую звали Конни Майзель. А может, Констанс. В пятьдесят.

шестом ей было лет десять. Я подумал, что Билли был ее отцом.

Фоуб Мэйс улыбнулась и покачала головой.

— Это невозможно. И Френки не мог быть ее папашкой. — Почему?

— В середине пятидесятых мы жили как в каменном веке. Противозачаточных таблеток еще не было. А Френки и Билли пользовались особым успехом у женщин благодаря одной особенности их организма.

— Какой именно?

— Когда одному было тринадцать, а второму пятнадцать, они переболели "свинкой"*.

Глава 17

Фоуб Мэйс хотела, чтобы я дождался Фредди, ее друга, который мог с минуты на минуту вернуться после летнего урока, но я сказал, что у меня назначена встреча, которую я не могу отменить.

— Если найдете его, передайте ему привет, хорошо? — попросила она.

— Билли Майзелю?

— Вот-вот. Билли.

— Хотите, чтобы я предложил ему заглянуть к вам, если мы встретимся?

Она задумалась.

— Ему уже под пятьдесят?

— Похоже на то.

Она покачала головой.

— Наверное, он уже лысый. И толстый.

— Возможно, и нет.

— Передайте ему привет. И все. Только привет.

— Фоуб передает вам привет

Она улыбнулась, как мне показалось, грустно.

— Совершенно верно. Фоуб передает привет.

Я спустился вниз и уже сел в машину, когда к зданию подкатил внедорожник фирмы "Фольксваген", с

---

* Сви́рка зачастую сопровождается поражением яичек, что приводит к мужскому бесплодию.

разрисованным парусиновым верхом и большими задними колесами. Из него выскочил костлявый старичок в потрепанных шортах и красной рубашке с короткими рукавами, загорелый, с седыми усиками и забранными сзади в хвост седыми же волосами. Широким шагом он направился к подъезду.

— Добрый день, Фред, — поздоровался я, когда он проходил мимо. — Как дела?

Он остановился, ослепил меня белозубой улыбкой.

— Все отлично, сынок. Я вас знаю?

— Думаю, у нас есть общие знакомые.

— Фоуб?

Я кивнул.

— Есть на что посмотреть, не правда ли, — он подмигнул мне.

— Потрясающая женщина, — согласился я.

Он опять улыбнулся, еще раз подмигнул и взбежал по лестнице.

До Голливуд-Фриуэй я добрался быстро, лишь пару раз повернув не в ту сторону, и покатил к центру города. Засхал на автостоянку рядом с Бродвеем и положил бутылку с остатками виски в бардачок. Служитель это заметил и покачал головой.

— Законом это запрещено.

— У меня простуда, — ответил я.

— Господи, это ужасно. У меня тоже.

— Так примите лекарство.

— Вы шутите?

— Отнюдь. Только не помните машине крылья. Она взята напрокат.

— Спасибо, приятель. От глоточка я не откажусь.

— Чтобы вылечить простуду.

— Вот-вот. Только поэтому.

Я взял у него квитанцию и пошел к Новому департаменту регистраций Лос-Анджелеса, уже как пять лет переехавшему в Гражданский центр, располагающийся в доме двести двадцать семь по Северному Бродвею.

По справочному указателю в вестибюле я определил, что мне нужна комната десять. Находилась она на пер-

вом этаже, и в ней, за длинной конторкой, я нашел изящную блондинку, которой, судя по всему, очень нравилась работа в государственном учреждении. Она, несомненно, гордилась тем, что досконально разбирается в порученном ей деле. Занималась она свидетельствами о рождении.

После того, как я объяснил, кто я, откуда и от кого, она улыбнулась.

— Знаете, я читаю его колонку.

— Это хорошо.

— Он всегда на кого-то сердится. Это так?

— Обычно, да.

— Я бы сошла с ума, если бы постоянно сердилась.

— Я тоже.

— Чем я могу вам помочь?

— Я бы хотел взглянуть на свидетельство о рождении одной девушки, Конни Майзель. А может, Констанс. Майзель я продиктую вам по буквам*.

— Она родилась в Лос-Анджелесе? — спросила блондинка, записав под мою диктовку фамилию Конни.

— Да.

— Вы знаете, когда? Это ускорит дело.

— Двадцать первого мая одна тысяча сорок шестого года. — Одну минуту.

На поиски ушло три минуты. Она вернулась с бланком, размером с конверт.

— Свидетельства о рождении на руки не выдаются. Я не могу снять для вас копию. Но готова сказать все, что в нем записано.

— Отлично. Ее полное имя?

Блондинка посмотрела на бланк.

— Констанс Джин Майзель.

— Отец?

— Френсис эн-в-и Майзель.

— Эн-в-и означает "нет второго имени"?

— Да.

— Чем он занимался?

---

* Это действительно необходимо, потому что многие фамилии пишутся не так, как слышатся.

- Это пункт тринадцать. Музыкант.
- Чем занималась ее мать?
- Пункт восемь. Официантка.
- Что еще записано в свидетельстве?
- В нем двадцать семь пунктов. Место жительства, дата рождения матери, раса отца, место жительства отца, девичья фамилия матери, названия больницы, адрес, число детей, рожденных матерью...
- Это надо.
- Пункт двадцать один. Двое. Живущих. Двое. Умерших. Ни одного. Выкидышей. Ни одного.
- А второй ребенок мальчик или девочка?
- Мальчик.
- А что там записано насчет девичьей фамилии матери.
- Гвендолин Рут Симмс, — ответила блондинка. Нынче Гвендолин не сыскать. Красивое имя, но старомодное.
- Пожалуй, вы правы. А смогу я с вашей помощью узнать имя ее брата?
- От тех же отца и матери?
- Не знаю. Скорее всего, что нет.
- Вы знаете имя брата?
- Нет.
- Дату рождения?
- Нет.
- Как насчет фамилии матери? Я имею в виду не девичью, а по мужу.
- Не знаю.
- С сожалением она покачала головой. Ей это не нравилось. Она не справилась со своей работой.
- Одной девичьей фамилии матери для этого недостаточно. Извините.
- Ничего страшного, — успокоил ее я. — Можем мы заглянуть в свидетельство о рождении еще одного человека?
- Разумеется, — она радостно улыбнулась.
- Я знаю только год рождения, имя и фамилию.
- Этого достаточно.

— Год одна тысяча девятьсот сорок четвертый, а фамилию я опять продиктую вам по буквам.

Я попросил ее найти свидетельство о рождении Игнатия Олтигби, и это заняло у нее больше времени, поскольку я не знал точной даты его появления на свет. Около пяти минут. До сих пор не знаю, что заставило меня оправить ее на поиски свидетельства о рождении Олтигби. Возможно, причина состояла в том, что его застрелили у моего дома, и мне хотелось как-то увековечить его в памяти, хотя бы убедившись в том, что он-таки родился на свет божий. А может сказалось любопытство. Не часто в Лос-Анджелесе рождались нигерийские вожди. Да еще во время Второй мировой войны. Иногда я льщу себя надеждой, что на меня снизошло откровение. Так случается с историками, делающими великие открытия. Беда с этими открытиями лишь в том, что их бы не было, если б в какую-нибудь субботу кто-то не полез со скуки чистить чердак в Лондоне, Бостоне или Сан-Франциско.

Блондинка вернулась с упреком во взгляде.

— Вы же все знали, не так ли?

— Знал что?

— Ладно, продолжим наши маленькие игры, — она положила свидетельство о рождении Олтигби на конторку. — Игнатий Олтигби. Родился девятнадцатого декабря одна тысяча девятьсот сорок четвертого года. Отец, Обафемин Олтигби. Раса, негр. Национальность, эфиоп.

— Что ж, похоже.

— Он действительно был эфиопом?

— Нигерийцем.

— Обе эти страны в Африке, не так ли? Я думаю в сорок четвертом всех африканцев записывали эфиопами.

— Возможно.

— Занятие отца. Студент.

— Как насчет матери?

— Вы уже все знаете.

— Знаю что? — повторил я. — Мать та же.

— Вы уверены?

— Иначе и быть не может. Едва ли в одном доме на Гоуэр-стрит проживали две Гвендолин Рут Симмс.

Глава 18

Служитель автостоянки как-то странно посмотрел на меня, когда я отдал ему квитанцию и расплатился. Я решил, что все дело в улыбке, не сходящей с моей физиономии. То была улыбка историка, которая появляется, если я узнаю нечто жизненно важное. К примеру, цвет глаз капитана Бонневилля — серый, а не, как полагали многие историки, синий. То было целым событием.

Не менее высоко оценил я и тот факт, что Конни Майзель и Игнатий Олтигби рождены одной матерью. Будь я великим детективом, я бы назвал почерпнутые в отделе регистраций сведения ключом к разгадке преступления. Но, поскольку в тот момент я мнил себя великим историком, то решил оценить мое достижение как блестящее исследование. Так заново открытый предмет позволяет по-новому взглянуть на давно минувшую эпоху. Конни Майзель была сводной сестрой Игнатия Олтигби. Естественно. Теперь все сходилось воедино.

Только целого у меня не получилось. И когда я подошел к автомобилю, их родство стало рядовым фактом в череде тех, что не прошли мимо моего внимания. Пусть несколько странным, но столь же бесполезным.

Правилами автостоянки водителю разрешилось самому выезжать за ворота при наличии свободного коридора. Мою машину не блокировали другие, а потому я сел за руль и вновь прокрутил все в голове. Зацепился лишь за одно: Конни Майзель и ее сводный брат вошли в жизнь сенатора Роберта Эф. Эймса практически одновременно: шесть или семь месяцев тому назад. Едва ли речь шла о простом совпадении. Конни Майзель взяла на себя сенатора. Ее братец обольстил дочь сенатора. Теперь дочь мертва, так же, как и Игнатий Олтигби. Что-то это должно означать. Что-то ужасное и от-

вратительное. Память услужливо подсказала мне слово *safoots*. Происходило оно от французского *safoote**, но в американском сленге означало совсем другое: сговор, сообщничество, соучастие. Капитан Бонневилль использовал его в одном из писем к секретарю военного департамента. "Мы сговорились с Натом Фишером". В письме говорилось о равноправном партнерстве. Нынче слово это употребляется, когда речь идет о заговоре. Может Конни Майзель сговорилась со своим сводным братом. Эта версия имела право на существование, и я решил, что при следующей встрече с Конни мне будет о чем ее спросить. Тут и обнаружилось, что я хочу вновь увидеть ее. Более того, меня так и тянет к ней. Я весь сгораю от желания.

Я выехал со стоянки, миновал пару кварталов и только тогда понял, почему служитель так странно смотрел на меня. Чуть пониже левого уха моей головы коснулся холодный металл. Я подпрыгнул. Наверное, на фут.

— Не сбавляй хода, мистер, — голос, то ли высокий баритон, то ли низкий тенор, мог принадлежать мужчине, но его обладательницей была женщина.

— Вы приставили к моему уху пистолет?

— Револьвер.

Медленно, очень медленно, я поднял руку и чуть повернул зеркало заднего обзора.

— Хочешь посмотреть на меня, да?

— Хочу.

— Что ж, смотри, сколько тебе влезет.

Я посмотрел. Широкое, почти квадратное лицо. Никакой косметики. Короткие, короче, чем у меня, огненно-рыжие волосы. Лет тридцать пять или сорок. Нос пуговкой, жестокий рот. Я решил, что в юности она была отчаянным сорванцом.

— Не очень-то я красивая, да? — спросила она.

— Вы хотите, чтобы я вам солгал?

— Девушкам это нравится. Многим.

— А имя у вас есть?

---

* *safoote* — хижина, лачуга (фр.)

— Ты у нас шутник, да?

— Я, конечно, сижу за рулем, но не знаю, куда ехать.

— Пока вперед. Через несколько кварталов повернешь направо. Доедешь до Уилшира. Потом по бульвару, пока не остановимся.

— Где?

— Есть там тихое, спокойное местечко. Я тебе покажу. — А что потом?

— Там и узнаешь.

— Это не обычное лос-анджелесское ограбление?

— Тебе бы этого хотелось?

— Я готов отдать вам бумажник и высадить на следующем перекрестке.

— Езжай дальше.

Ничего другого не оставалось. Я коротко глянул на часы. Почти половина четвертого. Машин много, но до пробок еще далеко. Я вновь посмотрел в зеркало заднего обзора. Увидел лишь ее глаза. Зеленые, уставившиеся на меня. Горевшие злым огнем.

— На кого вы работаете?

— Не знаю, парень, да мне и без разницы.

— Вы часто этим занимаетесь?

— Не волнуйся. Скоро все закончится.

— Сколько?

— Что, сколько?

— Сколько вам заплатят?

— За тебя?

— Вот-вот.

— За тебя мне заплатят три "штуки". По особой ставке. А деньги мне нужны позарез.

— Я готов дать пять "штук", если вас интересуют деньги.

— Где ты возьмешь пять тысяч по пути к берегу? Хочешь меня надуть? Один чудака предлагал мне двадцать тысяч за то, что я его отпущу. Беда в том, что за деньгами ему надо было куда-то идти. Только бы я его не видела.

— Мы сможем найти взаимоприемлемое решение.

В зеркале заднего обзора я увидел, как она качнула.

головой.

— Не пойдет. Кроме того, я должна заботиться о собственной репутации.

— Где вы вышли на меня?

— В аэропорту. Приметы твои мне сообщили, так что найти тебя не составило труда. У тебя забавная походка.

— Это после болезни.

— Теперь ты можешь не волноваться об этом. Только не начинай скулить. Многие молили меня о пощаде, а меня это приводит в бешенство. Ты же не хочешь, чтобы я взбесилась?

— Нет, такого желания у меня нет.

— Вот и хорошо. На следующем перекрестке поверни направо.

Мы ехали на запад по бульвару Пико. Следующий перекресток регулировался светофором. Она хотела, чтобы я повернул на Уилтон-Плейс. Я огляделся. Машин на улице не прибавилось, но и не уменьшилось. Я вырулил в крайний правый ряд. Убрал ногу с педали газа. Зажегся красный свет. Две машины передо мной остановились. Я посмотрел в наружное зеркало. Позади три или четыре машины. Другие катились по левым полосам. Я вдавил в пол педаль газа, "импала" рванулась вперед. Перед столкновением со стоящей впереди машиной ударил по тормозам, выдернул ключи из замка зажигания и выбросил их в окно. Открыл дверцу и начал выбираться из кабины.

— Назад, — рывкнула она.

— Я медленно повернулся, продолжая вылезать наружу. Задницей вперед. Теперь я видел, что она действительно вооружена. Револьвер тридцать восьмого калибра с укороченным стволом она держала в правой руке. Рука не дрожала. Я покачал головой.

— Если вы намерены стрелять, дорогая, не теряйте даром времени, — я уже полностью сполз с сидения. Водители машин, что стояли сзади, загудели. Она оглянулась. Потом посмотрела на меня. Я видел, как напрягся ее указательный палец на спусковом крючке. А может, мне это только показалось.

— Говнюк, — процедила она, задрала свитер и засунула пистолет за пояс джинсов. Я уже выпрямился. Она вылезла из кабины через заднюю правую дверцу. Машины все гудели.

Красный свет сменился зеленым. Она трусцой побежала по тротуару. Я заметил, что на ногах у нее кроссовки. Ни разу не оглянулась. Бежала легко, словно занималась этим ежедневно и аккуратно в половине четвертого. Может, так оно и было.

Мужчина, что сидел за рулем стоящей за мной машины, вылез из кабины и подошел ко мне. Его вишневые, в прожилках, щеки и нос, указывали на то, что он не прочь выпить.

— Да, наверное другим способом от них не отделаться.

— Это точно, — кивнул я.

— Поссорились?

— Что-то в этом роде.

— Я видел, как вы выбросили ключи. Если б я же-
нился на такой вот кобре, я бы их тоже выбросил.

— Вы видели, куда они упали?

— Перелетели через полосу. Я изображу патрульного, а вы их ищите.

Он поднял правую руку, ладонью к накатывающемуся потоку машин, и они остановились: в Лос-Анджелесе чтут пешеходов. Ключи я нашел через сорок пять секунд. Отбросил их дальше, чем ожидал. Поднял вверх, чтобы показать добровольному патрульному, что они найдены. Он кивнул, и активно замахал рукой, показывая водителям, что путь свободен. Чувствовалось, что работа регулировщика ему нравится.

Я уже садился в машину, когда он вновь подошел ко мне. — Раз уж вы от нее избавились, так и держите.

— Я думаю, вы правы.

— Она старше вас, не так ли?

— Намного. Потому-то мы и ссорились.

Он ударил ладонью по крыше.

— Вы должны найти себе кого-нибудь помоложе. Это, конечно, не мое дело, но жена должна быть более

женственной.

Я посмотрел на него, поворачивая ключ в замке зажигания. — А как быть с детьми?

Он покачал головой, начал что-то говорить, но я его уже не услышал, потому что машина тронулась с места.

Глава 19

Далеко я не отъехал. Не отъехал, потому что моя правая нога соскальзывала с педали газа и я не мог удержать ее в нужном положении. С левой ногой проблем у меня не было, потому что я подсунул ее под педаль тормоза. Зажатая между полом и педалью, она не дрожала. Не дрожали и руки, с пальцами, впившимися в рулевое колесо. Миновав два квартала, я нашел свободное место у тротуара и втиснулся между двумя автомобилями. Попытался повернуть ключ зажигания. С третьей попытки мне это удалось.

Ещё минута ушла на то, чтобы поймать пальцами защелку бардачка и открыть его. Бутылка с виски опустела на две трети. Я отвернул пробку, поднес бутылку ко рту, глотнул. С тем же успехом я мог пить и обычную воду. В конце концов мне удалось закурить. Вот сигарета меня успокоила. Я курил, потягивал виски и думал о том, сколь близко от меня прошла смерть.

Она могла бы дважды нажать на спусковой крючок, выпрыгнуть через заднюю дверь и затрусить по тротуару. Никто бы ее не остановил. Ни в Лос-Анджелесе, ни в любом другом городе. Она полагала себя профессионалом, во всяком случае, сказала об этом, и это сыграло на меня. Ее приметы обязательно запомнили бы, а в полиции на нее наверняка имелось досье. И объемистое. А вот если бы я отогнал машину в нужное ей место, то безусловно отправился бы на тот свет.

Теперь, между сигаретой и виски, мои действия казались абсолютно логичными. Когда же я выбрасывал ключи, мною руководила не логика, а страх, страх перед смертью. Потому что умереть я хотел бы дома, в собственной кровати, а не за рулем взятого напрокат

автомобиля.

Я вытянул правую руку, растопырил пальцы. Она все еще дрожала, но уже мелкой дрожью и ее не бросало из стороны в сторону. Я решил, что еще один глоток шотландского пойдет только на пользу. Действительно, хуже не стало. Я навернул крышку на горлышко бутылки. По тротуару шла женщина, везя за собой сумку на колесиках, какие обычно берут с собой в продуктовые магазины. Увидев в моих руках бутылку, торопливо отвела глаза, словно я занимался чем-то неприличным.

— Только из медицинских соображений, мадам, — сказал я себе, но, к моему удивлению, произнес эти слова вслух.

Я убрал бутылку в бардачок, завел двигатель и вернулся на автостоянку у Гражданского центра.

Я не вылез из кабины, когда подошел служитель. Не думаю, чтобы ему очень уж хотелось поговорить со мной.

— Сколько она вам заплатила?

— Вы про вашу жену?

— Вот-вот. Про нее.

— Десять баксов. Сказала, что хочет сделать вам сюрприз.

— Скажите мне...

— Что?

Чувствовалось, что он занервничал.

— Она похожа на мою жену?

— Откуда мне знать, на кого похожа ваша жена?

— Она похожа на чью-либо жену?

Он пожал плечами.

— Мужчины женятся черт знает на ком. Всякое бывает.

— А какое у вас сложилось о ней мнение?

— Знаете, по-моему она активная лесбиянка.

— Не забывайте, что речь идет о моей жене, приятель, — грозно прорычал я.

Бар я нашел в начале пятого. На Нормандия-авеню к северу от Уиллшира, низкое, длинное здание из кирпича под черепичной крышей и с цветными окнами-вitra-

жамп. Над дверью светила скромная реклама: "КОКТЕЙЛИ". Название "У Стэйси", белело буквами староанглийского алфавита, вырезанными на черной доске.

Машину я оставил на маленькой асфальтированной автостоянке, примыкающей к зданию, и вошел в зал, где меня встретили полумрак, прохлада и покой. Справа — изогнутая стойка, около столиков стулья с высокими спинками. В углу маленький рояль, на нем — микрофон. В стене у рояля — дверь в обеденный зал на двенадцать столов. Уютное заведение, где можно хорошо выпить и вкусно поесть без боязни получить в конце трапезы астрономический счет.

Посетителей еще не было, но за стойкой стоял мужчина, лицо которого показалось мне знакомым. Высокий, загорелый, с темными вьющимися, чуть тронутыми сединой волосами. Не красивый, но интересный, с мужественным лицом и добрыми серыми глазами. В рубашке спортивного покроя с короткими рукавами и открытым воротом. На груди у него хватало волос и они тоже начали седеть. Он посмотрел на меня, шагающему к стойке, кивнул и продолжил свое занятие: он резал лимоны.

Я понял, где я его видел. Было это лет десять тому назад и он обычно выходил из леса или из-за скалы и нес какое-то животное: козленка, олененка или даже медвежонка, которое поначалу казалось больным или раненым. Потом он опускал детеныша на землю и камера показывала, как он бежал к матери. Так что становилось ясно, что детеныш просто потерялся. А потом камера крупным планом давала его улыбающееся лицо, он вставлял в губы сигарету, прикуривал от обычной спички, и голос за кадром расписывал удивительные достоинства этой марки сигарет.

Я сел на один из высоких табуретов у стойки. Он положил нож, которым резал лимоны, вытер руки полотенцем и придвинул ко мне салфетку, на которой стояла вазочка с орешками.

— Так чем мы сегодня хотим заглушить боль? — голос

соответствовал его внешности. Глубокий и мелодичный. В рекламных роликах он никогда не говорил, но я уже слышал этот голос: по телефону, когда позвонил по номеру, названному мне Конни Майзель.

— Шотландское. С водой. В высоком стакане.

— Какое шотландское?

— "Диварс".

Он ловко смешал виски с водой, поставил передо мной стакан, вновь взялся за лимоны.

— Я ищу Стэйси.

Он не поднял головы.

— По какому поводу?

— Хочу задать ему пару вопросов.

Он отложил нож, вновь вытер руки, облокотился о стойку, наклонившись вперед. На левом запястье он носил широкий кожаный браслет с тремя металлическими бляшками.

— Я — Стэйси. А кто вы?

— Моя фамилия Лукас. Я работаю у Френка Сайза.

Он кивнул.

— Который ведет колонку.

— Вот-вот.

— Далековато уехали от дома.

— Есть немного.

— Так чем вызван интерес такой знаменитости, как Френк Сайз, к моей скромной персоне?

— Его интересует человек, которого вы, возможно, знаете. Могу я угостить вас?

Он на мгновение задумался, посмотрел на часы.

— Почему нет? Вы угощаете или Френк Сайз?

— Сайз.

— Тогда я выпью "Чивас"*..

Налив себе виски и добавив воды, он вновь облокотился на стойку и я не мог не восхищаться его бицепсами. Их тоже покрывали волосы, но они еще не седали.

— Так о ком речь?

— Гвендолин Рут Симмс, — ответил я. — Известная

*"Чивас Регал" — одна из самых дорогих марок виски.

так же, как Гвен Симмс.

Он выдержал паузу.

— Дела давно минувших дней.

— Сколь давно?

Он задумался.

— Лет двадцать тому назад, — правой рукой он как бы обвел все заведение, включая автостоянку. Актерским жестом. — Она работала здесь, когда я купил этот бар.

— Она работала и у вас?

Он кивнул.

— Я оставил ее. Она привлекала посетителей. Внешностью ее природа не обидела.

— Сколько она у вас работала?

— Десять, может, одиннадцать лет.

— Что потом?

— Перебралась в другое место.

— Почему?

— Когда я покупал это заведение, тут была клоака. И ошивались здесь черт знает кто. Бандиты, проститутки. Если кто-то приезжал в город и спрашивал у коридорного, где можно поразвлечься и найти женщину, ему говорили — "У Стэйси". Вы меня понимаете?

— Несомненно.

— Я еще снимался в кино, но не слишком много, потому что студии тогда большей частью дышали на ладан, но тут мне повезло с телевидением. Реклама сигарет.

— Я помню.

— Сигареты были отвратительные, а вот за ролики платили отменно. Заработанные деньги я вкладывал сюда. Сменил всю обстановку, ко мне потянулись более добропорядочные клиенты. Им нравилось видеть меня за стойкой, а минутой позже — на экране телевизора, отпускающим какую-то зверушку. Я поднял цены, нанял хорошего повара и бандитов с проститутками как ветром сдуло. Они уже не чувствовали себя, как дома. С ними ушла и Гвен.

— И произошло это девять или десять лет тому

назад?

Он кивнул.

— Около этого.

— Вы знали ребенка Гвен?

— Конни? Конечно, я знал Конни. Она звонила каждый день около четырех, чтобы узнать, добралась ли ее мамаша до работы. Гвен перед уходом начала пить. Конни все еще в Вашингтоне?

— В Вашингтоне, — подтвердил я.

— Она связана с тем расследованием, что вы проводите?

— Похоже, что да.

Стэйси отпил "Чивас регал".

— Она приходила сюда пару раз после окончания колледжа в Окленде.

— Миллз.

— Да, Миллз. Она входила сюда, и все мужчины видели только ее. Включая меня.

— Да уж, есть в ней что-то такое.

— Я скажу вам, что в ней есть. Она — самая красивая женщина из тех, что живут в этом городе, а он знаменит отнюдь не породистыми собаками.

— Вы абсолютно правы.

— Она еще и умная. Такому сочетанию трудно что-либо противопоставить. Дела у нее идут нормально?

— Вроде бы да. А что вам известно об ее отце? Его звали Френк Майзель, не так ли?

— Старина Френк. Давненько я его не видел. Я ожидал, что он явится на похороны Гвен, но он не пришел. Может, не знал.

— Она умерла примерно семь месяцев тому назад, не так ли?

Он задумался.

— Пожалуй. В конце октября. Парень, с которым она жила, пришел ко мне за деньгами. Я дал ему пару купюр.

— Вы были на похоронах?

Он кивнул.

— Да. Я, тот парень, что приходил за деньгами.

Опустившийся тип. И еще три каких-то человека. Я их не знаю. — От чего она умерла?

— Полагаю, он пьянства. В медицинском заключении написали пневмония, но кто в это поверит.

— И Френк Майзель на похороны не пришел?

— Нет. Видите ли, он и Гвен лет двадцать то сходились, то расходились. Я думаю, что именно старина Френк занимался воспитанием Конни, если кто-то этим вообще занимался. Он учил ее играть на пианино и задавал трепку, если она не ходила в школу. Между нами говоря, я думаю, старина Френк ее и трахал.

— Вы про Конни?

— Естественно. Он держал ее в ежовых рукавицах.

— Я слышал, он почитал своим вниманием и мужчинам.

Стэйси пренебрежительно скривился.

— Разве есть закон, который это запрещает?

— По моему разумению, нет.

— Возможно, Френк и не брезговал мужчинами, но предпочтение отдавал женщинам. Вот из-за этого он и Гвен никогда не ссорились. Он шел своим путем, Гвен — своим, и если они лаялись поутру в воскресенье, то совсем не из-за того, кто с кем спит.

— А из-за чего они лаялись?

— Насколько я знаю, из-за Конни. Старина Френк ради нее был готов на все. Я думаю, она жила с ним с двенадцати или тринадцати лет. Он одевал ее, заставлял делать уроки, давал деньги, чтобы она не чувствовала себя золушкой в Голливуд-Хай. Именно старина Френк воспитал ее. Гвен-то плсвать хотела на дочь.

— Вы думаете, что Френк — ее отец?

Стэйси пожал плечами.

— Кто об этом знает? Гвен трахалась со всеми. Ес отцом мог быть как Френк, так и еще дюжина парней. Разумеется, Френк говорил всем, кто хотел его слушать, что в детстве переболел свинкой, а потому забеременеть от него невозможно. Потому-то женщины табуном ходили за ним, но я думаю, что он врал.

— Но вы не знаете, где он сейчас?

Стэйси несколько раз качнул головой.

— Не знаю. Думаю, в городе его нет. Иначе он обязательно пришел бы на похороны Гвен. Возможно, он играет в каком-нибудь кабаке во Фриско. Родом он оттуда.

— Скажите мне вот что...

— Разумсется, скажу. Что именно?

— Как вы узнали, что Конни в Вашингтоне?

Стэйси посмотрел на входную дверь.

— Видите ли, это довольно-таки забавная история.

— Может, вы нальете нам еще по стакану и расскажите ее мне?

Стэйси повернулся ко мне.

— Френк Сайз по-прежнему платит?

— Платит, можете не волноваться.

Стэйси наполнил наши стаканы, пригубил свой, опять облокотился на стоку.

— Как я и говорил, это забавная история. Вернее, грустная.

— Я внимательно слушаю, — мне хотелось показать, что я еще не потерял интереса к его рассказу.

— За две недели до смерти Гвен в бар пришла уродливая старуха. Примерно в то же время, что и вы. Посетителей практически не было. Толстая такая, с яркой помадой на губах, с пятнами румян. И все-таки что-то в ней показалась мне знакомым. Я присмотрелся повнимательнее. И кого, как вы думаете, я в ней признал?

— Понятия не имею, — мне не хотелось лишать его рассказ изюминки.

— Саму Гвен! Как же ужасно она выглядела. Но мы в свое время были друзьями, расстались по-хорошему, так что я налил ей двойное виски. Чувствовалось, что выпить ей хочется. Она обрадовалась, но краше от этого не стала. Я так огорчился. У меня в памяти она осталась совсем другой. Потом мы поболтали и выяснилось, что она хочет попросить меня об одной услуге. Я подумал, что она займет у меня двадцатку, и решил не отказывать, потому что деньги это небольшие.

Стэйси покачал головой, словно до сих пор не верил, что Гвен могла так измениться.

— Понимаете, Гвен была моего возраста. Сет сорок семь, может, сорок восемь. Я стараюсь держать форму. Каждое утро пробегаю пару миль, занимаюсь на тренажерах. Но я едва узнал Гвен. Выглядела она на все шестьдесят. Мятая одежда, сумка на колесиках, с какой все старухи ходят по магазинам, беззубая. Жуть, да и только. Конечно, ответил ей я, что я могу для тебя сделать? Она сунула руку в сумку и достала коробочку и письмо. Протянула мне и то и другое и попросила отправить их адресатам, если с ней что-то случится. А что может с тобой случиться, спросил я. Глупыш, ответила она, я же могу умереть. Как вы сами понимаете, о смерти говорить никто не любит, поэтому я попытался обратить все в шутку и налил ей еще виски. Она выпила и собралась уходить. Но у двери обернулась и сказала: "Знаешь, Стэйси, не думаю, что я была хорошим человеком", — с тем она и ушла и более я не видел ее. Даже на похоронах, потому что крышку гроба не открывали.

— Ясно. И кому адресовалось письмо?

— Какому-то парню в Лондоне. В Англии. Со странной фамилией.

— Олтигби? — спросил я., — Игнатию Олтигби?

— Да, кажется ему. Это французская фамилия?

— Африканская.

— Неужели? Впрочем Гвен крутилась со всеми.

— А кому вы отправили коробочку?

— Конни. На вашингтонский адрес. Потому-то я и узнал, что она там.

— Что это была за коробочка?

— Вот таких размеров, — он показал. — С коробку изпод сигар.

— И вы отослали и то, и другое.

— Естественно. После того, как этот парень, с которым жила Гвен, пришел и сказал, что она умерла. Я отправил их в тот же день. Гвен отдала их мне с наклеенными марками и написанным адресом.

— Сколько весила коробочка? Вы не помните?

Он снова пожал плечами.

— Не помню. Как коробка сигар.

— Или книга? — предположил я.

— Да, возможно. Примерно с фунт, — он посмотрел на меня. А что натворила Конни? Почему Френк Сайз ею заинтересовался?

— Он думает, что связана с одним делом, которое может заинтересовать читателя.

— Шумным делом?

— Скорее всего.

— Замешан в нем кто-то еще?

— Возможно, один из сенаторов.

— Да, похоже, крика будет много. Ей грозят неприятности?

— Пока еще нет.

— Речь идет о деньгах?

— Думаю, что да.

— Сумма большая?

— Полагаю, миллионы.

Стэйси удовлетворенно кивнул.

— Я всегда это говорил.

— Что именно?

— Я всегда говорил, что с ее умом и внешностью, Конни наверняка сорвет большой куш.

Глава 20

Я ретировался из Лос-Анджелеса без малейшей задержки.

Даже не заехал в мотель за костюмом и бритвенными принадлежностями, решив, что Френк Сайз выдаст мне деньги на новые. Прямо из бара Стэйси я поехал в международный аэропорт. Вернул машину в бюро прокатный пункт Хертца и первым же рейсом вылетел на Восток. Приземлился самолет в Чикаго, и я около часа болтался по тамошнему аэропорту, дожидаясь, рейса в окрестности Вашингтона. Я бы, конечно, хотел сразу попасть в Национальный аэропорт Вашингтона, но

после полуночи самолеты там не садятся, дабы шум их моторов не беспокоил тех, кто спит по ночам. Поэтому полетел я во Френдшип, расположенный на полпути между Вашингтоном и Балтимором.

Из Френдшипа я ехал на такси и добрался до дому в четыре часа утра. Сара проснулась, когда я на цыпочках вошел в спальню. Она всегда просыпалась, несмотря на все мои старания не шуметь.

— Как съездил?

— Не напрасно.

— Приготовить тебе что-нибудь?

— Нет. Мне звонили?

— Просто оборвали телефон.

— Кто?

— Ты хочешь им отзвониться?

— Нет. Спрашиваю из любопытства.

— Прежде всего, лейтенант Синкфилд. Звонил дважды. Мистер Артур Дэйн, один раз. У него очень приятный голос. Потом твои поклонницы. Жена сенатора, миссис Эймс. Глория Пиплз, со слезами в голосе. И, наконец, мисс Конни Майзель. Вот уж у кого шелковый голосок.

— Если бы ты знала, какая у нес фигура.

— Если она соответствует голосу, ты опять влюбился.

— Это пройдет. Что ты им сказала?

— Что ты в Лос-Анджелесе, в каком месте, не знаю, а найти тебя, в случае крайней необходимости, можно через Френка Сайза. А теперь ложись в кровать.

— Я думаю надеть пижаму.

— Она тебе не понадобится.

Я почувствовал, что рядом кто-то есть. Открыл глаза, чтобы увидеть пальцы, тянущиеся к моему носу. Повернул голову и пальцы ухватились за мое правое ухо.

— Вах! — воскликнул Мартин Рутефорд Хилл.

— Ты у нас киллер, не так ли, карапуз? — спросил я, пытаюсь понять, есть ли у меня похмелье после выпитого накануне. Если и есть, решил я, то не такое уж тяжелое.

— Деск! — отреагировал Мартин Рутефорд Хилл.

- Эй, Сара! — завопил я.
- Что? — донеслось снизу.
- Ребенок произнес слово.
- Уже несу, — прокричала она.

Несколько мгновений спустя она поднялась в спальню с чашкой кофе. Я сел, взял у нее чашку.

- Хочешь сигарету или ты снова бросил курить?

— Брошу на следующей неделе. Сигареты в кармане пиджака.

Она нашла пачку, сунула одну мне в рот, чиркнула зажигалкой.

- Благодарю. Ребенок произнес слово.

- Настоящее?

— Назвал меня по имени. Дек. Скажи Дек еще раз, Мартин Рутефорд.

- Дек, — повторил ребенок.

- Видишь?

Она покачала головой.

- Он говорит это уже целую неделю.

— Тогда иди погуляй, парсень. И возвращайся, когда сможешь сказать Декатар.

- Лет через пять, — улыбнулась Сара.

- Который час?

- Начало одиннадцатого.

- Ты сегодня работаешь?

Она покачала головой.

- Сегодня нет.

— Найди, кто посидит с ребенком, и мы пообедаем в городе.

— О, мистер Лукас, я вне себя от изумления. По какому поводу?

- Без всякого повода.

- Отлично. Лучшего повода просто не найти.

К половине одиннадцатого я принял душ, побрился, оделся и сел за свой стол в другой спальне, которая когда-то была моим кабинетом. Теперь я делил ее с Мартином Рутефордом. Окна выходили на восток, так что комнату заливал солнечный свет. Третий жилец, Глупыш, свернулся вокруг телефонного аппарата. Ста-

раясь не беспокоить его, я нажимал на кнопки, набирая номер, оставленный Саре лейтенантом Синкфилдом.

Трубку сняли незамедлительно.

— Лейтенант Синкфилд! — по голосу чувствовалось, что он в отличной форме и с минуты на минуты возглавит очередную атаку на бастионы преступности.

Назвавшись, я продолжил:

— Вчера вы звонили дважды. Я решил, что по важному делу.

— Вчера мне тоже так казалось, — ответил он. — Сегодня это проходной эпизод.

— У вас бывает перерыв на ленч? — спросил я.

— Конечно, бывает. На ленч мы отправляемся в кафетерий Сколла, потому что кормят там задешево, а на стенах можно прочесть цитаты из религиозных книг. В нашей работе это очень кстати.

— Я имел в виду более модное заведение.

— Я на это надеялся.

— Как насчет "Герцог Зиберт"?

— Куда уж моднее.

— Когда вы привыкли есть?

— Около полудня, но час-другой ничего не решают.

— Полдень мне подходит. Между прочим, нет ли у вас знакомых в отделе убийств лос-анджелесской полиции?

— Кто-то да есть, — осторожно ответил он.

— Видите ли, вчера кто-то пытался убить меня там; и я хотел бы знать, кто именно.

— Вы шутите?

— Нет. Мне не до шуток.

— Вы его разглядели?

— Это была она. Да, хорошо разглядел.

— Говорите, я все запишу на магнитофон, если вы не возражаете.

— Меня это вполне устраивает.

В половине двенадцатого я положил на стол Сайза расходный счет.

— Начнем с этого.

Он начал читать, потом поднял голову. На лице его

отражалось недоумение.

— Один костюм? Одна электрическая бритва? Одна зубная щетка? Один тюбик пасты "Крест"? Одна пара трусов? Одна синяя рубашка? Сто восемьдесят долларов и сорок пять центов? — к тому времени, как он дошел до центов, голос его поднялся до самой высокой ноты.

— Вы хотите, чтобы я все вам рассказал или будем слушать ваше сопрано?

— Рассказывайте. Сегодня я еще не слышал никаких глупостей.

Слушал он, как обычно, внимательно, лишь изредка помечая вопросы, которые хотел бы задать после того, как я выговорюсь.

Когда я замолчал, Френк Сайз карандашом нацарапал на моем счете О-кей и свои инициалы. Пододвинул его ко мне.

— Не думаю, что я заехал бы к Стэйси. Я бы прямо-ком отправился в аэропорт... или в полицию.

— Я выпил виски.

Он кивнул.

— Что вы скажете Синкфилду?

— Почти все.

Он вновь кивнул.

— Да. Вы правы. Что потом?

— Позвоню тем людям, что звонили мне в мое отсутствие. Может, у них есть что-нибудь интересное.

— Мы уже набрали материала на несколько колонок. Особенно мне нравится та синхронность, с которой Конни Майзель и ее сводный брат набросились на сенатора и его дочь. Это просто конфетка.

— Я думаю, материала вам хватит на целую неделю.

— Недостает самой малости, — заметил Сайз.

Я кивнул.

— Нет связующего звена.

— Нет, — согласился он.

— После публикации одной или двух колонок оно появится. — Да, но найду его не я.

— Не все же должно достаться вам.

— Я хочу все.

Мне осталось лишь вздохнуть.

— Я об этом догадывался.

— Будете по-прежнему работать в одиночку или вам нужна помощь?

— От кого?

— От меня.

— Давайте посмотрим, что покажут ближайшие день-два. Я чувствую, что где-то что-то да прорвется.

Сайз кивнул.

— Я тоже. Поэтому и хочу поучаствовать.

— Вы — босс.

— Но то, что я хочу, не всегда самое разумное решение. — Потому-то вы и босс, что понимаете это.

— Да, может, в этом все дело.

Я отдал счет Мэйбл Синджер и уговорил ее позвонить в "Герцог Зиберт" и заказать столик, который подалее от двери на кухню. Хотелось также, чтобы стоял он в некотором отдалении от других, ибо в противном случае нам с Синкфилдом пришлось бы не разговаривать, а обмениваться записками: в "Герцог Зиберт" хватало репортерской братии.

Но упоминание фамилии Сайз вновь сотворило чудо. И когда я пришел на пару минут раньше назначенного срока (как обычно), меня препроводили к столику, стоящему в футе от соседнего. В "Зиберте" это означало полную изоляцию.

Синкфилд задержался не более чем на минуту. Плонулся на стул с тяжелым вздохом.

— Трудное утро? — спросил я.

— Они все трудные. Давайте выпьем.

Подошел официант. Мы заказали выпивку и ленч. Синкфилд отдал предпочтение бифштексу, я — форели. Когда официант поставил перед нами полные бокалы, Синкфилд отпил из своего, прежде чем заговорить.

— Ну и глупость вы вчера сотворили. А может, нашли единственный выход. Пока не знаю.

— Вы о чем?

— Я насчет того, как вы выпрыгнули из машины.

— Почему глупость? Я же жив.

— Это просто чудо.

— Лос-анджелесские копы ее знают?

Он кивнул.

— Они думают, что на вас "наехала" Паршивка Беа.

— Кто такая Паршивка Беа?

— Мисс Беатрис Энн Уит. Они не знают, убила ли она кого-либо, но она отсидела два года за то, что отделила одного парня пивной бутылкой. Тот едва не умер. Мои друзья в Лос-Анджелесе говорят, что вроде бы она помогает выбивать деньги из тех, кто забывает платить долги. Их удивило, что она наставила на вас револьвер. Они интересуются, не хотите ли вы слетать к ним и написать жалобу. Я сказал, что едва ли они увидят вас в скором времени.

— Вы правы.

— Они думают, а не замешана ли она в трех или четырех нераскрытых убийствах. Вы говорите, у нее был револьвер тридцать восьмого калибра?

— Мне показалось, что тридцать восьмого.

— Именно так я им и сказал. Они думают, что смогут провести баллистическую экспертизу, если схватят ее с оружием. Я им сказал, что окажут мне услугу, если, арестовав ее, выяснят, на кого она работала.

— Хотелось бы это знать, - кивнул я.

— У вас есть какие-то версии?

Я покачал головой.

— Перестаньте, Лукас.

— Хорошо. Версия у меня есть. Кто-то хочет убить меня или испугать. Тот самый таинственный незнакомец, что сжег Каролин Эймс и застрелил Игнатия Олтигби. Тот, кто достаточно хорошо знает Лос-Анджелес, чтобы поднять трубку и позвонить такой вот Паршивке Беа.

— Нанять таких, как она, не составляет труда. Почему они хотят вас убить? Вы что-то узнали, о чем мне не рассказываете?

— Полной уверенности у меня нет. В Лос-Анджелесе я узнал только одно: у Конни Майзель была мать.

— Гвендолин Рут Симмс,— кивнул Синкфилд.— Известная так же, как Гвен Майзель, поскольку сожительствовала с Франсисом эн-в-и Майзелем. Она умерла двадцать первого октября.

— Вы, значит, проверяли?

— Это моя работа.

— У нее был и второй ребенок. Я про Гвен Майзель.

— Неужели?

— Да. Звали его Игнатий Олтигби.

Синкфилд опустил на тарелку кусок бифштекса, который уж поднес ко рту. Достал сигарету, закурил. Взгляд его устремился в далекое далеко. После второй затяжки он вдавил сигарету в пепельницу, взялся за вилку, положил в рот отрезанный кусок бифштекса. Прожевал.

— Вроде бы должно сходится, но не сходится.

— Я понимаю, что вы хотите сказать.

Они появились в одно время, не так ли? Эта Майзель и ее темнокожий сводный брат.

— Перед смертью их мать что-то им послала. Владелец бара, в котором она работала, отправил письмо в Лондон для Олтигби и посылку, размером с коробку изпод сигар, в Вашингтон для Конни.

Синкфилд кивнул и отрезал кусок бифштекса. Положил в рот и, еще не прожевав, спросил:

— Чего вы летали в Лос-Анджелес?

— Хотел найти какую-либо связь между сенатором Эймсом и Конни Майзель.

— И что вы искали? Непристойную фотографию, на которой изображены она, сенатор и еще какая-нибудь телка?

— Возможно. Она кое в чем солгала мне. К примеру, сказала, что родители ее принадлежали к среднему классу. На самом деле это не так, но многие стараются приукрасить свое прошлое.

— Она училась в колледже, получив стипендию,— заметил Синкфилд. — Я это проверял.

— В основном ее слова действительно соответствуют истине. Она училась в Голливуд-Хай и закончила ее с

достаточно хорошими отметками, чтобы получить стипендию в Миллз. После этого работала в нескольких местах, пока не оказалась в вашингтонской лоббистской фирме. Не говорила она лишь о том, что росла в Лос-Анджелесе сама по себе и жила с музыкантом, который, возможно, был ее отцом. Он научил ее играть на пианино и кое-чему еще, когда ей исполнилось двенадцать или тринадцать лет.

— Такая, значит, получится картина?

— Если исходить из того, что мне удалось выяснить, то да. Похоже, счастливого детства у нее не было.

— Вы нашли, что связало ее с сенатором?

— Конни?

— Да.

— Ничего не нашел.

— А с матерью?

— Мать, похоже, трахалась со всеми подряд. Может, среди них был сенатор, и, как вы и сказали, его сфотографировали.

— А фотографии она оставила своим детям?

— Вот-вот. Есть только одна заковырка. Если бы фотографии представляли какую-то материнскую ценность, мать воспользовалась бы ими сама. Если фотографии и были, в чем я очень сомневаюсь.

— Как обычно поступают с такими фотографиями?

— Платят за них. Другого выхода нет.

— Да, пожалуй, вы правы.

— Как видите, моя версия не выводит на преступника.

— Похоже, что так.

— Хотите что-нибудь на десерт?

— Нет, обойдусь без десерта.

— Тогда кофе?

— Кофе тоже не хочу.

— А чего же вы хотите?

— Поговорить с Конни Майзель.

— Так что вас останавливает? — Ничего. Поехали.

Глава 21

До "Уотергейта" мы добрались на машине Синкфилда. Обычном черном "форде" — седане, безо всяких знаков отличия, сошедшем с конвейера пару лет назад и требующем замены амортизаторов. Синкфилд умело вел машину, умудряясь проскакивать большинство светофоров на зеленый свет.

— Вроде бы вы хотели мне что-то сказать, — напомнил я.

— Я думал, это мощная зацепка. Вы же знаете, мы, детективы, обожаем зацепки.

— Так о чем, собственно, речь?

— Я навел справки об Олтигби. Он служил в восьмидесят второй воздушно-десантной дивизии. И знаете, чему его учили в Форт-Беннинг?

— Чему?

— Подрывному делу. Он был первоклассным специалистом. Мог взорвать практически все.

— Особенно, "дипломат", не так ли?

— Да, особенно "дипломат".

— Что же, это действительно зацепка.

— Вам она не нравится?

— А вам?

— Нет. Не нравится. Зачем ему взрывать дочь сенатора? С ее смертью он остается ни с чем. На жинвой он может жениться и получить миллион долларов.

— Может, его сводная сестра предложила ему отправить Каролин в мир иной?

— Что?

— Это последняя версия Лукаса. После долгих лет разлуки сводная сестра вновь встречается со своим братом. Из телефонного справочника они узнают адреса намеченных жертв, сенатора Эймса и Каролин, его дочери. Конни Майзель берет на себя сенатора. Игнатий — Каролин, которая узнает об их намерениях и угрожает рассказать обо всем. Они взрывают ее и имеющуюся у нее информацию. Затем Конни Майзель обуреваем жадностью. Она извиняется перед партнерами по

бриджу, говоря, что хочет пописать, а сама мчится к моему дому, подстреливает сводного брата и возвращается аккуратно к следующей сдаче. А затем подает гостям кофе, не забыв бросить ежедневную дозу мышьяка в чашку сенатора.

— Перестаньте, Лукас, — отмахнулся Синкфилд.

— Вы можете предложить что-то получше?

— Нет, но вы должны учитывать одно обстоятельство.

— Какое?

— Вчера на меня не наставляли револьвер.

Синкфилд использовал свою бляху, чтобы миновать кордон службы безопасности "Уотергейта". Нам пришлось подождать лифт, но недолго: в таких кооперативных комплексах, как "Уотергейт", на лифтах не экономят. Кабина спустилась вниз, звякнул колокольчик, раскрылись двери и из лифта вышел мистер Артур Дэйн, частный детектив, берущий сто долларов в час, в одном из своих строгих, темных костюмах.

— Что-то мы постоянно натыкаемся друг на друга, не так ли, лейтенант, — он кивнул и мне. — Добрый день, мистер Лукас, — дабы я не почувствовал себя лишним.

— Вы были у сенатора? — спросил Синкфилд.

— Совершенно верно.

— Странно, что вы появляетесь у него.

— Ничего странного, лейтенант. Иногда я выполняю обязанности дипломатического курьера. Везу послание миссис Эймс к ее мужу. Впрочем, обычно мне не удается пройти дальше мисс Майзель. Сегодня я привез плохие новости.

— О, — сокрушенно покивал Синкфилд. — И какие же?

— Вы помните секретаря сенатора, Глорию Пиплз? — Она чуть не устроила скандал на похоронах.

— Теперь она пошла дальше. Где-то раздобыла телефон миссис Эймс и стала названивать ей днем и ночью. Совершенно пьяная. Миссис Эймс опасается, как бы она не причинила себе вреда, и попросила меня выяс-

нить, не позаботится ли сенатор о том, чтобы эту Пиплз препроводили в больницу.

— Какую же?

— Центральную. Там ее вывели бы из запоя.

— А что потом?

Дэйн пожал плечами.

— Потом ее можно поместить в какую-нибудь закрытую клинику.

— Откуда зачастую уже не выходят, — заметил Синкфилд.

— Эта женщина нуждается в помощи.

— Сенатор согласился?

— Его не было, но мисс Майзель сказала мне, что я могу принять все меры, которые сочту необходимыми.

— Она взяла на себя управление делами сенатора, так? — спросил Синкфилд.

— Мы ждали сенатора час, но он так и не появился. Тогда мисс Майзель и сказала, что оплатит все расходы по лечению этой Пиплз.

— А где сенатор? — спросил я.

Дэйн взглянул на часы.

— Пошел погулять два часа тому назад. И еще не вернулся.

— Я бы не возражал провести час наедине с ней, — заметил Синкфилд. — Но почему-то мне всегда приходится брать с собой кого-то еще. На этот раз, Лукаса.

— В качестве дуэньи, — добавил я.

Артур Дэйн улыбнулся, показывая, что понимает шутку, когда слышит ее. Впрочем, улыбка задержалась на его лице ненадолго.

— Миссис Эймс хотела бы повидаться с вами, мистер Лукас.

— Потому-то она и звонила мне вчера?

— Да.

— И вы звонили по этому же поводу?

— Да.

— Хорошо, я с ней повидаюсь. Когда?

— Вы задержитесь здесь надолго? — спросил Дэйн.

Я посмотрел на Синкфилда. Он покачал головой.

— Нет, скоро уйдем.

— Тогда, если хотите, я могу отвезти вас во "Французский ручей" и обратно. Мне все равно туда ехать.

— Хорошо. Где я вас найду?

— Здесь, в вестибюле. Я провожу много времени в этом вестибюле.

Синкфилд огляделся.

— Неплохое место. Тут можно и посидеть, зная, что кто-то платит тебе пятьсот баксов в день.

Я задал следующий вопрос до того, как Дэйн успел ответить на шпильку Синкфилда.

— Почему миссис Эймс захотела повидаться со мной?

— Я не знаю.

— Вы не спрашивали?

— Спрашивал.

— И что она сказала?

— Сказала, что дело важное. Вернес, очень важное.

— Тогда мне надо поехать к ней.

— Да, — кивнул Дэйн, — я думаю, так будет лучше.

Должно быть, мы, Синкфилд и я, вытаращились на Конни Майзель, когда она открыла дверь. Сколь долго мы на нее смотрели, не знаю, но уж несколько секунд наверняка. На ней было белое трикотажное платье, в котором она выглядела более соблазнительной, чем обнаженной. Наверное, точно так же воспринимали ее и другие мужчины. Во всяком случае, Синкфилд.

— Добрый день, — поздоровалась она. — Как приятно вас видеть. Заходите.

Мы вошли, не отрывая глаз от Конни. Она же прошла к одному из диванов у камина, грациозно села, позволив нам полюбоваться ее ногами, махнула нам рукой.

— Присаживайтесь. Надеюсь, второй диван покажется вам удобным.

Мы сели. Я ожидал, что разговор начнет Синкфилд, но он молчал, продолжая таращиться на Конни.

— Лейтенант? — спросила она.

— Да.

— Вы всегда берете с собой репортера?

Синкфилд посмотрел на меня. Если бы я сгинул от его взгляда, он бы только порадовался.

— О, я не думаю, что Лукас репортер.

— А кто же он?

— Я полагаю его историком.

— Но не биографом, вроде Джимми Босуэлла?

— Кто такой Джимми Босуэлл? — спросил меня Синкфилд. — Он всюду следовал за неким Джонсоном и записывал все, что тот говорил. А говорил Джонсон много чего. Синкфилд покачал головой.

— Нет, я думаю, Лукас — настоящий историк. Тот, что копается в прошлом. Вчера он занимался этим в Лос-Анджелесе. Раскапывал ваше прошлое, мисс Майзель.

Она посмотрела на меня.

— И что вы нашли? Надеюсь, ничего дурнопахнущего.

— Нет, я лишь обнаружил, что кое в чем вы мне согнали. Она рассмеялась.

— Насчет того, что вышла из среднего класса? Но куда я могла отнести моих предков? Не к низам же. Во всяком случае, не в этой стране. Я же не прозябала в нищете. В этой стране я делю население на три категории: бедняки, средний класс и богатые.

— А что плохого в принадлежности к среднему классу? — спросил Синкфилд.

— Ничего, лейтенант, — ответила она. — Просто скучно.

— Вы можете сказать, что ваша мать относилась к среднему классу?

— Моя мать?

— Она самая.

— А причем здесь моя мать?

— Мне интересно знать, как вы ее оцениваете?

— Она моя мать. И делала для меня все, что могла.

— А ваш отец?

— Он научил меня играть на рояле. И многому другому. — Вы знаете, где сейчас мистер Майзель?

— Нет. Он и моя мать разошлись несколько лет тому назад. Я не знаю, где он сейчас.

— Есть у вас братья или сестры?

— Нет, — без запинки ответила она. — Никого. С чего все эти вопросы о моей семье, лейтенант?

— Разве вы не знали, что Игнатий Олтигби ваш сводный брат? — мне осталось лишь восхититься, как ловко он подвел разговор к этому вопросу.

На лице Конни Майзель отразилось изумление. Рот ее приоткрылся, брови взлетели вверх. Потом она нахмурилась.

— Игнатий? — недоверчиво переспросила она. — Мой сводный брат?

— На это указывает его свидетельство о рождении, — пояснил Синкфилд.

Она на мгновение задумалась, потом рассмеялась, как смеются над забавным анекдотом. Закончив смеяться, быстро вытерла глаза, до того, как я заметил, навернулись на них слезы или нет.

— Вы хотите сказать, что в начале сороковых моя мать переспала с черным?

— Похоже на то.

— Моя мать ненавидела черных.

— Должно быть, эта ненависть не распространялась на отца Олтигби.

— Может, он ее изнасиловал, — предположила Конни.

— А потом болтался рядом до рождения сына, которому и дал свою фамилию. — Синкфилд покачал головой. — Как я и говорил, она ненавидела не всех черных.

— О, она ненавидела не только джитов. Так она их звала, джигами. Она также ненавидела спиков, вопов и кайков*. И чего только она не вступила в одну из расистских организаций, — Конни вновь рассмеялась. — Я не могу свыкнуться с этой мыслью. Игнатий — мой свод-

*Пренебрежительные прозвища испаноязычных американцев, итальянцев и евреев.

ный брат. Знай я об этом, я бы пошла на его похороны.

— Ваша мать никогда не говорила вам о нем? — спросил Синкфилд.

Она энергично покачала головой.

— Никогда. Разве могла она сказать: "Между прочим, Конни, где-то в Англии у тебя есть сводный брат, наполовину джиг". Да она бы умерла, но не сказала такого.

— Вы помните мужчину по фамилии Стэйси?

— Джима Стэйси? Разумеется, я помню Джима. Моя мать работала у него, — Конни посмотрела на меня. — У вас превосходная память, не так ли, мистер Лукас? Телефонный номер, о котором я упомянула на днях, по которому я звонила матери, чтобы она знала, что я вернулась домой из школы... это был номер Стэйси.

— Это я выяснил.

— Вы виделись со Стэйси?

Я кивнул.

— Виделся.

— Он такой же красавчик, что и прежде?

— Будьте уверены.

— Этот Стэйси знал, что вы в Вашингтоне, — вмешался в наш разговор Синкфилд. — Знал потому, что ваша мать перед смертью попросила его отправить вам посылку. Она также дала ему письмо для Олтигби. Разрешите полюбопытствовать, что она вам прислала?

Она улыбнулась Синкфилду.

— Семейную Библию, лейтенант.

— Семейную Библию?

— Совершенно верно.

— Она по-прежнему у вас?

— Я не жалую Библии, лейтенант. Особенно, семейные Библии, принадлежащие моей семье. Я никогда не любила свою семью и я не любила Библию. Я ее выкинула.

— И это все, что прислала вам мать? — не унимался Синкфилд.

— Нет, там было и письмо. Гвен печалилась, что не была мне хорошей матерью. Что ж, я могу только пожа-

леть о том, что Гвен не была хорошей матерью. Мне бы хорошая мать не помешала.

— Об Олтигби в письме не упоминалось?

— Нет.

— Да, вот тут наша история делает забавный поворот.

— Что в ней забавного?

— А то, что вы и Олтигби одновременно свалились на семью Эймсов.

Конни задумалась. В очередной раз улыбнулась.

— Я понимаю, что вы более чем кто-либо склонны думать о заговоре, а не о совпадении, лейтенант. Но я могу сказать вам одно: я узнала о том, что Игнатий был моим сводным братом, если и был, лишь несколько минут тому назад, — опять смех. — Извините, к этому не так просто привыкнуть.

— Да, — кивнул Синкфилд, — я вас понимаю, — он повернулся ко мне. — У вас есть вопросы, Лукас?

— Только один, — я посмотрел на Конни Майзель. — Вы, случаем, не знаете в Лос-Анджелесе некую Беатрис Энн Уит? Известную так же, как Паршивка Беа.

— Паршивка Беа? — повторила она. — Нет. Нет, мистер Лукас. Я такой не знаю. А должна?

— Нет, — ответил я. — Полагаю, что нет.

Глава 22

Артур Дэйн и на этот раз вел машину так, словно на дороге он был один. Переходил из ряда в ряд, не подавая сигнала, подрезал, проезжал на желтый свет, иной раз и на красный. Он относился к тем водителям, которых обычно называешь "безмозглый сукин сын", а то и похлеще.

На автостраде стало чуть получше, но ненамного. Он ехал то слишком медленно, то чересчур быстро. Я пристегнул ремень безопасности, что делаю очень редко.

— Наметился прогресс, мистер Лукас? — спросил Дэйн.

— Есть немного. А у вас?

— Работаем. Вы летали в Лос-Анджелес, не так ли?
— Совершенно верно.
— Полагаю, вы выяснили, что Игнатий Олтигби был сводным братом Конни Майзель?

— Как давно вам об этом известно?
— Несколько недель.
— Если б вы сказали мне об этом раньше, я бы не тратился на поездку. Есть у вас еще что-нибудь вкусненькое? Дэйн сунул руку во внутренний карман пиджака.

— Миссис Эймс хотела, что бы я передал вам служебную записку, которую я подготовил для нее. В ней указано все, что мне удалось выяснить.

Он протянул мне сложенные вчетверо листки.

— Я вам что-то за это должен?

— Решать не мне, а миссис Эймс.

Я развернул сложенные листки. Два. Поверху чернели заглавные буквы: "СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ ДЭЙНА, ИНК." Наискось шли красные, высотой в дюйм: "СЕКРЕТНО".

— Удачная находка, — прокомментировал я.

— Вы о чем?

— Секретно.

— Клиентам нравится.

— Могу я оставить эти листки у себя?

— Да, — кивнул он. — Можете.

Озаглавленная "Конни Майзель", служебная записка начиналась, как и большинство федеральных документов, словами "как вам известно".

"Как вам известно, установив, что Конни Майзель и Игнатий Олтигби — сестра и брат по матери, мы предприняли попытку установить связь в действиях этой пары, последовавших после смерти их матери. Нам это не удалось. И мы вынуждены признать, что действовали они независимо друг от друга.

Итак, факты: Гвендолин Рут Симмс Майзель, мать Конни Майзель и Игнатия Олтигби, умерла двадцать первого октября прошлого года. В возрасте сорока восьми лет. Причина смерти: алкогольное отравление.

На момент смерти она проживала в Лос-Анджелесе с неким Джоном Полом Кернсом, пятидесяти четырех лет, безработным.

В это время Конни Майзель уже работала в "Баггер организейшн" в Вашингтоне. В эту фирму она поступила около года тому назад. Ранее она была менеджером музыкальной группы, турне которой оборвалось в Вашингтоне. Мисс Майзель оказалась в отеле "Хилтон", без единого цента и счетом на двести шестьдесят два доллара. За четыре дня она раздобыла достаточную сумму, чтобы оплатить счет и снять квартиру. Наши информаторы в отеле сообщили, что она добыла их, занимаясь проституцией. Проведя расследование в Сан-Франциско, мы узнали, что во время обучения в женском колледже Миллз Конни Майзель так же подрабатывала проституцией. Была "девушкой по вызовам" на уик-энды. По нашим сведениям, ее ни разу не арестовывала полиция.

Через пять дней после смерти матери, Конни Майзель сказала полковнику Уэйду Моури Баггеру, что сенатор Эймс мог бы произнести речь о слиянии компаний. Полковник Баггер, по его собственным словам, заявил мисс Майзель, что обращаться к сенатору Эймсу бессмысленно, потому что он никогда не согласится на такое. Мисс Майзель настаивала на том, что по ее просьбе речь сенатор произнесет, причем "Баггер организейшн" платить за это не придется, разве что несколько тысяч долларов. Как показал полковник Баггер, на встрече в кабинете сенатора последний взял две тысячи долларов за то, что произнесет речь. Однако, по словам того же Баггера, сенатор сказал, что просит одолжить ему эти деньги, чтобы оплатить авиабилеты в Лос-Анджелес и мелкие расходы, связанные с поездкой. Проведенное нами расследование показало, что для той поездки деньги сенатору не требовались.

Через десять дней после смерти матери Игнатий Олтигби прилетел в Вашингтон из Лондона и остановился в доме мистера и миссис Джист в Бесеседе. Чета Джист последовательно выступала за предоставление незави-

сности Биафре. Как вы знаете, Олтигби какое-то время воевал в армии Биафры. Через Джистов Олтигби познакомился с вашей дочерью, Каролин. Неделей позже он переехал в ее квартиру в Джорджтауне. И уже жил с ней, когда сенатор произнес ту знаменитую речь.

Мы полагаем, что речь эта осталась бы незамеченной, если бы кто-то не сообщил обозревателю Френку Сайзу, что сенатор, возможно, получил за все пятьдесят тысяч долларов. Сайз не хотел говорить, от кого он получил эти сведения, но, в обмен на информацию, не имеющую отношения к данному расследованию, признал, что получил он их от женщины. Насколько нам известно, только две женщины могли знать о том, что сенатор взял две тысячи долларов, хотя предлагалось ему пятьдесят. Одна из них Конни Майзель. Вторая — бывшая секретарь сенатора, миссис Глория Пиплз. Миссис Пиплз отрицает, что общалась с Френком Сайзом, и мы склонны ей верить. Отсюда мы делаем вывод, что сведения эти Сайз получил от Майзель. Мы так же убеждены, что об этом знает и сенатор.

Мы не смогли установить связь между Конни Майзель и Игнатием Олтигби, кроме их рождения от одной матери. Они встретились после того, как сенатор поселился в "Уотергейтс" с мисс Майзель. Ваша дочь и Олтигби часто бывали в их квартире. Можно предположить, что во время одного из этих визитов ваша дочь, Каролин, наткнулась на информацию, которую и решила передать сотруднику Френка Сайза, Дскатару Лукасу. Можно так же предположить, что за это Каролин и убили.

Метод убийства был выбран сложный, требующий специальных знаний. Подменить "дипломат" мог человек, который пользовался полным доверием Каролин. К тому же, умеющий обращаться с взрывчаткой. Здесь уместно отметить, что Игнатий Олтигби, во время службы в восемьдесят второй воздушно-десантной дивизии, стал первоклассным подрывником.

В то время мы полагали, что действует он по указке сводной сестры, Конни Майзель. Однако его последу-

ющес убийство поставило крест на этой версии. Мы должны заключить, что Игнатий Олтигби действовал абсолютно независимо от мисс Майзель. Мы можем также утверждать, что тот, кто убил вашу дочь, убил и Олтигби.

Мы безо всякого успеха пытались установить связь между прошлым сенатора и мисс Майзель, ее матерью, сводным братом и ее отцом, Френсисом Майзелем, которого мы отыскиали в Сан-Франциско. Майзель, однако, отрицает свое отцовство. Он говорит, что переболел в детстве свинкой и оттого лишился возможности иметь детей. Он показал нам справку двадцатилетней давности, подписанную доктором из ЛосАнджелеса, подтверждающую его слова. Френсис Майзель сказал, что в последние десять лет не видел Конни Майзель и не получал от нее никаких известий.

К нашему глубокому сожалению, мы не можем определить, какими компрометирующими материалами на сенатора располагает мисс Майзель. Однако мы должны отметить исключительную сексуальную привлекательность мисс Майзель. Также указываем, что пять дней тому назад сенатор изменил свое завещание. Все свое состояние он отписал Конни Майзель.

По вашему настоянию мы готовы продолжать расследование обстоятельств прошлого Конни Майзель и двух убийств. Но мы должны повторить то, о чем уже сообщили вам устно: содержание компромата на вашего мужа таково, что мы ничего не узнаем, если только мисс Майзель или ваш муж не пожелают поделиться тем, что им известно.

Таким образом, мы рекомендуем прекратить наше участие в проводимом расследовании".

— Ничего себе служебная записка, — я сложил листки и убрал их во внутренний карман пиджака. — У вас хороший стиль. Дэйн бросил "кадиллак" в левый ряд и я закрыл глаза.

Читая, я совсем забыл о том, как плохо он водит машину.

— Вас что-нибудь удивило?

- Я не знал, что она была проституткой.
- Ей пришлось потрудиться в "Хилтоне". Она брала по сто долларов.
- Кто вам сказал?
- Детектив отеля.
- А он как узнал?
- Полагаю, он был первым. Забесплатно.
- Понятно.
- Она работала в "Святом Френсисе" в Сан-Франциско, когда училась в Миллз.
- Может, там сенатор ее и встретил?
- Дэйн покачал головой.
- К мужчинам она не приставала. Да и по времени ничего не сходится.
- Вы действительно думаете, что за всем стоит она?
- Конни Майзель?
- Совершенно верно.
- Разумеется, она. Беда в том, что доказать это невозможно.
- Почему?
- Потому что никому не удастся выяснить, чем она держит сенатора за горло.
- А что вы думаете по этому поводу?
- Он покачал головой.
- Не имею ни малейшего понятия. Но, вероятно, это что-то ужасное. Способное еще более поломать сенатору жизнь. Хотя, куда уж больше. Посмотрите, что на него уже навалилось. Его обвинили во взятке и вынудили подать в отставку. Дочь убили. Он разошелся с женой. Потерял любовницу, Глорию Пиплз. И все потому, что однажды он что-то сделал или ему что-то сделали, и он не может допустить, чтобы этот эпизод прошлого выплыл на поверхность.
- Дочь меня смущает, — заметил я.
- Почему?
- Я готов понять, почему он отдал все остальное, но как он допустил смерть дочери.
- Он тут не причем. Она сама подписала себе смертный приговор.

— Но причина-то — он.

— Это точно.

Я покачал головой.

— Этого я не понимаю.

Дэйн повернулся ко мне. И смотрел слишком долго для того, кто ведет машину со скоростью семьдесят миль в час.

— Сколько вам лет, Лукас?

— Тридцать пять.

— Мне сорок шесть. Я в этом бизнесе с двадцати трех лет. Полжизни, и понял я за эти годы только одно: чего только не сделают люди, загнанные в угол. Они готовы практически на все, лишь бы спасти собственную шкуру. Есть немало историй о парнях, жертвующих жизнью ради друга. Но, если хочешь сохранить иллюзии, не стоит копаться в этих историях.

— Могут обнаружиться малоприятные подробности?

— О том и речь.

— Как давно вы ведете это расследование? — спросил я. — Пару месяцев.

— Вы не нашли, с кем она работает... если у нее есть, с кем работать?

Он покачал головой.

— Она ни с кем не видится. Для этого она слишком умна. Никому не назначает полуночных встреч в Мемориале Линкольна.

— А как насчет телефона? Вы же прослушиваете ее номер. — В сумочке у нее полно десятицентовиков. Если она хочет позвонить кому-либо, то достает один из них. Есть также почтовая служба Соединенных Штатов. Изредка она пишет письмо и идет на главный почтамп, чтобы отправить его.

— И вы выходите из игры?

— Совершенно верно.

— А по какому поводу миссис Эймс захотела встретиться со мной?

— Она сказала, что хочет видеть нас обоих.

— Насчет чего?

— Она получила какую-то важную информацию.

- Она хоть намекнула, какую именно?
- Намекнула. Сказал, что Френк Сайз придет от нее в восторг, а мне будет чем заняться.
- Похоже, для кого-то может запахнуть жареным.
- Если мне будет, чем заняться, то так оно и есть.

Глава 23

В самом начале четвертого Дэйв свернул на дорожку, ведущую к большому, просторному особняку под темно-зеленой крышей. Несмотря на его неумение водить машину, добрались мы достаточно быстро. На дорогу от "Уотергейта" до "Французского ручья" у нас ушло чуть меньше двух часов.

Мы вылезли из машины и Дэйв позвонил в дверь. Пока мы ждали, я восхищенно разглядывал резные панели старинной двери. Радостные фигурки собирались в крестовый поход. Грустные — возвращались из него.

- Одну минуту, — он отступил на шаг.
- Есть трудности? — полюбопытствовал я.
- Давайте убедимся, есть ли кто дома.

Он повернул направо. Я последовал за ним. Остановился он перед гаражом на четыре машины. Ворота были подняты и в гараже стояли черный четырехдверный "кадиллак", достаточно новый "камаро" и джип.

— Тут есть место еще для одного автомобиля, — заметил я. Дэйв покачал головой.

— Сенатор взял свой с собой. Он ездит на "олдсмобиле". Дэйв вновь зашагал по дорожке к парадной двери.

Повернул бронзовую рукоятку и толкнул дверь. Она открылась. Он вошел в холл, я — за ним.

— Миссис Эймс, — позвал он. Ответа не последовало.

— Есть кто-нибудь дома?

— Может, они в псарне или конюшне? — предположил я.

— Может. Давайте подождем в гостиной.

Через холл он прошел в гостиную с великолепным камином и не менее великолепным видом на Чеза-

пикский залив. В полумиле от берега большая яхта неторопливо рассекала синюю воду.

На кофейном столике я увидел поднос с графином виски, наполовину пустым, ведерком со льдом, сифоном и высоким стаканом. Кофейный столик стоял перед диваном. Луиза Эймс сидела на диване. В голубых трусиках. Над голой левой грудью краснели два пулевых отверстия. Рот и глаза были открытыми. Голова изогнулась под необычным углом. Она была мертва. И, похоже, до сих пор этому удивлялась.

— Святой Боже, — выдохнул я.

Дэйн ничего не сказал. Подошел к Джонасу Джонсу, стройному молодому человеку, который обносил гостей напитками, седлал лошадей, водил автомобиль и обслуживал хозяйку. Джонас Джонс был в чем мать родила. Он лежал на полу, лицом вверх, лицо его перекосила гримаса боли, то есть умирал он в страданиях. И в его груди краснели два пулевых отверстия. Реvolver лежал рядом с его правой рукой. Как мне показалось, тридцать восьмого калибра, с коротким стволом. Вот тут я заметил кровь. Ее вылилось немало.

— Пошли, — махнул рукой Дэйн.

— Куда? — спросил я.

— Туда, где все, скорее всего, началось. В спальню.

Мы вернулись в холл, повернули направо и, миновав пару дверей, попали в хозяйскую спальню. Большую ее часть занимала огромная кровать со сбитыми простынями, но в ней хватило места туалетному столику, бюро, комоду. Стены украшали сельские пейзажи. На полу двумя кучками лежала мужская и женская одежда. Из окна спальни так же открывался вид на залив. Яхта не успела далеко уплыть.

— О, черт, — пробормотал Дэйн, повернулся и зашагал обратно в холл. Я потащился за ним, как хорошо воспитанный пудель.

В гостиной Дэйн наклонился над диваном, вероятно с тем, чтобы лучше разглядеть отошедшую в мир иной миссис Роберт Эф.Эймс. Удовлетворив свое любопытство, выпрямился, последовал к телу Джонаса

Джонса, ранее обитавшего в Майами-Бич, опустился на колени, удостоил покойника короткого взгляда, встал и направился к телефону. Снял трубку, набрал ноль и стал ждать, пока ему ответит телефонистка.

— Экстренный случай, — сказал он, когда на другом конце провода взяли трубку. — Меня зовут Артур Дэйн. Я частный детектив и хочу сообщить об убийстве и самоубийстве.

Он говорил и говорил, но я уже не слушал. Вместо этого подошел к телу Луизы Эймс и еще раз взглянул на нее. Она по-прежнему удивлялась тому, что умерла. Пальцы левой руки были сжаты в кулак. Через плечо я покосился на Дэйна. Он говорил по телефону, спиной ко мне. Я разжал пальцы Луизы. В кулаке оказались два ключа. Вроде бы от дверных замков. К одному прилепился маленький кусок скотча. Под ним белел клочок бумаги с напечатанным номером семьсот двенадцать. Я сунул ключи в карман пиджака.

Дэйн еще не наговорился. Я подошел к Джонасу Джонсу, оглядел его тело. Grimаса боли не исчезла. Пальцы его ничего не сжимали, поэтому я снова пересчитал пулевые отверстия. Их так и осталось два.

Артур Дэйн положил трубку и повернулся ко мне.

— Я говорил с шерифом. Его помощник уже едет сюда.

— Почему вы сказали про самоубийство? Он что, стрелял в себя дважды?

Дэйн пожал плечами.

Одной пули ему не хватило. Обычное дело. Я как-то прочел про одну женщину. Она приехала в похоронное бюро, припарковала автомобиль, вошла, заранее оплатила свои похороны, вернулась к автомобилю, села за руль и выстрелила в себя пять раз. Она до сих пор жива.

— Вы его знали?

— Кого? Джонса?

— Да.

— Мы встречались.

— Вы когда-нибудь говорили с ним?

— Нет.

— Его наняли, чтобы трахать хозяйку, и ему нравилось то, что он видел в зеркале, когда вставал перед ним. Скорее всего, он страстно любил себя, как большинство таких, как он. Разумеется, он мог убить Луизу Эймс. Но в этом случае он уже был бы далеко-далеко, а не лежал на ковре в луже крови.

Дэйн опять пожал плечами.

— Вы можете рассказать об этом помощнику шерифа. Они обожают версии любителей.

— А вы с ней не согласны?

— Я предпочитаю судить о случившемся по тому, что вижу. А вижу я ссору, которая началась в постели после полудня. Может, и в полдень. Я вижу наполовину опустевший графин с виски. Я вижу мертвую женщину с двумя пулями в груди и в трусиках. То ли они начали ссориться, уже потрахавшись, то ли только подходили к этому, а может, она делала ему минет. Эксперты все определяют. Я вижу мужчину, лежащего на полу с револьвером в трех с половиной дюймах от его руки. Скорее всего, на рукоятке найдут отпечатки его пальцев. Смущает, конечно, то, что он дважды выстрелил в себя, но от самоубийц можно ждать чего угодно, на то они и самоубийцы. Одно я знаю наверняка. Шериф округа Толбот не станет заниматься психоанализом этого симпатичного парня. Для шерифа покойник есть покойник, и, если у него будет возможность квалифицировать это происшествие как убийство и самоубийство, он ее не упустит.

— Вы действительно думаете, что это убийство и самоубийство?

— Я это вижу. Но они проведут все необходимые экспертизы. Определят угол, под которым пули вошли в тело, проверят отпечатки пальцев, чтобы знать, нажимал он на спусковой крючок указательным или большим пальцем. Поищут следы пороха, дабы определить, с какого расстояния производился выстрел. Выяснят, сколько они выпили спиртного. Если много, то у шерифа появится лишний повод побыстрее закрыть это

дело.

— Разумеется, для моей версии двойного убийства есть веские основания.

— Это точно. Кто-то хотел, чтобы она не сказала нам того, что собиралась сказать.

— Их могла убить Конни Майзель.

— У нес достаточно надежное алиби.

— Какое?

— Она была со мной.

— Действительно, надежное.

— Вы забываете еще одного человека, у которого был мотив для убийства.

— Не забываю. Я как раз хотел упомянуть о нем.

— О сенаторе, не так ли?

— Совершенно верно. Если он пожертвовать всем, даже жизнью дочери, чтобы скрыть свое прошлое, он пойдет до конца. Допустим, его жена выяснила, что он натворил.

— Как? — спросил Дэйн.

— Господи, да откуда мне знать, как и что она выяснила, но предположим, что это произошло. Может, она позвонила своему бывшему мужу и дала понять, что собирается обо всем рассказать. Он садится в свой "олдсмобил", едет сюда, застаёт их обоих в постели, убивает, а потом оправдывается приступом ревности.

— Да перестаньте, Лукас.

Я пожал плечами.

— Это одна из версий. Вы, как я понимаю, настаиваете на убийстве и самоубийстве.

— Естественно. Кстати, раз уж вы перевели разговор на сенатора, у него и впрямь был хороший мотив для убийства.

— Какой же?

— Восемнадцать миллионов долларов. После смерти дочери сенатор стал единственным наследником своей жены.

Глава 24

Помощник шерифа прибыл первым. Высокий парень с квадратной челюстью и светло-синими глазами. Он спросил, как нас зовут, и аккуратно записал наши имена и фамилии, после чего перешел к осмотру тел.

— Этому парню было, что показать, не так ли? — прокомментировал он увиденное, после чего молчал до приезда шерифа.

Шерифу было за пятьдесят и он не первый раз сталкивался с убийством. Мужчина он был видный, выше меня ростом и в половину шире, а его маленькие карие глазки, похоже, ничего не упускали. С собой он привез команду экспертов и, после осмотра дома и места преступления, увел меня и Дэйна на кухню.

Право рассказать об увиденном я предоставил Дэйну и он не ударил в грязь лицом. Я решил, что говорит он даже лучше, чем пишет. Шериф внимательно выслушал Дэйна, потом меня. Когда мы закончили, повернулся к Дэйну.

— Вы думаете, это убийство-самоубийство, так?

— Мне так представляется.

— Надеюсь, и мои мальчики придут к такому же выводу.

— А у вас другое мнение?

— Я этого не говорил, мистер Дэйн. На эту семью и так много чего свалилось, не правда ли? — он не стал дожидаться наших ответов. — Я удивлен, что вы не звоните Френку Сайзу, мистер Лукас.

— Такие новости его не интересуют.

— Его, может и нет, а вот другие заинтересуются обязательно. Как только об этом станет известно, сюда примчится кто-нибудь из "Балтимор сан". Не отстанет и "Вашингтон пост". Ти-ви. Радио. Не удивлюсь, если это происшествие попадет в вечерние выпуски новостей. Уолтер Кронкайт такого не упустит. Смерть жены экс-сенатора и ее... кто бы он ни был. Какая-никакая, а сенсация.

— Публике это интересно, — шериф смотрел на ме-

ня, как бы ожидая подтверждения, вот я и пошел ему навстречу.

— Разумеется, если это убийство-самоубийство, как предполагает мистер Дэйн, интерес этот быстро угаснет. Это новости, но лишь на день или два.

— То есть пока версия убийство-самоубийство не будет основной?

— На данный момент нет, мистер Лукас. Пока я не проведу тщательного расследования не ознакомлюсь с отчетом коронера* и результатами экспертизы. Вы понимаете, нельзя сразу делать выводы, когда здесь убивают богатей. Другим богачам это может не понравится.

— Разве в этом году будут выборы? — спросил я.

Шериф улыбнулся.

— Выборы уже прошли. Я победил с подавляющим перевесом. Можно сказать, мне выдали мандат доверия. Решили, что я достоин стоять на страже закона.

— Это хорошо.

— Мы вам сегодня еще понадобится? — спросил Дэйн.

Шериф задумался.

— Нет, полагаю, что нет. Я бы хотел, чтобы вы приехали завтра или послезавтра, и дали письменные показания. К тому времени у меня, возможно, возникнут кое-какие вопросы, — его карие глазки обежали нас. — Или вы вспомните то, о чем забыли сказать мне сегодня.

— До встречи, шериф, — Дэйн направился к двери. Я — за ним.

— Одну минуту, — остановил нас шериф. — Вы не знаете, кто расследует убийство дочери Эймсов и ее дружка в округе Колумбия?

— Вы говорите про отдел убийств? — переспросил я.

— Да.

— Дэвид Синкфилд. Лейтенант.

— Дружок дочки был ниггером, не так ли?

— Белая мать, черный отец, — ответил я.

---

* Следователь, специальной функцией которого является расследование случаев насильственной или внезапной смерти.

— Как вы думаете, стоит мне позвонить лейтенанту и рассказать, что мы тут нашли?

— Я думаю, что он будет вам безмерно благодарен, — ответил я.

На обратном пути Дэйн вел машину ничуть не лучше. Мы почти не разговаривали. Теперь мне даже нравилась его манера вождения. Отвлекала от мыслей о застывшем на лице Луизы удивлении.

Я посмотрел на Артура Дэйна. Банкир банкиром. Самодовольный, уверенный в себе, пиджак расстегнут, животик выпирает. Правая рука лежит на сидении. Левая держит руль двумя пальцами, а "кадиллак" мчит со скоростью семьдесят пять миль в час. Я не сомневался, что, лопни у нас колесо, Дэйн обязательно ударит по тормозам и крутанет руль не в ту сторону, в результате чего машину занесет и перевернет раз семь, и мы, если останемся в живых, не сможем вылезти из кабины, потому что двери заклинит.

— Вы кого-нибудь убивали? — спросил я.

Он уставился на меня. Вместо того, чтобы смотреть на дорогу.

— Что значит, кого-нибудь убивал?

— Благодаря своему вождению.

— Я даже не попадал в аварию.

— В это трудно поверить.

— Вам не нравится, как я веду машину?

— Еще как не нравится.

Дэйн какое-то время молчал. Я подумал, что он думает на меня. Потом взялся за руль обеими руками.

— Я научился водить машину лишь в двадцать пять лет. Большинство учится этому в более раннем возрасте.

— Почему же вы не последовали примеру большинства?

— До двадцати пяти лет не мог купить себе машину.

— А теперь вы ездите на "кадиллаке".

— Маленьком.

— Вы позволите задать вам личный вопрос? Френк Сайз

рекомендует мне задавать личные вопросы.

— В принципе мне плевать на рекомендации Френка Сайза, но вопрос вы можете задать. Хотя я не уверен, что отвечу на него.

— Сколько вам платила миссис Эймс?

Дэйн помолчал.

— Я вам скажу. Я брал аванс на месяц, двадцать тысяч долларов. По окончании предоставлял отчет.

— То есть всего вы получили сорок тысяч долларов, так? — Так.

— Вы думаете, что отработали эти деньги?

Он вновь повернулся ко мне. Я предпочел смотреть на дорогу, чтобы при необходимости перехватить руль.

— Я их отработаю, когда закончу расследование.

— Я думал, вы вышли из игры.

Он покачал головой.

— Я передумал.

— Почему?

— По двум причинам. Во-первых, я хочу выяснить, что же такое ужасное совершил сенатор.

— А во-вторых?

— Не хотелось бы возвращать деньги, а мне заплачено до конца месяца.

В Вашингтон мы въехали по Нью-Йорк-авеню и я попросил Дэйна высадить меня на Седьмой улице. Время близилось к шести часам. В винном магазине на углу Седьмой и Нью-Йорк-авеню я купил плоскую бутылку виски, на этот раз "Блэк энд Уайт". Сунул ее в карман, вышел из магазина, поймал такси и попросил водителя отвезти меня в Центральную больницу на Ирвинг-стрит.

В приемном покое мне дали карту больницы и я без труда нашел отделение Эф-один. Вход в него преграждала запертая двойная дверь с панелями из толстого стекла. Стальная проволока с обеих сторон оберегало стекло от ударов. За дверью тянулся длинный коридор. Там стояло несколько человек, кто в городской одежде, кто в пижамах и халатах. Я нажал на кнопку звонка.

Вскоре к двери подошла медсестра и приоткрыла ее.

Худошавая негрятянка в очках с золотой оправой.

— Слушаю вас.

— Я хотел бы повидаться с Глорией Пиплз.

— Кто вы?

— Ее адвокат. Меня зовут Декатар Лукас.

Медсестра покачала головой.

— Даже не знаю, как нам быть. Миссис Пиплз плохо себя чувствует. Доктор говорит, что к ней не следует пускать посетителей.

— У меня хорошие новости. Ей наверняка станет лучше.

Медсестра все еще колебалась.

— Время посещения уже прошло.

— Я надолго не задержусь, а пришел я действительно по важному делу.

— Говорите, вы ее адвокат?

— Совершенно верно.

— Проходите, но только не задерживайтесь надолго. Она открыла дверь и я прошел в коридор. Тут же к нам направился высокий блондин с загипсованной по локоть левой рукой.

— Я ухожу.

— Никуда ты не уходишь, Фредди, — медсестра уже захлопнула дверь. — Быстро возвращайся в свою палату.

— Нет. Я ухожу. За мной приедет брат.

— Что ж, уходи, если сможешь открыть эту дверь.

Блондин покачал головой.

— Дверь заперта. Вы должны ее открыть.

— Я же сказала тебе, что не собираюсь открывать эту дверь.

— Откройте дверь! — завопил блондин.

Медсестра вздохнула.

— Чего ты этим добиваешься? — она взяла его за правую руку и развернула спиной к себе. — Иди смотреть ти-ви.

— Мой брат приедет за мной. Мне надо пройти через дверь.

— Попозже я тебя выпущу. А сейчас смотри ти-ви.

Блондин на мгновение задумался, потом кивнул и

двинулся по коридору.

— Что с ним? — спросил я.

— Пытался перерезать себе вены. Перерезал, не только вены, но и сухожилки. Сшили его с большим трудом.

— Это все?

— Вы насчет его поведения? Он только что прошел курс шоковой терапии. После нее они все такие. И память им на какое-то время отшибает, — она покачала головой. — Каких только психов у нас нет, — она указала на одну из дверей. — Миссис Пиплз вот в этой палате. Постучите, прежде чем входить. Вдруг она не одета.

Я постучал и женский голос предложил мне войти. Я открыл дверь. Глория Пиплз сидела в кресле. В кремовой ночной рубашке и синем халате. С белыми пушистыми шлепанцами на ногах. Кровать, комод, раковина, простой деревянный стул, более в палате ничего не было.

Сидела она, низко наклонив голову. Медленно подняла ее, чтобы посмотреть на меня. Глаза покраснели от слез. На кончике носа повисла капля. Волосы она давно уже не расчесывала.

— Привет, Глория, — поздоровался я. — Как ваше самочувствие?

— Мне тут не место. Это отделение для душевнобольных. Я не сумасшедшая.

— Кто привез вас сюда?

Она покачала головой.

— Двое мужчин. Я не знаю, кто они. Пришли сегодня и сказали, что они работают у Луизы Эймс.

— В какое время?

— Около двух часов. Пришли около двух и сказали, что Луиза Эймс хочет отправить меня на отдых. Я не знала, что они имеют в виду. Отдых мне не требовался. Я позвонила Луизе, но ее телефон не отвечал. Они сказали, что все улажено, и они отвезут меня в больницу, где я смогу отдохнуть. Сами знаете, в каком я была настроении. Я действительно устала. Согласилась поехать

с ними и попала сюда.

— Они полагают, что вы слишком много пьете.

— Кто это сказал?

— Миссис Эймс. Она говорила, что вы названивали ей днем и ночью и несли всякую чушь.

— Я ей не звонила, — воскликнула Глория. — Это она позвонила мне.

— По какому поводу?

— Мне не хочется говорить об этом.

— Сколько вы сегодня выпили, Глория? Только не лгите. — Бутылку пива за ленчем. И все.

— А вчера?

Она задумалась.

— Два бокала "мартини" перед обедом. Больше ничего. В последнее время я почти не пью. После нашей встречи. Вы приносили с собой виски, не так ли?

— Приносил.

— Жаль, что не принесли сегодня.

— Может, и принес.

Она просияла. В глазах проснулась надежда, уголки рта поднялись.

— Вы не шутите?

— Нет.

Она огляделась.

— Нам нужны стаканы. Вы можете принести стаканы?

— Где же я возьму стаканы?

— На сестринском посту. Там стаканы и разные соки. Принесите какого-нибудь сока.

— Виски с соком?

— Яблочный сок. Я помню, что у них есть яблочный сок. Его можно смешать с виски.

Я посмотрел на нее и покачал головой.

— Даже не знаю, Глория. Вас поместили сюда с тем, чтобы вы не пили.

— Я не алкоголичка. А выпить мне сейчас просто необходимо.

— Очень хочется?

— Ужасно.

— Скажите мне, о чем вы говорили с миссис Эймс, и вы получите виски.

Я очень гордился собой. Еще бы, решил облагодетельствовать женщину, которой так хотелось выпить.

Глория Пиплз, однако, не приняла моего предложения.

Похоже, даже обиделась.

— Сначала принесите мне выпить,— заявила она.— А потом, возможно, и поговорим.

Я кивнул.

— Яблочный сок?

— Яблочный сок, — подтвердила она.

Я вышел в коридор, направился к сестринскому посту. На пластиковом подносе стояли ведро со льдом, бутылки и пакеты с фруктовыми соками. Худошавая медсестра в золотых очках наблюдала, как я наливаю яблочный сок в два пластиковых стаканчика.

— Она попросила принести ей что-нибудь попить.

Медсестра одобряюще кивнула.

— Чем больше жидкости она пьет, тем лучше.

— Она неплохо выглядит. Я ожидал худшего.

— Ха, — вырвалось у медсестры. — Видели бы вы ее в два часа дня, когда ее привезли сюда. На ней лица не было. А сейчас она поспала, отдохнула.

— Как по-вашему, ее привезли не зря?

— В последнее время она много пила, и отнюдь не сок.

Я отнес оба стаканчика в палату Глории Пиплз. Она прикусила губу, увидев их, встала, протянула к ним дрожащие руки.

— Оставайтесь у двери.

Я остался у полуприкрытой двери.

— Никого не пускайте, — она подошла к раковине вылила две трети содержимого стаканчиков. Повернулась ко мне. Наполните их.

Я достал из кармана бутылку, отвернул пробку, наполнил стаканчики виски. Глория Пиплз протянула один мне, несколько капель выплеснулись на пол. Свой

стаканчик поднесла ко рту, держа его обеими руками. Дважды глотнула, с удовлетворенным вздохом уселась в кресло, полезла в карман халата, вытащила пачку "кента", встрясла из нее кончик сигареты, губами достала ее из пачки.

— Есть у вас зажигалка? Они не разрешают держать спички или зажигалку в палате. Приходится ходить на пост, там электрическая зажигалка.

Я дал ей прикурить, закурил сам.

— А теперь рассказывайте, Глория.

Шотландское сделало свое дело. На щеках Глории затеплился румянец. Сигарету и стаканчик она держала более уверенно. Ей даже удалось удержать их в одной руке, пока второй она приглаживала волосы. Впрочем, прическа ее от этого лучше не стала.

— Так Луиза говорит, что я ей звонила?

Я кивнул.

— Насколько мне известно, да.

— Я ей не звонила. Я никогда ей не звонила. А вот она позвонила мне.

— С чего бы это?

— Хотела, чтобы я ей кое-что отдала.

Я ждал. Добрые самаритяне привыкли ждать.

— Что именно?

— Она думала, если он проникнет туда, они поймут, в чем дело.

Конечно, мне следовало помнить о Иове. Вот уж кто умел ждать. Но я бы мог посостязаться с ним.

— Кто он?

— Ее домашний зверек. Телохранитель. Жеребец, которому она платила за то, что он ее трахал.

— Джонас Джонс.

Она вновь отхлебнула виски и кивнула.

— Он самый. Джонас Джонс.

— И куда он должен был проникнуть?

— В их квартиру.

— В чью?

— Бобби и этой сучки Майзель.

— А ключи были у вас, так?

Мой вопрос дошел до нее не сразу, вероятно сказалося наложение спиртного на транквилизаторы.

— Откуда вам это известно? Никто же знал, что у меня были ключи.

— Луиза Эймс знала.

— Это другое дело. Она знала, что у меня были дубликаты всех его ключей. Он постоянно их терял.

— Вы все еще работали у сенатора, когда он купил квартиру в "Уотергейте"?

Она покачала головой.

— У него я уже не работала. Он перевел меня к Кьюку. Но я все равно держала у себя дубликаты ключей. Когда он купил квартиру в "Уотергейте", я позаботилась о том, что бы изготовили пару лишних ключей. Просто продолжала приглядывать за ним, хотя он ни о чем меня уже и не просил.

— И что вы сделали, послали ключи Луизе Эймс по почте? Еще раз она покачала головой.

— Нет, Джонас заехал и забрал их.

— А что потом?

Она допила свой стаканчик.

— Думаю, я еще выпью сока.

— Пожалуйста, — я протянул ей свой. — Возьмите, я еще не пил.

Это ее порадовало. Она благодарно улыбнулась. Еще бы, доктор прописывал ей лучшее на свете лекарство.

Она одним глотком ополовинила стаканчик.

— Не волнуйтесь. Я не надерусь.

— Я это знаю. Так что случилось после того, как Джонас взял у вас ключи?

Она пожала плечами.

— Наверное, он проник в их квартиру и выяснил то, что она хотела знать. По крайней мере, так она сказала.

— Когда?

Глория Пиплз задумалась.

— Вчера, — она энергично кивнула. — Да, да, вчера. Именно тогда Луиза позвонила и начала отчитывать меня.

— За что?

— За то, что я спала с Бобби. Она сказала, что знала об этом с самого начала, но не возражала, потому что чувствовала, что для него это всего лишь развлечение. А вот Конни Майзель, сказала она, совсем другое дело. Конни Майзель погубила Бобби, а вот теперь она намерена погубить Конни Майзель.

— Как?

— Этот самый вопрос я ей и задала. Как?

— Что она ответила?

— Рассмеялась и сказала, что я смогу прочесть об этом в колонке Френка Сайза.

— И что потом?

— Ничего. Она положила трубку, а я выпила пару бокалов "мартини". Может, даже три. Я очень расстроилась, — Глория заплакала. Слезы горошинами скатывались по ее щекам. Я испугался, что сейчас она разрыдается, а потому подошел и начал поглаживать ее по плечу.

— Ну, ну, — добрый, все понимающий доктор Лукас. — Все будет хорошо. Не надо плакать.

Она посмотрела на меня. Глаза блестели о слез.

— Везунчик.

— Везунчик?

— Мой кот. Я просто уехала и оставила его, а теперь не знаю, что он будет есть. Он никогда не оставался один.

Я нашел носовой платок и вытер часть слез.

— Успокойтесь. Выпейте сока. Не волнуйтесь из-за Везунчика. Я о нем позабочусь.

— Вы... вы позаботитесь? — она вновь уткнулась носом в стакан.

— Я знаю одно место в Силвер-Спринг. Санаторий для кошек. Несколько раз я отвозил туда своего кота. У них есть телевизоры и все такое. Я заберу Везунчика и отвезу его туда.

Слезы прекратились, появилась икота.

— Он... он любит синоптика.

— Синоптика?

— По ти-ви... прогноз погоды. По девятому каналу. Он всегда смотрит эту передачу.

— Я скажу об этом даме, что управляет санаторием.

Она осушила и мой стакан. Я подсчитал, что за пятнадцать или двадцать минут она выпила чуть ли не двести грамм виски.

— Почему бы вам не прилечь?— предложил я.

— Вы заберете то, что осталось?

— Вы про виски?

— Да.

— Если бутылку найдут, ее у вас отнимут.

— Мы ее спрячем. Дайте мне мою сумочку. Все равно мне отдавать вам ключи. Мы спрячем ее в моей сумочке.

— Отличный тайник. В него они никогда не заглянут. Разве что после того, как полюбопытствуют, а что у вас под подушкой.

— Так где же мы ее спрячем?

— Под матрасом.

Она закрыла глаза, нахмурилась.

— Под матрасом, — повторила она. — Под матрасом, — открыв глаза, она широко улыбнулась. Это я для того, чтобы вспомнить, когда проснусь.

Я протянул ей сумочку и засунул бутылку виски под матрац. Меня распирала гордость. Столько добрых дел за один день. Я обокрал мертвую женщину. Утешил больную спиртным. Еще чуть-чуть, и из лопаток начнут расти крылышки.

— Думаю, я немного посплю, Глория посмотрела на кровать.

— Отличная мысль.

Она поднялась, не особо шатаясь дошла до кровати, села. — Под матрасом, — она кивнула, словно давала себе слово не забыть об этом.

— Под матрасом, — эхом отозвался я.

— Этим утром я просмотрела колонку Френка Сайза, но о Бобби в ней не упоминалось. О нем напишут завтра?

— Думаю, что нет.

- А когда? — она вытянулась на кровати.
- Не знаю, Глория, — ответил я. — Возможно, что никогда.

Глава 25

Коту Глории Пиплз не понравилась долгая автомобильная поездка. Он недовольно мяукал всю дорогу от Виргинии до Силвер-Спринг, что в штате Мэриленд, несмотря на то, что Сара всячески пыталась успокоить его. По пути я изложил Саре мою версию цепочки убийств, начавшихся смертью Каролин. Иногда мне приходилось кричать, чтобы перекрыть мяукание Везунчика, которого мой рассказ абсолютно не интересовал.

А потом мы с Сарой сидели во французском ресторанчике в Джорджтауне, который открылся после массовых выступлений весной одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года. После наступления темноты в Джорджтауне улицы пустеют. После десяти или одиннадцати вечера там можно встретить редких пешеходов, да и те куда-то спешат.

Кормили в ресторане неплохо, а вот обслуживание грешило оригинальностью: официанты ездили между столиков на роликовых коньках. К тому времени, как мы выпили по коктейлю и заказали обед, я как раз закончил повествование. Сара смотрела на меня несколько секунд, прежде чем спросить:

— А как же капитан Бонневилль?

— Ему придется подождать.

Она покачала головой.

— Если ты останешься с Френком Сайзом, Бонневиллю придется ждать долго, возможно, ты вообще к нему не вернешься. Когда ты закончишь одно расследование, при условии, что тебя не убьют, Сайз подбросит тебе новое. Возможно, трупов в нем будет поменьше, но тебе все равно придется купаться в грязи, и может наступить день, когда ты уже не сможешь от нее от-

мыться.

— Ты думаешь, мне там нравится? В этой самой грязи? — Нет, тебе там не нравится. Но тебя занимают люди, которые в ней плавают. Они занимают тебя, потому что ты считаешь их отличным от себя, но это не так.

— Ты хочешь сказать, что я такой же, как они?

Она мягко улыбнулась. Эта улыбка Сары мне особенно нравилась.

— Мы такие же, как они, Дек. Просто им пришлось делать выбор, чего от нас пока никто не требовал. Поэтому-то в большинстве своем люди остаются честными. Им не предоставляется шанса стать другими.

— Ты присоединилась к циникам, — заметил я.

— Нет, обучаюсь на твоём примере. Наблюдая за тобой. Когда ты работал на государство, тебе предлагали взятки?

Я кивнул.

— Нисколько раз. Может, даже больше, чем несколько. Не всегда ясно, предлагают тебе взятку или нет.

— Но ты отверг их поползновения.

— Я ни одной не взял. Насчет отверг... Иногда я притворялся, что не понимаю, о чём, собственно, речь.

— А почему ты не брал взятки?

Я отпил "мартини". Вкус отменный. Не то, что виски с яблочным соком.

— Почему я их не брал? Моральные принципы. Чувство собственного достоинства. Плюс страх. А вдруг поймают?

— Есть и ещё одна.

— Одна что?

— Причина.

— Какая же?

— Ты не нуждался в деньгах. А вот представь себе, что у тебя ребенок, и ребенку необходима искусственная почка, стоимость которой равна твоему заработку за год, а ты уже по уши в долгах. И тут кто-то говорит тебе: "Послушай, Лукас, как на счет того, чтобы взять десять тысяч баксов и закрыть кое на что глаза?" Что бы

ты ответил? Только помни, что твоё "нет" означало бы смертный приговор ребенку.

Я улыбнулся.

— За это, Сара, я тебя и люблю. Ты устанавливаешь собственные правила.

— Не уходи от ответа.

— Ладно, в такой ситуации я мог взять деньги, а мог и не взять. Но одно я знаю наверняка. Если я их не взял, а ребенок умер, моя честность стала бы мне слабым утешением.

— Именно об этом я и говорю. Людям, которым можно дать взятку, всегда нужны деньги. В твоём случае, тебе были бы нужны деньги для спасения ребенка. Кто-то другой хотел купить новую яхту. И кто скажет, кому они нужны больше? Тому парню, что желает купить яхту или тебе?

— И как мы выйдем из этого порочного круга?

— Выйдем, как и вошли, — ответила Сара. — Закроем эту тему. А коснулась я ее потому, что ты начал меняться.

Прикатил официант с салатом. Когда он оставил нас одних, я отдал салату должное. Он понравился мне никак не меньше "мартини".

— Что значит, я меняюсь?

— Становишься активным игроком. Раньше за тобой этого не замечалось. Два месяца тому назад ты не взял бы ключи из руки убитой женщины. Не стал бы поить несчастную Глорию Пиплз в больнице. Я думаю... мне кажется, у тебя навязчивая идея.

— И на ком же я заикнулся?

— На этой Конни Майзель.

— Я же практически не знаю ее. Ешь салат. Очень вкусный.

Сара попробовала салат. Кивнула.

— Ты прав, вкусный, — но ссть не стала, а продолжила рассуждения по главной теме этого вечера: что не так с Декатаром Лукасом. — С этим я не спорю. Ты видел ее пару раз. Но ты ее знаешь. Ты действительно знаешь ее. Это же видно. Ты знаешь ее не хуже капита-

на Бонневила, а с тем ты и вовсе не встречался. Я думаю, ты знаешь Конни Майзель лучше, чем меня.

— Я не знаю, чего она хочет.

Сара рассмеялась. Не так уж и весело.

— Я ни разу не видела этой женщины, но и из того, что ты мне рассказал, мне ясно, чего она хочет.

— Чего же?

— Отмщения.

— Какое забавное слово.

— Отчего же? Оно из той самой грязи, где и обитает вместе с алчностью, ненавистью и всем прочим. Твоими старыми друзьями. Или знакомыми.

— Интересные ты сегодня выдвигаешь гипотезы.

Она поела салата, запила его заказанным мною вином. Посмотрела на меня и мне показалось, что в глазах ее я что-то уловил. Возможно, нежность.

— Ты не остановишься, не так? Постараешься дойти до конца, каким бы горьким и кровавым он ни был.

— Совершенно верно.

— Почему?

— Наверное потому, что хочу этого.

— Ты хочешь или должен?

Я пожал плечами.

— А какая, собственно, разница.

— Эти ключи, что ты украл. Как ты намерен с ними поступить?

— Я намерен использовать их по назначению.

После этого она замолчала. И более не произнесла за вечер ни слова.

Я решил, что половина третьего утра вполне подходящее для грабителя время. Почти все в этот час уже спят. Служба безопасности тоже мышей не ловит, даже в "Уотергейте". Успех моего блестящего замысла зависел от содействия достаточно высокопоставленного сотрудника департамента сельского хозяйства, которому я когда-то оказал небольшую услугу. Не упомянул его фамилию в отчете, хотя и мог. Я не преминул сказать ему об этом, и с тех пор он не позволял себе никаких вольностей с деньгами обращающихся к нему фирм.

Жил он двумя этажами ниже экс-сенатора Эймса и его доброй подруги и постоянной сожительницы Конни Майзель. Я позвонил ему из телефонной будки на Виргиния-авеню, в квартале от "Уотергейта". Прошло пять минут, прежде чем мне ответил заспанный голос.

— Слушаю.

— Привет, Хойт. Это Дек Лукас. Извини, что побеспокоил тебя.

— Кто?

— Дек Лукас.

Какое-то время ушло на то, чтобы он соотнес меня с собственной системой координат.

— Ты знаешь, который теперь час?

— Половина третьего. Ты меня извини, но я в безвыходном положении. Был на вечеринке и потерял бумажник. Я без машины, а мне нужно пять долларов на такси, чтобы добраться домой. Ты меня выручишь?

— Ты хочешь занять у меня пять долларов?

— Именно так.

— Где ты?

— По соседству.

— Поднимайся. Я живу в пятьсот пятнадцатой.

— Спасибо тебе, Хойт.

Охранник в вестибюле зевнул и позвонил Хойту, дабы убедиться, что меня ждут. После того, как Хойт подтвердил, что я не лгу, он мотнул головой в сторону лифтов. В кабине я нажал на кнопку семь. Вышел на седьмом этаже, дождался, пока кабина двинется, нажал на кнопку "вниз", затем побежал к двери, над которой горела красная надпись "Выход". Открыл ее, убрал собачку и залепил ее скотчем, купленном в магазине на углу Семнадцатой улицы и Кей-стрит, работающем круглосуточно. Осторожно прикрыл дверь и бегом вернулся к лифтам, аккуратно к прибытию кабины, которую вызвал. Спустился на пятый этаж и после недолгих поисков нашел пятьсот пятнадцатую квартиру. Позвонил. Дверь открылась незамедлительно, и мужчина в халате сунул мне пятерку.

— Я бы пригласил тебя в дом, Дек, но жене нездорово

вится. — Премного тебе благодарен, Хойт. Деньги верну завтра. — Отправь по почте, хорошо?

— Как скажешь.

Дверь закрылась, но я подождал с минуту, чтобы убедиться, что она не откроется вновь. Вернулся в холл, через дверь с надписью "Выход" попал на лестницу, поднялся на два этажа к двинулся к семьсот двенадцатой квартире.

Достал ключи, которые вынул из руки Луизы Эймс, вставил ключи в замочные скважины. Цепочка меня не беспокоила: в левом кармане брюк лежали ножницы для резки металла.

Повернув ключи, я толкнул дверь. Она приоткрылась.

Цепочки, похоже, не было, так что я распахнул ее пошире и вошел в прихожую. На маленьком столике горел ночник. Я бесшумно закрыл дверь.

На мне были туфли с толстой каучуковой подошвой, но я пересек прихожую на цыпочках. На пороге гостиной остановился, прислушался, дыша через рот. Так дышат все профессиональные квартирные воры. Где-то я об этом прочитал. Или услышал по ти-ви. Глядя на телеэкран, можно научиться многим способам нечестного добывания денег.

Я вслушивался в тишину больше минуты, но ничего не услышал. Достал из кармана маленький фонарь, купленный одновременно со скотчем. Ножницы для резки металла я занял у моего соседа, того самого, что знал, как звучит выстрел из обреза. Я здраво рассудил, что у человека, который это знает, должны быть ножницы для резки металла. Логика меня не подвела.

Освещая путь фонариком, дабы не наткнуться на мебель, я добрался до двери в дальнем конце гостиной, около рояля. Открыл ее, обвел лучом комнату. Я не ошибся и с дверью: она привела меня, как я и рассчитывал, в библиотеку или кабинет.

Я переступил порог, оставив дверь в гостиную открытой.

Я знал, что искать. Знал, потому что Конни Майзель

была очень искусной лгуньей. И, как все искусные лгуньи, она разбавляла ложь изрядной долей правды. В этом случае и заведомо ложная информация казалось абсолютно правдивой. В одном ей не повезло: в моем лице она столкнулась с человеком, обладающим уникальной памятью. Если б она не упомянула лос-анджелесского телефона, я бы не побывал в баре Стэйси. Если бы не сказала, что мать прислала Библию, я бы не явился за ней в квартиру сенатора.

А пришел я именно за ней. Библией. Я предполагал, что ее и нашел Джонас Джонс. Но полной уверенности у меня не было. Двигало мною наитие, наитие историка. Я обвел комнату лучом фонаря. Большой письменный стол, большой глобус, кресла, стеллажи с книгами. Где еще прятать Библию, как не на книжных стеллажах? Я попытался поставить себя на место Конни Майзель. Попытался бы я спрятать Библию? С одной стороны да, попытался бы, с другой — нет. Я решил, что не смогу представить себя на ее месте. Да и вряд ли кто смог бы.

Я навел фонарик на стеллажи. Книги стояли, как новенькие, похоже, никто их и не раскрывал. На самой верхней полке, среди двух романов, которые я давно собирался прочесть, стояла нужная мне книга. Библия. В десять или одиннадцать дюймов высотой, в два с половиной или три дюйма шириной. В черном кожаном переплете с выбитой золотыми буквами по торцу надписью: "Святая Библия". Мне пришлось встать на цыпочки, чтобы достать ее. Я все еще не знал, что я найду в Библии. Может, истинную историю семьи Конни Майзель. Я снял Библию с полки и направился к столу.

Положил Библию на стол и, держа фонарик в правой руке, раскрыл. Увидел, что Библия пустая, не Библия, а, по существу, шкатулка в форме Библии, в которой лежал револьвер и газетная вырезка. Я уже начал читать вырезку, когда услышал звук. Звук закрывающейся двери. Я понял, входной двери квартиры. Потом до меня донесся женский голос. Приглушенный, но я

его узнал. Так могла говорить только Конни Майзель. Она не только говорила, но и смеялась.

Послышался и мужской голос, скорее, шепот.

— Неужели ты не можешь подождать? — спросила она.

Вновь рассмеялась, едва слышно. Все стихло, затем кто-то вздохнул, опять заговорила она:

— Сюда, дорогой. К дивану.

Ответных слов мужчины я не разобрал. Послышалось шуршание одежды, вздохи и мужчина внятно произнес:

— О, черт побери, как же мне хорошо.

Меня это несколько удивило, потому что принадлежал голос лейтенанту Дэвиду Синкфилду.

Глава 26

Домой я добрался лишь к четырем часам утра. И лишь потому, что до половины четвертого Синкфилд и Конни Майзель "кувыркались" на диване. Я поставил Библию на полку и сидел под столом, слушая музыку их любовных утех. Признаюсь, я немного завидовал Синкфилду. И куда больше удивлялся.

Утром Сара предоставила мне возможность выпиться. Но Мартин Рутефорд Хилл имел на этот счет особое мнение. В половине десятого он стукнул меня по носу одноглазым плюшевым мишкой. Второй глаз он вырвал зубами и проглотил шестью месяцами раньше.

Потом я спустился вниз, и Сара молча налила мне чашку кофе. Я сидел, пил кофе и думал. Допив кофе, я поднялся и вновь наполнил чашку.

— Мы не посадили розовый алтей, не так ли?

— Нет. В последнее время мы много чего не сделали.

— Почему бы тебе сегодня не сходить с ребенком в зоопарк?

Она посмотрела на меня.

— Я не хочу идти в зоопарк. И ребенок не хочет. Он ненавидит зоопарк.

— Сходи с ним куда-нибудь еще.
— Почему?
— Мне надо посоветоваться с одним человеком. Будет лучше, если тебя при этом не будет.
— С каким человеком?
— С Артуром Дэйном.
— Частным детективом?
— Вот-вот.
— Этой ночью ты что-то нашел, не так ли?
— Думаю, что да.
— Почему бы тебе и Дэйну напрямик не отправиться в полицию?

Я закрыл глаза, вспоминая музыку любовных утех, что слышал не так уж и давно.

— Сходи куда-нибудь с ребенком, а завтра мы посадим алтей.

— Почему завтра?

— Потому что к тому времени все кончится.

Я позвонил лейтенанту Синкфилду и пригласил его ко мне. Голос у него был какой-то сонный. Я позвонил Артуру Дэйну. Он, похоже, спал всю ночь, как и положено добропорядочному гражданину. Ему я сказал то же, что и лейтенанту.

— Думаю, я нашел ключ к разгадке.

Они оба пообещали приехать, но я позаботился о том, чтобы приехали они в разное время.

Сара загрузила Мартина Рутефорда Хилла в "пинто", села за руль и укатила. Когда я спросил, куда она решила поехать, она ответила: "К цыганам".

— Куда? — переспросил я.

— К цыганам. Еще не знаю, то ли останусь в таборе, то ли продам им ребенка.

Я же пошел в Библиотеку конгресса. День выдался чудным. Светило солнце. На зеленой лужайке перед библиотекой несколько юношей и девушек, оторвавшись от занятий, ели ленч, принесенный в пакетах из плотной бумаги. Пели птички.

На газетной вырезке, что лежала в Библии, которую я нашел на книжных полках экс-сенатора Эймса, не

было даты. Как и названия газеты. Я, правда, полагал, что знаю и газету, и время ее выпуска. Оставалось лишь убедиться в своей правоте.

В отделе периодических изданий я попросил принести подборку "Лос-Анджелес таймс" за август одна тысяча девятьсот сорок пятого года. В отличие от "Нью-Йорк таймс", лос-анджелесскую газету не пересняли на микрофильмы. А потому я получил толстую пачку газет. Открыл номер за пятнадцатое августа. Аршинный заголовок гласил: "ЯПОНИЯ КАПИТУЛИРУЕТ!" Я прочел передовицу, хотя искал совсем другую заметку. Из любопытства.

Затем медленно пролистал газету. Фотоснимки и статьи рассказывали о том, как Лос-Анджелес отметил День победы. На странице тридцать один я обнаружил искомую заметку. Под заголовком:

**"ОГРАБЛЕНИЕ ВИННОГО МАГАЗИНА.
ДВОЕ ГРАБИТЕЛЕЙ ЗАСТРЕЛИЛИ ВЛАДЕЛЬЦА".**

Ничего особенно в заметке я не нашел. Четырнадцатого августа одна тысяча девятьсот сорок пятого года, около одиннадцати вечера, в винный магазин на Ван-Несс-авеню в Голливуде вошли двое грабителей. Хозяин магазина, некий Эмануэль Перлматтер, вместо того, чтобы отдать деньги, полез за пистолетом, который держал под прилавком. Этого ему делать не следовало, потому что в итоге он получил две пули. В заметке не уточнялось, какой выстрел оказался смертельным, первый или второй. Пристрелив Перлматтера, грабители обчистили кассу. Свидетели видели, как из винного магазина выбежали мужчина и женщина. Мужчина вроде бы был в военной форме, но вот в определении рода войск свидетели разошлись. Иных сведений об ограблении не сообщалось, если не считать того, что добыча грабителей составила семьдесят пять долларов. Согласно показаниям жены Перлматтера, большей суммы он в кассе никогда не держал. Полиция отметила, что за последние два года Перлматтера грабили четыре раза.

Не могу сказать, как долго просидел я над раскрытой

газетой. Сидел и думал о том, сколько же выпил капитан военно-морских сил США Роберт Эф. Эймс до того, как вместе с матерью Конни Майзель решил ограбить винный магазин и пристрелить его владельца, сорокадевятилетнего Эмануэля Перлматтера. А потом начал гадать, на что они потратили добытые семьдесят пять баксов.

Артур Дэйн уважал точность. Он прибыл к моему дому в юго-восточной части Четвертой улицы ровно в два часа дня. Может, на минуту раньше. В темно-синем костюме с чуть заметной красной полоской, белой рубашке, красно-синем галстуке-бабочке. Впервые я видел его в галстуке-бабочке. Мне показалось с ним мистер Дэйн выглядит несколько фривольно.

Он оглядел мою гостиную и чуть кивнул, как бы показывая, что ничего иного он и не ожидал. Затем сел в кресло, которое я полагал своим, и положил ногу на ногу. Блеснули его начищенные черные туфли.

— Вы сказали, что нашли что-то очень важное.

Я кивнул.

— Хотите кофе?

Он покачал головой.

— Может, виски?

— Не хочу. Так что вы нашли?

— Я знаю, чем Конни Майзель держит сенатора Эймса.

Это его проняло. Если раньше его правая нога лежала на левой, то теперь он поменял их местами.

— Чем же?

— Четырнадцатого августа одна тысяча девятьсот сорок пятого года, в День победы, Роберт Эф. Эймс, только что демобилизованный из военно-морских сил, и мать Конни Майзель, Гвендолин Рут Симмс, ограбили винный магазин и застрелили его владельца, некоего Эмануэля Перлматтера. Мать Конни Майзель попросила своего давнего лос-анджелесского приятеля отправить оружие убийства дочери после ее смерти. Вероятно, к револьверу прилагалось письмо, объясняющее, что все это значит. Письма я не нашел. А вот револьвер ви-

дел.

— Когда? — спросил Дэйн.

— Этой ночью. Вернее, ранним утром. Я побывал в квартире сенатора.

По выражению лица Дэйна я понял, что он мне не верит.

— Проникнуть в квартиру сенатора не так-то просто.

— У меня были ключи.

— Где вы их взяли?

— Из руки Луизы Эймс. Вчера. Когда вы разговаривали по телефону.

— Конни Майзель шантажировала его, — после короткой паузы изрек Артур Дэйн.

— Шантажирует до сих пор, — поправил его я.

— И живет с ним, — добавил Дэйн.

— Она еще не довела дело до конца.

— По-вашему, она еще не получила то, что хотела?

— Совершенно верно. Теперь, после смерти жены, сенатор очень богат. Исходя из того, что вы мне говорили, после его смерти Конни Майзель получит все. То есть примерно двадцать миллионов долларов.

— Вы правы. Она получит примерно двадцать миллионов, — Дэйн помолчал. — Этот револьвер, который вы видели. С чего вы взяли, что именно из него убили владельца винного магазина?

— Я ничего не знаю наверняка. Это всего лишь догадка.

Моя версия основана на догадках. Но выстраивается четкая цепочка событий. Все сходится.

— Вы уже рассказали полиции? Синкфилду?

Я вздохнул, покачал головой.

— Нет, тут возникли некоторые трудности.

— Какие же?

— Когда этим утром я изображал взломщика, Конни Майзель вернулась домой.

— Она вас видела?

Вновь я покачал головой.

— Нет, потому что ублажала Синкфилда на диване в гостиной.

Дэйн улыбнулся.

— Будь я проклят!

— Вот-вот.

— Да уж, у вас действительно возникли трудности.

— Может, мне обратиться к его напарнику? — спросил я.

— Напарнику Синкфилда?

— Совершенно верно.

— Вроде бы, он хороший коп.

— Так что, позвонить ему и пригласить сюда?

Дэйн не выхватил пистолет. Просто сунул руку, как мне показалось, во внутренний карман, и достал пистолет, точно так же, как обычно достают сигару.

— Я надеюсь, вашей сожительницы нет дома. Как и ребенка.

— Перестаньте. Зачем вам пистолет?

— Чтобы убивать людей, — он быстро огляделся. — Куда ведет эта дверь? В стенной шкаф?

— В ванную с туалетом.

— Туда, — скомандовал он.

— Только не пытайтесь и теперь обставить все, как самоубийство, — предупредил я. — Ничего не получится.

Дэйн усмехнулся.

— Вы думаете, что до всего докопались, так?

— Это не составило труда. После того, как Глория Пиплз рассказала мне, что Джонас Джонс проник в квартиру сенатора с помощью тех же ключей, что и я. Должно быть, он рассказал Луизе Эймс о газетной вырезке, а та сумела сложить два и два. Потом она ввела вас в курс дела; вероятно, по телефону, вы приехали, убили обоих и позаботились о том, чтобы все выглядело, как убийство-самоубийство. После чего вернулись в Вашингтон и заглянули на огонек к Конни Майзель. Она стала бы вашим алиби, если б вам таковое потребовалось. А вы — ее.

— И что подтолкнуло вас к такому выводу? — в голосе Дэйна слышалось любопытство.

— Пистолет, который вы наставили на меня. Хотите, чтобы я рассказал остальное?

- Нет. Просто зайдите в ванную. Чтобы выстрел не побеспокоил соседей.

Я, однако, продолжал говорить.

— Вы также убили дочь сенатора и Игнатия Олтигби.

— Я?

— Разумеется. Вы убили Каролин Эймс, потому что она, скорее всего, подслушала разговоры Конни с сенатором. Делать это она умела. И еще записала некоторые из них на пленку. Я думаю, на ту же пленку попали и ваши телефонные беседы с Конни Майзель. Короче, она узнала, что Конни Майзель и вы шантажируете сенатора. Поэтому вы и убили ее, заминировав "дипломат". Кто поменял "дипломаты"? Конни?

— Я сказал, в ванную, Лукас.

Я не двинулся. Остался на диване.

— Вы же специалист по взрывным устройствам, не так ли, Дэйн? Проведя столько времени в ФБР и ЦРУ, вы знаете, как смонтировать бомбу в "дипломате"? И стрелять из любого вида оружия вас там научили. Так что попасть с двадцати пяти футов в человека на темной улице для вас суший пустяк. Бедный Игнатий. Мать отправила ему письмо, в котором написала об американском сенаторе, в свое время ограбившем винный магазин и убившем его хозяина. Это все, что она могла сделать для сына. Подумала, что он сможет заработать на этом немного долларов. Но доказательств он от нее не получил. Может, потому что был наполовину черный, а мать действительно не любила черных. Так что, кроме письма у него ничего не было. Игнатий, наверное, потратил свои последние деньги на билет до Вашингтона, но судьба столкнула его с дочерью сенатора. Думаю, произошло это случайно, но рано или поздно он бы все равно встретился с ней. Игнатий, однако, так и не решил, как использовать имеющийся у него компромат на сенатора. И все еще пребывал в раздумьях, когда Каролин Эймс убили. Игнатию это не понравилось. Он знал, почему она умерла, ибо Каролин оставила ему дубликаты магнитофонных записей и своего дневника. Должно быть, он полюбостествовал, а

что, собственно, ему оставлено, и пришел к выводу, что ему это не по зубам. Поэтому он принял решение продать все мне за пять тысяч баксов и бежать из Америки. Вы же следили за ним и убили у моего дома.

— Если вы хотите умереть на этом диване, Лукас, меня это вполне устроит, — процедил Дэйв.

С лестницы донеслись какие-то звуки. Будто кто-то спускался по ступеням. Дэйв оглянулся. Глупыш, наш кот, решил прогуляться, то ли к своей миске на кухню, полакомиться "пурина чу", то ли к своему ящику, справить нужду. Я бросил в Дэйва тяжелую пепельницу. Она угодила ему в левое плечо.

Затем воспользовался кофейным столиком, как трамплином, и взмыл в воздух. Дэйв это заметил и отступил в стороны, слишком проворно для мужчины сорока шести лет с заметным брюшком. Он ударил меня по лицу, пока я еще летел. Приземлился я на пол, не задев его. На руки и колени. Глупыш потерял о мою левую руку. Я поднял голову. На губах Дэйва играла улыбка. Дуло пистолета нацелилось на меня. Я же смотрел на пистолет и думал, что умирать мне ужас как не хочется, но повлиять на что-либо я бессилен.

— Полиция, Дэйв, — раздался грубый мужской голос.

— Не двигаться!

Дэйв не подчинился приказу. Круто развернулся и успел выстрелить до того, как первая пуля ударила ему в живот, а вторая снесла чуть ли не всю правую половину лица. Он не выронил пистолет. Упал на колени, посмотрел на лестницу, попытался поднять руку с пистолетом, но третья пуля пронзила ему шею над галстуком-бабочкой. Вот тут он рухнул на левый бок и затих.

Лейтенант Дэвид Синкфилд не спеша спустился по ступеням, сопровождаемый своим напарником, Джеком Проктером. В руке он все еще держал револьвер. Как и Проктер. На лице Синкфилда отражалось недовольство.

— Он ни в чем не сознался.

— Сознался, уверяю вас.

— В чем же?

— Он признал, что хотел меня убить.

Глава 27

Синкфилд первым подошел к сотруднику службы безопасности "Уотергейта".

— Мы собираемся подняться к сенатору Эймсу. И не хотим, чтобы его предупредили о нашем визите.

Охранник кивнул.

— Нет проблем, лейтенант. Проходите.

В кабине лифта Синкфилд повернулся ко мне.

— Я знаю, что допустил ошибку, взяв вас вместо Проктера.

— Она же ваша пассия.

— Вам не следовало упоминать об этом при Проктере.

— Я в этом не уверен. Ваш поступок вызвал у него восхищение.

— Но уж другим-то говорить не надо.

— Пожалуй, вы правы.

Проктера мы оставили у тела убитого Артура Дэйна. И уехали, как только к дому, в вое сирен, подкатили две патрульные машины, несколько оживив скучную жизнь моих соседей. Проктер хотел поехать с нами, но не стал спорить, когда Синкфилд попросил его остаться. Лишь подмигнул своему начальнику.

— На этот раз, Дэйв, тебе бы лучше не снимать штаны.

— Да, — кивнул Синкфилд, — лучше не снимать.

— Знаете что? — спросил он меня по пути к "Уотергейту". — Что?

— Я все думаю, кто кого нашел.

— Она первой обратилась к Дэйну.

— Откуда вы это знаете?

— Я не знаю. То есть не могу этого доказать. Но инициатива исходила от нее, в этом я не сомневаюсь.

— А с чего вы решили, что Дэйн работал с ней в паре? Интуиция?

— Кто-то должен был с ней работать.

— Но почему вы поставили на него? Разве он оставил какие-то бросающиеся в глаза улики?

— Такие, как он, улики не оставляют. Единственная улика, указывающая на Дэйна — его профессионализм. Если кто-то и мог нанять в Лос-Анджелесе лесбиянку, чтобы та убила меня, так это Дэйн. Если кто-то и мог установить в своем гараже мину в "дипломат", так это Дэйн. Если кто-то мог обставить двойное убийство, чтобы выглядело оно, как убийство-самоубийство, так это Дэйн. Вы говорили с шерифом округа Толбот?

— Этим утром. По его словам все экспертизы указывают на то, что налицо убийство-самоубийство. Все сходится до последних мелочей. Он даже сказал, что уже готов закрыть это дело. Я говорил с ним после вашего звонка, поэтому попросил его повременить с вынесением решения.

— Интересно, какую долю намеревался получить Дэйн? — спросил я.

— До или после убийства сенатора?

— Вы думаете, следующим был бы он?

Синкфилд кивнул.

— А кто же еще.

— Может, Дэйн работал авансом. Чтобы они могли поделить все двадцать миллионов.

— Шестое чувство подсказывает мне, что этого нам не узнать никогда, — заметил Синкфилд. — Она-то нам ничего не расскажет.

— Как вам удалось заманить ее в постель? — спросил я. — Спрашиваю из чистого любопытства.

Синкфилд посмотрел на меня. По взгляду чувствовалось, что ему меня жаль.

— Вы хоть ко мне приглядывались?

— Конечно.

— А к ней?

— К ней тоже.

— Так кто кого уложил в постель? — он раскурил новую сигарету от бычка, последний выбросил в окно. — Теперь, конечно, я могу сказать, что трахал ее лишь для того, чтобы завоевать ее доверие и вызнать информацию, необходимую для завершения расследования. Вы со мной согласны?

- Конечно, можете.
- Но вы мне не поверите.
- Нет. Полагаю, что нет.

— Я вас не виню. А потому скажу вам правду. Я оттрахал ее, потому что она мне это позволила, а другого шанса лечь на такую женщину мне не представится, доживи я хоть до ста лет. А если бы вы видели мою жену, то поняли бы, о чем я толкую.

— Конни Майзель может это использовать, знаете ли.

— Как?

— На суде, когда до этого дойдет.

Синкфилд одарил меня еще одним, полным жалости, взглядом.

— Вы же не думаете, что дело дойдет до суда, не так ли? — А вы?

Он покачал головой.

— Никакого суда не будет.

Конни Майзель пригласила нас в квартиру. Открыв дверь, она улыбнулась Синкфилду, кивнула мне и провела нас в гостиную.

— Смерть жены очень огорчила сенатора, — сообщила она нам. — Он просто в шоке.

— Когда похороны? — полюбопытствовал я.

— Завтра. Приглашены только самые близкие люди.

— Пригласите его сюда, — попросил Синкфилд.

— Он ужасно расстроен.

— Он расстроится еще больше, когда услышит то, что я хочу ему сказать.

Конни Майзель была в черном свитере и черных слаксах. Вероятно, по случаю смерти жены сенатора. В черном она выглядела очень сексуально. Впрочем, сексуально она выглядела в любой одежде. Для меня Конни Майзель олицетворяла секс. Она мне не нравилась, я видел, что она умнее меня, и не мог из-за этого не тревожиться, но я мог понять, какие чувства испытывал к ней Синкфилд. Я мог его понять, а потому ревновал.

Конни Майзель с любопытством взглянула на Синк-

филда.

— А что вы хотите ему сказать?

— Во-первых, Дэйн мертв. Я застрелил его этим утром.

Она смогла бы стать превосходной актрисой. Ни единая черточка не дрогнула на ее лице, за исключением глаз. Она мигнула.

— Вы говорите про Артура Дэйна?

Синкфилд кивнул.

— Можете не сомневаться. Артур Дэйн, частный детектив. Вам бы лучше позвать сенатора.

Конни Майзель пристально посмотрела на Синкфилда.

— Да, пожалуй, лучше его позвать.

— Что вы собираетесь делать? — спросил я, как только она вышла из гостиной.

Синкфилд мрачно усмехнулся.

— Вы смотрите, и все увидите сами.

— Хорошо, буду смотреть, — пообещал я.

Сенатор вошел, едва волоча ноги. Глубокий старик, в твидовом пиджаке, рубашке без галстука, серых брюках. Конни Майзель поддерживала его под локоть.

— Добрый день, сенатор, — поздоровался Синкфилд.

Эймс кивнул лейтенанту.

— Вы хотели меня видеть?

— Мы поймали человека, который убил вашу жену. Я застрелил его этим утром. Он мертв.

Экс-сенатор растерянно огляделся.

— Я... я думал, что он покончил с собой. Мне сказали, что он застрелил Луизу, а потом совершил самоубийство.

— Нет, — качнул головой Синкфилд. — Вашу жену убил другой человек. По фамилии Дэйн. Артур Дэйн. Частный детектив, который работал на вашу жену. Он убил их обоих.

Эймс нашел кресло, рухнул в него. Посмотрел на Синкфилда.

— Но она все равно умерла, не так ли? Я про Луизу. Она все равно мертва.

— Сенатор?

— Да?

— Все кончено. Я подчеркиваю, все. Вам больше не нужно притворяться. Мы знаем о том, что произошло в Лос-Анджелесе в одна тысяча девятьсот сорок пятом году. Мы знаем, что вы убили там человека. Перлматтера.

Сенатор перевел взгляд с Синкфилда на Конни Майзель. — Я не думал, что все так обернется. Честное слово, не думал.

— На твоём твоём месте, дорогой, я бы молчала.

Сенатор покачал головой.

— Они все знают. Какая разница, буду я молчать или нет, — он посмотрел на меня. — Френк Сайз за это ухvatится, не так ли, мистер Лукас? История о том, как в молодости я напился пьяным и застрелил человека.

— Это не по его части, — ответил я. — Такое случается ежедневно. Его интересует то, что произошло потом. Вы молчали после гибели Каролин, которая узнала, что вас шантажируют. Вы молчали, когда Игнатия Олтигби застрелили прямо на улице. Ваше молчание стоило жизни вашей жене и тому симпатичному парню, что жил с ней. Но истинная находка для него — Конни Майзель, которая вас шантажировала. Скажите мне, сенатор, каково жить в одной квартире с шантажисткой?

Эймс посмотрел на Конни Майзель.

— Я люблю ее. Вот и все, что я могу вам ответить, мистер Лукас.

Она улыбнулась Эймсу, затем с улыбкой повернулась к Синкфилду.

— Вы арестуете сенатора, лейтенант?

— Совершенно верно, — кивнул Синкфилд. — Считайте, уже арестовал.

— А почему вы ничего не сказали ему о его правах?

Разве вы не обязаны сказать ему об этом?

— Он знает свои права. Вы знаете свои права, не так ли, сенатор?

— У меня есть право молчать, — ответил сенатор. —

У меня есть право...- он взглянул на Синкфилда и вздохнул. — Я знаю свои права. Давайте с этим покончим.

— Мы отнимем у вас еще пару минут. Мне кажется, вы не все поняли, — он мотнул головой в сторону Конни Майзель. — Она работала в паре с Дэйном. Держала вас под контролем, а Дэйн убивал лишних свидетелей. Сначала вашу дочь, потом ее дружка, наконец, вашу жену и этого Джонса. Дэйн убил их всех. Вы изменили свое завещание, сделав ее вашей единственной наследницей. Как ей удалось заставить вас пойти на это?

Сенатор покачал головой.

— Тут какая-то ошибка. Я сам пожелал изменить завещание.

— Разумеется, сами. И возможно, прожили бы еще месяц или год-другой. Когда на кон поставлены двадцать миллионов долларов, торопиться не с руки. Они могли бы и подождать.

Эймс вновь посмотрел на Конни Майзель.

— Он лжет, не так ли?

— Разумеется, лжет.

Эймс просиял.

— Я так и думал. Я убил человека, лейтенант. Давным давно. Теперь я готов за это ответить.

— Это прекрасно,— воскликнул Синкфилд.— Чудесно и удивительно.

— Оставьте его в покое, — бросила Конни Майзель.

— Как скажете, — Синкфилд отвернулся.

Я же наблюдал, как Конни подошла к креслу сенатора, опустилась на колени. Он посмотрел на нее и улыбнулся. Она погладила его по щеке. Наклонила голову так, чтобы ухо оказалось на уровне ее рта. Что-то прошептала. Лицо Эймса посерело, затем стало мертвенно бледным. Рот приоткрылся, он вытаращился на Конни Майзель.

— Нет. Это невозможно. Абсолютно невозможно.

— Но это так, — мягко возразила она.

— Тебе следовало сказать мне об этом. Почему ты все скрыла от меня.

Он поднялся.

— Так уж получилось.

— Святой Боже, — простонал он. — Святой Боже, — он повернулся к Синкфилду. — Вы позволите покинуть вас на минутку, лейтенант? Мне надо кое-что взять в кабинете.

— Конечно, — кивнул Синкфилд. — Но вам придется поехать с нами в участок, сенатор.

Эймс кивнул.

— Я знаю, — он оглянулся. Долго смотрел на Конни Майзель, а затем, шаркая ногами, пересек гостиную, вошел в кабинет и закрыл за собой дверь. Почти тут же раздался выстрел. Я в это время не отрывал глаз от Конни Майзель. При звуке выстрела она улыбнулась.

Глава 28

Синкфилд первым влетел в спальню. Я последовал за ним, Конни Майзель — за мной. Эймс сидел за столом. Закинув назад голову. Он выстрелил себе в рот. Зрелище было не для слабонервных.

Библия лежала на столе. Библия-шкатулка, открытая и пустая. Я обошел стол. Револьвер выпал на ковер из безжизненно свисающей руки Эймса. Тридцать второго калибра, с укороченным стволом. "Кольт", с перламутровой рукояткой. Перламутр искусственный, подумал я.

Синкфилд шагнул к Конни Майзель. Наклонился. Их лица разделяло лишь несколько дюймов.

— Что ты ему сказала? — он едва сдерживался. Я видел, как набухли вены на его шее. — Что ты ему сказала, чтобы заставить его отправиться на тот свет?

Конни Майзель улыбнулась. Подняла руку, коснулась щеки пониже левого уха. Провела пальцем по скуле, затем постучала по подбородку.

— Повежливее, лейтенант. Повежливее. Не забывайте, что вы говорите с двадцатью миллионами долларами. Двадцать миллионов долларов не любят, когда на них нападают.

— Что вы ему сказали? — повторил Синкфилд едва ли не шепотом.

— Разве вы не знаете? — встрял я.

Он посмотрел на меня.

— Нет, не знаю. Я не знаю, что такого она могла сказать, чтобы он ушел в кабинет, сунул револьвер в рот и нажал на спусковой крючок. Я этого не понимаю. Он уже согласился поехать в участок. Он признал, что убил того парня в Лос-Анджелесе. Он же спокойно сидел и слушал, как вы рассказывали ему, почему умерли его жена и дочь. Его это не слишком взволновало. Может, и взволновало, но не слишком. А потом она шепчет ему на ухо пару слов, он встает, уходит в кабинет и стреляется. А вы спрашиваете меня, разве я не знаю, что она ему сказала. Готов заявить честно и откровенно: не знаю. Откуда мне знать?

— Остальное он мог пережить, — продолжил я. — Мог пережить, потому что эти люди умерли, чтобы спасти его от тюрьмы. Дочь, жена. Они умерли из-за его давнего проступка. Но их смерть действительно не слишком взволновала его. Он даже мог жить с женщиной, которая его шантажировала. Почему нет? Если у нее такая внешность. Я бы тоже с ней жил. Да и вы, полагаю, не отказались бы, не так ли, лейтенант?

Он медленно кивнул.

— Не отказался, — у него сел голос.

— И что же, по-вашему, я ему сказала? — улыбаясь, спросила Конни. Улыбка была та же, что и при звуке выстрела. — Вы сказали ему правду. Он не мог сжиться с ней и застрелился. Вы сказали, что вы — его дочь.

— О Господи! — выдохнул Синкфилд.

— Видите. Даже вам это не по нутру, Синкфилд.

— Мне-то что, — буркнул он. — А каково было ему.

— Я не его дочь, — заявила Конни.

— Его, его, — возразил я. — Вы родились в мае сорок шестого. Через девять месяцев после августовского ограбления винного магазина.

— В августе сорок пятого моя мать могла переспать с шестью десятками мужиков.

— Могла, но не переспала. — Откуда вы знаете?

Я пожал плечами.

— Ничего я не знаю.

— Мой отец — Френк Майзель.

— Нет, — я покачал головой. — Френк не мог иметь детей. У него даже есть медицинская справка. Кроме того, он встретил вашу мать, когда вам было три или четыре года.

Синкфилд сверлил Конни взглядом.

— Ты приберегала этот подарочек напоследок, не так ли? Именно так вы хотели отделаться от него. Ты и Дэйв. Сначала шантажировать и спать с ним, потом убить его семью и нанести последний удар, оправиться от которого он бы уже не смог: сказать, что он спал с собственной дочерью.

— Вы арестовываете меня, лейтенант? — с улыбкой спросила Конни Майзель.

Он покачал головой.

— Нет, я вас не арестовываю. Как вы и сказали, теперь за вами двадцать миллионов баксов, а я не из тех, кто арестовывает двадцать миллионов. Толку от этого не будет, доказательств у нас нет. Свидетелей тоже, потому что все они мертвы. Так что арестовывать вас я не буду.

— Кажется, я что-то почувала. Уж не собираюсь ли мы заключить сделку?

Синкфилд кивнул.

— Почему нет?

Конни Майзель победно улыбнулась.

— Сколько, дорогой? Какая цифра промелькнула в твоей голове?

— Половина, — ответил Синкфилд. — Как насчет половины?

Она пожала плечами.

— То есть примерно пять миллионов. После уплаты налогов и адвокатских гонораров у меня останется примерно десять миллионов. По пять на каждого.

— Тебе придется кое-что добавить.

— Что?

— Себя. Я бы хотел, чтобы ты была под рукой, потому что я не знаю никого, кто трахался бы лучше тебя.

Улыбка уже не сходила с лица Конни.

— Тогда мы обо всем договорились, дорогой. Есть, правда, одна маленькая загвоздка.

— Какая?

— Минстер Лукас. Что нам делать с мистером Лукасом?

В руке Синкфилда мгновенно оказался револьвер тридцать восьмого калибра.

— Лукас, — повторил он мою фамилию. — Полагаю, от Лукаса надо избавиться, — дуло его револьвера смотрело на меня. — Но придется все делать по-умному, как учил нас старина Дэйн. Как насчет еще одного самоубийства-убийства? Самоубийца у нас уже есть, — он посмотрел на Конни Майзель. — А мы с тобой будем свидетелями, не так ли?

— Да, — кивнула она. — Полагаю мы можем быть свидетелями... в определенном смысле.

— Подними с пола револьвер, — скомандовал Синкфилд. — Подними карандашом за предохранительную скобу спускового крючка и принеси мне.

Конни взяла со стола карандаш, наклонилась, подняла револьвер тридцать второго калибра и отнесла Синкфилду. Тот взял его левой рукой, предварительно обернув рукоять носовым платком. Затем убрал личное оружие в кобуру и перекинул револьвер из левой руки в правую.

— Надюсь, вы не сердитесь на меня, Лукас.

— На вас — нет.

— Я и понятия не имел, что смогу так легко разбогатеть.

Рот Конни Майзель приоткрылся. Дыхание участилось.

— Покончим с этим, дорогой — прошептала она. — Убей его. Скорее.

— Хорошо, — ответил Синкфилд и нажал на спусковой крючок.

В Конни Майзель он выстрелил трижды. Стрелял он отлично. Первая пуля попала точно в сердце, вторая и третья — в лицо. К тому времени, как она упала на ко-

вер, от бывшей красоты не осталось и следа.

Синкфилд подошел к ней.

— Знаете что?

— Что?

— Я думаю, что действительно влюбился в нее.

Я нащупал рукой кресло, плюхнулся в него. Я дрожал. Дрожал всем телом. Синкфилд посмотрел на меня.

— Да вы дрожите.

— Я знаю. Ничего не могу поделать.

Он обошел стол, присел, перехватил револьвер носовым платком за короткий ствол, рукоять вложил в правую руку сенатора, затем позволил "кольту" выпасть на ковер.

— И что вы намерены теперь делать? — спросил я.

— Все зависит от вас. Сыграете вы со мной в одной команде или нет. Она действительно хотела, чтобы я вас убил. — Я знаю.

— Она бы выпуталась. С двадцатью миллионами долларов она бы выпуталась.

— Возможно.

— Вам это не нравится, так?

— Нет. Совсем не нравится, — признался я.

— Вам совсем не обязательно подыгрывать мне.

— Я знаю.

— И что вы решили?

— Хорошо. Я с вами.

Глава 29

Приведенное ниже письмо было найдено среди вещей Констанс Джин Майзель лейтенантом Дэвидом Синкфилдом. Письмо он нашел в перекладине занавески в душевой:

"Дорогая Конни!

К тому времени, когда ты получишь это письмо, меня уже похоронят, и я хочу, чтобы ты знала, что я любила тебя и хотела помочь тебе.

— Ты, должно быть, удивишься, найдя в посылке револьвер. Этот револьвер появился у меня задолго до

твоего рождения. Я всегда держала его в Библии-шка-
тулке. Ес я купила на какой-то распродаже и решила,
что там очень хорошо что-нибудь спрятать.

Так вот, этот револьвер я и еще один человек, о ко-
тором я тебе никогда не говорила, использовали только
раз. Четырнадцатого августа одна тысяча девятьсот со-
рок пятого года мы ограбили винный магазин и убили
его владельца. Вернее, убил мужчина, с которым я бы-
ла. Мы ужасно напились, потому что праздновали
окончание войны, у нас кончились деньги и спиртное,
мы решили добыть еще, а чем это кончилось, ты уже
знаешь. В старой газетной вырезке ты найдешь все под-
робности.

А теперь я хочу удивить тебя. Звали того мужчину
Роберт Эф. Эймс. Сейчас он сенатор Соединенных
Штатов от Индианы. К тому же, он очень богат!!! Или
его жена. Я читала об этом в газетах и журналах и не-
сколько раз видела его по телевизору.

Но удивить я хочу тебя другим. Роберт Эф. Эймс —
твой настоящий отец. Для тебя это сюрприз, не так ли?
Ты должна найти способ воспользоваться этой инфор-
мацией. Я бы воспользовалась. Клянусь Богом, я искала
возможность заставить его платить мне деньги, но не
сумела, потому что могла подставиться сама.

Вот, дорогая, и все. Больше мне дать тебе нечего, а я
не хотела уходить, ничего не оставив после себя. Будь
хорошей девочкой. А если тебе это не удастся, не забы-
вай про осторожность.

Люблю, целую,
Гвен".

Глава 30

Пятью днями позже Френк Сайз воспользовался лас-
тиком на кончике желтого карандаша, чтобы пододви-
нуть ко мне мой отчет в пятьдесят три страницы. Он
нахмурился, потом покачал головой.

— Для меня тут ничего нет.

— Так уж получилось, — только и мог ответить я.

— Я ничего и не говорю, потрудились вы на славу. Эту Майзель вы приложили, как надо. Особенно мне понравилась та часть о сенаторе, где вы пишете, как он убил ее; а потом выстрелил себе в рот из того самого револьвера, которым пользовался при ограблении винного магазина. Но об этом сообщили уже все средства массовой информации. И читается ваш отчет, как детективный роман.

— У меня сложилось такое же впечатление. Детектив с кровавым концом.

Он вновь покачал головой. На его лице отражалось разочарование.

— Это не мой материал.

— Я написал все, как есть.

Он пожевал нижнюю губу.

— Как же он жил с ней? На что это было похоже?

— Я не знаю.

— А предположить-то можете?

— Думаю, ему нравилось. Думаю, ему нравилось, потому что появился, наконец, человек, который знал, что он сделал в сорок пятом году. Полагаю, это принесло ему немалое облегчение. Думаю, ему нравилось слушаться ее. В сексуальной жизни у него были свои привычки и, она, насколько я ее знаю, позаботилась о том, чтобы они удовлетворялись в полной мере. Кроме того, она частенько приглашала его в кабинет и доставала Библию, чтобы он мог еще раз взглянуть на револьвер и вспомнить, кто тут хозяин. А может, показывала револьвер в качестве наказания, если он вел себя не так, как ей хотелось. Я не знаю. Известно мне лишь одно: местонахождение револьвера не составляло для него тайны.

Сайз продолжал хмуриться.

— Вы уверены, что больше ничего нет? Ничего такого, что не удалось раскопать никому? Может, чего-то об этой Майзель?

— Нет, больше ничего. Вы напечатали три колонки. Полагаю, окупили все расходы.

Он покачал головой.

- Но что эта была за женщина? Эта Майзель.
- Я пожал плечами.
- Обычная девушка, которая решила сорвать большой куш, но потерпела неудачу. На самом финише.
- Мне это ничего не говорит.
- К сожалению это все, что мне известно.
- Вы ничего не оставили при себе?
- Нет, ничего.
- И ничего не забыли?
- Только это. Почти что забыл, — я протянул ему сложенный лист бумаги.
- Что это? — спросил он, разворачивая лист.
- Мое заявление об уходе с работы.
- Перестаньте, Дек, в этом нет необходимости. Я не собирался вас увольнять.
- Я знаю.
- Я наметил для вас новое расследование.
- Нет. Вот это ни к чему.
- И чем вы намереваетесь заняться?
- Еще не знаю. Может, начну преподавать. Историю. Я большой специалист по истории.
- Вы не шутите? И где вы хотите преподавать?
- В Парамант-У.
- Френк Сайз покачал головой.
- Кажется, я не слышал о таком колледже.
- Разумеется, не слышали. О нем мало кто знает.

Перевел с английского Виктор Вебер.

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Уэстлейк ЛАЗУТЧИК В ЦВЕТНИКЕ	5
<i>Перевел с английского А. Шаров.</i>	

Р. Томас ХОЧЕШЬ ЖИТЬ – НЕ РЫПАЙСЯ	215
<i>Перевел с английского В. Вебер.</i>	

(7)

Издательство «Грэгори—Пэйдж».
Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 43, кор. 1.

Сдано в набор 24.02.95. Подписано в печать 03.03.95 г.
Формат 84х108/32. Печать высокая. Гарнитура Таймс.
Бумага типографская. Усл. печ. л. 21.6
Заказ № 2917. Тираж 30000 экз.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга» Роскомпечати.
·127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

